

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГУО ВПО «ЕЛАБУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГБУК «ЕЛАБУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. МАРДЖАНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

МАТЕРИАЛЫ

**IV МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАХЕЕВСКИХ ЧТЕНИЙ**

ТОМ I

1-2 ОКТЯБРЯ 2009 г.

Елабуга
2009

Издание выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № П 319 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Редакционная коллегия:

*Калимуллин А.М. – доктор исторических наук, профессор, ректор ЕГПУ
Разживин А.И. – кандидат филологических наук, профессор, проректор по научной работе ЕГПУ*

Маслова И.В. – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и юриспруденции ЕГПУ

Крапоткина И.Е. – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических, правовых и экономических наук

IV Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. Том I. - Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2009. - 292 с.

ISBN

Настоящее издание представляет собой сборник научных статей, представленных исследователями на IV Международных Стахеевских чтениях, прошедших в ЕГПУ 1-2 октября 2009 г. Материалы содержат широкую исследовательскую проблематику. Авторами статей являются ученые и аспиранты, преподаватели и студенты.

Материалы научного сборника адресованы всем, кто интересуется проблемами гуманитарных наук.

Мнения, высказанные в докладах, отражают личные взгляды авторов и необязательно совпадают с мнением редакционной коллегии.

При использовании информации, представленной на страницах сборника, ссылка на издание и авторов обязательна.

ISBN

© Издательство ЕГПУ, 2009 г.

© Нутфуллин Р.Р. Дизайн и верстка. 2009 г.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е.Е. СОЛОВЬЕВА

Заместитель руководителя исполкома Муниципального образования г. Елабуга

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ IV МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАХЕЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Добрый день, уважаемые участники и гости Четвертых Международных Стахеевских чтений. Позвольте поприветствовать вас от имени главы Елабужского муниципального района, мэра Елабуги Гафурова Ильшата Рафкатовича, руководства исполнительного комитета в нашем древнем городе и в нашем педагогическом университете.

Нынешние Стахеевские чтения проходят в рамках мероприятий, посвященных празднованию Дня университета, который в своих истоках базируется на Елабужском Стахеевском женском епархиальном училище. Основанное елабужскими купцами 111 лет назад, в 1898 году, оно положило начало подготовке учителей в нашем Прикамском крае. Ныне учебное заведение в Елабуге выросло в крупный федеральный вуз, который стал весьма заметным и авторитетным в Российской Федерации учебно-научным центром. Здесь за последние десятилетия сформировалось более двадцати научных школ, ведутся фундаментальные и прикладные исследования. Благодаря наличию университета в городе создается особая интеллектуальная и духовная аура, которую отмечают все наши многочисленные гости, надеюсь, это оцените и вы, участники конференции, среди которых представители рода Стахеевых из Москвы и Туапсе, впервые участвующие в конференции, ученые из более чем 25 регионов Российской Федерации, музейные работники и краеведы.

Приоритетными направлениями научной деятельности ЕГПУ являются фундаментальные и прикладные исследования, инновационная деятельность. Фундаментальные исследования, являясь огромным пластом общечеловеческой культуры, базовой составляющей науки, основой ее развития, создают новые знания о природе, обществе, человеке. Они охватывают естественнонаучные, гуманитарные, общественные дисциплины, математику.

В сфере прикладных исследований разрабатываются проекты по заказам государственных учреждений, предприятий, фирм в рамках хоздоговоров НИР, направленные на эффективное экономическое и социальное разви-

тие предприятий малого бизнеса, подготовку специалистов для особой экономической зоны «Алабуга», сохранение природной среды. По заказу администрации Елабуги и Мамадыша под руководством преподавателей университета проводятся охранно-наблюдательные работы, совместно с производственным объединением ЕлАЗ – охранно-реконструкционные работы на городище, охранно-восстановительные работы на Кирменском некрополе эпохи средневековья.

Стало доброй традицией ежегодное проведение на базе университета научных конференций с участием ученых из столичных и региональных вузов, а также представителей ведущих научных школ ближнего и дальнего зарубежья. Стахеевские, Бехтеревские, Цветаевские Международные чтения своими названиями отражают богатое культурно-историческое наследие края. Стахеевские чтения, проведение которых началось в 1990 году, проходили также в 2003 и 2007 годах с участием потомков Стахеевых, которые ныне проживают в Великобритании, Франции, Австралии, Сингапуре.

Проблематика Цветаевских чтений, которые проводятся раз в два года, актуальна и широка. Ученые-литературоведы и лингвисты исследуют многожанровое наследие поэта в контексте художественной культуры Серебряного века, стремясь постичь многогранный поэтический космос. Имя великого русского поэта, обладая магической силой, собирает в Елабуге самых разных представителей художественной интеллигенции республики, страны в целом.

В 2007 году успешно прошли первые «Бехтеревские Чтения в Елабуге», которые призваны увековечить память известного ученого-земляка и сделать достоянием широкой общественности богатое наследие ученого, создателя научной школы психиатрии, организатора и первого руководителя Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Их проведение является ярким примером тесного сотрудничества, единения сил с Бехтеревским врачебным обществом в Набережных Челнах, которое возглавляет неутомимый труженик, одаренный ученый и практикующий доктор А.Г. Комиссаров.

Регулярно проходят тюркологические конференции с участием ученых из стран Закавказья и Ближнего Востока. Ежегодно на базе университета организуется более 10 научных конференций по профилю его структурных подразделений: философии, педагогике, психологии, точным наукам и информатике, филологическим и историческим дисциплинам.

В ушедшем году, в год 110-летия учебного заведения, прошли XXXI конференция литературоведов Поволжья, IV Международные Цветаевские чтения, «Человек в свете современных социально-философских наук», «Студенты в научном поиске: теория и практика». К юбилею факультетов были приурочены конференции, посвященные актуальным проблемам преподавания и исследования филологических и физико-математических наук в образовательной и высшей профессиональной школах.

И вот теперь Елабуга в четвертый раз объединила вокруг себя всех, кто причастен к широкой династии Стахеевых, а также ученых, занимающихся историей предпринимательства, изучением русской классической литературы, краеведов.

Хочется пожелать всем плодотворной работы, научных дискуссий и выработки перспективных научных направлений в рамках заявленной на конференции научной проблематики.

А. М. КАЛИМУЛЛИН

Ректор Елабужского государственного педагогического университета

СТАХЕЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЕЛАБУЖСКОМ ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТЕ

Международные Стахеевские чтения стали своеобразным научным брендом ЕГПУ. И это не случайно. История учебного заведения берет начало с благотворительного пожертвования Потомственной Почетной гражданки города Елабуги, купчихи Г.Ф. Стахеевой. Построенное на средства Глафиры Федоровны здание епархиального женского училища стало символом служения отечеству, через реализацию высоких просветительских целей – обучения и воспитания молодого поколения.

Педагогическая направленность учебного заведения красной нитью проходит через более чем столетнюю историю учебного заведения.

Сегодня мы рассматриваем стахеевскую тему сквозь призму пристального внимания и заботливого отношения к вопросам педагогического образования. Глафира Федоровна явила императорской России достойный пример пристального внимания и заботливого отношения к вопросам педагогического образования. В 1898 г. она не только пожертвовала полмиллиона рублей на устройство епархиального женского училища, она посвятила себя общественно значимой идее – подготовке учителя.

Сотни преподавателей, трудящихся в вузе сегодня, продолжая педагогические традиции учебного заведения и великий замысел устроительницы училища, готовят учителей для современной российской школы.

Столетие назад епархиальному женскому училищу было присвоено имя Стахеевского. Сегодня историческая память о стахеевых бережно хранится в стенах университета.

Многогранная Стахеевская тема, включающая предпринимательскую, благотворительную, литературную деятельность представителей рода стала направлением научных изысканий многих преподавателей университета. По названной теме (проблеме) защищены докторские и кандидатские диссертации, написаны десятки монографий и научных статей. Научные исследования, предпринятые учеными Елабужского университета позволили восстановить историческую справедливость и вернуть в российскую историю славное имя купцов Стахеевых.

Былая популярность Стахеевых способствует процветанию современной Елабуги. Елабуга, признанная жемчужина купеческого градостроения XIX столетия, притягивает туристов своим неповторимым колоритом. Еже-

годно проводятся десятки экскурсий по купеческой Елабуге, и каждый гость города понимает, словосочетания Елабуга – купеческая и Елабуга – стახеевская как синонимы.

Широкомасштабная благотворительная деятельность Стахеевых, выразилась в строительстве Казанско-Богородицкого женского монастыря, великолепного здания Епархиального училища, елабужских храмов. Можно с уверенностью утверждать, что почти каждое здание, храм, государственное учреждение, учебное заведения Елабуги XIX столетия ощутило на себе благотворную помощь со стороны Стахеевых.

Именные стипендии, членство в различных благотворительных организациях, выделение средств на поддержание отдельных учебных заведений и издание учебной литературы – вот далеко не полный перечень направлений благотворительной деятельности Стахеевых в сфере народного просвещения. В стенах ЕГПУ с 2003 г. возродилась традиция поддержания именной стახеевской стипендией лучших студентов университета.

Культурный рост купеческого рода Стахеевых проявился в появлении в числе его представителей талантливого писателя Дмитрия Ивановича Стахеева. В его многочисленных повестях и романах даются меткие характеристики Прикамского края и типы местных обывателей.

Автор 12-ти томного собрания сочинений Дмитрий Стахеев был хорошо известен российскому читателю последней трети XIX столетия. Глубокий патриотизм, прекрасное знание реалий эпохи не перестают удивлять и современного читателя.

В разные годы Дмитрий Иванович сотрудничал с крупнейшими российскими изданиями, редактировал журналы «Нива», «Русский вестник», петербургскую газету «Русский мир».

Большой ценитель и знаток живописи он оставил после себя десятки искусствоведческих статей. Человек широкой души, огромного таланта и сильной воли таким вошел в литературный процесс и культурную историю России Дмитрий Иванович Стахеев. Памятник русскому писателю Д.И. Стахееву, открытый в октябре 2003 г. на площади перед университетом, свидетельствует о возрождении духовной культуры всей России.

В университете свято чтят память о Стахеевых. В июне 2006 г. в здании ЕГПУ состоялось открытие бюста Потомственной Почетной гражданки города Елабуги, Глафиры Федоровны Стахеевой. Это событие восстановило связь времен, навсегда связало историческое прошлое нашего учебного заведения с его настоящим и будущим.

В этом же году был открыт музей Елабужского купечества, экспозиция которого знакомит гостей университета с историей крупнейших купеческих династий, воссоздает быт и нравы уездного предпринимательства (представителей третьего сословия).

Традицией вуза стало проведение Международных Стахеевских чтений. Первая конференция проходила в июне 1990 г. Цель научного форума рельефно определил в своем поздравительном письме к участникам конференции академик Борис Александрович Рыбаков: «Купечество много содействовало историческому развитию России, и настала пора сказать об этом». В работе Вторых Международных Стахеевских чтений, проходивших в октябре 2003 г. приняли участие потомки купеческого рода Стахеевых из Англии и Сингапура, ученые Москвы, Казани, Вятки, Елабуги. В поле зрения исследователей купеческой темы попал широкий круг вопросов, связанных с жизнью и творчеством известного русского писателя Д.И. Стахеева, деятельностью одной из крупнейших купеческих династий России XIX в. – Стахеевых.

С годами круг рассматриваемых научных проблем, количество и география участников конференции значительно расширились. Третьи Международные Стахеевские чтения, проходившие в июне 2006 г. осветили вопросы торгово-промышленной деятельности российского купечества, их участие в выборных органах городского самоуправления, в формировании инфраструктуры провинциального общества. В качестве одного из исследовательских направлений были избраны лингвистические особенности прозаических произведений Д.И. Стахеева. На конференции были представлены научные школы Санкт-Петербурга, Томска, Барнаула, Тольятти, Ульяновска, Пензы, Ижевска, Казани, Кирова, Набережных Челнов, Елабуги. Гостями Третьих Стахеевских чтений стали потомки Стахеевых из Франции и Австралии.

За годы проведения Стахеевских чтений более 150 ученых, среди которых больше половины докторов и кандидатов наук, выступили со своими научными достижениями в стенах здания, некогда воздвигнутого по инициативе и на средства династии Стахеевых. Символично, что каждый из них внес свой вклад в развитие российской исторической и литературоведческой науки, возвратив из исторического небытия десятки имен и благих начинаний представителей могучего «третьего сословия».

Сегодня в стенах университета пройдут Четвертые Международные Стахеевские чтения. Преломляясь чрез призму современной науки и требований времени стахеевская тема открывает широкие исследовательские горизонты. Круг научных проблем предложенных для обсуждения участникам конференции довольно широк: история российского предпринимательства; законодательное обеспечение предпринимательской деятельности; современная Россия и предпринимательство, микроисторические исследования в области региональной истории, купеческая тематика в произведениях русских писателей и др.

Гостями и участниками IV Международных Стахеевских чтений стали ученые более чем из 25 городов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ульяновска, Екатеринбургa, Львова, Оренбурга, Тулы, Мичуринска, Барнаула, Томска, Туапсе, Ижевска, Уфы, Саратова, Каза-

ни, Кирова, Сарапула, Глазова, Воткинска и др.

Тема научного форума вызвала отклик в Англии и Германии. В оргкомитет IV Стахеевских чтений прислано 80 научных статей, среди которых научные исследования 8 докторов наук, профессоров, десятков кандидатов наук, доцентов, молодых исследователей: ассистентов и студентов, краеведов. Отрадно отметить, что многие аспиранты, принимавшие участие в работе предыдущих чтений и указавшие в разделе «апробация темы» своих авторефератов статьи из сборников Стахеевских чтений, стали остепененными учеными и продолжают с нами научное сотрудничество.

Не прервалась традиция участия в работе Чтений потомков прославленной купеческой династии. Сегодня гостями университета и города стали праправнучка Ивана Ивановича Стахеева Елена Всеволодовна Третьякова и её семья, приехавшие к нам из Туапсе. Свообразным открытием этого года стало знакомство с новыми представителями из рода Стахеевых. Летом 2009 г. университет посетила Ирина Орестовна Солнцева праправнучка Дмитрия Ивановича Стахеева. Ирина Орестовна приехала с супругом из Москвы, чтобы познакомить присутствующих с неизвестными страничками истории рода Стахеевых.

Провинциальную Елабугу и литературную Россию связывают исторические события и имена писателей и поэтов. Назовем только некоторые из них Н.А. Дурова, Романовский, Лозинский. Но самые известных среди этих имен для XIX столетия Д.И. Стахеев, для XX в. М.И. Цветаева. Символично, что сегодня в этом храме науки, некогда построенном на средства купцов-благотворителей, встретились потомки Д.И. Стахеева и поэтического гения XX в. М.И. Цветаевой.

Пожелание Глафиры Федоровны о том, чтобы созданное на её средства учебное заведение носило просветительское значение для всего Прикамского края, нашло воплощение в реализуемом в нашем университете инновационном проекте создания телевизионного образовательного канала и единого образовательного ресурсного центра. Благодаря которому, ученики самых отдаленных уголков нашего региона смогут получать доступную информацию и повышать свой образовательный уровень.

Каждый первокурсник нашего университета с первых дней пребывания в нем знакомится со славным историческим прошлым своего учебного заведения, посещая музей истории университета, в экспозиционном зале которого достойное место занимает история Стахеевского епархиального женского училища. Спустя пять лет уже выпускники ЕГПУ, разъезжаясь в самые отдаленные уголки нашей страны, увозят с собой не только достойные знания и навыки педагогической профессии, полученные в вузе, но память об историческом прошлом учебного заведения, которое более 110 лет достойно служит... служит людям, обществу, России.

Г.Р. РУДЕНКО

Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ СПАССКОЙ ЯРМАРКИ В ЕЛАБУГЕ

Возрождение традиций отечественного предпринимательства становится сегодня все более актуальным процессом. Вызванные общей тенденцией возвращения к «собственным истокам» и востребованностью в социально-экономических условиях развития современного общества, эти традиции представляют все больший интерес в процессе осуществления продуктивного торгово-промышленного развития.

Предпринимательская деятельность в России, как известно, имела свои особенности развития, обусловленные отечественной спецификой развития самой страны. Патриархальные отношения, лежавшие в основе формирования русского государства, определили его быт и социально-экономические отношения на многие века. Важную роль в этом процессе играло уездное купечество, являясь «хранителем» тех этических норм предпринимательской культуры, которые издавна сложились на Руси на основе христианских заповедей. Открытое Петром I «окно в Европу» привело к западному мышлению во всех сферах жизнедеятельности, особо проявлявшемуся в столичных городах. И только уездное провинциальное купечество оставалось верным патриархальным традициям, которые не сломили многочисленные экономические реформы и нововведения. В то же время, вынужденное подчиняться новым условиям, купечество стало вектором прогресса тех экономических отношений, которые превалировали в обществе. История и традиции предпринимательства елабужских купцов – яркое тому подтверждение.

Торговая деятельность известных в Елабуге купеческих династий Стахеевых, Гирбасовых, Ушковых, Черновых, Шишкиных, Бусыгиных подтверждают слова К.Маркса о том, что «купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере общения» [2, с. 290], подразумевающий не только акты купли и продажи, но и функции, связанные со сменой форм товара, транспортировкой товара, их хранением и т.д. Иными словами, со всем тем, что способствует эффективности процесса торговли и получения прибыли.

В этом отношении особо показательна работа многочисленных ярмарок и торжков, которые, по сведениям источников, имели большое значение во

внутренней торговле Вятской губернии. [4, с. 133].

Словарь Владимира Даля определяет ярмарку как «большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями» [5, с. 678]. Однако помимо своей главной функции (места торговли), ярмарки, как организационная форма установления коммерческих связей, играли важную роль в обмене информацией, знаниями и опытом людей, приехавших из различных регионов страны.

Ярмарочная торговля в России имеет достаточно древние исторические корни. «Где двое, там рынок, трое – базар, а семеро – ярмарка». Это изречение, дошедшее до нас из глубины истории, может даже навести на мысль, что даже само слово «ярмарка» русского происхождения.

В 1641 году по указу царя Михаила Федоровича была организована первая Российская ярмарка у стен Макарьевского монастыря, недалеко от Нижнего Новгорода. Среди участников ярмарочной торговли были богатые российские купцы, торговцы из Китая, Индии, Бухары, Ташкента, которые предлагали для продажи меха, шелка, жемчуг, золото, серебро, лён и другие редкие товары. После пожара гостиного двора с 1816 года ярмарочные торги перешли во вновь отстроенный каменный гостиный двор уже непосредственно в Нижнем Новгороде и с 1822 начинает работать Нижегородская ярмарка. В начале XIX века на Руси появляется ещё одна крупнейшая ярмарка – Ирбитская. В 1844 году произошел бурный рост золотодобывающей промышленности в Сибири, что стало мощным импульсом активизации ярмарочной торговли.

Наряду с крупнейшими в то время ярмарками, имевшими всероссийскую известность, действовали и более мелкие розничные, проводившиеся уездных городах. При этом значение последних, судя по статистическим данным того времени, было гораздо выше. Так, по статистике, в 1894 г. в России было проведено более 18 тыс. ярмарок с оборотом 1 100 млн. руб. При этом именно на мелкие розничные (привоз товаров до 10 тыс. руб.) приходилась основная масса (70 %) всего ярмарочного товарооборота [8, с. 162]. Средние, оптово-розничные, давали еще 25 %. Немногочисленные же крупные оптовые ярмарки, привлекавшие особое внимание, не имели большого значения в этом смысле.

По статистическим данным, в Вятской губернии действовало 16 ярмарок. В Елабуге самой известной была Спасская ярмарка, занимавшая четвертое место по количеству привозимого товара в Вятской губернии (120 000 руб.), и второе место по объемам продаж (90 000) [4, с. 133].

Проводилась Спасская ярмарка в Елабуге первоначально на Соборной площади. На ярмарку товары привозились из 86 городов России. Везли стеклянную и фарфоровую посуду, мануфактуру, знаменитые оренбургские пуховые платки, кустарные изделия... Так, из Казани везли обувь и меха, а также готовое платье, из Павлова (Нижегородская губ.) – кустарные скобяные и

железные изделия. Ну и, конечно же, доминировали на ярмарке местные ремесленники. О масштабах ярмарки красноречиво говорят следующие цифры: в 1873 г. на ярмарке было представлено товаров на 120 700 руб., а продано на 95 000 руб. [6, с. 58]. Примечательно, что в указанном выше 1873 г. в Елабуге торговых людей было больше, нежели в столице Вятской губернии – Вятке. В 1895 г. Спасская ярмарка была перенесена за город. Данные на 1905 г. свидетельствуют, что товара на ярмарке было представлено на 200 000 руб., а продано – на 80 000 руб. По ценам того времени – это огромный оборот. Судите сами, в 1905 г. корова стоила 25 руб., 1 фунт пшеничного хлеба стоил 4 коп., фунт соли – 1-4 коп., фунт сахара – 15 коп. (1 русский фунт = 0,40951241 кг.) [6, с. 69].

Революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война поставили на Спасской ярмарке крест. Весной 1921 г. в уже Советской России X съезд РКП(б) принял решение сменить политику «военного коммунизма», проводившуюся в годы Гражданской войны, на новую экономическую политику (НЭП). Цель НЭПа – восстановление народного хозяйства, разрушенного гражданской войной, и последующий переход к социализму. Именно при НЭПе стало очевидным, что без ярмарок не обойтись, и в 1922 г. в Елабуге была открыта первая при Советской власти ярмарка. Проводилась она уже на площади Революции (бывшая Тюремная площадь перед тюремным замком). В 1922-1923 гг. на площади Революции были выстроены два балагана и четыре корпуса торговых рядов. В 1927 г. на Спасской ярмарке, открывшейся 28 августа и продолжавшейся 8 дней, были представлены 2 государственные торгующие организации, 6 кооперативных, 2 артели и 191 – частная. Вот лишь неполный перечень городов-участников Спасской ярмарки в Елабуге в 1927 г.: Кунгур, Пермь, Свердловск, Ижевск, Сарапул, Нижний Новгород, Кукмор, Набережные Челны, Вятка, Симбирск, Семенов, Павлов, Кострома, Самара... Везли мануфактуру и галантерею, кожаную обувь и валенки, кондитерские изделия, скобяные изделия, посуду, фрукты и даже сельскохозяйственные машины... Именно 1927 г. стал самым удачным по обороту годом: товара было тогда продано на 103 200 руб. при привезенном на 204 236 руб. [7, с. 47]. Спасская ярмарка просуществовала вплоть до 1940 г., после окончания Великой Отечественной войны ярмарка больше не проводилась.

Традиционные российские ярмарки – торги и торжища с неизменным народным весельем, казалось, канули в Лету. С ними люди не просто лишились привычных способов удовлетворения своих хозяйственных нужд. Одновременно для них исчезли среда приобщения к народным обычаям, праздникам с играми, забавами, песнями. В результате был нанесен непоправимый урон национальным традициям. Только с освобождением общества от идеологической зашоренности этот опыт оказался востребованным.

Возрождение ярмарочной торговли в России можно отметить с

1991 года. В 1993 году Всероссийскому акционерному обществу «Нижегородская ярмарка» вручена высокая награда в Мадриде «Арка Европы Золотая Звезда», которая ранее вручалась лишь четырем компаниям планеты: Японии, Германии, Мексики и Испании.

Сегодня ярмарочная торговля в России получила достаточно широкое распространение. Одним из основных преимуществ современных ярмарок является сосредоточение образцов огромного количества товаров, производимых в разных странах. Это дает возможность покупателю в короткое время ознакомиться с существующими на рынке предложениями, получить необходимую консультацию от специалистов, сделать необходимые сопоставления цен и качественных характеристик, провести переговоры и осуществить сделку. При этом покупатель может ознакомиться с товаром в действии, с приемами его работы, областью применения и эффективностью. Эти факторы позволяют ярмаркам занимать особое место в арсенале средств рекламного воздействия, так как представляют широкие возможности демонстрации рекламируемых изделий для установления прямых контактов с непосредственными покупателями и потребителями, а также обеспечивают большую популярность ярмарок и привлекают огромное количество посетителей. А участие в ярмарках является действенным средством коммуникационной политики в международном маркетинге, стимулирующем продажи товаров и услуг, эффективным методом в конкурентной борьбе.

В то же время современная концепция ярмарки зачастую утрачивает свою принадлежность к традициям русских ярмарок. Стремление представить «товар лицом», заинтересовать потенциального клиента зачастую превращает саму ярмарку в элементарный процесс купли-продажи, лишенный эмоционального восприятия ярмарки как праздника, характерного для торжищ прошлых веков.

На этом фоне проведенная в 2008 году в Елабуге Спасская ярмарка стала, на наш взгляд, символом возрождения народной культуры, которая всегда была неотъемлемым атрибутом успешной торговли в России.

Идея возрождения Спасской ярмарки не случайна. В XIX веке Елабуга стала одним из немногих городов Российской империи, которые могли похвастаться проводимыми у себя ярмарками. Шумные, веселые и, естественно, прибыльные для купцов, ярмарки проводились в нашем городе несколько раз в год. Спасская ярмарка, проводившаяся с 15 по 26 августа, пользовавшаяся особой популярностью у елабужан и была приурочена к престольным праздникам в честь Всемилостивейшего Спаса. Время проведения ярмарки – общегородской праздник. Все от мала до велика спешили на ярмарочную площадь: кто товара прикупить, а кто просто поглазеть. Елабужская Спасская ярмарка становилась на определенное время не только торговым, но и культурно-просветительным центром города. Народные гуляния с традиционными орке-

стром, колоколами, каруселями, акробатами, фокусниками и танцорами придавали ярмарке яркость и ощущение своеобразного праздника.

Таким образом, Спасская ярмарка не только позволяла удовлетворить хозяйственные потребности горожан и содействовала формированию новых коммерческих связей, но и осуществляла функции духовного и культурного обмена между городами и губерниями.

Конечно, вновь возобновленная Спасская ярмарка пока не может претендовать на статус центра торговли и предпринимательства края, как в прошлые века. Однако наше стремление к возрождению традиций и обычаев российской ярмарки уже привлекает в наш город огромное количество мастеров народных промыслов со всей России. Так, если в 2008 году на Спасскую ярмарку съехало 160 мастеров, то в 2009 году эта цифра увеличилась почти втрое и составила 415 мастеров из 45 городов России.

В течение 3-х ярмарочных дней на обширной площади – Шишкинских прудах, стадионе «Молодёжный», улицах исторического центра Большой Покровской, Казанской, Набережной, Гассара – велась торговля изделиями декоративно-прикладного и художественного творчества. Все 3 дня на сцене Спасской ярмарки проводились выступления фольклорных и цирковых коллективов, канатоходцев, организована работа национальных подворий и «Города мастеров», широко представлена продукция сельскохозяйственных предприятий.

В этом году на ярмарку приехало в два с половиной раза больше мастеров, которые привезли с собой товара на сумму 8 млн. 500 тыс. рублей. Продукция мастеров декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов была реализована на 3 млн. 200 тыс. рублей.

Мастерам была предоставлена возможность общения друг с другом, установления деловых контактов, проведения круглых столов и мастер-классов. С целью пополнения коллекции будущего Музея декоративно-прикладного искусства в составе Елабужского государственного музея-заповедника мастера и организации – участники ярмарки – передали в фонды Елабужского государственного музея-заповедника около 100 изделий, наиболее ярко характеризующих работу мастера.

Масштабы ярмарки расширяются, и мы искренне надеемся, что дальнейшее развитие ярмарочной деятельности в нашем регионе станет важным моментом в сохранении и популяризации традиций русского предпринимательства как важной составляющей современного экономического развития страны.

Библиография

1. Яковецкий В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 202 с.

2. Маркс К. Капитал. – М.: Политиздат, 1951. – 578 с.
3. Матеріалы по статистике Вятской губерні. – Т. VI: Елабужскій уездъ. – Вятка: Типографія Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, 1890. – 108 с.
4. Статистическое описаніе Вятской губерні. Справочныя сведенія / Сост. Секретаремъ Статистического комитета Н. Спасскимъ. – Вятка: Въ Губернской Типографіи, 1875. – 69 с.
5. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4: Р – V / Владимир Иванович Даль. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2007. – 683, [3] с., 1 портр.
6. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. – Т. IV. – Вятка: Издание Вятского научно-исследовательского института краеведения, 1906. – 109 с.
7. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. – Т. IV. – Вятка: Издание Вятского научно-исследовательского института краеведения, 1928. – 113 с.
8. Шацилло М.К. Социальный облик буржуазии в России в конце XIX века. – М.: Просвещение, 2004. – 342 с.

В.П. БОЙКО

Томский государственный архитектурно-строительный университет

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК ТОМСКИХ КУПЦОВ ИЗ ЕВРЕЕВ И ИХ РОЛЬ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Дальнейшее изучение проблем социально-экономической истории России и отдельных ее регионов имеет несколько основных тенденций: теоретическое осмысление прошлого, накопление фактического материала, исследование частных вопросов, связанных с модернизацией страны и эволюцией ее экономики и населения. Одним из таких аспектов является исследование сибирского купечества, которое было самым мощным фактором становления в крае новых отношений и формирования здесь местной буржуазии. Немаловажное значение в этом процессе имели особенности социального, национального, возрастного и полового состава сибирского купечества.

Одним из первых такого рода проблемами заинтересовался видный сибирский историк Г.Х. Рабинович, который положил начало изучению сибирской буржуазии и подготовил несколько учеников, занимающих ныне ведущие позиции в этой сфере нашей исторической науки. Он определил примерную численность еврейского купечества в сибирских городах, назвал имена крупных сибирских предпринимателей из евреев, их основные интересы и политические настроения. Слабая изученность этой темы и необходимость отдавать дань времени заставляла Г.Х. Рабиновича, с одной стороны, преувеличивать численность еврейской буржуазии, а с другой – наделять ее ярко выраженными сионистскими настроениями [1, с. 70-71].

Более детальное освещение эта проблема нашла свое отражение в трудах В.А. Скубневского, М.В. Шиловского, А.Р. Ивонина, Ю.М. Гончарова, А.М. Мариупольского и некоторых других авторов. Там тема еврейской буржуазии затрагивается попутно, при освещении других проблем, и в этой связи встает вопрос о подготовке обобщающего труда. Большую пользу в этом принесут регулярные конференции по истории евреев в России и Сибири и периодические издания, например, журнал «Диаспоры» [2].

Важность избранной тематики подчеркивается известными двухтомными монографиями Ю.И. Гессена («История еврейского народа в России») и А.И. Солженицына («Двести лет вместе»), где на основе широкого и многооб-

разного источникового материала освещаются особенности жизни и деятельности евреев в России и отдельных ее регионах. Весьма важным наблюдением Ю.И. Гессена стало указание на то, что до середины XIX в. российские губернии должны были быть свободными от евреев, но делались исключения. Например, еврейские фабриканты, купцы и ремесленники, если их искусство представлялось необходимым для общественной пользы, могли быть при соблюдении определенных стеснительных условий переступить за черту оседлости для кратковременного пребывания во внутренних губерниях [3, Т. 2, с. 46]. Стоит ли говорить, что эта льгота была использована многими предприимчивыми людьми для улучшения своего положения, а краткие сроки растягивались на неопределенное время. Вскоре последовало разрешение свободно расселяться по всей России еврейским купцам первой гильдии (1859), а затем купцам второй гильдии (1861). С 1863 г. евреям без учета их гильдейства было разрешено заниматься винокурением в Западной и Восточной Сибири, чем они не преминули воспользоваться, так как «все замечательные специалисты в этой области принадлежали почти исключительно к евреям» [4, Т. 5, с. 622].

В данной статье прослеживаются основные этапы внедрения евреев в некогда монолитное по своему национальному составу сословие томских купцов на протяжении второй половины XIX в. и оценка их роли в хозяйственной и общественной жизни Томска и некоторых других городов. В качестве основного источника берутся списки томских купцов разных лет, хранящиеся в фондах Государственного архива Томской области, материалы периодической печати и источники личного происхождения.

Отметим, что до середины XIX в. в списках томских купцов изредка встречались имена торгующих татар или бухарцев, выходцев из Средней Азии, в середине века появляются немецкие, польские и даже шведские имена людей, которые занимались здесь предпринимательством и вынуждены были в связи с этим вступать в купеческие гильдии. В начале 1850-х гг. в Томске и других городах Западной Сибири еврейских купцов практически не встречалось, причем даже в таких городах, которые потом в шутку называли за большое число купцов евреев «сибирским Иерусалимом» – Каинске и Мариинске. Однако уже с начала 1860-х гг. наблюдался быстрый, если не сказать «взрывной» рост численности купцов из евреев, который был вызван, прежде всего, либерализацией законодательства, позволившего евреям заниматься торгово-промышленной деятельностью вне черты оседлости и вступать в гильдии, общим оживлением российской экономики, ускорением темпов добычи в Сибири золота. Особенно сильно повлияло на рост численности еврейских купцов отмена откупов, когда многие «сидельцы» в кабаках мгновенно становились крупными виноторговцами, владельцами или арендаторами винокуренных заводов.

Обратимся к списку томских купцов за 1860 г.: из 4-х капиталов первой гильдии 3 принадлежало евреям – Каминеру Ананию Михайловичу с сыном Яковом, Хаймович Анне Исаевне с 4 сыновьями и 6 дочерьми, Хотимскому Берко Лейбовичу (3 сына и 3 дочери). Правда, во второй гильдии из 17 капиталов только два принадлежало евреям – Мордуховичу Абелью Абрамовичу и Хотимскому Янкелю Лейбовичу с 5 сыновьями и 3 дочерьми, а в самой массовой третьей гильдии из 71 капитала только 5 принадлежало евреям, налицо активное внедрение еврейских купцов в состав большей частью патриархального томского купечества. Какие основания для этого были? На наш взгляд, основной причиной такого бурного роста было наличие больших средств в семьях еврейских предпринимателей, которые скапливались через нелегальный и полуполегалный бизнес. Объявленная таким капиталам амнистия и возможность легально и законно заниматься прежде запрещенной для евреев деятельностью и вызвала столь резкий скачок в численности еврейских купцов, особенно в высших гильдиях.

В 1877 г. из 19 капиталов первой гильдии 4 принадлежало евреям. В числе их был Федор (Фебус) Иванович Манасевич с 5-летним сыном Иваном и 3 капитала, принадлежавшим клану Хотимских – Маремьяна Гиршевна с 7 сыновьями, Яков Лейбович, с 6 сыновьями и выделившийся из этой семьи 35-летний Миней Яковлевич с 12-летним сыном Иаковом. Во второй гильдии из 122 капиталов 12 было объявлено евреями, что говорит о более широком и основательном их внедрении в экономику города, прежде всего в торговлю вином, галантерейными и бакалейными товарами, содержанием гостиниц, трактиров и распивочных заведений (кабаков и трактиров). Часть еврейских купцов входит с этого времени в местную элиту, их представители становятся не только видными деятелями делового мира, но и общественными и научными авторитетами. К их числу принадлежали Манасевичи, давшие, правда, миру, авантюриста международного масштаба, Бейлины, Фуксманы, Левины, Каймановичи. Их имена встречаются в списках членов городской думы, общественного собрания, других организаций и комитетов. Одними из первых они начинают использовать такое сильное средство для расширения и упрочения своих дел, как реклама. В частных газетах и государственной периодике, каковыми являлись губернские ведомости, в справочной литературе и путеводителях реклама еврейских предпринимателей занимала видное место.

В 1887 г. среди 10 капиталов первой гильдии 2 принадлежало евреям: 40-летнему Гортикову Михаилу (Менделю) Яковлевичу, в семье которого осталась 10-летняя дочь Ревека, и 50-летнему Илье Леонтьевичу Фуксману с такого же возраста дочерью Марией. За десятилетие доля купцов первой гильдии из евреев осталась без изменений (около 20 %), в то время как во второй гильдии наметился рост с 10 до 19 %. Появляются новые имена предпринимателей, которые становятся дельцами общесибирского масштаба. Например,

братья Андрей и Василий Ельдештейны, кроме торговли и ростовщичества, стали владельцами пароходства, Иосиф Абрамович Юдалевич и Яков Аронович Яппо торговлю совмещали с ростовщичеством, Петр Николаевич Кайманович составил с братьями Королевыми «Ростовское товарищество» по торговле вином, чаем, сахаром и доставке грузов, которое стремилось к монополизации этой сферы предпринимательства [5].

Тенденция роста численности купцов евреев сохранилась до конца XIX в. По спискам 1897 г. из 125 юридических лиц, объявивших купеческие капиталы, 27 было из евреев, что составляло 21,6 % всех томских капиталов. Среди почти такого же количества капиталов иногороднего происхождения доля евреев была выше, а, учитывая многочисленность большинства еврейских купеческих семей, доля евреев в общей численности томского купечества была еще выше. Всего в 52-тысячном Томске проживало 3202 чел. еврейской национальности, что составляло около 6 % городского населения [6]. Только малочисленность еврейского населения в Томске и других городах Сибири, запрещение вести торгово-промышленную деятельность на некоторых территориях, например на Алтае, сдерживало в определенной мере рост численности и влияния еврейского купечества в Сибири. Закаленная тяжелыми условиями предпринимательства в черте еврейской оседлости, более образованная и дальновидная, вобравшая в себя опыт более развитого капитализма Европейской России и отчасти Европы, спаянная традиционно крепкими национальными и родственными узами, еврейская буржуазия составляла серьезную конкуренцию складывающейся местной буржуазии, ядром которой являлось купечество.

В конце XIX в. среди сибиряков сложилось мнение, что некоторые города стали во многом еврейскими по составу населения и, особенно, по составу местной буржуазии. В Томской губернии ими стали Каинск и Мариинск, превратившиеся благодаря поселившимся там евреям вмиг из «углубленных в себя и мертвенно молчаливых в крикливые, живые и торговые». Каинск сибиряки справедливо называли еврейским Иерусалимом, и он стал одним из звеньев связи еврейских купцов из Сибири с крупными российскими и зарубежными центрами. Ими организовывалась торговля ценными товарами, прежде всего мехами и золотом, получались кредиты и даже выписывались невесты для местных женихов, так как на местах трудно было ее выбрать без того, чтобы не попасть на родню.

Черты еврейского предпринимательства во многом были сходны с характеристикой российского бизнеса. Купеческую «мудрость» сформулировал один из клиентов провинциального адвоката В. Кроткова: «Плутом жить уж больно совестно, а в пол-плута – самое настоящее дело. С нахрапом в чужой карман не лезь, а только маху не давай – оберешься деньгами» [7, с. 39]. Одним из распространенных занятий евреев стало ростовщичество. Откры-

вать ссудные конторы было разрешено законом, который, однако, ограничивал долю прибыли 6 % годовых, что повсеместно нарушалось. Более того, показывать свою прибыль в несколько раз меньше реальной, как, впрочем, и сейчас, было слишком заманчиво, чтобы удержаться от соблазна. В крупных злоупотреблениях были уличены владельцы ссудных касс в Томске – Мизгер, Ельдештейн и Яппо. Судя по документам, они не были в ладах с законом с момента открытия своих заведений до момента их закрытия в 1897 г., когда правительство отказалось от попыток организовать частный кредит на законных основаниях [8]. Удалось воспроизвести некоторые черты делового облика Якова Ароновича Яппо, который в несколько раз преуменьшил годовую прибыль своей конторы, вынужден был несколько раз судиться со своими клиентами по поводу их обмана, судился и по поводу своего исключения из членов общественного собрания в Томске, что было вполне справедливо и заслуженно.

С внедрением купцов из евреев в деловую жизнь Сибири стали применяться такие способы быстрого обогащения, как лжебанкротство, что было для далекой от цивилизации губернии нововведением. В 1867 г. объявил себя несостоятельным должником томский купец Лейба Хаймович. Его долги Государственному банку и частным лицам превысили 82 тыс. руб., а наличных денег у него в конторе оказалось всего 2,5 тыс. руб. Свое разорение Хаймович объяснял пожаром, уничтожившим его имущество и товары, но при судебном разбирательстве оказалось, что пожар случился за четыре года до объявления банкротства и был ложным, так как часть товаров была заранее перенесена в безопасное место [9, с. 184].

Позднее, в 1883 г., Томский окружной суд признал нарымского купца из евреев Наума Минского несостоятельным должником с обязательством выплатить своим кредиторам по гривеннику (10 коп.) с рубля. Но купец не захотел выполнять решение суда и из города скрылся. Тогда возмущенные кредиторы, среди которых были и соплеменники Минского, подали в суд на апелляцию, и выяснилось, что лжебанкрот продал свой стеклоделательный завод родному отцу за 15 тыс. руб., изделия этого завода – за 1750 руб., заложил принадлежавший ему каменный дом за 20 тыс. руб. и вполне мог расплатиться с должниками не только на 10 %, но и полностью. Дело рассматривалось в Сенате, и в 1888 г. Н. Минский был признан виновным в злостном банкротстве, его отец – в соучастии, а члены конкурсного управления под председательством В.П. Картамышева – в укрывательстве злостного банкротства [10].

Юридическая изощренность еврейских предпринимателей делала их опасными в спорах не только с малопросвещенными местными купцами, но и с профессиональными юристами. В архивах сохранилось дело Томского окружного суда «о бывшем томском окружном стряпчем Вяткине, преданном суду за неправильное заарестование верхоленского купца Моисея Розенбау-

ма». Суть дела сводилась к тому, что купец был посажен в 1876 г. на двое суток под арест в г. Ачинске за то, что он якобы укрывается от исков по приговору Томского окружного суда. Однако дело Розенбаума должно было рассматриваться по таким же обвинениям в Иркутском и Верхоленском суде, и его арест рассматривался как препятствие для осуществления правосудия. В свое оправдание Вяткин представил справку Иркутского суда о том, что Розенбаум «более 20 лет живя в Сибири, постоянно бравирует векселями и долговыми делами, за что беспрестанно подвергался подсудности, уголовным преследованиям и задержаниям» [11]. С трудом Вяткину удалось избежать серьезного наказания, отделавшись административным взысканием, которое отчасти объясняется его неопытностью, так как прошло менее трех лет со дня поступления его на службу.

Иногда опытность в коммерческих делах и житейская изворотливость помогала евреям разоблачать преступления других дельцов. Например, благодаря хитрости и находчивости заведующего винным складом Ф.С. Пастуховой еврея Пейсахова удалось уличить известного томского силача и кулачного бойца Михаила Митрофанова-Сидорова в мошенничестве. Последний приезжал в склад за водкой для собственного трактира на Болоте (район Томска) со своей тарой, которая была намного больше оговоренного объема. Однако никто не осмеливался высказать подозрение, так как за это, зная буйный нрав силача, последовала бы жестокая расправа. Тогда Пейсахов доверительно сообщил, что на базар привезли замечательных карасей, до которых Митрофанов был большой охотник. Тот, естественно, поспешил за покупками, а в это время служители склада в присутствии полиции измерили объем бочонка и обнаружили, что он на полтора ведра больше оговоренного объема (около 18 литров) и трактирщик должен был уплатить 200 рублей за перебор вина [12].

Наиболее крупные предприниматели из евреев часто нанимали весьма квалифицированных и прежде высокопоставленных чиновников, которые попадали в сибирские города по уголовным и политическим преступлениям. Известный русский писатель И.А. Кушцевский в своих записках отмечал, что основу богатства многих сибирских евреев составляла скупка краденного с приисков золота, обчет рабочих на своих золотых промыслах, увольнение приказчиков без выплаты жалованья и другие преступления. Чтобы избежать неприятностей, местные чиновники, особенно полицейские и судейские, щедро и нагло подкупались. Посредниками как раз и выступали их управляющие, которые умели найти общий язык со своими бывшими коллегами. Они исполняли роль ходатаев, адвокатов, управляющих конторой и бухгалтеров, но, в силу утери своего влияния, получали за это небольшие деньги [13]. Сведения о службе известного писателя В.В. Берви-Флеровского (занимавшего до ссылки высокий пост в Сенате) у томского купца первой гильдии Б.Л. Хотимского можно найти в его воспоминаниях «Записки революционера-

мечтателя» и знаменитом труде «Положение рабочего класса в России», что подтверждает такой порядок найма служащих у крупных сибирских предпринимателей.

В этой связи возникает социальный парадокс, связанный с тем, что формирувавшаяся еврейская буржуазия связывала свои надежды не только с расширением своего влияния в деловых кругах, но и с коренным революционным переворотом. На рубеже XIX – XX вв., по мысли известного бундовца М. Рафеса и повторенная затем А.И. Солженицыным, свои чаяния и надежды еврейская буржуазия возлагала на развитие революционного движения. Это было связано, прежде всего, с тем комплексом неполноценности, который возникал у еврейской молодежи в связи с тем, что, несмотря на свою материальную обеспеченность, они чувствовали свою социальную приниженность. Их быстрое обогащение любыми способами не могло вызывать у окружающих одобрения и признания. Оставались многие ограничения для получения евреями образования, продвижения по служебной лестнице, социальный статус евреев оставался на особом положении, чаще всего пониженном по сравнению с другими национальными группами.

Известный революционер Г. Гершуни на суде объяснял: «Это – ваши преследования загнали нас в революцию», а либеральный премьер-министр С.Ю. Витте в 1903 г. отмечал, что, составляя менее 5 % населения России, 6 миллионов из 136, евреи рекрутируют из себя 50 % революционеров [14]. Остается добавить, что в результате таких процессов в революционное движение было втянуто много еврейской молодежи, в том числе и из Томской губернии, представители которой занимали там видное место. Среди них были и организаторы казни царской семьи, руководители карательных органов Советской власти, многие видные государственные деятели. С другой стороны, после революции многие евреи, лишённые возможности заниматься своим основным занятием, торговлей и частным предпринимательством в разных отраслях, вынуждены были искать себе место под солнцем в правительственных учреждениях, что совпало с отменой ограничений селиться в столицах и других крупных городах. Это привело к сильным социальным переменам, изучение которых выходит за рамки нашего исследования, но будут весьма интересны и полезны для дальнейшего понимания нашей отечественной истории.

Библиографический список

1. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск, 1975.
2. См.: Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры. Независимый научный журнал.

- 2000. – № 3. – С. 155-172.
3. Гессен Ю. История еврейского народа в России. – Изд. 2. – М.: Еврейский университет в Москве, 1993.
 4. Еврейская энциклопедия: В 16 т. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913.
 5. Подсчеты и сопоставления сделаны по: Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 1755, 1942; Оп. 3. – Д. 5508, 5994; Ф. 196. – Оп. 28. – Д. 97; Ф. 233. – Оп. 5. – Д. 177, 403, 827 и др.
 6. ГАТО. – Ф. 233. – Оп. 5. – Д. 827. – Л. 1-116; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. – Т. 79: Томская губ. – СПб., 1905. – С. 69.
 7. Кротков В. Новые порядки. Из записок провинциального адвоката // Вестник Европы. – 1875. – № 9. – С. 5-52.
 8. ГАТО. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 599. – Л. 17.
 9. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Изд-во «Водолей», 1996.
 10. Сибирская газета. – 1888. – 24 марта.
 11. ГАТО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 747. – Л. 1-7.
 12. Сибирский вестник. – 1893. – 27 января.
 13. Куцевский И.А. Не столь отдаленные места Сибири (Наброски из воспоминаний ссыльного) // Отечественные записки. – 1875. – № 7. – С. 11-13.
 14. Цит. по: Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. – Т. 1. – С. 237, 239.

Р.Р. САЛИХОВ

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ТАТАРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Главными условиями стабильного существования татарского делового мира в указанный исторический период были его полная «включенность» в правовое поле российского предпринимательства, отсутствие прямой национальной и религиозной дискриминации в профессиональной сфере, возможность конкурентного взаимодействия с русской буржуазией, а также существование особой системы координат в экономической сфере.

Процесс государственной легализации татарского торгово-промышленного класса начавшийся еще в XVII – XVIII веках, в течение XIX столетия пришел к своему логическому завершению. Избирательно протекционистская политика властей, обусловленная геополитическими интересами империи, способствовала возникновению в середине XVIII столетия на восточных окраинах государства богатых татарских городских общин, занимавшихся активной торгово-посреднической деятельностью с Казахстаном и Средней Азией, а также расцвету Казани в качестве крупнейшего в Поволжье и Приуралье мусульманского коммерческого и промышленного центра.

Татарское городское население, благодаря Манифесту 17 марта 1775 года, получило возможность приписаться к новым социальным группам: купечеству, мещанству и ремесленникам. Причем наиболее талантливые и удачливые деловые люди, объявив о наличии определенного капитала, оказывались в престижном купеческом сословии, которое давало им серьезные льготы и открывало хорошие перспективы для коммерческой и промышленной деятельности. Как известно, лица обладавшие капиталом свыше 10 000 рублей записывались в 1 гильдию, от 5 000 до 10 000 рублей во 2 и свыше 1 000 рублей в 3 гильдию. Купцы всех гильдий освобождались от подушной подати, натуральной рекрутской повинности, а представители 1 и 2 гильдии еще и от телесного наказания. Последним также принадлежало право на внутренний и оптовый розничный торг, создание фабрик и заводов и т.д. Кроме того, первогильдейские купцы могли торговать за пределами государства, строить морские и речные суда [1]. Купцы третьей гильдии занимались мелочной торговлей, содержали трактиры, бани, постоялые дворы.

Для богатых мусульман, в силу исторических причин лишенных ка-

рьерной мотивации по государственной службе, такие возможности давали надежду на реальное повышение своего общественного статуса, реализацию творческого и профессионального потенциала. Поэтому не случаен количественный рост татарского купечества в этот период. Так, в Казани в 1798 году в это сословие записалось 32 семейства. Из них 8 семей во вторую, а остальные в третью гильдии [2]. В 1806 году в составе казанского купечества уже числилось 40 семейств: 3 в первой, 14 во второй и 26 в третьей гильдии [3].

Следует особо отметить, что последовательная унификация торговой деятельности татарского населения началась еще в первой половине XVIII века с переводом служилого сословия в разряд государственных крестьян и проекцией на его права общероссийского законодательства о торгующих крестьянах. Ее логическим завершением стал выход сенатского указа от 31 января 1821 года «О распространении положения о торгующих крестьянах на казанских служилых татар, состоящих в окладе казенных поселян», который лишал жителей Старотатарской слободы Казани привилегий и льгот, не соответствующих их правовому статусу и окончательно узаконивал гильдейскую принадлежность татарских предпринимателей [4]. Все это, конечно же, способствовало увеличению численности и укреплению татарского купеческого сословия. Дальнейшее формирование национальной предпринимательской элиты сопровождалось присвоением отдельным ее представителям званий коммерции советника и потомственного почетного гражданина, существенно расширявших их сословные права и привилегии. Звание коммерции советника было введено указом Павла I 27 марта 1800 года за особые успехи в торговле и пребывание в I гильдии непрерывно в течение 12 лет. Оно соотносилось с 8 классом табеля о рангах, уравнивало его обладателя в правах с дворянством и предоставляло общий титул «ваше высокоблагородие». Кроме того, отмеченные данным отличием предприниматели приглашались на правительственные совещания, посвященные вопросам торговли и промышленности. В 1810 году было учреждено звание «мануфактур-советника», присваивавшееся фабрикантам за высокие достижения в суконной промышленности [5]. Однако из числа татарских купцов только лишь братья Ибрагим и Исхак Юнусовы «за оказанные Отечеству заслуги в распространении торговли, засвидетельствованные министром финансов», были удостоены звания «коммерции советника» [6]. Подавляющее же большинство преуспевающих мусульманских предпринимателей получили возможность причислиться в новому сословию потомственных почетных граждан. Установленное Манифестом Николая I от 10 апреля 1832 года, оно давало купечеству дополнительное преимущество: пожизненное и наследственное освобождение от подушного оклада, рекрутской повинности и телесного наказания. Приобретать потомственное почетное гражданство могли те, кто получал звание «мануфактур» или «коммерции советника», награждался государственным орденом, состоял

в 1 гильдии – 10 или во 2 гильдии 20 лет [5, с. 20]. Во многом благодаря последнему условию смогло войти в престижное сословие основное большинство мусульманских коммерсантов и промышленников.

Одним из первых обладателей этого звания стали в 1832 году представители старинной торговой династии Шакуловых из Касимова [7]. В Казани практически одновременно с ними в потомственное почетное гражданство были причислены Ю.А. Арсаев и Г.М. Юнусов. Впоследствии на протяжении нескольких десятилетий его приобрели и ряд других купеческих семей – Адамовы, Азимовы, Апанаевы, Апаковы, Азметьевы, Бурнаевы, Ишимбаевы, Кастровы, Казаковы, Максютковы, Мустакимовы, Усмановы и др. В 1881 году среди купцов-мусульман Казани числилось 14 семей потомственных почетных граждан, что составляло 20 % от общего числа объявивших свои капиталы по 1 и 2 гильдиям [8]. Таким образом, на протяжении всего XIX в. интенсивно формировалась татарская предпринимательская элита, имевшая определенные привилегии и довольно высокий общественный статус, позволявший ей активно работать в сословных организациях и органах местного самоуправления: в городском магистрате, совестном суде, уголовной палате.

Большой опыт управленческой деятельности мусульманские коммерсанты получали на выборных должностях Татарской ратуши, объединявшей купцов и мещан Старой и Новой татарских слобод Казани. Она была учреждена в 1782 году и полностью зависела от губернских и городских властей. В круг ее компетенции входил сбор податей, оформление различных документов, запись в купечество и мещанство, разрешение спорных вопросов и конфликтов, прием и разбор жалоб местного населения, обеспечение казенных работ, проведение выборов в Оренбургское магометанское духовное собрание и др. [9]. В состав ратуши входили Городской голова, 2 бургомистра, 4 ратмана, староста и 2 судьи совестного суда. Как правило, на должность головы избирали купцов 1 гильдии, ярких общественных деятелей, способных организовать финансирование и четкую работу этого органа местного самоуправления. Ратуша, прекратившая свое существование в 1855 году, сыграла важную роль в консолидации мусульманского предпринимательства вокруг решения насущных корпоративных и городских проблем и подготовила почву для его активной и успешной работы в органах местного самоуправления второй половины XIX – начала XX в. [10].

Одним из определяющих условий социальной мобильности татарского торгово-промышленного класса являлась его демократичность, постоянное пополнение городских сословий новыми членами из числа государственного крестьянства. Несмотря на определенные трудности, связанные с получением согласия сельского общества на переход в город, выплату податей в сельском и городском обществе, поиск поручителей из числа купечества и другие бюрократические препоны, государственные крестьяне имели хорошие

возможности для эффективной предпринимательской деятельности и причислению к купеческому сословию [1, с. 211]. Этот процесс усилился в пореформенный период, в эпоху стремительного развития капиталистических отношений, разложения патриархального деревенского быта, создания новой законодательной базы, снимавшей сословные ограничения для занятия торговым и промышленным делом. «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1863 года определяло статус предпринимателя только лишь исходя из суммы уплаченного налога. Купцами 1 гильдии становились коммерсанты-оптовики, промышленники, владевшие предприятиями 1-3 разрядов, заплатившие 500 рублей основного и промыслового налога, во вторую гильдию входили крупные розничные торговцы и собственники промышленных заведений 4-5 разрядов, заплатившие налог от 50 до 500 рублей. Третья гильдия согласно «Положения...» упразднялась. Однако купеческое сословие еще некоторое время сохраняло существенные привилегии, привлекавшие к нему активных и амбициозных представителей торгующего мещанства и крестьянства. Это паспортная льгота, обеспечивавшая свободу перемещения, освобождение от рекрутской повинности (до 1874 г.), подушного налога (до 1887 г.) и др. [1, с. 213-214]. Не случайно, что именно во второй половине XIX века наблюдается количественный рост татарского купечества, появление нового поколения мусульманских предпринимателей, постепенно вытеснявшего со своих позиций прежнюю торгово-промышленную элиту, превратившуюся за почти вековую успешную деятельность в своеобразную национальную аристократию. Так, например, из представителей 32 семей, вошедших в гильдейское купечество Казани в 1798 году, только 6 оставались в этом сословии в 1881 году, тогда как общее количество татарских купцов города насчитывало в данный период уже 72 фамилии. Кроме них, в составе временно записанных в купечество значилось 25 крестьян Казанского, Свияжского, Тетюшского и других уездов Казанской губернии [2, 8]. В г. Оренбурге из 10 мусульманских династий, причисленных в гильдейское купечество в 1836 году, в 1872 году оставались только 2, причем количество купцов за это время выросло ровно вдвое [12, 13].

Таким образом, в конце XVIII – начале XX века татарская буржуазия, переживала активную фазу своего развития. Беспрепятственное и эффективное предпринимательство, постоянное пополнение новыми силами из крестьянства, растущая социальная амбициозность, и как следствие, масштабная и целенаправленная общественная и благотворительная деятельность, объективно заставлявшие учиться и постигать основы передовой европейской культуры, способствовали естественной и эволюционной интеграции некогда замкнутого и отчужденного класса татарских капиталистов в среду общероссийского делового мира.

Библиографический список

1. Шацилло М.К. Эволюция социального облика российского предпринимательства // История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 1999.
2. НА РТ. – Ф. 22. – Оп. 2. – Д. 902. – Л. 90-92.
3. НА РТ. – Ф. 22. – Оп. 2. – Д. 902. – Л. 243-244 об.
4. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. – Казань, 2002.
5. Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 1999.
6. НА РТ. – Ф. 418. – Оп. 1. – Д. 240. – Л. 32.
7. Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Рязань, 2001.
8. НА РТ. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 425. – Л. 1-37.
9. Свердлов Л.М. На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991.
10. Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX вв.). – Казань, 2002.
11. Ульянова Г.Н. Предприниматель: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 1999.
12. ГАОО. – Ф. 368. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 1-8.
13. ГАОО. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 46-Об.

И.О. СОЛНЦЕВА (СТАХЕЕВА)

г. Москва

ДИНАСТИЯ СТАХЕЕВЫХ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Здравствуйтесь, уважаемые господа, почтенные гости, студенты и жители прекрасного города с богатой историей – Елабуга!

Хочу выразить свою признательность и поблагодарить организаторов этой встречи за тот интерес, внимание и уважение, которые проявлены к известному роду Стахеевых. К счастью, как теперь выяснилось со всей достоверностью, к этой знаменитой династии принадлежу и я.

Меня зовут Ирина, моя девичья фамилия – Стахеева, по мужу – Солнцева. Сейчас я живу и работаю в Москве.

И я бы хотела немного остановиться на том, что представляет собой та ветка генеалогического древа, к которой я отношусь. Если исходить из схемы родословной и материалов, любезно предоставленных мне Валеевым Наилем Мансуровичем – министром образования и науки РТ и деканом факультета истории и юриспруденции ЕГПУ – Масловой Ингой Владимировной, можно определить, что моим прапрадедом является Дмитрий Иванович СТАХЕЕВ (1819-1888 гг.), оставивший яркий след в торговой деятельности Прикамья.

Его внуки – Павел (мой дед), Дмитрий, Алексей, Дарья и Александра.

Сестра моего деда – Дарья никогда не была замужем. А у Павла в браке с Екатериной Власовной родились два сына – Юрий и мой отец – Орест.

К моему сожалению, я очень мало знаю о судьбе своего деда, который родился в 1881 г. Но все же по тем фотографиям, которые чудом сохранились в домашнем архиве, мне удалось восстановить некоторые подробности его жизни.

Надписи на фотографиях говорят, что мой дед Павел проживал в разных городах: в Елабуге, Казани, Уфе, Москве и поддерживал с самого детства теплые близкие отношения со своими родными.

В качестве примера приведу только некоторые из надписей:

«Дорогой сестре Д. Стахеевой от П. Стахеева 12 ½ лет».

«Дорогой Шуре от ее брата Павла, 1898 год».

«Дорогой сестре от брата Павла 1901 г. 7-го апр.».

«На добрую память сестре Шуре от брата Павла 1903 г. 9 сен.».

Еще одно фото, сделанное в Казани (год не указан), адресованное тестю, о чем свидетельствует надпись:

«На добрую память, милому Власу Козмичу и милому Коле Любящий Павел Стахеев»

На этом заканчивается мирный этап жизни моего деда – дальше 1-я Мировая и Гражданская Войны и события 1917 г.

Из надписи на одной из фотографий я узнала, что мой дед служил в составе 190-го Очаковского полка.

Мой отец – СТАХЕЕВ ОРЕСТ ПАВЛОВИЧ (родился в 1913 г.) очень мало рассказывал о своей семье. Поэтому я имею только самое поверхностное представление обо всем, что происходило с моими родными в те годы.

А на фото от 1924 г. – папа с братом Юрием. Они пишут своим тетушкам по очереди: «Милым тете Даше и тете Шуре от любящих племянников Юры и Рены».

Папины родители дали ему довольно редкое имя – Орест, и было трудно придумать уменьшительную форму, поэтому в семье его звали Рена.

И еще надпись: «Дорогой Тете Даше и тете Саше посылаем эту карточку. Очень жаль, что другой такой нету, мы бы послали две. Юрий Павлович Стахеев».

От папы я знала, что его брат Юрий умер от туберкулеза. И на одной из фотографий он на больничной койке.

Надпись следующая: «Брату Ренухе на добрую память от «болящего» Юрия. Москва 5/V 1933 г.».

Бабушка – Екатерина Власовна умерла, когда моему папе было всего 15 лет. О причине смерти мне никто не говорил.

У меня сохранился военный билет моего папы, откуда я узнала, что в страшное время сталинских репрессий он был призван Уфимским ГВК на действительную службу в Красную Армию в Уссурийский край на Дальний Восток, где проходил службу с 1936 по 1939 г.

На мои вопросы, где был мой дед все это время, папа ничего определенного не говорил. Единственное, что я с детства для себя уяснила – лучше вообще не касаться этой темы, и запомнила лишь то, что дед умер в тюрьме. Раньше такое объяснение меня устраивало, и лишних вопросов я не задавала. Но в последние годы, когда архивные сведения стали достоянием гласности, я в интернете нашла следующую информацию. Привожу ее дословно:

Стахеев Павел Павлович

Родился в 1881 г., Татарская АССР, русский, образование высшее, б/п., неработающий. Арестован 13 октября 1937 г.

Приговорен: обвинение по ст. 58-10, 58-11.

Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 декабря 1937 г. Реабилитирован 13 декабря 1957 г.

(Источник: Книга памяти Республики Башкортостан)

Тогда я обратилась с запросом в Администрацию г. Уфы по поводу судьбы моего деда, и мне очень быстро прислали ответ, где этот факт подтверждается.

Из этого же источника я узнала, что родной брат моего деда – Дмитрий, жил в Уфе и также был приговорен по статье 58 и расстрелян.

Таким образом, насколько мне удалось узнать, из обширной ветви по линии Дмитрия Ивановича осталась только семья моего папы. Это мама Алевтина Николаевна (родилась в 1918 г.) и мы с братом Александром.

Мои родители вступили в брак в декабре 1939 г. Папа в то время жил в Уфе, работал в художественной мастерской. И хотя у него не было специального образования, он всю жизнь проработал художником-оформителем.

У него был потрясающий художественный вкус, чувство цвета, истинный врожденный талант и «золотые руки». Благодаря этим качествам, он стал уважаемым человеком в городе, с ним считались и советовались.

А еще он почти в совершенстве владел немецким языком, это его спасло во время Второй мировой войны.

Опять же по военному билету мне удалось восстановить события тех лет. В июне 1941 г. он был мобилизован ГВК г. Уфы. А в августе того же года во время боя под г. Великие Луки (Смоленской обл.) попал в плен.

Как это произошло, я узнала скорее от мамы, чем от самого отца. Сначала его переправили в Литву, а затем – в Германию, где он пробыл до самого окончания войны. О том, как ему удалось выжить в плену, нам с братом никто не рассказывал, единственное, что я когда-то слышала, то, что папа бежал из лагеря. Мама его искала, делала запросы во все инстанции.

И когда узнала, что мой отец в Германии, приложила все усилия, чтобы туда поехать, но ей отказали в выезде, т.к. она была близкой родственницей (снохой) репрессированного.

Мама после окончания курсов авиационных механиков работала на заводе, (сейчас это Уфимский машиностроительный завод), а во время войны это были несколько цехов завода, эвакуированного из г. Рыбинска (Ярославской обл.). Невозможно представить, что ей пришлось пережить, работая в холодных цехах, зимой, на Урале. К тому же ей просто не давали спокойно жить – постоянная слежка со стороны НКВД, т.к. ее муж был в плену, а свекор – враг народа. Поэтому, чтобы как-то пережить военные годы, мама уехала в Ташкент.

В итоге, встретиться мои родители смогли только после окончания войны, но не сразу, а в 1947 г., когда моему отцу разрешили покинуть Германию.

К сожалению, возвращаться моим родителям было некуда. Ту квартиру в Уфе, где мой папа когда-то жил со своим отцом давно конфисковали.

Им пришлось скитаться по чужим углам, частным домам и снимать квартиры. Сначала у знакомых в Оренбургской области, где и родился в июне 1948 г. мой брат Александр. А в начале 50-х гг. они вернулись в Уфу, где родилась я.

Папа опять устроился на работу в ту же мастерскую, где работал еще до

войны. Впоследствии она стала называться «Уфимский комбинат торговой рекламы и оборудования» и стал работать художником-оформителем. Там у него остались старые друзья, которым он доверял как себе. Он был заядлым рыбаком, не мог жить без природы Башкирии, друзей, рыбалки, книг и работы.

Если приехать в Уфу, то еще до сих пор можно увидеть на торговых центрах, ресторанах, гостиницах вывески с названиями, оформленные по его эскизам.

Наши скитания по частным домам и квартирам продолжались долгие годы.

Бесконечные переезды с места на место на всю жизнь врезались мне в память. Получить квартиру не было никакой возможности. В постановке на очередь папе все время отказывали.

По месту работы ничего в то время не строилось, да он никогда бы ничего и не стал добиваться и просить, мой отец был очень скромным и сдержанным человеком.

К тому же, как выяснилось намного позже, сразу же после возвращения в Уфу один из его друзей-художников, с кем папа работал, был тайно приставлен к нему для слежки и постоянно писал доносы в КГБ.

Папа в таких условиях просто боялся за свою семью. Он прекрасно отдавал отчет, что в его положении лучше быть в тени.

И только в конце 60-х годов, благодаря усилиям моей мамы, нам удалось получить 2-х комнатную квартиру.

До 1985 г. наша семья жила в Уфе. К этому времени произошли изменения и в нашей семье, и в стране.

В 1977 г. я окончила Уфимский нефтяной институт по специальности «Экономика и организация нефтяной и газовой промышленности».

Мы с братом обзавелись своими семьями. У него появился сын Максим, 1979 г.р., а у меня в 1983 г. родился сын Станислав.

В стране началась перестройка. Саша уехал работать на Север, строил г. Когалым. А я с родителями и маленьким ребенком, обменяли нашу уфимскую «хрущевку», и уехали жить на Украину.

Родители по своей наивности думали, что жить можно везде, тем более, что тогда это была одна страна. Но, оказалось, что привыкнуть к чужому городу было невозможно. В Уфе остались знакомые, друзья, с этим городом связана вся наша жизнь. Папа и там тоже стал работать художником. В том городке, в Луганской области, его многие знали. И хотя он не подавал виду, мы понимали, что он очень тяжело переживает отъезд из Уфы.

А после событий 1991 г., когда произошел полный распад СССР, не осталось никакой надежды на возвращение в Уфу. Родители уже были в преклонном возрасте, и куда-либо трогаться с места не было ни сил, ни средств.

К тому же нам всем автоматически было присвоено Украинское гражданство.

В январе 1994 г. Ореста Павловича Стахеева не стало. Он умер во сне от инфаркта.

В августе 2003 года умерла и моя мама. Мои родители похоронены на Украине в г. Лисичанск Луганской области.

После их смерти меня уже ничто не держало на Украине. Единственным препятствием для выезда из этой страны был украинский паспорт. Но благодаря моему мужу – СОЛНЦЕВУ Сергею Анатольевичу, мне удалось восстановить Российское гражданство и наверно, навсегда поселиться в Москве.

Мой сын Станислав окончил юридический факультет одного из московских вузов и вернулся жить на Украину. Брат Саша пока на Севере, но жить ему там с каждым годом все труднее. Ему уже 61 год.

Уважаемые господа! Я очень рада, что мне представилась возможность встретиться здесь с людьми, которые принимают искреннее участие в судьбе тех, кто еще остался из нашей знаменитой фамилии. Огромная благодарность всем, кто организовал эту встречу.

Е. В. ТРЕТЬЯКОВА

г. Туансе

ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОЙ СЕМЬЕ

Мое знакомство с династией Стахеевых началось осенью 2006 года. Пребывание в Елабуге в те дни было поистине удивительным. Прежде всего, поразил сам город: тихий, цельный и такой одухотворенный. Здесь все пронизано любовью к предкам и их делам, бережным и трогательным отношением к истории.

Хочется выразить огромную благодарность от меня и моей мамы, Елены Всеволодовны, елабужанам за то, что чтят и помнят Стахеевых. Огромное спасибо Наилу Мансуровичу Валееву за титанический многолетний труд в научном исследовании жизни и деятельности купеческой династии Стахеевых, приоткрывший для нас двери к собственным корням. Для моей семьи – это не только история, исторические факты, но и, прежде всего, жизненный ресурс, внутренняя сила. Мы бесконечно благодарны Инге Владимировне Масловой, связавшей свою профессиональную деятельность с изучением жизни купцов Стахеевых.

По воле обстоятельств той же осенью я встретила с Питером Карсоном, сыном Татьяны Петровны Карсон (Стахеевой) в Лондоне. Состоя в родстве, мы все же представители разных культур: говорим на разных языках, у нас разные привычки, уклад жизни, но, несмотря на это, нас тесно связывает общий неподдельный интерес к истории предков, нас тесно связывает Елабуга. Питер поделился со мной воспоминаниями – записями Татьяны Петровны. Они удивительны своим красочным и детальным описанием той обстановки, которая окружала ее в детстве и подростковом возрасте. Она описывает самые мелкие детали: во что были одеты герои ее воспоминаний, внешний вид домов, расположение комнат в них, пейзажи окрестностей. Подробно рассказывает о времяпровождении, занятиях детей в ее семье, об их отношении друг к другу, о взаимоотношениях со служащими, что дает возможность погрузиться в атмосферу того времени и глубоко прочувствовать ее. Записи Татьяны Петровны, прежде всего, предназначены ее англоязычным потомкам, именно поэтому она поясняет некоторые вещи, которые не требуют толкований для русского человека.

Меня поразило, насколько содержательной, насыщенной и разносторонней была жизнь детей Стахеевых. Не торопясь, они успевали все: получить фундаментальное образование, изучить языки, развиваться физически. Мне кажется, именно такое образование, жизненные принципы, заложенные в дет-

стве, и, как следствие, сильный дух помогли Татьяне Петровне пройти известные испытания и выжить. Ведь даже в те трудные времена, времена отчаяния для многих, она находила силы радоваться самым простым вещам: великолепию природы, ее пейзажам и краскам. Она тонко чувствовала человеческую натуру, выделяя в ней все самое ценное.

Думаю Татьяна Петровна была бы рада, узнав о том, что с ее воспоминаниями будут знакомится не только в Англии, но и на ее родине – в России.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

И.Н. АБАТУРОВ

РГППУ

АРИСТОКРАТИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Любой специалист, изучающий российских предпринимателей, поневоле сталкивается с проблемой изучения духовности этого социального слоя. Особенностью развития российской предпринимательской культуры было сочетание у определенной части крупной российской буржуазии, прежде всего у владельцев металлургических заводов, элементов двух культур: аристократической и прагматической.

Этот феномен кажется удивительным, если учесть, что аристократизм (аристократический этос) – это система поведенческих норм, присущая исключительно аристократу. Аристократизм означает не только внешний лоск, изысканность манер и галантность, но также определенный уровень образования и воспитания. Истинным воплощением, своего рода образцом аристократии Нового времени считается титулованная «просвещенная» западноевропейская знать: английские лорды, французские графы и др. Что касается русских вельмож послепетровского периода, то они традиционно воспринимались как реципиенты европейского аристократизма. Дело дошло до того, что в XIX столетии в отечественной публицистике высказывались сомнения в том, что русские вельможи были аристократами «европейского облика». Эти сомнения, связанные со слишком завышенными требованиями к русским аристократам, впоследствии проникли в историческую науку [1, с. 270-281].

Конечно, русский аристократизм имел «чужое» западноевропейское происхождение, но все-таки он существовал. Его высмеивали в публицистике, называли самыми разными словами (Н.Я. Данилевский, к примеру, писал об «аристократическом» карикатурном «европейничаньи» [5, с. 290-291]), но все же факт существования аристократизма как системы поведенческих норм русских вельмож никто не оспаривал.

Можно сказать, что аристократизм является элементом цивилизованности с позиции аристократа. В самом деле, «цивилизованность» – это «коренное отличие человеческого состояния от животного и социально-гуманистический способ реализации этого состояния посредством созидательного и ответственного разрешения противоречий бытия и развития людей во благо себя и общества, всей цивилизации»[7, с. 71]. Если опираться на такое определение цивилизованности, то становится понятно, что аристократизм позволял представителям титулованной верхушки общества считать себя цивилизованными людьми в высшей степени. Если же знатный человек не соблюдал аристократические нравственные нормы, то с позиции аристократа он не мог рассматриваться как цивилизованный индивид. Причем по цивилизованности элиты часто судили о цивилизованности всего общества.

Так, например, шотландский аристократ, Дж. Макартней (Макартни), который был послом в 60-е гг. XVIII в. при екатерининском дворе, считал русских вельмож нецивилизованными людьми. К этому мнению он пришел потому, что у титулованной русской знати был слишком низкий (по меркам британской аристократии) уровень образованности. В этой связи Дж. Макартней язвительно писал, что «ни один из здешних министров не понимает латинского языка и весьма немногие знакомы с общими основаниями литературы». Соответственно, по мнению британского посла, понятие цивилизованной страны к России, которой руководили такие люди, было неприменимо и что «Тибетское королевство или владения Джона Престера имеют столько же права величаться этим именем»[11, с. 248-249].

Одной из важнейших черт аристократии было патерналистское отношение к нижестоящим. В зарубежной научной литературе, посвященной проблемам соотнесения русской и иностранной аристократии, наше внимание привлекли исследования, направленные на соотнесение двух национальных аристократий, которые между собой практически не взаимодействовали: русских помещиков и плантаторов американского Юга. Речь идет об исследовании американского историка П. Колчина, вышедшем в 1987 г., который попытался сравнить тех и других в контексте проблем крепостничества и рабства. Исследователь выделил патернализм в отношении зависимых людей как черту аристократии. По мнению историка, этот патернализм был присущ истинной аристократии, то есть плантаторам американского Юга [12, р. 1122-1123].

Каким же образом патернализм, который был основным моментом в поведении американского аристократа по отношению к рабам, мог присутствовать в рамках аристократической культуры? Дело заключалось, по-видимому, в том, что для аристократа все люди делятся на три категории. В первую входят равные ему знатные люди. С ними «аристократ крови» сотрудничает. Вторую составляют «аристократы» науки, искусства, литературы. Им «аристократ крови» помогает, поскольку сам не может достичь их высот и чувству-

ет в себе призвание осуществлять покровительство созданию прекрасного. Третью категорию для «аристократа крови» составляют зависимые люди, которые неспособны создавать прекрасное: «чернь», «подлые». Они для него «вечные дети», которым надо помогать, но которые должны постоянно трудиться физически, поскольку не могут в силу недостаточного уровня цивилизованности развивать духовную сферу общества. Показательно отношение плантаторов американского Юга к неграм-рабам и русских помещиков к крепостным. Негры воспринимались как нелюди, как черные порождения дьявола. Можно процитировать слова одного из сторонников рабства Л. Картера, который утверждал «негры – черти и отпустить их будет равнозначно освобождению самого дьявола» [12, р. 1123]. Крепостные же воспринимались не столь мрачно, и русские аристократы считали, что не все зависимые люди безнадежны. Русский аристократ считал, что если талантливого крепостного обучить, то он станет близок к духовной элите, то есть войдет в ту самую вторую категорию людей, о которой речь шла выше. Если же крепостной не имел талантов, то он приближался к неграм по своему положению и его уделом оставался физический труд во имя процветание мира. Примерно тех же взглядов придерживались и европейские аристократы. Такая позиция вызывала негативное отношение к аристократии в обществе.

В России наблюдалось очень интересное явление – проникновение аристократической культуры в предпринимательскую среду. Российская крупная промышленная буржуазия Урала дореформенного периода состояла из одворявшихся купцов. Все эти Демидовы, Строгановы, Турчаниновы, Соломирские, Яковлевы и другие создали целые заводы-вотчины, на которых существовала система отношений, абсолютно не походившая на западноевропейскую. Вся эта буржуазия, в отличие от европейских предпринимателей не играла самостоятельной политической роли и активно заимствовала нормы аристократической культуры.

Самое интересное заключалось в том, что формальное получение дворянского звания зачастую не вело к включению промышленника в состав знати. Такой предприниматель был зачастую в глазах государства только полудворянином. Иногда этот промежуточный статус приводил к созданию промежуточной междусословной категории населения: «именитые люди» (Строгановы), «почетные граждане» и т.д. Иногда «особое» положение заводчика-дворянина оговаривалось в грамоте на пожалование дворянства.

Например, уральские промышленники Демидовы согласно грамоте Екатерины I, пожалованной детям Никиты Антюфеева (Антуфьева) в марте 1726 г. становились дворянами «со всеми теми правами, вольностями и справедливостями, которыми другие Нашего Всероссийского Империи Нижегородские дворяне и шляхтичи пользуются». Но в грамоте было оговорено, что «их и детей и потомков, против других дворян ни в каких службах не выбирать и

не употреблять, насупротив чего они да будут иметь наивысшее тщание и попечение в производстве вышеупомянутых заводов, также в приискивании медных и серебряных руд, и к тому законных своих наследников и потомков обучают» [2, с. 86]. Вот такой промежуточный юридический статус. В глазах высшей знати Демидовы также оставались «подлыми», «мохнорылыми» (то есть «бородачами»), хотя эти промышленники одевались по-европейски и брились). Судя по всему, положение Демидовых фактически расценивалось как промежуточное между купеческим и дворянским. И дело было не только в отсутствии знатных предков у представителей этого рода. Сами действия потомков кузнеца не походили на поведение вельмож. Для вельможи того времени одной из главных ценностей была служба, особенно военная. Путь же к армейской карьере лежал через гвардию. А Демидовы хотя и имели чины, но ни в армии, ни при дворе они высоких постов не занимали, за редкими исключениями. Служба была для этих заводчиков второстепенным занятием. Хотя Никита Акинфиевич имел чин действительного статского советника, но фактически он нигде не служил. Государственных наград у него также почти не было. Точно известно, что он получил не особо почетный в Российской империи польский орден святого Станислава [4, л. 45-45 об.] и, возможно, был награжден при Петре III орденом святой Анны. О весе Демидовых в обществе Прокофий Акинфиевич, внук основателя рода Никиты Антуфьева, писал, что дворяне «как крапива стрекучая и будто смола липучая, друг за друга хватаютца, а нас, махнарылых, за нос водят» [10, стлб. 2272]. На наш взгляд, эти слова, как нельзя лучше показывают истинный социальный статус Демидовых. А ведь эти строки были написаны в 1780 г., то есть более чем через полвека после получения детьми Никиты Антуфьева дворянства!

Однако, несмотря на «пренебрежение» к ним со стороны высшего сословия, Демидовы и другие крупные уральские промышленники все же стремились слиться с русской аристократией. Прежде всего, заводчики одевались по-европейски и старались дать своим детям европейское образование. Своих европеизированных отпрысков предприниматели стремились выдать за представителей титулованной знати. В результате к началу XX в., мы видим целый ряд представителей аристократии на Урале, которые получили заводы через брак: Шуваловы, Шаховские, Голицыны и др. Правда, в начале XX в. эта аристократия фактически представляла собой группу помещиков-латифундистов, которые компенсировали убыточность своих заводов довольно примитивным способом – продажей леса [6, с. 23-24].

Приобретенный аристократизм затронул и ментальность заводчиков, слившись с теми качествами, которые присущи носителям предпринимательской культуры. Одним из результатов этого симбиоза стал специфический уральский патернализм.

Этот патернализм зародился еще в первой половине и к концу XVIII в.

превратился в целую программу социальной поддержки. Больше всего документов сохранилось по Нижнетагильским заводам Демидовых, хотя нет оснований считать, что патернализм у других уральских хозяев был иным. Патерналистская программа включала медицинское обслуживание, выплату чрезвычайных «пенсий» по случаю потери кормильца семьям мастеровых и рабочих людей, а также тем «служителям», которые по старости, болезни или увечью не могли продолжать исполнять свои должностные обязанности. К числу мер социальной поддержки относилась также постройка и украшение храмов при заводах. Но не только эта система отличала уральских рабочих от их европейских коллег. Дело в том, что на Урале «трудящиеся» не были наемными работниками в современном смысле этого слова, поскольку зарплата не являлась для них единственным источником средств к существованию. Мастеровые и рабочие люди получали доходы из других источников – с обрабатываемых ими земельных участков, ремесел и торговли. Причем иногда эти сторонние промыслы доминировали и даже полностью подменяли собой труд на заводе. Заводчик выполнял функции «патера» – барина, который не только наказывал, но и опекал своих подчиненных.

Основания такой системы отношений между рабочими и подчиненными были заложены уже при первых Демидовых. Никита Акинфиевич, получив наследство после смерти отца, столкнулся с уже налаженным заводским миром, который, подчиняясь хозяину, фактически вынуждал собственника постоянно учитывать интересы зависимых от него людей. И, прежде всего, мастеровые и рабочие люди, видимо, в связи с желанием проверить нового барина на прочность, подали на него жалобу, требуя повышения оплаты. В своей челобитной на имя президента Берг-коллегии А.Ф. Томилова, поданной в 1746 г., Н.А. Демидов писал, что жалобщики «показывают себе от тех (заводских – И.А.) работ обиды и раззорение напрасно», поскольку в случае утеснений крестьяне «бы домов и пожитков не нажили и могли бы и издавна бить челом, где подлежит». Более того, из челобитной Н.А. Демидова мы узнаем, что некоторые из крестьян-челобитчиков «имеют у себя торговые при заводах промыслы», а другие обучились за счет отца владельца «разным ремеслам» [9, л. 136 об.].

Патернализм проявлялся в своеобразном имидже заводчика, как милостивого и склонного прощать (разумеется, если это стоило делать) долги и виновных. Заводчик, в отличие от приказчика, не должен был восприниматься рабочими, как человек, способный совершить несправедливое дело. Заводчик, как и вельможа, был для подвластных людей олицетворением справедливости, чем-то недостижимым, своего рода «батюшкой». Если этот «патер» и наказывал, то только обоснованно. Только заводчик мог вывести сына рабочего в люди: дать ему образование, в том числе заграничное. Поддержанию патерналистского имиджа заводчика, как и вельможи, способствовали разовые

«милостивые акты» в отношении социально незащищенных работников заводов: престарелых, инвалидов, вдов и сирот. Вот пример такого патерналистского вмешательства. Когда в 1769 г. Нижнетагильская заводская контора попыталась взыскать с вдовы умершего расходчика Д. Григорьева деньги, то Никита Акинфиевич остановил ретивых приказчиков, распорядившись «о неотбирании, как ево расходчика Григорьева жены-вдовы, так и сына, домов, скота и оставшего шаркубу домового, тако ж и отобранной о возвращении по освидетельствовании лутчими людми» [3, л. 36.].

Патернализм как стержень в отношениях между хозяином и рабочими уральских заводов существовал не только у Демидовых. Судя по всему, патерналистскими были отношения между собственником и «пролетариатом» и на других крупных частных заводах Урала. Причем чем более «аристократизирован» был заводчик, тем более патерналистскими были его отношения с подчиненными. Эта корреляция неслучайна, поскольку аристократизация приводила к тому, что человек должен был в первую очередь служить при дворе или в армии, чтобы его признали настоящим «вельможей». А, как известно, служба не позволяла уделять достаточное внимание заводам, которые приходилось верить управителям и приказчикам. Сам же аристократ-заводчик очень редко вмешивался в заводские дела. Более того, многие аристократы-заводчики имели очень отдаленное представление о своих имениях, о металлургическом производстве и о рынках сбыта готовой продукции. Прекрасным примером служат Строгановы, предки которых были «пионерами» в освоении Урала. Знаменитый вельможа и дипломат, граф А.С. Строганов, который получил европейское образование и часто ездил к европейским дворам, относился к таким людям. Он посетил свое пермское имение в 1781 г. вместе с сыном Павлом. После этого граф составил для «главного пермского управителя» Сергея Климова «Предписание», датированное 22 февраля 1786 г. Этот документ – настоящая декларация о намерениях, выдержанная в духе аристократизма. В нем граф ясно дает понять управляющему, что доходы и развитие производства – это не главное. Александр Сергеевич писал: «Во всех твоих предприятиях и расположениях помни, что ты сердцу моему ни спокойствия, ниже сладкого удовольствия принести не можешь, когда хотя б до миллионов распространил мои доходы, но отягчил бы чрез то моих крестьян; в таком случае приказываю тебе всегда предпочесть моим выгодам выгоды всех людей, коим я должен и хочу быть более отцом, нежели господином» [8, с. 52-55].

В первой половине XIX в. уральский (прежде всего, демидовский) патернализм привлек внимание западноевропейских ученых, прежде всего, представителей зарождающейся тогда социологии. На Урал совершил поездку Ф. Лепле, которого привела в совершенный восторг система отношений между трудом и капиталом на Урале. Именно патерналистская аристократическая программа разрешения противоречий между буржуазией и пролета-

риатом была предложена Ф. Лепле для решения проблем современной ему Франции.

Учение Ф. Лепле не стало господствующим в рамках социологии, как идеи Э. Дюркгейма. Однако идеи Ф. Лепле и его деятельность привели к созданию целого движения французских социологов, которое ставило перед собой в качестве цели поиск путей разрешения социальных противоречий. Эта школа получила в научной литературе название «леплезианской», по имени своего основателя Ф. Лепле. Это название прижилось в научной литературе и, в частности А. Савау, который использует термины «леплезианцы» и «леплезианская» социология [13, p. 315].

Таким образом, аристократизм оказал значительное влияние на развитие ментальности и системы ценностей уральских заводчиков. Самым первым проявлением аристократизма в отношении подчиненных был патернализм, который позволял долгое время избегать обострения социальных противоречий на уральских заводах. Чем более аристократическое воспитание получал собственник, тем активнее он выступал в роли «патера». Аристократизм был фактически эталоном цивилизованности для значительной части наиболее богатых уральских промышленников. Аристократизм имел для уральских заводов и для организации производства и сбыта готовой продукции как позитивные, так и негативные последствия. Важным позитивным последствием было то, что аристократическая культура смягчала социэкономические противоречия между хозяином и подчиненными. Среди негативных последствий духовной аристократизации предпринимателей следует назвать оторванности хозяев от проблем заводов и снижение уровня компетентности заводчиков. В результате заводы большинства аристократизировавшихся предпринимателей пришли в упадок и стали убыточными. Следует продолжить изучение русского аристократизма в предпринимательской среде.

Библиографический список

1. Абатуров И.Н. Англофильство и отношение российских мыслителей к аристократии (конец 60-х – середина 90-х гг. XVIII в.) // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы III Международной межвуз. науч. конф. (Москва, 12-13 апреля 2007 г.): В 2-х ч. – Ч. 1. – М., 2007.
2. Высочайшая грамота о дворянстве Демидовых, пожалованная 24 марта 1726 года // Спасский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений. – СПб., 1877.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 643. – Оп. 1. – Д. 167.

4. ГАСО. – Ф. 643. – Оп. 1. – Д. 207.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
6. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911-1914). – Екатеринбург, 2007.
7. Мельник В.И. Цивилизованность: человеческое измерение. Монография. – Екатеринбург, 2007.
8. Предписание графа А.С. Строганова главному пермскому управителю Сергею Климову. 22 февраля 1786 г. // Кузнецов С.О. Пусть Франция поучит нас «танцевать» (приложения). – СПб., 2003.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 588.
10. Русский архив. – 1873. – № 11.
11. Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 12. – 1873.
12. Confino M. Servage russe, esclavage américain // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1990. – Vol. 45. – № 5.
13. Savoye A. Les continuateurs de Le Play au tournant du siècle // Revue française sociologique. – Vol. XXII. – 1981.

Е. В. БАННИКОВА

Оренбургский государственный педагогический университет

«МЯТУЩЕЕСЯ СОСЛОВИЕ». ПРОТИВОРЕЧИЯ В КУПЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Приведенное в названии словосочетание, на наш взгляд, как нельзя лучше описывает состояние, в котором находилось российское купечество в первой половине XIX в. Ожидание удара со всех сторон, борьба со всеми, попытка, несмотря ни на какие препятствия, добиться своего – это именно то, что характеризует психологию и поведение дореформенного торгового сословия. Во многом такое мироощущение представителей купеческого сословия было связано с модернизацией российского общества. В ситуации перехода от традиционных отношений к рыночным купечество оказалось в крайне неудобном положении. Постараемся более подробно проследить детали сложившегося момента и определить, в каком направлении купеческое сословие могло трансформироваться далее.

Первоначально попробуем сопоставить основные характеристики традиционного и рыночного общества и выявить основные различия между ними. Так, традиционные отношения предполагают большую зависимость производителя от природно-климатических условий, а рыночные – сравнительную независимость от них. В традиционном хозяйстве целью экономической деятельности является удовлетворение потребностей в самом необходимом (или традиционном), а в рыночном – получение прибыли. В традиционном обществе господствует ручной физический труд, трудовая этика определяется традицией, общественные богатства невелики, что приводит к бедности основной массы населения. В рыночном обществе человек начинает активно использовать технику, появляются люди, не занятые физическим трудом, трудовая этика становится рациональной и направляется на получение максимальных доходов, растет средний достаток населения. Традиционное общество базируется на натуральном хозяйстве, а рыночное – на товарно-денежных отношениях и разделении труда. Традиционные отношения создают ситуацию, когда все ресурсы находятся в распоряжении традиционных коллективов (сословий, корпораций, рода и т.п.), которые определяют порядок пользования ими. В условиях рыночных отношений все ресурсы находятся в руках частных собственников. Традиционные отношения не предполагают хозяйственной самостоятельности индивида, в экономике преобладают корпоративные интересы. Рыночные отношения с хозяйственной самостоятельностью част-

ного собственника создают ситуацию конкуренции.

Российское общество первой половины XIX в., таким образом, имело черты, как традиционных отношений, так и рыночных. Так, хозяйство страны испытывало колоссальное влияние природно-климатического фактора. При этом целью хозяйственной жизни, несомненно, являлось получение прибыли, она строилась на разделении труда и на применении механизированного труда. В то же время, вряд ли можно говорить о том, что трудовая этика в до-реформенной России в условиях существования крепостничества носила рациональный характер и направлялась на получение максимальной прибыли. Основная масса населения по-прежнему не имела «лишних» денег и не могла быть отнесена к «среднему классу». Разброс в уровне жизни аристократической верхушки и простонародья был слишком велик. Экономические ресурсы находились в смешанной собственности – ими владели и разного рода коллективы (например, дворянское сословие являлось монопольным собственником крепостных крестьян), и отдельные собственники (как это было, например, в случае собственности на землю). При этом основным собственником всех имеющихся ресурсов по-прежнему являлось государство.

Такая противоречивость основ общественной жизни в отношении купечества оказывалась еще более глубокой. В монографии М.Н. Тихомирова приводится характеристика типичной западноевропейской купеческой гильдии в том её определении, какое даёт Дорен: «Купеческие гильдии – это все те прочные товарищеские организации, в которых купцы объединяются, прежде всего, для охраны своих особых купеческих целей; в них цель объединения заключается в товарищеском регулировании и поощрении торговли, а не в собственно товарищеско-капиталистических оборотах и процентном участии отдельных членов в общей прибыли; единичное лицо остаётся самостоятельным купцом и ведёт, как и раньше, дела на собственный счёт» [1, с. 120]. В России же торгово-промышленная деятельность купечества находилась в поле постоянного внимания государства, а забота о развитии отечественных промыслов и торгов относилась к числу важнейших функций государственной власти. Понимание того, что «купечеством всякое государство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может», – как выразился Посошков [2, с. 17], находило выход в указах, уставах, положениях и других законодательных актах, издававшихся правительством. Российские купеческие гильдии сначала являлись институтом полицейско-государственным, а не финансовым, поскольку купцы до 1775 г. платили вместе с другими неслужилыми сословиями подушную подать. Р. Пайпс справедливо заметил, что «русское правительство впервые начало заботиться о благосостоянии своего делового класса в середине XVII в. и с тех пор неустанно поощряло частное предпринимательство и пестовало местную буржуазию» [3, с. 288]. Соответственно, в отличие от Западной Европы, где гильдии создавались самими

купцами для координации торговых операций, в России гильдии были созданы государством для установления жесткого контроля за профессиональной деятельностью купцов.

При этом корпоративность русского общества была одной из отличительных его особенностей. Каждый человек, начиная со времени складывания единого русского государства, был связан с определенной корпоративной ячейкой: родовой корпорацией знати, посадской общиной, купеческой сотней, крестьянской или казачьей общиной. Государственная власть имела дело не с гражданами, а с корпоративными структурами разного вида. Общество консолидировалось на основе вертикальных (община – власть), а не горизонтальных связей. Исходя из этого положения, создание купеческих гильдий было явлением, вполне вписывающимся в естественный, традиционный ход общественного развития. Вступить в какие-либо серьезные контакты с государством по-другому купечество не могло. Таким образом, можно увидеть первое противоречие купеческого существования в дореформенной России. С одной стороны, его корпоративное устройство было организовано государством, но, с другой – к этому стремилось и само торговое сословие.

Петр I, при котором собственно и начали оформляться купеческие гильдии и само купеческое сословие, смотрел на купцов, как на тяглое сословие, служащее отечеству посредством отправления выгодных для страны промыслов и разного рода повинностей. Законодатель исходил из того, что купцы являются основными налогоплательщиками в стране. Помимо гильдейских выплат купцы пополняли государственную казну различными сборами и штрафами. В связи с этим государство законодательно отделяло купечество от других категорий населения (особенно сельского) и поддерживало его монопольное право на ведение торговых операций. Несмотря на обширные торговые и предпринимательские права, купечество было ограничено в правах личных, в частности, в свободе передвижения по стране. Несоответствие между социальным и правовым статусом законодатель пытался компенсировать системой раздачи льгот и привилегий. Их наличие повышало общественный статус купечества в условиях сословного строя, облегчало ведение коммерческой деятельности, создавало дополнительные возможности накопления капитала. Отсюда следовало второе противоречие – между финансовой состоятельностью купцов и их ограниченной правоспособностью.

В силу преимущественной искусственности купеческих объединений, они включали в себя не «товарищей», но конкурентов. Отсутствие постоянной юридической базы предпринимательской деятельности, варварские способы первоначального накопления капитала, узость внутреннего рынка, сохранение традиционного мышления создавали ситуацию, когда доходность каждого купеческого начинания являлась своеобразной лотереей и была абсолютно непредсказуема. В таких условиях каждый рассчитывал исключи-

тельно на себя, видя в других, прежде всего, конкурента. С другой стороны, те же обстоятельства заставляли купцов искать опоры среди себе подобных, поскольку ни на государство, ни на общественность опереться было невозможно. Первое видело в предпринимателях исключительно источник налоговых поступлений, второе – стяжателей, корыстолюбцев, мироедов и шельмцов. Возникало противоречие между купеческой корпоративностью и купеческой конкуренцией.

В профессиональной деятельности купцов дореформенной России также можно было наблюдать некоторую конфликтность и противоречивость. В ряде работ можно встретить дифференциацию предпринимателей по социально-психологическим типам, среди которых выделяются, например «завоеватель», «организатор» и «торговец» [4, с. 46-47], «хозяева», «святые», «завистники», «неудачники» и «пассивное большинство» [5, с. 123-124] или «купец-традиционалист» и «раннемодернизационный тип купечества» [6, с. 675-688]. Качества, присущие тому или иному типу, довольно жестко определялись исследователями. Так, «завоеватель» должен обладать волей к действию, упорством, определенной долей отваги, «организатор» должен уметь оценивать людей и являться координатором любого процесса, «торговец» должен иметь навыки хорошо вести переговоры. «Купец-традиционалист», как правило, ищет покровительства и вкладывает капиталы в устоявшиеся отрасли экономики, в то время как купец «раннемодернизационного типа» предпочитает вкладывать средства в производство. На наш взгляд, каждый российский предприниматель дореформенной России должен был сочетать в себе все перечисленные качества. Постоянно меняющиеся условия предпринимательской деятельности в разные моменты времени требовали от купца демонстрации различных, иногда прямо противоположных черт характера и особенностей психики. Именно конформизм, умение приспосабливаться, быть гибким позволяло купцу добиться успеха на профессиональном поприще, даже если внешне это выглядело как противоречивость натуры.

Поскольку ведение торговых операций было сопряжено с необходимостью кредитования, честное слово и честное имя купца в какой-то мере было залогом его экономического благополучия. Упорядоченные внутрисемейные отношения служили гарантом удержания и приумножения фамильного капитала. Сохранить честь (а вместе с тем и финансовое благополучие) семьи можно было, только установив строгие внутрисемейные традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Патриархальность и традиционализм из фамильных взаимоотношений постепенно перетекали и в повседневное купеческое существование. Солидная внешность, серьезность, основательность, отсутствие порочащих привычек и связей должны были демонстрировать потенциальным контрагентам высокую степень деловой ответственности предпринимателя. В то же время, участие купцов в рыночных операциях требо-

вало от них на тот момент определенной свободы, активности, мобильности мышления, хитрости, а иногда и прямого нарушения существующих правил и законов. Так возникало еще одно противоречие – купец как сознательный приверженец традиций одновременно являлся и «рыночником».

Отсюда же происходил и двойной стандарт деловой морали, присущий российскому купечеству. В деловой психологии русского купца, согласно Р. Пайпсу, «мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. На покупателя и на продавца смотрят как на соперников, озабоченных тем, как бы перехитрить другого, всякая сделка – это отдельное состязание, в котором каждая сторона рвется взять верх и забрать себе все призы» [3, с. 284-285]. Отечественные историки также отмечали эту особенность. По словам О.Е. Ниловой, «профессиональному сознанию купцов была присуща некая двойственность: с одной стороны, честность, верность данному слову, добросовестность, стремление иметь доброе имя в деловой сфере; с другой – склонность к обману, стремление к наживе любой ценой, нарушение взятых на себя обязательств и т.п.» [7, с. 79-80]. Эту особенность российского купечества подчеркивает в своих исследованиях и А.И. Куприянов. По его мнению, социальная ущемленность, неполноценность купечества по сравнению с дворянством вели к тому, что у купечества «сформировался двойной стандарт деловой этики, своего рода «корпоративная мораль», которая выражалась в честности в сделках со своими коллегами, но непременно обмане «благородных людей» [8, с. 95-97].

Гильдейское устройство, возникшее в Европе в XI веке как профессиональное, общественное и религиозное, прежде всего, было призвано упорядочить торговые операции, защитить коммерческие интересы купцов. Принадлежность к гильдии в определенной мере стабилизировала жизнь ее членов, создавала ситуацию уверенности и защищенности. Созданные в России в XVIII веке купеческие гильдии, как уже отмечалось выше, преследовали совершенно другие цели. Поэтому их участники расценивали свое нахождение в какой-либо из гильдий скорее как социальный статус. Помимо комплекса прав и возможностей на самоидентификацию гильдейца влияло и отношение общественности к этим купеческим корпорациям. В провинции сложно было реализовать те предпринимательские потенции, которые давал купцам различный гильдейский статус. Так, например, при отсутствии во многих отдаленных губерниях системы кредитования, право купцов 1-й гильдии на занятие банковскими операциями реализовать было невозможно. Или, например, в Оренбургской губернии право заграничного торгового дела было предоставлено купцам всех трех гильдий, что делало абсолютно бессмысленной, с экономических позиций, запись в высшие гильдии. При этом здесь встречались купцы 1-й и 2-й гильдий, платившие к тому же значительно большую сумму с объявленного капитала в качестве налога. Можно предположить, что определен-

ную роль в объявлении капиталов именно по высшим гильдиям играло стремление получить более высокую общественную оценку, пробиться на высшие ступени социальной иерархии. Ситуация напоминала те моменты, когда человек своим внешним видом (костюмом, аксессуарами и т.п.) стремился продемонстрировать принадлежность к более высоким социальным слоям. «А ныне много есть, что тысячи две-три имеют, а ходит в сером кафтане; а у инаго и ста рублей нет, а он носит платье против тысячника ...», – писал о русских купцах еще в середине XVII века И.Т. Посошков [2].

Противоречия преследовали российское купечество и в плане их принадлежности к городским сословиям. Города всегда являлись центрами, откуда начинали свое распространение новые идеи, тенденции, модернизационные процессы. Города являлись генераторами буржуазного рационального мировоззрения, важной составляющей которого являлись понятия успешности, состоятельности, богатства. В то же время, купечество постоянно пополнялось представителями крестьянства, которым были абсолютно чужды названные феномены. В работе М.В. Брянцева были проанализированы религиозно-этические основы российского предпринимательства, в том числе применительно к крестьянскому сословию. Автор отметил, что деньги «не рассматривались крестьянами как оборотные средства. Для них не была свойственна характерная для капитализма страсть к преумножению своего богатства за счет расширения своего дела, т.е. аскетический рационализм западного буржуа» [9, с. 13]. Чертами, характерными для крестьянства в плане его отношения к предпринимательству, исследователь называл идеал скромного достатка, идеал умеренного труда, неприятие понятия личной собственности [9, с. 10, 27, 46]. В результате в сознании российского дореформенного купечества причудливо переплетались ценности традиционного и буржуазного общества. Стремление к накопительству и стяжанию богатств, будучи главными ориентирами в профессиональной деятельности купечества, в то же время оценивалось как предосудительное деяние с точки зрения морали и религии.

Помимо конфронтации буржуазного и традиционно-крестьянского мировоззрений в купеческом самосознании происходил конфликт восточной и западной ментальности. По мнению Р. Пайпса, в характере российской торговой буржуазии явно прослеживалось «левантийское» (восточное) влияние. «Восточная ориентация русского купечества ярче всего проступала в его обличье и бытовых привычках», – писал исследователь. До конца XIX века оно «сохраняло типично восточный внешний вид: борода (теперь обычно подстриженная), сюртук, являвший собою видоизмененный кафтан и застегиваемый обыкновенно на левую сторону, высокая шапка, мешковатые штаны и сапоги» [3, с. 283-284]. Особенно ярко «восточные черты» проявлялись в купечестве тех регионов, которые имели тесные торговые контакты со странами Азии, например Оренбургской губернии. В то же время, довольно тесное

общение купцов с верхушкой городского общества представителями дворянства приближало их к европейской, западной культуре. В итоге создавалась совершенно особая субкультура, в которой европеизирующееся внешне купечество продолжало сохранять «традиционно-азиатское» мировоззрение, психологию, сознание.

Помимо сочетания в себе перечисленных полярных качеств, купцы одновременно являлись средоточием как глубокой религиозности, так и склонности к различным девиациям. В художественной литературе (у Мельникова-Печерского, Мамина-Сибиряка, Лескова) нередко присутствовал сюжет о том, как богатые купцы, не знавшие удержу и не ведавшие предела своим причудам, иногда жестоким, после кутежей так же чрезмерно предаются молитвам и ритуалам очищения. О.Е. Нилова в своей монографии отмечала, что аморальное, а иногда и противоправное поведение купцов (исправление квитанций, словесные оскорбления, подмена товаров, рукоприкладство, подделка документов, векселей и т.п.) имело место в различных видах деятельности предпринимателей. В то же время в других публикациях неоднократно подчеркивались приверженность купечества системе православных ценностей, его стремление к благотворительности, храмосозиданию, филантропии [10, с. 21-24].

Противоречивость купечества отмечали многие авторы. Так, в статье Е. Перелетовой утверждается, что «купеческое сословие следует рассматривать как сложное архитектурное сооружение со множеством переходов, пристроек, лесенок и тайных комнат» [11]. Возможно, такая специфика поведения была обусловлена конфликтами, имеющими место в повседневной жизни российского предпринимательства. Противоречия социального статуса, корпоративного взаимодействия, профессиональной деятельности, повседневной жизни не могли не отражаться на самовосприятии и самооценке купцов. Возможность «все купить» неизбежно вступала в конфликт с осознанием себя как сословия неполноправного, зависимого. Государство в такой ситуации также не выработало однозначной поведенческой линии в отношении российских предпринимателей. Все это мешало консолидации отечественного купечества, осознанию им своих сословно-корпоративных интересов, выработке соответствующей идеологии и, в итоге, превращению его в буржуазию, которая была бы способна осуществить переход российского общества из эпохи традиционализма в эпоху рыночных отношений.

Библиографический список

1. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Издание второе, дополненное и переработанное. – М.: Госполитиздат, 1956.
2. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и

коммент. Б.Б. Кафенгауза. – М.: Изд-во АН СССР, 1951.

3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 2004.
4. Зомбарт В. Буржуа: пер. с нем. – М.: Наука, 1994.
5. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство; Русский хозяин; Статьи об иконе. – М., 1994.
6. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа: Дисс. ... док. ист. наук. – Барнаул, 1999.
7. Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. – М.: ИРИ РАН, 2002.
8. Куприянов А.И. Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв.: Сб. статей. – М.: ИРИ РАН, 1996.
9. Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). – М., 2000.
10. Семенова А.В. Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. – 1998. – № 6.
11. Перелетова Е. Деловая этика русского раскола // <http://samstar-biblio.ucoz.ru>.

Э.Н. БОЛТОВСКАЯ, П.Г. КОРНЕВ

Тульский государственный университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Возраст русского предпринимательства насчитывает не одну сотню лет. Опираясь на предпринимательство и частную инициативу, русское государство сумело освоить безбрежные просторы нашей страны. Поместническое освоение гигантских территорий, осуществляемое российским государством, шло параллельно с их экономическим освоением отечественными предпринимателями.

Предпринимательский слой в России по своей культуре, психологии, образу жизни заметно отличался от западных предпринимателей. Наряду с крестьянством, русское купечество в гораздо большей мере сохраняло самобытные черты, несло в себе ценности русского национального сознания и русской культуры.

Основными центрами развития предпринимательства на Руси становились города, в которых сосредотачивались массы товаров, распределяемые отсюда как по стране, так и за рубеж. Вокруг городов возникало множество торговых и промысловых поселений. Сюда сходились для торговли, или, как тогда называли, «гостьбы» – купцы, бобровники, бортники, звероловы, лыкодеры и другие тогдашние «промышленники» [1, с. 3]. Эти места называли погостами. После принятия христианства здесь совершались сделки, заключались договора, отсюда пошла традиция ярмарочной торговли. В подвалах церкви хранился необходимый для торговли инвентарь, складывались товары, а также хранились торговые договора.

Купцы и предприниматели в Древней Руси не были выделены в отдельное сословие. В предпринимательской деятельности принимали участие все слои общества (в том числе князья и бояре). По словам византийского императора Константина Багрянородного, русские купцы поздней осенью, как только подмерзала дорога и устанавливался санный путь, отправлялись вглубь страны, где по погостам скупали товары для торговли с Византией. Весной они возвращались в Киев, а из Киева на судах добирались до Царьграда. В данном городе русские купцы пользовались различными льготами. Шесть месяцев они торговали в Царьграде и возвращались к себе на родину не ранее октября. Такая предпринимательская деятельность велась Русью не одно столетие. Круговорот торговой жизни сыграл огромную роль в освоении и объединении русских земель.

Русские купцы вели торговлю не только с Царьградом. Большая тор-

говля велась с варягами, у которых покупали бронзовые и железные изделия (особенно мечи и топоры), олово и свинец, а также с арабами, откуда в страну поступали бисер, драгоценные камни, ковры, сафьян, сабли, пряности.

Первый русский свод законов «Русская Правда» был пронизан духом предпринимательства. Он мог возникнуть только в обществе, где важнейшим занятием была торговля, а интересы жителей тесно связаны с результатом торговых операций. В своде законов четко были определены такие понятия, как краткосрочный и долгосрочный займы, торговая комиссия и вклад в торговое компанейское предприятие, торговый кредит и другие; давался определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел.

В эпоху Ивана Грозного символом русского предпринимательства становится энергичная деятельность купцов Строгановых. Самый знаменитый основатель рода Строгановых Аника Федорович продолжил и довел до совершенства сольвычегодские варницы и построил множество варниц на Кольской губе. Он также вел большую торговлю с иностранными купцами. Строгановы торговали и с народами Урала и Приуралья, что способствовало началу активного освоения русскими людьми Урала и Сибири.

Рядом со Строгановыми успешно работали их многочисленные конкуренты, крупные солепромышленники, торговцы, гости: Никитниковы, Шорины, Светешниковы, Веневитиновы и другие.

Москва XV века, по свидетельству многих иностранцев, бывших там, отличалась особым изобилием дешевых съестных продуктов, что свидетельствовало о широком развитии товарных отношений среди крестьян. Ремесленными изделиями торговали в лавках, на рынках и в мастерских. С глубокой древности ряд дешевых массовых товаров, изготавливаемых городскими ремесленниками, распространялся купцами-коробейниками по всей стране.

Русские купцы вели торговлю с Литвой, Персией, Хивой, Бухарой, Крымом, Кафой, Азовом и другими странами.

В XVII веке в Москве торговое, купеческое сословие из разряда тяглых людей выделяется в особую группу городских или посадских людей, которая в свою очередь разделялась на гостей, гостиную и суконную сотни и слободы. Самое высшее и почетное место принадлежало гостям. Звание это получали от царя самые крупные предприниматели с торговым оборотом не меньше 20 тысяч в год. Они были свободны от уплаты пошлин, вносимых купцами рангом пониже, занимали высшие финансовые должности.

Члены гостинной и суконной сотен пользовались также большими привилегиями, занимали видное место в финансовой иерархии, но уступали гостям в «чести». Гостиные и суконные сотни имели самоуправление, их общие дела вершили выборные головы и старшины.

Низший разряд купечества представляли жители черных сотен и сло-

бод. Это были преимущественно ремесленные самоуправляемые организации, сами производившие товары, которые потом продавали.

В городах посадские люди, имеющие право вести торговлю, делились на лучших, средних и молодых.

Сфера деятельности русских купцов и предпринимателей XVII века была огромна, отражала всю географию экономического освоения России. Из Москвы брали начало шесть основных путей торгово-предпринимательской деятельности русских купцов: Беломорский (Вологодский), Новгородский, Поволжский, Сибирский, Смоленский и Украинский [3, с. 56].

В экономическое освоение огромной территории России предприниматели вложили гигантские усилия. Осуществляя торговлю теми или иными товарами, они нередко принимали участие в организации их производства.

Русский купец из посадских людей города Ярославля Григорий Леонтьевич Никитников вел крупную торговлю в Европейской России, Сибири, Средней Азии и Иране. Но основу его богатства составила торговля сибирской пушниной. В 1614 году он получает звание гостя. Никитников вкладывал капиталы в солеваренную промышленность. В конце 30-х годов XVII века в Соликамском уезде Никитникову принадлежали 30 варниц. Он торговал солью во многих городах России.

Петр I создал благоприятные условия для реализации лучших качеств русского предпринимателя и работника. Он сделал ставку на использование их творческой инициативы и самостоятельности. Петр I, по словам академика Струмилина, своими реформами впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству.

Весьма характерно, что большая часть русских предпринимателей Петровского времени, как и в более поздний период, вышла из крестьян или посадских людей. И это, прежде всего, самые выдающиеся фамилии русских предпринимателей – Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Локаловы, Горбуновы, Скворцовы и многие другие. Каждый из этих предпринимателей организовывал огромные производства, которые снабжали своей продукцией десятки, а то и сотни тысяч людей в России и за границей. Своеобразным символом российской предприимчивости, российской щедрости, российского богатства стали выходцы из Тулы – семья уральских горнозаводчиков и меценатов Демидовых, оставивших яркий след и у себя на родине, и за её пределами.

Богатство, слава и могущество Демидовых основывались на принадлежавших им крупных металлургических заводах, на экономической мощи созданного ими на Урале «горного гнезда». С конца XVII века и в течение XVIII веков Демидовы построили 55 металлургических заводов, из них 40 – на Урале. В середине XVIII века демидовские заводы производили свыше 40 % общероссийского чугуна. Никита Демидов (Антуфьев) справедливо счи-

тал своей заслугой, что «он размножил и привел в доброе состояние» железные заводы. Нередко деятельность Демидовых находила отражение в летописях и дневниках современников: «Но более всего железа находилось листового, употребляемого для покрытия домов, которое лучшей доброты выделяется на заводах господина Демидова» [2, с. 69].

Демидовские заводы долгое время были лучшими не только в России, но и в Европе. Первенец уральской металлургии – демидовский Невьянский завод, – сразу же превратился в одно из самых крупных металлургических предприятий страны. Уже в первые годы он выплавлял чугуна больше, чем все Тульско-Каширские заводы [4, с. 31]. Демидовские доменные печи были крупнее, производительнее и экономичнее самых больших английских и лучших шведских домен того времени.

В 1832 году меценат из известной династии российских горнопромышленников Павел Николаевич Демидов учредил Демидовские премии. Причисляла премию экспертная комиссия Императорской Академии наук. По положению эту премию должны были вручать каждый год с момента ее учреждения и еще в течение 25 лет после смерти Павла Демидова. Место демидовских премий в культурной жизни России весьма весомо и значительно.

Два века род Демидовых работал на Россию. На преобразование Отечества работает и Демидовское движение. В самом конце 80-х-начале 90-х годов XX века Демидовское движение как естественное стремление обратиться к традициям русского предпринимательства и меценатства возникло почти одновременно на Урале, в Туле, на Алтае, в Москве, Санкт-Петербурге, на Украине. В связи с активностью российских клубов ЮНЕСКО оно вызвало определенный интерес и благожелательный отклик в Италии, Франции, Англии, Болгарии и в других странах. Поскольку предпринимательская и меценатская деятельность Демидовых оказала заметное влияние не только на развитие России, но и на ее взаимодействие с Европой, Демидовское движение не могло не стать международным.

Если при Петре еще существовали некоторые ограничения и стеснялась свобода торговли, то уже при Екатерине II ликвидируется необходимость получения «разрешительных указов» на открытие предприятия и его устройство. Екатерина II создает самые благоприятные условия для развития русского предпринимательства. Она отменяет все возможные ограничения. Одновременно объявляется об уничтожении монополий и введение полной свободы торговли.

Русское предпринимательство было крепко своей родовой преемственностью и сословной сплоченностью. Купеческие ряды поддерживали друг друга, роднились между собой.

Широкое развитие частной инициативы снизу породило мощное промышленное движение. Так, в районах старинного качества посадские и кре-

стьянские дети, начиная с кустарной светелки ручного ткача и набойщика, постепенно создают крупные текстильные предприятия.

Крепостной графа Шереметева Бутримов Г.И. в 1741 году основал текстильную мануфактуру, на которой работали вольнонаемные работные люди. Мануфактура при нем быстро расширялась. После его смерти мануфактура переходит в руки другого крепостного крестьянина (Грачева).

Крепостной крестьянин Иван Матвеевич Гарелин сначала занимался посреднической торговлей полотнами. К 1765 году он накопил достаточно денег и купил полотняную мануфактуру. Его наследники значительно приумножили дело. В 1817 году чистая прибыль предприятия приближалась к 50 тысячам руб. В 1828 году Гарелины выкупились на волю, хотя были принуждены помещиком оставить в его собственности и мануфактуру, и дома с хозяйственными постройками, и более 700 десятин земли. Также помещик требовал с них еще 25 тысяч наличными. Тем не менее, Гарелины в 1837 году выкупили у помещика свое предприятие, переоборудовали его, сделав одним из самых передовых в России и Европе.

В промышленности сложилось разделение сфер предпринимательства: с одной стороны – развитие крупной промышленности, ориентированной преимущественно на зажиточного и богатого горожанина, дворянство, царский двор, вывоз за границу; с другой – бурный рост мелкой крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности, ориентированной на широкие народные массы.

Домашняя крестьянская и кустарно-ремесленная промышленность удерживала значительную часть покупательского спроса простого народа, потребности которого крупная промышленность не могла выполнить или считала невыгодным.

Между крестьянской и крупной промышленностью постоянно шла конкурентная борьба. Крестьяне, работавшие на дому, и кустари зачастую были и продавцами своих изделий, что позволяло им еще более успешно конкурировать с крупной промышленностью.

Развитие частной инициативы путем отмены различных ограничений и запретов сопровождалось активной государственной политикой таможенного тарифного регулирования, имеющей преимущественно охранительный характер. Это означало ограничение допуска на русский рынок товаров, которые были способны серьезно конкурировать с отечественными.

Символом русского предпринимательства XIX века стала семья старообрядцев Морозовых. Родоначальник семьи Савва Васильевич Морозов, крепостной крестьянин, работал ткачом на фабрике, а через некоторое время он сам стал владельцем шелкоткацкого заведения. В 1820 году Савва Морозов вместе с сыновьями выкупается на волю за 17 тысяч руб. В 1820-1840-е годы Морозовы создали четыре хлопчатобумажных фабрики, которые во второй

половине XIX века вырастают в четыре огромных фирмы. Перед революцией собственные капиталы семьи составляли более 110 млн. руб.

Другим ярким выразителем русского предпринимательства XIX века была семья предпринимателей Мальцевых. Её основатель Василий Мальцов создал свой первый стекольный завод еще в 1724 году. В дальнейшем возникает целый мальцовский район, который превращается в центр российского машиностроения. На мальцовских предприятиях были изготовлены первые в России рельсы, паровозы, пароходы, винтовые двигатели [1, с. 24].

19 февраля 1861 года манифестом Александра II крепостное право было отменено. Вслед за этим последовал ряд реформ. Великие реформы 60-70-х годов XIX века разделили историю России на дореформенный период и пореформенный. Пореформенный период, который продлился до 1913 года, можно назвать «золотым веком предпринимательства». Отмена крепостного права освободила крестьян, дав им и потенциальную возможность для занятия предпринимательством. Великие реформы создали условия для быстрого роста фабричной системы, основанной на применении машин и паровых двигателей, благодаря чему к 1880-м годам завершился промышленный переворот в важнейших отраслях: металлургической, горнорудной, угольной. Усиливалась концентрация производства, которая привела к появлению монопольных объединений.

Особый этап русского предпринимательства приходится на конец XIX – начало XX веков. Происходит обновление предпринимательства. Лидерство в деловом мире начинает постепенно переходить от фабрикантов традиционных отраслей (текстильной, переработки сельхозпродуктов и т.п.) к фабрикантам передовых технологий – машиностроения и металлообработки. Символом предпринимательства новой эпохи становится деятельность семьи Рябушинских.

Рябушинские, выходцы из крестьян, в середине XIX века организуют несколько небольших текстильных фабрик. Во второй половине века они расширяют свою деятельность, строят хлопчатобумажные предприятия, занимаются кредитными операциями, проникают в льняную, стекольную, бумажную и полиграфическую промышленность. Строят один из первых в России автомобильных заводов, аэродинамический институт под Москвой. В 1902 году Рябушинские создают Банкирский дом братьев Рябушинских, реорганизованный позднее в Московский банк.

С момента отмены крепостного права по 1913 год объем промышленного производства вырос в 10-12 раз. Торговля и общественное питание были одними из самых развитых в мире [1, с. 33].

Таковы были плоды русского предпринимательства, обещавшие в будущем еще больший урожай, но революция 1917 года уничтожила эти надежды.

Октябрь 1917 года перевернул Россию. Пришедшие к власти большеви-

ки не имели конкретной экономической программы, но их экономическая политика основывалась на отрицании частной собственности. С первых же дней существования советской власти начался процесс национализации. 25 октября 1917 года был принят Декрет о земле, объявлявший ее общенародной собственностью. 14 декабря 1917 года был подписан первый декрет о национализации ряда частных промышленных предприятий. Банковское дело объявлялось монополией государства. Позднее были национализированы торговый флот, внешняя торговля. По декрету о национализации всех крупных предприятий (июнь 1918 года) национализировали более трех тысяч предприятий. Крупное российское предпринимательство практически перестало существовать.

Библиографический список

1. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. – М.: Современник, 1995. – 479 с.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. – М.: РОССПЭН, 2007. – 470 с.
3. Платонов В.С. Введение в бизнес. Основы рыночной экономики. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 576 с.
4. Юркин И.Н. Промышленные династии Тульского происхождения. – Тула: Рарус, 1998. – 84 с.

Л.Н. ГАЛИМОВА

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

СФЕРА СОСЛОВНОГО БЫТА И УСЛУГ **ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.** **(НА ПРИМЕРЕ КУПЕЧЕСТВА ГОРОДА СИМБИРСКА)**

В связи с переходом России в постиндустриальную фазу развития центральное место в общественной жизни приобретают проблемы сервиса¹. Одним из важнейших направлений изучения сервиса является реконструкция его исторического прошлого посредством привлечения инструментария популярного в настоящее время историографического направления – истории повседневности. Это направление акцентирует внимание не только на частной жизни человека, но и проблемы государства и общества в целом.

Для каждой эпохи и каждой цивилизации характерны свое содержание и направленность развития сферы услуг. У России существует собственная историческая организация сервисной деятельности. В этом отношении показателен опыт модернизации в Российской империи. Генезис сервисных услуг (технологий) в России в конце XIX – начале XX вв. проходили в формате национальной традиции. Услуги облекались в формат ритуала и предлагались преимущественно в рамках обычаев гостеприимства.

Долгое время абстрактный индивид пребывал вне исторической повседневности, потому сфера услуг, составляющая один из наиболее важных факторов повседневности быта, не была предметом исторического и тем более, историографического изучения. Под повседневностью понимается нечто привычное, рутинное, нормальное в различные моменты времени. Повседневность – обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном, языковой лексикой. Все это играет роль в формировании характера человека. Именно в анализе повседневной жизни лежит разгадка часто возникающих при знакомстве с конкретными судьбами вопросов. Распространено разделение повседневности на бытовую и производственную. Изучение повседневности, в том числе ее истории,

¹ Сфера или услуга Услуга — совершённое одним лицом (физическим или юридическим) в интересах другого лица действие или деятельность. Услуги — действия, направленные непосредственно на потребителя; виды деятельности, в процессе выполнения которых не создается новый материально-вещественный продукт, но изменяется качество имеющегося продукта; блага, предоставляемые в форме деятельности; (в экономической теории) — товары, которые могут производиться, передаваться и потребляться одновременно. Услуга характеризуется неосязаемостью, несохраняемостью, непостоянством качества и неотделимостью от источника.

позволяет судить о характере того или иного социума в целом и о личностях в частности.

При изучении истории повседневности – демографических проблем, эволюции жизненных условий, досуга, семьи и быта и т.п. – незаменимыми источниками являются как вещественные памятники культуры прошлого, так и письменные – официальные документы органов власти разных уровней, ведомственные отчеты и сводные материалы, правовые акты, многочисленные статистические и социологические данные, мемуары, письма и дневники, массовая печать и т.д.

Сервис как культурный феномен, является частью бытовой культуры, удовлетворяющих повседневные запросы человека. Интенсивное развитие сервиса в России – свидетельство возрастающей значимости его для общества, связанной с изменяющейся культурой повседневности страны. Содержание понятия «сервис» в науке неопределенно: либо вводят в его структуру все виды деятельности, обеспечивающие комфортность среды обитания, либо сужают до бытового обслуживания.

Бытовая культура нации имеет свои национальные истоки, которая проявляла себя в особом отношении к человеку (теперь это называется «культура сервиса»).

В истории России присутствовали структуры по оказанию услуг населению. В отдельных областях российская система обслуживания, по меньшей мере, не уступала европейским образцам, например в организации некоторых служб (гостиничных услуг, услуг носильщика, извозчика, портняжного дела и т.п.).

Организация сервиса купечества в эпоху феодализма в целом ориентировалась не столько на достижение бытовых удобств, сколько поддержание социального статуса. Желание «пустить пыль в глаза», эпатировать блеском, великолепием, расточительством было ведущим мотивом развития сферы услуг. Сервисной парадигмой являлся комплекс фасадов. В России «фасадный сервис» занимал доминирующее положение и в XIX в. даже такая тривиальная вещь, как унитаз, получила распространение в России только 1880-е гг.

Сервис не мог развиваться не только по идейным причинам, связанным с отсутствием слоя населения, способного к осуществлению данной функции. Статус русского купечества был также регламентирован в рамках иных сфер деятельности, существенно отличаясь от положения западноевропейского буржуа. Сословный сервис в России существовал исторически, но носил узкокорпоративный характер и был ограничен узкой группой лиц.

В пореформенный период в образе жизни на первое место стала выходить не сословная принадлежность, а доходы и образованность. Государство перестало напрямую регламентировать привычки и внешний вид под-

данных. Поездка за границу стала возможной для любого состоятельного человека. Развитие железных дорог, связи, средств массовой информации избавили провинциалов от комплекса неполноценности. При определенном достатке и желании они могли позволить себе те вещи, что и жители столиц. Так как просто богатых людей было больше, чем хорошо воспитанных и образованных, то бытовая культура первых нередко служила образцом для подражания городским низам и зажиточной верхушке деревни.

В период правления последнего российского императора Николая II перемены в образе жизни людей происходили гораздо быстрее, чем раньше. Одним из главных факторов был технический прогресс. Электричество, водопровод, канализация, телефон, граммофон, трамвай, асфальт, железобетон – наиболее значимые новинки той поры, становившиеся год от года все доступнее. Вмешательство государства в бытовую сферу свелось к минимуму. Модный тогда стиль модерн иногда называют не столько архитектурным, сколько «вещным». Под влиянием ускорившейся модернизации складывалась массовая культура. В быту, как никогда раньше, стал цениться комфорт.

Ускорившиеся процессы урбанизации породили строительный бум, производство и сбыт стройматериалов, проектно-сметные работы, организация самого строительства. Строительство велось наемными работниками, это видно по сохранившимся сметам, фиксирующим оплату строительных услуг, например за рытье опалы, каменную кладку и т.п. Выполняли работы быстро, недорого, качественно и со сложной отделкой, составляли проект и смету как на строительство нового строения, так и на ремонт старого. В возможности строительства входили все виды кирпичной кладки, покраска поверхности под мрамор или любую породу древесины, выполнить сложные виды лепных работ и древесной резьбы, застеклить окна с рамами любой конфигурации, покрыть железом крышу в любом архитектурном стиле, обустройство парадной, черной лестниц, чугунных и изразцовых кухонных плит, голландских печей, электроосвещения и электрических звонков на входной двери, водопровода, канализации, телефона. Желание скромного клиента иметь неповторимый фасад дома было бесспорным. Все работы, выполняемые наемными рабочими-строителями, предполагали тщательное описание количества и качества материала.

Основную массу городских построек составляли жилые здания – обывательские и доходные. При обывательских домах, которые были собственностью проживающих в них семей, обычно был разбит небольшой сад или палисадник. Сами строения большей частью были деревянные в один-два этажа с мезонином, иногда первый этаж строили каменный, второй – деревянный. Внешний облик домов был разнообразен: от почти деревенских изб, украшенных резными карнизами, ставнями, оконными наличниками и балюстрадами, до домов, сочетавших в своих пропорциях и декоре классицизм и ампир. Ха-

рактерной чертой обывательских домов были деревянные заборы с украшенными резьбой воротами и калитками, а также всякого рода хозяйственные постройки во дворе. Наружный вид таких домов почти не эволюционировал с середины XIX в. до начала XX в.

Традиционные формы хозяйствования сохранились в постройке жилища: изба строилась из крупных круглых бревен, венцы, положенные друг на друга, составляли основу дома – сруб. Крыша обычно делалась двухскатной, реже – четырехскатной. В качестве кровельного материала использовались тес, широкая деревянная щепка (дранка), деревянные лемехи (фигурные пластины), солома и даже березовая кора. Пол мог быть деревянный из тесаных толстых досок или из полубревен (плах). Важнейшую роль в избе играла печь из кирпича или особой прочной глины. Чаще всего вплотную к жилому дому примыкал двор – хозяйственные постройки.

Парадное пространство называлось красным углом, который чаще всего помещался между боковой и фасадной стеной. В красном углу располагалась полочка для икон – божницы, под которой стоял стол («божья ладонь»). Обязательным элементом оформления жилища были иконы, хотя роль их у купеческого сословия явно была меньше, чем в организации жилища крестьян или мещан. Это происходило потому, что красный угол, игравший столь значительную роль в организации традиционного русского жилища, в сложно дифференцированном жилище купцов утрачивал своё преобладающее значение. Например, в доме купца Макке имелись «Два образа Спасителя и Божьей Матери в серебряных ризах, образ Николая Чудотворца, серебряный вызолоченный, греческой работы, образ Распятия Господня с ликами, наверху Господа Вседержителя Божьей Матери и других Святых в серебряной ризе. Крест польского серебра на пьедестале Распятия Спасителя вызолоченное», а также несколько картин религиозного содержания [19].

Материал о планировке купеческих жилищ дают многочисленные разрешения на перестройку зданий, сохранившихся в фонде Симбирской городской управы [16]. Эти материалы свидетельствуют, что, наряду с традиционными чертами, в купеческом жилище была выражена тенденция к усложнению плана, выделению функционально обособленных зон жилых помещений. Некоторые комнаты в купеческих домах имели определённое назначение и собственное название, другие просто предоставляли в распоряжение купеческой семьи и прислуги пространство, используемое по мере надобности. Холодный флигель при яблоневом саде Макке имел пять комнат, «прихожую при входе тамбур», а с другой стороны флигеля — «галерею». Ещё одна комната находилась в мезонине, при котором был сделан также «небольшой балкон».

Стены купеческого дома внутри штукатурились и затем отделывались тремя основными способами: окраской масляными красками, оклейкой обоя-

ми или шпалерами (то есть обивочной тканью), побелкой [15]. Потолки штукатурились алебастром и белились. Использовались «бордюры», отделявшие зрительно оформление стены от потолка. Иногда потолки украшались лепниной. Двери в описаниях встречаются «столярной работы», «створчатые», с «внутренними замками» и «однотонные, плотничные, решетчатые». Двери красились масляной краской.

В числе движимого имущества в большинстве случаев упоминаются умывальники, большое количество различных столов и стульев, а также постельное белье [17].

Как правило, в домах зажиточных купцов в качестве предметов обстановки упоминается мягкая мебель, многочисленные стулья, табуретки, кресла, зеркала разной формы и в разных оправках («в рамках красного дерева», «орехового дерева»), «подзеркальники», «туалеты», «тумбы», буфеты, комоды, «гардеробы», «шкафчики», шкафы-этажерки, «кушетки» [25]. Имелись разнообразные столы: обеденные (как правило раздвижные), «письменные», ломберные (для игры в карты), и «чайные столики». Модными были столы овальной формы.

Во многих домах в числе мебели имелись ширмы. Их использовали для того, чтобы можно было переодеться, а также для того, чтобы свет не падал в глаза, если хотелось вздремнуть днём. По существу ширма дополняла внутреннее функциональное членение жилища.

Многие из перечисленных предметов обстановки были сделаны из дерева ценных пород: карельская береза, красное дерево, орех, ильмовое дерево, липа. Встречалась и имитация: деревянная мебель, окрашенная «под дуб», «под орех». Более дорогим способом имитации являлась оклейка массива дерева шпоном более ценной породы (например «орехом») [26].

Среди купеческого имущества обнаружены предметы декоративно-прикладного искусства – шкатулки, ковши, солонки с орнаментами. Металлическая посуда, утварь традиционно была золоченая, серебряная вороненая из стали. Различные виды художественных текстильных изделий пользуются популярностью и известностью: вышивки, шитье, набивные ситцы, платки. Широко известны среди купцов фарфор, майолика Гжели и фаянс.

Постепенно с нарастанием темпов урбанизации горожане стали нуждаться в развитой сфере услуг – в области городского транспорта, торговли, пошива одежды, обуви, сооружения, ремонта и оформления жилья, поддержания порядка в доме и около него, общественного питания. Заимствование в области бытовой культуры проникали в глубь провинции.

По словам современника, «во всех землях, куда проникает европейское просвещение, первым делом его бывают танцы, наряды и гастрономия». К концу первой четверти XIX в. русский порядок еды окончательно вытеснился европейским. Европейский обычай находит своих сторонников и в Рос-

сии, обращая обед и чаепитие в важнейшие события дня. К началу XIX в. чай в России употребляли больше, чем в Европе. Благодаря драматургии Островского с последней трети XIX в. чай стал считаться купеческим напитком, хотя с середины XVII в. и до середины XIX в. преимущественно, а иногда и исключительно, был дворянским. Званные обеды отличались от ежедневных числом гостей и множеством церемоний. Этому свидетельствует наличие большого количества разнообразной посуды, рассчитанной на большое количество приглашенных.

Столовые наборы различались в зависимости от достатка купца. У наиболее обеспеченных в большом количестве имелись предметы из пробированного серебра, просто серебряные или с позолотой, чернением. Но встречались и предметы из простого металла, обычно в варианте так называемого «аплике» – вещи из железа, густо посеребренные или покрытые серебряным листом [21, с. 19]. В число необходимых столовых предметов обязательно входил чайный набор из фарфоровых чашек. Столовые тарелки были тоже фарфоровыми или фаянсовыми. Широкое распространение среди купечества имели хрустальные рюмки, бокалы, фужеры, «стаканчики» для вина, водки, соков, прохладительных напитков [20]. Согласно описям, в домах имелась и деревянная посуда, но, судя по всему, кухонного назначения. Из другой кухонной утвари упоминаются кастрюли разной величины, котелки. Богатейшее купечество разбиралось в тонкостях столового этикета и блюдах для гурманов. Конфеты подавали не в коробках, а в «конфетных деревьях» – многоярусных вазах.

Чаепитие приобрело черты семейной интимности. Появились самоварные столики в виде легкой этажерки с фаянсовой крышкой эти столики приставляли к большому столу. На полки ставили вазочки с угощением, сахарницу и т.п. Особым угощением оставалось варенье. Среди заготовок впрок все больше распространялось варенье на сахаре и на меде. Разнообразнее стали соленья и маринады, объем которых измерялся кадушками. Заготавливались грибы. На рынках покупатели предпочитали свежезабитое мясо и птицу. Сервировка и роскошь стола купеческого дома поражала изобилием разнообразной утвари и кухонной техники. Обязательными элементами были вазы с фруктами, хрустальные и фарфоровые тарелки, скульптурные фигурки из золоченной бронзы.

Наконец, купцы не только питались дома, но и посещали рестораны (гостиницы), являвшиеся прежде всего публичными местами. Некоторые из купеческих походов в ресторан могут быть восстановлены на основании сохранившегося счёта 1894 г. из Троицкой гостиницы В. М. Булычевой симбирскому купцу Ивану Алексеевичу Банцекову. Согласно счетам, за определенный период времени купцом было заказано солянка, водка, портвейн, курица фаршированная, фаршированный тетерев, квас, бифштекс, расстегай, папиросы и

апельсины [7].

Переменчивая мода волновала и мужчин и женщин. В этот период она ввела античные туники и легкие сандалии или атласные туфли, в мужской моде появились фрак, длинные панталоны, короткий жилет. Если в крестьянском быту пошив одежды выполняется силами самой семьи (тельную одежду шьют женщины, а верхнюю — мужчины), то купцы, как значительно более состоятельная часть населения, могли пользоваться услугами портного. С этим связаны счета на приобретения разного рода тканей. Покупалась и готовая одежда. Примером может служить счёт из магазина симбирского купца Н.П. Петрова купеческой вдове М.И. Левашевой [4]. Согласно счёту, М.И. Левашева приобрела марлю, ситец, трек, коленкор, другие ткани, а также готовые изделия — два летних и два осенних дамских пальто, шубу, платок, всего тканей и изделий на сумму 143 руб. Повреждённую одежду даже богатые купцы отдавали, если возможно, в ремонт.

Транспортные услуги имели место быть в жизни купечества, но при первой возможности купцы старались обзавестись собственными средствами передвижения. Это было важно как по роду их деятельности, так и по соображениям престижа. Почти в каждом купеческом доме держали лошадь, а чаще — несколько лошадей. Во всех сохранившихся подробных описаниях купеческих усадеб фигурирует одна или нескольких построек типа конюшни и «каретника» куда ставились экипажи и помещались прочие «каретные вещи». Купцы нанимали людей для управления гужевым транспортом и ухода за лошадьми, а иногда и людей, занятых починкой экипажей. Пользовались купцы и услугами наёмных извозчиков [8].

Жители города следили за степенью загрязнения воды и воздуха, уборкой мусора и нечистот и пользовались санитарно-гигиеническими услугами. К элементам благоустройства можно отнести, например, мощение, имевшее эстетическое значение, обеспечивая большую чистоту придомовой территории. Так, при одном из владений купца Макке на улице был устроен частный тротуар [18]. Кроме мощения, дворового и уличного, к благоустройству может быть отнесено устройство на французский манер «палисадников», а иногда и садов (сады могли иметь как рекреационное, так и утилитарное назначение), беседок и прочих мест, предназначенных для отдыха и иного нерабочего времяпрепровождения. Некоторые купцы стремились идти в ногу со временем, заботясь о благоустройстве своих домовладений, в том числе об улучшении санитарно-гигиенических условий жилищ и усадеб. В этот период было выдано разрешение и впоследствии оборудованы дома купцов А.П. Конурина, В.Ф. Красникова, М.М. Загряцкого канализацией [14].

Население уделяло большое внимание личной гигиене. В богатых купеческих домах города Симбирска были водопровод, ватерклозет, ванна с проточной водой и даже душ. Некоторые симбирские купцы пытались оснастить

свои дома «ватерклозетами» и «ваннами». Например, «ватерклозет» и «ванна», согласно плану 1902 г., имелся в доме симбирского купца первой гильдии, Потомственного почетного гражданина Александра Дмитриевича Сачкова [5]. Город освещался скудно, но купцы при своих домах устанавливали столбы с керосиновыми фонарями, позднее их сменили электрические.

Мода на оранжереи, возникшая во Франции, распространилась и в России. Многие купеческие владения города Симбирска славились фруктовыми садами, теплицами, оранжереями. В купеческих садах высаживались деревья (преимущественно различные сорта яблонь, вишен) и ягодные кустарники. Фруктовый сад купца К.Ш. Абушаева представлял собой целое садовое хозяйство, удостоенное за красоту и богатство свое большого внимания периодики того времени [2].

Заметно стремление к озеленению жилища, купеческие дома украшались комнатными растениями. Среди имущества И.С. Балакирщикова значатся «ваза для ставки живых цветов матового стекла», «две банки цветов „Фикус“», «одна банка цветов „Леандра“», «одна банка цветов „Большой розан“ „Клен“» [3].

В конце XIX в. в отрасли связи появились новинки – дорогой и малодоступный телефон. С последней четверти XIX в. симбирские предприниматели (купцы и почетные граждане) начинают телефонизировать свои дома и предприятия [13]. К 1887 г. относится одно из самых ранних обращений подобного рода купца первой гильдии Потомственного почетного гражданина Я.С. Акчурина [11], купца первой гильдии Потомственного Почетного гражданина Н.В. Чебоксарова [12]. Устанавливали купцы в основном аппараты «Гейслер» и настенный «Эриксон» [10]. Отдельно устанавливались «индуктивные звонки» к телефонным аппаратам. Абонентов было так мало, что в губернии хватало двухзначных номеров [9].

Домашний быт купеческого сословия условно делился, по свидетельству современников, на три категории: тех, кто носит окладистую бороду, тех кто ее стрижет, тех, кто ее бреет. Первые представляли старое поколение, вышедшее из разбогатевших крестьян; они никому не верили на слово и строго соблюдали все давние порядки и обычаи. Вторые уже вкусили прелести цивилизации и старались следовать моде, понимая, что у Запада можно перенять много полезного. Третьи, как правило, окончательно стали «западниками». Многие из них получили образование в европейских странах и теперь желали породниться с дворянством.

В области образовательных и педагогических услуг официальная политика этого периода состояла в насаждении патриотизма. Изучение литературного языка и русской литературы купеческими детьми стало обязательным признаком образованности не только сыновей, но и дочерей. В интерьере купеческих домов встречаются упоминания картин официозно-патриотической

направленности, как например, портрет государя Николая I, портрет Императора Александра III, портрет Императора Николая II [6].

В настоящее время, на этапе формирования общества глобального сервиса, все большее развитие получает сфера социокультурного сервиса – система создания, предоставления и потребления социокультурных услуг (услуги культуры, образования, здравоохранения, спорта, туризма и т.д.), оказываемых чаще всего на основе оплаты. Сегодня наша страна вступает в эпоху «глобального сервиса», на пути к которому важнейшей задачей остается сохранение культурной самобытности. Познание истории сервиса приводит к качественно новым выводам и обобщениям по профессиональной проблематике организации бытовых услуг сегодня.

Без прошлого нет настоящего!

Библиографический список

1. Бгажонков Б.Х. Организация пространства и этикет // Советская этнография – 1983. – № 4.
2. Вестник Симбирского земства. — 1898. — № 10–12. — С. 104-105, 164-167; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 1218. – Л. 1; Д. 629. – Л. 68; Д. 485. – Л. 14 и др.
3. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 770. – Л. 5-14.
4. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 835. – Л. 112.
5. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 17. – Д. 140.
6. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 1310. – Л. 12.
7. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 1218. – Л. 107.
8. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 1218. – Л. 109.
9. ГАУО. – Ф. 492. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 165.
10. ГАУО. – Ф. 492. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 29.
11. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 738. – Л. 2.
12. ГАУО. – Ф. 492. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 146.
13. ГАУО. – Ф. 492. – Оп. 1.
14. ГАУО. – Ф. 7. – Оп. 6. – Д. 11. - Л. 39-40.
15. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 40. – Д. 397. – Л. 2-5.
16. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 2-17, 31.
17. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 4. – Д. 51; Оп. 40. – Д. 492; Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 19 и др.
18. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 86 об.

19. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 86 об. – 95 об.
20. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 83. – Лл. 24-41.
21. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – М., 1989.
22. Кюстин А. Николаевская Россия. – М., 1990.
23. Лаврентьева Е.В. Светский этикет пушкинской поры. – М., 1999.
24. Липков А. Патриотические заметки о русском сортире // Родина. – 2003. – № 3.
25. ГАУО. – Ф. 174. – Оп. 1. – Д. 83. – Лл. 49-56.
26. Симбирские губернские ведомости. – 1853. – № 47; 1853. – № 31.

Д.А. КОЗЛОВА

МУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья»

ФОРМИРОВАНИЕ ТОРГОВЫХ ДОМОВ Г. САРАПУЛА

В настоящее время тема предпринимательства в отечественной историографии становится одной из приоритетных проблем. Нарастание широкой предпринимательской деятельности в стране поставило перед учеными и практиками задачу изучения высоко профессиональной постановки дела и использования опыта большой коммерции, накопленного российскими предпринимателями прошлого. В XIX в. среди характерных черт предпринимательства назывались следующие: 1) владение капиталом; 2) соединение и комбинирование факторов производства; 3) ориентация на извлечение прибыли и капитализация доходов; 4) самостоятельность, готовность идти на риск, инициативность, творчество, способность преодолеть сопротивление среды, особое управление производством и т.д. [11, с. 5]. Бурное развитие капитализма, после реформ 60-70 гг. XIX в., побудило к активнейшему предпринимательству мощный поток инициативных, энергичных, деловых людей всех слоев общества. Купеческое сословие составило основное ядро российских предпринимателей. Сегодня ученые сходятся во мнении о том, что купечество внесло большой вклад в прогресс экономической, общественной жизни страны, развитие внутренних и международных торговых, финансовых, культурных связей, градостроительства.

Изначально «купец – это торговец, торгующий чем-либо; покупатель» [3, с. 219]. Со временем значение данного понятия менялось: «Русское законодательство знает два существенно различных термина: купец и торговец (или торгующий, производящий торговлю и проч.)» [2, с. 57]. Постепенно купец становился производителем, увеличивалась доля купеческого капитала в промышленности. В дальнейшем этот процесс привел к тому, что во второй половине XIX – начале XX в. «купечество уже занималось всеми формами предпринимательской деятельности» [12, с. 4]. Россия переживала мощный подъем института предпринимательской деятельности, купечество заняло практически все ниши рынка страны.

В конце XIX – начале XX в. Сарапул представлял собой успешный и перспективный во всех отношениях город. Выгодное географическое положение, многоотраслевое производство и развитая торговля позволяли Сарапулу претендовать на неформальный статус второй столицы Вятской губернии. Н.Н. Блинов в своих работах отмечал: «Город Сарапул становился административным центром значительной Прикамской местности; этим упрочива-

лось экономическое значение его для края ... быстро стало возрастать значение Сарапула, как торгового центра. Городскому населению оставалось только пользоваться выгодными условиями» [1, с. 19].

В конце XIX в. в Сарапуле проживало около 10 000 человек, из которых 4,22 % принадлежали к купеческому сословию [1, с. 22]. Обслуживание Сибирского тракта и водной магистрали – Камы дало возможность сарапульским предпринимателям развить кожевенную отрасль. Так, по данным статистики за 1856 г., в городе насчитывалось 10 кожевенных заводов, производящих товара на сумму в 9 375 руб., а в 1873 г. их число возросло до 18 с выделкой кож уже на 400 тыс. руб.¹ В этот же период, по данным другого источника, значилось 19 кожевенных заводчиков². С увеличением числа заводов увеличивалось и число надомников. По архивным данным в 1873 г., сапожников и башмачников насчитывалось 1 096, кожевников – 42, отделщиков кож – 8³. Со временем часть кустарных производств приобрела промышленное значение. В 1882 г., то есть спустя 9 лет, в кожевенной отрасли стало уже 22 заведения в городе, число рабочих на них – 196, сумма производительности – 580 545 руб.; в Сарапульском уезде функционировало 10 заведений, 53 рабочих, сумма производств 10 350 руб.⁴ Кустари имели разную специализацию: кожевники (выделка кож исключительно), шорники и чеботари. «В городе Сарапуле особенно развит один вид кожевенной промышленности: это именно – чеботарное ремесло. В городе находится до 10 больших мастерских, в которых шьется обувь, с населением в них до четырехсот человек рабочего люда. Затем около 3 000 мужчин, женщин и детей занимаются шитьем обуви на домах. Заработок от этого ремесла равняется 300 000 руб. Изделия в огромных размерах сбываются на ярмарки Нижегородскую, Мензелинскую, Ирбитскую и др. Этот промысел имеет весьма важное значение на благосостояние Сарапульских мещан, отчего последние никогда почти не встречают никакой нужды»⁵. Поскольку сбывалась продукция под торговыми знаками крупных сарапульских предпринимателей, следует вывод, что заводчики, в основном, монополизировали данную отрасль промышленности. Как правило, одному владельцу принадлежало кожевенное и обувное предприятие.

В последнее десятилетие XIX в. в городе числилось уже 23 кожевенных завода с производством более 1 тыс. руб. [1, с. 24]. В течение года на кожевенных заводах обрабатывалось до 100 тыс. крупных шкур и до 120 тыс. мелких. На обувных предприятиях производили в год 250-300 тыс. пар сапог крупных и мелких и до 200 тыс. пар женской обуви. Сарапульские сапоги славились

1 Вятские губернские ведомости. – 1873.

2 ГАКО. – Ф. 574. - Оп. 1. – Д. 443. – Л. 2-7.

3 ГАКО. - Ф. 574. - Оп. 1. – Д. 443. – Л. 2-7.

4 ГАКО. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 942. – Л. 89.

5 ГАКО. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 942. – Л. 483.

качеством и добротностью, поэтому были востребованы российским рынком. Большая масса обуви сбывалась на Нижегородской, Крестовской, Ирбитской, Мензелинской и Бугульминской ярмарках. В 1890 г. помимо кожевенных числилось уже 20 обувных фабрик, то есть спустя 20 лет кожевенное производство в Сарапуре давало ежегодный оборот свыше 20 млн. руб.⁶

Население по сравнению с 90-ми гг. XIX в. увеличилось втрое. К этому времени город уже являлся крупным центром кожевенно-обувного производства. Грамотное вложение средств, здоровая конкуренция, наличие деловых, коммерчески грамотных людей приводило к возникновению маленьких «империй». Примером тому может служить образование торгового дома «Николая Васильевича Смагина Сыновья», который более чем успешно конкурировал с остальными фаворитами главного сарапульского предпринимательского Дела [4, с. 149]. В графе для информации о товарищах торгового дома числился Петр Николаевич Смагин, он и распоряжался делами на кожевенном заводе [5, с. 56]. Представленные сведения за 1910 г. значатся в сборнике акционерных предприятий и торговых домов российского значения⁷. Сарапур в начале XX в. занимал достойное место среди российских городов, имел твердый социальный статус и справедливо заслуженный авторитет. В это время в Сарапуре действовало четыре банка, на 1910 г. насчитывалось 869 торговых помещений и 222 предприятия, в том числе фабрики, заводы и мелкие промышленные заведения. Оборот банков достигал почти 190 млн. руб. в год, не считая оборота казначейства в 20 млн., плюс многочисленные кредитные сделки торговцев. Вторая половина XIX в. была отмечена разнообразием видов предпринимательства и широкой сферой действия. Ведущими процессами социально-экономического развития Среднего Прикамья конца XIX – начала XX вв., как и в целом по России, было соединение торгового капитала с промышленным, концентрация производства, централизация капитала, создание коллективного капитала, сращивание промышленного капитала с банковским. В силу многоукладного контрастного характера развития экономики наблюдалось единовременное развитие множества разноуровневых форм капитала, от самых примитивных до высших. Купцы из торговцев превращаются в производителей, объединяя свои капиталы под знаком торговых домов и ассоциированных обществ. Увеличивается число промышленных предприятий, ширится спектр предлагаемого товара, на торгово-промышленной арене Сарапурла появляются новые имена.

В основном сарапульские торговые дома имели статус полного. Полное товарищество – это форма торгового дома, который «состоится из двух или многих товарищей, положивших заедино торговать под общим названи-

6 Энциклопедический словарь. – Т. 28 а. – СПб, 1890; АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 66.

7 Список фабрик и заводов Российской империи. – СПб., 1912.

ем всех»⁸. Товарищество образовывалось на основе договора, «заключаемого по взаимному между товарищами соглашению», которое приравнивалось к закону. Торговые дома создавались, как правило, на базе семейных торговых или на базе торгово-промышленных купеческих предприятий. В документах предприятий говорилось, что товарищи, т.е. учредители торгового дома «ответствуют за все долги оною вообще и порознь, всем имуществом своим движимым и недвижимым». Таким образом, полное товарищество было объединением предпринимателей, каждый из которых нес равную ответственность за работу предприятия. Одним из таковых был торговый дом «Иван Николаевич Михеев с Сыновьями», действующий с 1 января 1903 г.⁹. «Мы, нижеподписавшиеся, Сарапульский купец Иван Николаевич Михеев и сыновья его Павел и Александр Ивановичи Михеевы, составив из себя полное товарищество с целью заедино торговать под общим названием всех – кожевенным производством и обувью разных сортов и заключив между собой на этот предмет... договор»¹⁰. Контора торгового дома уведомляла, что кожевенные заводы остались во владении Ивана Николаевича Михеева, но находятся в аренде торгового дома¹¹. Причем всю ответственность за заводы, мастеров и рабочих принимал на себя торговый дом.

На протяжении первого десятилетия XX в. наблюдается неуклонный рост числа торговых домов. Документы городской Управы за 1904 г. фиксируют в Сарапуле следующие торговые дома: «Никифора Дедюхина Сыновья», «Алексей Шитов», «Дмитрий Григорьевич Ижболдин с Сыновьями», «Александра Башенина и Сыновья», «Николай Барабанщиков и племянники», «Николая Павловича Зылева Наследники», «Иван Николаевич Михеев с Сыновьями» [6, с. 27]. Это были общества, основанные на родственных отношениях. Капиталы сарапульских торговых домов были разные: от 20 тыс. до 300 тыс. Основная масса товариществ была заявлена в г. Сарапуле, но встречались исключения: контора Шитовых находилась в Санкт-Петербурге, имела отделения в Уфе и Томске, главная контора Ижболдиных в Москве, а отделения в Перми, Казани, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде [7, с. 68]. Отделения товариществ Дедюхиных и Зылевых находились в Усолье, Перми, Нижнем Новгороде, Астрахани и Иркутске. Обозначенные выше данные указывают на широкий спектр влияния сарапульских торговых домов.

Дедюхины, Барабанщиконы и Михеевы занимались кожевенным производством и торговали обувью. Крупный Торговый дом Шитовых вел чайную и хлебную торговлю, а также продавал керосин. Семья Ижболдиных занималась мануфактурной торговлей [8, с. 234]. Башенины слыли лесными магна-

8 Свод законов Российской империи. – СПб., 1887. – Т. XI. – Ч. II. – Раздел 2. – С. 63-80.

9 ГАКО. – Ф. 566. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 2.

10 ГАКО. – Ф. 566. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 4.

11 ГАКО. – Ф. 566. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 7.

тами.

В 1909 г., спустя 5 лет, в ответ на запрос из Вятской Казенной Палаты о численности, состоянии и предметах торговли сарапульских торговых домов и товариществ податным инспектором было зафиксировано несколько вновь образованных торговых домов: Торговый дом «Братьев Кривцевых в г. Сарапуле», Торговый дом «Никанора Ивановича Козьминых Сыновья», «Товарищество хлебной торговли и промышленности», которое располагалось в Воткинском заводе Сарапульского уезда.

Вторым по величине после кожевенно-обувной промышленности было кирпичное производство. Помещения, где изготавливались кирпичи, назывались тогда кирпичными сараями. Ранняя каменная застройка Сарапула требовала значительных объемов кирпича. Спрос рождал предложения, отрасль активно развивалась. В 1856 г. в Сарапуле было зафиксировано три крупных кирпичных завода, в 1879 г. – пять [Федорченко-Шемякина 1993: 24]. В 1881 г. вывоз кирпича из Сарапула по Каме составлял 300 тыс. штук [Колчина 2008: 146]. По данным за 1910 г., в Сарапуле ежегодно вырабатывалось свыше 12 млн. штук разных сортов кирпича¹². Данная производственная ниша была прочно занята родом Мошевитиных. В Сарапуле было известно четыре семьи из рода Мошевитиных, имевших свои кирпичные производства: Вавила Петрович с племянником Николаем Семеновичем, Кондратий Петрович, Поликарп Михайлович с сыном Кондратием и Дмитрий Кириллович. После его смерти заводом начали владеть на паях четыре сына: Василий, Иван, Павел, Григорий [Колчина 2008: 146]. Их потомки развили семейное Дело. И только в начале XX в. появилась реклама кирпичных предприятий, принадлежавших, помимо Мошевитиных, Николаю Филлиповичу Жилину и Ивану Павловичу Бердникову [Колчина 2008: 148].

Третье место занимало канатное и веревочное производство. Сарапульские канаты пользовались большой и заслуженной известностью в судоходном деле¹³. Ярким примером успешного развития в этой отрасли является «Торговый Дом Николая Павловича Зылева Наследники», который объединял несколько разных предприятий [9, с. 43]. Ареал деятельности торгового дома охватывал Волжско-Камский регион, а именно: Пермь, Астрахань, Самару, Нижний Новгород.

Основатель Торгового Дома – Николай Павлович Зылев (1854-1901 гг.) всегда занимал активную общественную позицию: он был членом городской Управы, а впоследствии и городским головой¹⁴. Он был причислен с 1882 г. в сарапульское купечество из местных мещан. Николай Павлович был женат,

12 АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 67.

13 АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 67.

14 Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Список лицам, служащим в Вятской губернии. – Вятка: Губернская типография, 1895. – С. 43.

в семье росло 6 детей: Александр, Владимир, Геннадий, Анна, Нина и Екатерина¹⁵. Брат Николая – Сергей Павлович Зылев всегда оставался в мещанском сословии. В 1905 г. Сергей Павлович был избран мещанским обществом на должность мещанского старосты сроком на три года¹⁶. Первым большим предприятием Николая Павловича Зылева являлась паровая канатная фабрика, основанная в 1879 г.¹⁷. В документации обозначается разный статус предприятия – фабрика, завод, канатно-прядильное заведение. Со временем фабрика расширила свою производственную деятельность и вышла на новую ступень развития. В документах за 1896 г. содержится следующая информация: «Канатно-прядильное заведение. Адрес – Слобода при Сарапуле. Владелец – сарапульский мещанин Сергей Павлович Зылев. Год основания заведения 1890 г. Расположено на крестьянской земле, арендованной у прежнего собственника за цену по 3 руб. 5 и 9 руб. аренды. Площадь – три десятины земли»¹⁸. По-видимому, канатное производство Зылевых было действительно Семейным Делом. Предприятие представляло собой ряд построек: сарай, дом для служащих, амбар, флигель. Сообщалось, что заведение находится в двух с половиной верстах от Сарапула, работает временно, по заказам и для вольной продажи. Работа производится исключительно на заводе. Канатное заведение С.П. Зылева предлагало следующую продукцию: канаты смольные высшего, первого, среднего и второго сортов, а также паклю двух сортов. Спектр цен колебался от 2 руб. 50 коп. за смольную бухтинную паклю до 5 руб. 50 коп. за смольные канаты высшего сорта¹⁹. Сообщалось, что доставка осуществляется водным путем.

На всем протяжении существования предприятия его деятельность нельзя оценить однозначно успешной. Еще при жизни Николая Павловича в июле 1900 г. известна попытка продажи им полного оборудования завода²⁰. Спустя несколько лет состоялось еще ряд продаж завода в 1905²¹ и 1908 гг.²² В 1910 г. также вышло объявление о его продаже²³. В 1917 г. в газете «Кама», очевидно, вследствие напряженной обстановки в стране, под давлением надвигающихся перемен, одно за другим выходят два спешных объявления о продаже усадьбы, прядильно-веревочного завода по улице Вятской, а также большого места Зылевых с доходными домами и садом по улицам Троицкой и Соборной²⁴.

15 АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 148.

16 АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 149.

17 Сарапульский листок объявлений. – 1902. – № 90.

18 ЦГА УР. – Ф. 246. – Оп. 1. – Д. 20. – Лл. 24-27.

19 МИКСП «Письменные источники». – Ф. 33. – КП – 17605. – Л. 1-об.

20 Сарапульский листок объявлений. – 1900. – № 26.

21 Прикамский край. – 1905. – № 34.

22 Прикамский край. – 1908. – № 185.

23 Прикамская жизнь. – 1910. – № 140.

24 Кама. – 1917. – № 135.

Серьезный удар торговому дому Зылевых был нанесен кончиной 17 октября 1901 г. главы семейства – Николая Павловича Зылева²⁵. На страницах газеты «Сарапульский листок объявлений» сообщалось, что отпевание состоится в Вознесенском Соборе. Там же накануне сорокового дня с кончины «дорогого мужа и любимого отца» семья позаботилась о «заупокойной всенощной» службе²⁶. Семейное Дело продолжила жена Н.П. Зылева, сильная и незаурядная женщина. Она взяла бразды правления в свои руки, смогла остаться в купеческом сословии и успешно продолжить дело. В документах Казенной палаты за февраль 1902 г. значится, что «купеческая вдова Зылева Вера Александровна с сыновьями Александром и Владимиром зачислена с 1902 года в состав торгующего купечества 2-й гильдии города Сарапула, а также с дочерьми Ниной и Екатериной...»²⁷.

Вера Александровна Зылева и ее сыновья достойно отнеслись к своему наследству. Они не стали его делить, а сосредоточили все свои силы на его приумножении, что и принесло позитивные результаты. В справочнике «Вся Россия» среди сарапульских предприятий числился и Торговый дом «Николая Павловича Зылева Наследники», владельцем которого уже являлась Вера Александровна. На 1902 г. предприятие насчитывало 70 рабочих²⁸. Расчетная книжка, выданная одному из рабочих 1 ноября 1901 г., представляет нам условия трудового найма на фабрику²⁹. Прием рабочих осуществлялся в соответствии с Законом от 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увольнении числа чинов фабричной инспекции»: 1) на определенный срок; 2) на срок неопределенный; 3) на время исполнения какой-нибудь работы, с окончанием которой прекращается и сам наем. Наем рабочих совершался с фактом выдачи – принятия расчетной книжки³⁰. Принятый рабочий должен был иметь вид на жительство, который хранился в администрации³¹. Для малолетних рабочих существовали особо изданные правила³². Продолжительность рабочего дня регулировал закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности»³³. Предельной считалась дневная работа не более 11,5 часов, по субботам и в кануны перечисленных в законе праздников не более 10 часов, дневным време-

25 Сарапульский листок объявлений. – 1901. – № 65.

26 Сарапульский листок объявлений. – 1901. – № 85.

27 АОАС. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 149.

28 Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес – Календарь Российской империи. – С. 299.

29 МИКСП. «Письменные источники». – Ф. 33. – КП – 5438.

30 Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес – Календарь Российской империи. – С. 96.

31 МИКСП. «Письменные источники». – Ф. 33. – КП – 5438.

32 МИКСП. «Письменные источники». – Ф. 33. – КП – 5438.

33 ПСЗ Российской империи. – СПб., 1900. – Т. ХУП. – № 14231.

нем считалось время с 5 часов утра до 9 часов вечера; ночная работа могла продолжаться не больше 10 часов³⁴. Выдача заработной платы производилась не реже одного раза в месяц, и не реже двух раз в месяц при найме на срок неопределенный³⁵.

Основными правилами заводского режима на производстве Зылевых были своевременный выход на работу, поддержка чистоты и порядка на рабочем месте, осторожное обращение с огнем, соблюдение правил безопасности при работе с машинами. Строго воспрещались выход на работу в нетрезвом состоянии, нарушение тишины в заводских помещениях, устройство игр на деньги, курение в не отведенных для этого местах. Нарушение правил предусматривало штрафы.

Расширив сферу деятельности, наследники Н.П. Зылева создали новые предприятия. В 1902 г. был основан паровой маслобойный завод в слободе при г. Сарапуле. В документации завода дается следующее описание: «Земля под заводскими постройками 10-13 десятин совместно с пространством занятым канатно-прядильным заводом. Завод находился за две версты от центра г. Сарапула и за две с половиной версты от пароходных пристаней. Он работал 5 месяцев в году – с января по май. Остановка осуществлялась из-за нехватки семени и условий сбыта масла. В месяц предприятие работало дней 20-25, работа была организована в две смены только для вальной продажи. Первоначальная выработка была 500 пудов в год, в дальнейшем намечалось довести производство масла до 10 тыс. пудов. Завод обслуживало 14 рабочих, заработная плата в день у которых составляла от 40 до 50 копеек. Всем была предоставлена готовая квартира, отопление и освещение. Рабочим на ремонт жилья отпускалось в год 4 500 рублей»³⁶. Факты свидетельствуют о том, что маслобойный завод купцов Зылевых процветал, производство было выгодным.

С января 1903 г. Торговый Дом объявил об открытии паровой краскотерочной фабрики масляных красок. В Уральском торгово-промышленном адресе-календаре на 1904 г. появилась полная и подробная реклама «Торгового Дома Николая Павловича Зылева Наследников»³⁷, который объявлялся собственником паровых фабрик, пеньковых канатов, масляных красок, растительных масел, всевозможных обыкновенных и лаковых олиф. В рекламе перечислялась выпускаемая продукция, а именно: буксиры, канаты, веревки, шнуры, бичева, смольные и бельные товары; конопляное и льняное масла. Торговый дом имел развитую торговую сеть, его отделения функционировали в таких крупных городах, как Усолье, Пермь, Астрахань, а также имелись

34 Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес – Календарь Российской империи. – С. 97.

35 МИКСП. «Письменные источники». – Ф. 33. – КП – 5438.

36 ЦГА УР. – Ф. 3. – Оп. 1. –Д. 69. – Л. 58.

37 Уральский торгово-промышленный Адрес – Календарь на 1904 г. – Пермь, 1903.

склады в Нижнем Новгороде, в Усолье, в Самаре. Обозначено, что услуги предоставляются для пароходо-судо-владельцев, лесопромышленников, частных и казенных заводов, владельцев шахт, приисков и хозяйственных имений. Торговый Дом неоднократно получал награды на крупнейших выставках, в частности, Казанской и Нижегородской.

Таким образом, в начале XX в. с образованием торговых домов, ассоциированных обществ, усиливается конкуренция. Обзор заявлений – анкет владельцев торговых предприятий за 1910-1915 гг.³⁸, подававшихся в казначейство, дает возможность увидеть достаточно высокий уровень развитости сарапульских товариществ. Расширялась торговая сеть, свои оптовые склады собственники старались иметь в крупных городах, тем самым успешно конкурируя с другими производителями не только в регионе, но и по всей России. Грамотная и постоянная реклама стала хорошим союзником в борьбе за рынки сбыта. Многим из промышленных предприятий г. Сарапула были присущи основные качества успешного роста предпринимательства, а именно: сосредоточение семейного капитала, развитие промышленной сети, стабильный рынок сбыта, профессиональный рост.

Библиографический список

1. Блинов Н.Н. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов. – Сарапул: типолитография А.Л. Пойловой, 1887.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – Т. XVII. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896.
3. Даль В. Толковый словарь. – Т. II. – М., 1956.
4. Козлова Д.А. Династия Смагиных. Предпринимательство и благотворительность // Материалы Всероссийской научной конференции «Камский торговый путь». – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008.
5. Козлова Д.А. Семья Смагиных. Предпринимательская деятельность и семейные традиции // «III Русановские чтения» всероссийские общественно-исторические чтения имени Владимира Николаевича Русанова. – Оса, 2008.
6. Козлова Д.А. Купеческая династия Ижболдиных: предпринимательство и семейные традиции // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2008. – № 3.
7. Козлова Д.А. Династия Ижболдиных. Семейные традиции и предпринимательство // Материалы Международной научно-практической конференции «Шишкины и 1000-летняя Елабуга. Их роль в развитии российской глубинки». – Елабуга, 2007.

8. Козлова Д.А. Исторические прогулки вокруг Воскресенского храма // В уездном городе «С». – Сарапул, 2008.
9. Козлова Д.А. Предпринимательская деятельность торгового дома «Николая Павловича Зылева Наследники» // Менделеевский музейный вестник. – Менделеевск, 2007.
10. Колчина Л.П. Мошевитины – основатели кирпичного производства // Предпринимательские династии Вятско-Камского региона XVIII – XX вв. – Ижевск, 2008.
11. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. – М., 1995.
12. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск, 2001.
13. Федорченко-Шемякина Л.Н. Сарапульская старина. – Кн. 1. – Сарапул, 1993.

Е. Н. МЕНЬШИКОВА

Белгородский государственный университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ЖЕНЩИН
КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ КУРСКОЙ
И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ
ПЕРИОД (60-90-Е ГГ. XIX В.)¹

Купечество Курской и Воронежской губерний в начале 60-х годов XIX века по демографическим показателям было немногочисленным, но в силу экономического потенциала и социальной активности оно представляло собой чрезвычайно влиятельную сословную группу в социальной структуре провинциального общества. Так, по данным Памятной книжки Курской губернии за 1860 год, общая численность купечества губернии составляла 11 658 человек (6 148 – мужчин, 5 510 – женщин) [16, с. 170-171]. Памятная книжка Воронежской губернии за 1863/64 годы свидетельствует, что в губернии к купеческому сословию было причислено 11 079 человек (5 911 – мужчин, 5 168 – женщины) [15, с. 87].

Пореформенная модернизация всех сторон жизнедеятельности русского общества внесла свои коррективы и в историю развития купеческого сословия Черноземья. Следствием известных реформ 1863-1865 гг. и 1898 г. в сфере регулирования предпринимательства в России стало изменение к 90-м годам XIX века численности представителей купеческого сословия в сторону общего снижения. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала следующие показатели, определяющие численность купеческого населения в исследуемом регионе. На 2 371 012 жителей Курской губернии приходилось 4 587 купцов (2 194 – мужчины, 2 393 – женщины) и на 2 531 253 жителя Воронежской губернии – 3181 представитель купеческого сословия (1 495 – мужчин, 1 686 – женщин) [18, 19]. То есть, к концу XIX века купечество в процентном отношении от всего населения составляло 0,1 % – в Воронежской губернии и 0,2 % – в Курской. Таким образом, налицо более чем двукратное сокращение численности представителей купечества за период с 60-х по 90-е годы XIX века.

Очевидно, что приведенные выше цифры, характеризующие общую численность купеческого сословия в пореформенное время, не дают полно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 09-01-55101 а/Ц.

го представления о реальном количестве женщин из купеческой среды, непосредственно участвовавших в предпринимательской деятельности. Для выяснения последнего необходимо привлечение иных источников, а именно тех, которые показывают прямое вовлечение женщин-купчих в «производство торговли». К таким источникам относятся, прежде всего, Книги об объявлении купеческого капитала и Книги регистрации выданных промысловых и сословных купеческих свидетельств.

Имеющиеся архивные материалы позволяют нарисовать следующую картину гендерного представительства в предпринимательской среде в 60-90-е годы XIX столетия. Так, в 1856 году в городе Борисоглебске Воронежской губернии 147 купцами было объявлено о своих капиталах, из них – 31 женщина (21 % от общего числа купцов) [6, л. 1-117]. В 1860 году в городе Белгороде, втором по величине городе Курской губернии, о своих капиталах объявили 145 купцов, из них – 15 женщин-купчих, то есть 10 % от белгородских купцов [4, л. 21-292].

В 1891 году в городе Короче Курской губернии из 391 купеческого свидетельства 31 было выдано женщинам, что составило 8 % [3, л. 1-85; 2, л. 1-119]. В городе Белгороде в 1894 году всего было выдано 195 купеческих свидетельств, 42 женщины-купчихи выбрали их на своё имя, то есть 22 % [5, л. 1-20].

Таким образом, можно говорить о том, что на протяжении исследуемого времени абсолютные показатели лично участвовавших в торговле женщин-купчих изменялись в сторону снижения, однако в процентном отношении они в среднем составляли 10-11 % от общего числа представителей купечества.

Следует отметить, что начало бизнес-истории женщины-купчихи в исследуемом регионе в 60-90-х годах XIX века было неразрывно связано с жизненным сценарием супруга. Чаще всего женщины начинали выбирать на своё имя купеческое свидетельство при складывании неблагоприятной ситуации в семье. Но не только потеря супруга или другие неблагоприятные обстоятельства толкали женщин-купчих на взятие торговых дел в свои руки. Торговое законодательство России предполагало вариативный подход к участию женщин в предпринимательстве. Согласно ему, женщинам из купеческой среды разрешалось становиться организатором собственного дела и при жизни законного супруга, причем теоретически без согласия последнего [20, ст. 44]. При самостоятельном предъявлении отдельного от мужа особого капитала купеческая женщина тем самым становилась инициатором создания параллельного дела в рамках одного семейства. Пользовались этим правом в пореформенный период, как показало изучение источников, немалое число представительниц торгового сословия. Ещё одной возможностью официального представительства купеческой женщины в семейном бизнесе было её участие в торговом деле своего мужа. Для этого купец был обязан при покупке гильдейского сви-

детельства внести в него имя своей жены, а также детей. Все члены купеческого семейства в таком случае имели право заниматься совместным бизнесом в рамках одного семейственного капитала [20, ст. 35].

На практике сферы приложения женской деловой активности в исследуемом регионе были представлены весьма широко. Наибольший интерес у женщин-купчих вызывала собственно торговля, по форме – стационарная и периодичная (базарная и ярмарочная). Именно торговля являлась главным источником дохода для наибольшего числа купеческих женщин в пореформенный период. Говоря об участии купеческих женщин в ярмарках, следует указать на эпизодичность и ограниченность этого представительства; отметить мелкооптовую ориентацию женской купеческой торговли.

Примерами оптовой торговли на Коренной ярмарке (как известно, обладавшей статусом всероссийского торга) в областях, традиционно представляющих собой поле острого конкурентного соперничества среди купцов-мужчин, являются заключавшиеся купчихами удачные торговые сделки. Так, в государственном архиве Курской области хранятся документы – контракты, обширная деловая переписка – 2-й гильдии курской купчихи, потомственной почётной гражданки Аграфены Алексеевны Гладковой, которая вела независимо от мужа (известного курского купца Ивана Васильевича Гладкова, возглавлявшего в своё время Курскую городскую Думу, специализировавшегося на крупной оптовой торговле сукнами), под своим именем, самостоятельную торговлю, а также, занималась сдачей в аренду принадлежавшего ей недвижимого имущества (лавок, складов, земельных участков).

Источники указывают на существование у А.А. Гладковой группы представителей её торговых интересов. Например, на Коренной ярмарке в июне 1846 года суджанский купец И.И. Богомазов через маклеров продал Гладковой топлёное баранье сало 1 сорта, имевшее характеристики высококачественного товара, а именно – «сало, вытопленное и без тяжёлого запаха, без всякой подмеси других сортов», в количестве 300 пудов, на сумму 720 рублей (цена одного пуда – 2 руб. 40 коп.). Проданное сало купец Богомазов обязывался доставить Аграфене Алексеевне в Курск спустя некоторое время, в октябре-ноябре, в своих собственных бочках [10, л. 8]. Ещё одна сделка, совершенная на Коренной ярмарке в то же время представителями Гладковой, заключалась в покупке крупной партии «превосходного» мела, добытого в Белгородском уезде [10, л. 9].

И всё же, в основном внимание купчих на ярмарках было сфокусировано на мелкооптовой торговле. Они торговали галантерейными и косметическими, москательными (продукция химического производства – краски, клей, керосин, дёготь), гончарными, скобяными товарами, а также различными пищевыми продуктами (вино, рыба, мясо, хлебобулочные изделия).

Сезонная прибыль, получаемая женщиной-купчихой на ярмарках, по-

зволюла существенным образом упрочить финансовое положение семейного торгового предприятия, расширить горизонты его деятельности. Но более надёжный доход в бюджет купеческой семьи приносила стационарная торговля. В губернском Курске, Воронеже и в уездных городах купчихи активно занимались торговлей. Они держали лавки (одну или несколько), винные погреба и пивные склады, открывали модные магазины, посещение которых становилось важной составляющей светской жизни провинциального города. Магази́нная форма торговли получила свое наибольшее распространение в крупных городах Курской и Воронежской губерний.

Женщины купеческого сословия в лавках и магазинах торговали теми товарами российского и импортного производства, которые находили спрос у различных состояний горожан и сельских жителей: продуктами питания, одеждой и обувью, предметами быта и роскоши, средствами гигиены, топливом и строительными материалами; удовлетворяли культурные и религиозные запросы клиентов – продавали книги, музыкальные инструменты, церковные свечи и другие вещи для отправления религиозного культа. Например, сужданская купчиха Ефросинья Алексеевна Несмачная в 1892 году в своих лавках одновременно с разными сортами рыбы и морепродуктами торговала железными товарами [17, с. 2]. А белгородская купчиха М.И. Кошкарова специализировалась в 1894 году на торговле съестными припасами и мануфактурными остатками [5, л. 16].

Не вписывается в стереотипную схему представлений о женской купеческой торговле и деятельность борисоглебских купчих А.М. Дьячковой и Е.Ф. Кочерминой. В 70-е годы XIX века они обе вели успешную торговлю железно-скобяными товарами. Позже получили разрешение губернских властей на торговлю оружием: пистолетами, револьверами, пистонами и средствами ухода за ними [11].

В 1863 году в Воронеже купчихе Фёкле Лихачёвой принадлежал магазин, размещавшийся на Московской улице, в Рыбном ряду. В нём продавались бакалейные, колониальные товары (сахар, чай, кофе, сигары, закуски). Параллельно она владела винным погребом и в этой сфере конкурировала с девятью подобными предприятиями, являвшимися собственностью мужчин-купцов [15, л. 164].

Впечатляющим примером масштабности и представительности принадлежащего женщине-купчихе торгового предприятия, организованного в уездном городе, могут служить данные, извлечённые из подробной описи движимого имущества рыльской 2-й гильдии купчихи М.Д. Золотаревой за 1889 год [9, л. 2-122]. Купчиха Золотарёва владела в городе Рыльске лавками, в которых торговала красным товаром и свечами – церковными и для бытовых нужд. На момент составления описи в лавках находилось 222 наименования красного товара на сумму 23 260 руб. 77 коп. и свечей (венчальных, поминаль-

ных, для освещения помещений) на сумму в 350 руб.

Модные магазины, в которых производилась «значительная торговля» одеждой, красными товарами, галантерейными и юфтовыми товарами (обувью: сапогами, башмаками; чемоданами; кожами и др.), размещавшиеся на первом этаже многоэтажных каменных домов, отличавшиеся высоким уровнем обслуживания покупателей, содержали в конце 50-х – первой половине 60-х годов XIX века на центральных улицах Воронежа купчихи А.М. Пименова, Е.Л. Понамарёва, Е.П. Николаева, А.С. Крапивина, А.Г. Кривошеина, А.В. Борисова, А. Наумова, М. Остроумова, Скулатова, Порембская, Шингарёва [14, с. 32; 15, с. 164].

Другой сферой женского купеческого предпринимательства было промышленное производство. Наибольшее распространение в пореформенный период в Курской и Воронежской губерниях получили принадлежащие купчихам предприятия, специализирующиеся на обработке сельскохозяйственной продукции – маслобойное и мукомольное производства, салотопенные и воскобойные заводы, шерстомойные и пенькотрепальные заведения, винокуренные заводы, табачные фабрики и пр. Также купеческие женщины владели кирпичными и мыловаренными заводами.

Часть промышленных предприятий, управляемых купчихами, были оснащены современным оборудованием, в том числе на них использовались паровые машины; по числу рабочих они относились к заведениям фабричного типа. Такими заводами были, например, паровые шерстомойные предприятия белгородской купчихи Ольги Соловьевой и купеческой вдовы Е.В. Чеботаревой. Заведение последней владелицы оценивалось в 1895 году в 15 тыс. руб. [13, с. 3]. В этом же ряду стоят крупчатый завод курской купчихи Д.А. Васильевой, спиртоочистительный завод щигровской купчихи Анны Михеевой и её сыновей, винокуренный завод новооскольской купеческой жены Е.И. Балабановой [17, с. 2; 8, л. 1].

Интересной иллюстрацией участия представительницы купеческого сословия в промышленном производстве служит деятельность воронежской купчихи Ю.Ф. Шуваевой [1, с. 156]. Этой женщине в 60-х годах XIX века принадлежала новейшая по тому времени табачная фабрика, размещавшаяся на Большой Дворянской улице Воронежа в арендуемом доме купцов Русиновых. Фабричное производство существовало в состоянии постоянной конкурентной борьбы с подобными предприятиями, принадлежащими крупным воронежским купцам-заводчикам Е. Кофели, А. Айваде, Ф. Петрову, Н. Некрасову.

В условиях быстро меняющейся в 60-90-х годах XIX века рыночной конъюнктуры, возрастания конкуренции между представителями купеческой корпорации и других сословий, особенно мещан, немаловажный дополнительный источник дохода купеческие женщины видели в организации сопутствующих с торговлей предприятий. Одной из таких дополнительных

сфер профессиональной занятости женщин купеческого сословия была сфера услуг.

Предпринимательская деятельность в сфере услуг включала в себя занятие гостиничным и трактирным делом. Нередко занятия данными видами бизнеса были для купеческих женщин смежными: купчихи, содержавшие номера и меблированные комнаты, постоялые двory и гостиницы, предоставляли своим клиентам богатый выбор продуктов питания и спиртных напитков. От географии деятельности купчихи зависели формы её гостиничного дела. Постоялые двory купеческие женщины чаще всего открывали в крупных сёлах, номера, как и гостиницы, содержали в уездных и губернских городах. Объекты трактирного и гостиничного бизнеса купчихи размещали в принадлежащих им зданиях или в арендуемых помещениях. Так, гостиницу с комфортабельными номерами для приезжих и существовавшее при ней питейное заведение держала в Белгороде в середине 80-х – начале 90-х годов XIX века на Смоленской улице в собственном доме купчиха Александра Васильевна Пацева [17, с. 2]. В 80-е годы 3 гильдии купчиха Елена Фроловна Стрельникова содержала в городе Короче номера для приезжих [3, л. 80]. А купеческая дочь Анастасия Гавриловна Куцына содержала в начале 90-х годов в городе Путивле меблированные комнаты, которые городские налоговые органы причисляли к заведениям трактирного типа [8, л. 4].

Не менее доходными сферами предпринимательства были для женщин участие в казённых подрядах и откупках, области арендных отношений и финансов. В этой связи следует отметить две детали: во-первых, масштабы данных видов женского предпринимательства были несравнимо меньше мужских; во-вторых, для многих купчих эти сферы не были приоритетными – ими занимались в сочетании с торговлей или промышленным производством. И вместе с этим архивные материалы сохранили немало любопытных примеров проявления женской деловой активности в этих отраслях. Например, в июне 1863 года курская купчиха Татьяна Никитична Свешникова, занимавшаяся в основном торговлей мануфактурным товаром, выиграла устроенный губернскими властями конкурс на получение подряда на строительство в городе Новый Оскол каменной тюрьмы [12, с. 48]. Для производства строительных работ ею по контракту были наняты государственные крестьяне, отец и сын – Семён Романович и Пётр Семенович Лахутины. По причине «лености и пьянства» строители не смогли справиться с заданной работой в срок. В итоге купчиха Свешникова была вынуждена обратиться в Старооскольский уездный суд с иском о взыскании с крестьян денег, потраченных на это предприятие.

Чрезвычайно распространённым видом женского купеческого предпринимательства в пореформенное время была сдача в аренду торговых помещений под различные лавки, магазины, склады; жилых площадей в так называемых доходных домах – для долговременного проживания в городе предста-

вителей различных состояний. Рента от аренды недвижимой собственности также являлась для женщин-купчих многолетним дополнительным источником дохода.

Имевшиеся «свободные» капиталы купчихи в 60-90-е годы XIX века пускали в оборот. Они давали деньги в долг под проценты, под залог недвижимого имущества, помещали в банки на «вечное хранение» с правом пользования процентами, вкладывали в государственные ценные бумаги.

Ярко выраженная сельскохозяйственная ориентация исследуемых губерний Центрально-Чернозёмного региона России в 60-90-х годах XIX века прямо отразилась на хозяйственной деятельности купеческих женщин: многие из них энергично занимались аграрным бизнесом – сдавали принадлежащую им землю в аренду или организовывали собственные хозяйства. Анализ такого пласта архивных материалов, как описи имущества, духовных завещаний представительниц купеческого сословия Курской и Воронежской губерний, позволил выявить место аграрного бизнеса и его модификаций в общей структуре экономической деятельности купчих. Аграрный сектор не имел приоритетного значения в хозяйственной деятельности купеческих женщин, а являлся, скорее, ещё одним дополнительным источником поступления денежных средств в бюджет семьи. Распространённым явлением среди купеческих женщин было занятие в своем личном хозяйстве товарно-ориентированным пчеловодством, садоводством, огородничеством, разведением скота.

Таким образом, целенаправленный анализ разнотипных источников позволил нарисовать некую общую картину участия женщины купеческого сословия Курской и Воронежской губерний в предпринимательской деятельности в 60-90-х годах XIX века. Как оказалось, наиболее привлекательными сферами предпринимательства для женщин-купчих исследуемого региона в пореформенный период являлись собственно торговля, промышленное производство, ориентированное на обработку сельскохозяйственной продукции, сфера услуг (содержание постоянных дворов, гостиниц, трактиров, харчевен и др.). Второстепенными были области арендных отношений и финансов, аграрный бизнес (получение доходов от сдачи в аренду земли сельскохозяйственного назначения или организация личного хозяйства), иначе говоря, те отрасли экономической деятельности, которые приносили в семейный бюджет дополнительные доходы. Кроме того, оценивая профессиональную деятельность купчих в 60-90-х годах XIX века, нельзя не отметить важные характерные особенности женского купеческого предпринимательства. Энергичное участие в семейном бизнесе являлось для женщины-купчихи, независимо от её семейного положения, социально одобряемой поведенческой моделью. Деловой интерес купчих одновременно был сосредоточен на нескольких видах торговых действий. Основная масса представительниц купеческого сословия Курской и Воронежской губерний самостоятельно занималась

мелкооптовой и розничной торговлей, по форме – периодичной (на ярмарках, базарах) и стационарной (в лавках, магазинах и т.д.). Персонифицированно женская купеческая торговля в большинстве случаев была представлена вдовствующими купчихами, продолжавшими возглавлять семейный бизнес после смерти мужа с целью сохранения семейного капитала и преемственности социального положения детей. Препятствием к полноценному занятию предпринимательством для замужней купеческой женщины было исполнение широкого спектра домашних обязанностей – от воспитания детей и управления всем домашним хозяйством до представления своего супруга в публичной сфере его деятельности.

Принимая во внимание всё сказанное выше, можно сделать выводы о том, что модернизационные процессы, происходившие в российском обществе в пореформенное время, непосредственно коснулись и жизни женщины купеческого сословия Курской и Воронежской губерний. С одной стороны, для купчих в исследуемое время брак и семья по-прежнему оставались единственным общественным предназначением. Но с другой стороны, причастность (в той или иной степени) к различным видам предпринимательской деятельности, требующим проявления поведенческой активности, поддержания деловых и личных контактов с многочисленными людьми (клиентами, деловыми партнёрами), выводила купеческую женщину за узкие рамки семьи. Так постепенно трансформировалось традиционное распределение ролей между мужчинами и женщинами в купеческой среде, при котором женщина была заключена исключительно в частной сфере дома, а мужчина – во внешнем мире.

Библиографический список

1. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях / Сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж, 1866. – С. 156.
2. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАБО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАБО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 441.
5. ГАБО. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 14.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 225.
7. Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2484.
8. ГАКО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3774.
9. ГАКО. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 15.
10. ГАКО. – Ф. 724. – Оп. 1. – Д. 24.

11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 8315.
12. Курские губернские ведомости. – 1863. – 18 марта.
13. Курские губернские ведомости. – 1895. – 20 октября.
14. Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. – Воронеж, 1856.
15. Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 гг. – Воронеж, 1864.
16. Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. – Курск, 1860.
17. Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. – Курск, 1892.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XX. Курская губерния. – СПб., 1904.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XIX. Воронежская губерния. – СПб., 1901. – Тетр. I.
20. Собрание законов Российской Империи. – Т. XI. – Ч. II. – Тетр. 2: Устав торговый. – СПб., 1857.
- 21.

С.В. МЯСНИКОВ

г. Санкт-Петербург

УЕЗДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. КРАХ КУПЕЧЕСКОЙ ЕЛАБУГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЕВЕДА Г.Н. МЯСНИКОВОЙ)

В уездном городе Елабуге Вятской губернии борьба за советскую власть проходила в весьма сложных и своеобразных условиях. Основная масса горожан не придерживалась, безусловно, радикальных революционных взглядов по будущему переустройству общества. Население Елабуги и Елабужского уезда, несмотря на бурное развитие капиталистического уклада жизни, отличалось патриархальностью и религиозностью мышления, несомненно, свойственного для всей провинциальной России того времени. Успешность местных купцов, развитая религиозная и общественная благотворительность, постоянное наличие вакансий в торговых предприятиях не способствовало в целом закреплению радикальных идей в умах горожан. Но вихрь революционных событий российской действительности не мог оставить Елабугу в стороне от политических перемен. В этой ситуации основным экспортером, рассадником идей революции стали ближайшие заводские поселения.

Основным центром революционного «смутьянства», конечно же, стал Бондюжский химический завод, расположенный на территории Елабужского уезда. События там развивались активно с 1905 г. По городу и уезду тайно распространялась революционно-политическая литература, которую, например, нелегально доставлял в Елабугу революционер, бывший студент из Харькова, А.П. Вохмин.

Измученные тяжелыми условиями труда и низкими заработками рабочие-химики охотно воспринимали революционную пропаганду. Это способствовало значительному росту классового сознания и забастовочного настроения. По Бондюге прокатилась волна рабочих собраний, сходок, где выработывались экономические требования к заводской администрации.

Эта волна стачечного движения бондюжских рабочих втягивала и другие слои населения края. Так, в октябре 1905 г. в Елабуге началась забастовка служащих купеческих магазинов, которые требовали отдыха в воскресные дни и повышения заработной платы. С революционными песнями и красными флагом забастовщики вышли на Хлебную площадь. Вскоре на площади появился уездный исправник и стал упрашивать демонстрантов мирно разойтись по домам, но демонстранты во главе с приказчиком Кочневым стали бросать политические прокламации революционно-подстрекательного характера.

В революционную борьбу втягивались и крестьяне Елабужского уезда.

По сведениям, собранным Вятским губернатором, в 1905 г. крестьяне Елабужского уезда поджигали помещичьи усадьбы и самовольно вырубали леса. Так, крестьяне деревень Старая и Новая Мурзиха вырубали 22 десятины леса, принадлежащих помещику Зайцеву, сожгли его скотный двор и делали неоднократные попытки поджечь барский дом. В итоге организатор крестьянских волнений К.Ф. Лемасов был арестован и приговорен к ссылке. Крестьяне деревни Шаршады Пьяноборской волости вырубали лес князя Шейх Али, причинив убыток в сумме 5 000 рублей, а потом сожгли его дом, стоимостью в 20 000 рублей. Каждое выступление крестьян жестоко подавлялось властями.

Новая волна революционных событий в Елабужском крае неразрывно связана с созданием советских органов власти после февральской революции 1917 г. в Петрограде. Первыми в уезде были созданы советы рабочих депутатов на Бондюжском, Кокшанском и Сюгинском заводах (март-апрель 1917 г.), а также совет солдатских депутатов 230-го запасного полка в Елабуге, которым руководил Сמידченко. В мае был создан совет крестьянских депутатов уезда. В конце мая 1917 г. произошло слияние бондюжского совета рабочих депутатов с Елабужским советом солдатских депутатов, а затем они объединились с крестьянскими депутатами.

5 июня объединенный совет рабочих, крестьянских, солдатских депутатов образовал уездный исполнительный комитет из 61 человека, куда вошли 23 представителя от волостей. Однако в дооктябрьский период, как и в большинстве малых городов России, Елабужский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов находился полностью под влиянием эсеров и меньшевиков. И он в основном поддерживал мероприятия временного правительства, проводимые в жизнь уездным комиссаром.

На страницах выпускаемых ими газет: «Елабужская жизнь» – орган местных кадетов, «Крестьянская жизнь» – орган уездного земства и эсеров, «Елабужский рабочий» – орган меньшевиков – помещались статьи, призывающие народ к лояльности Временному правительству, к доведению войны до победного конца и ожиданию дальнейшего созыва Учредительного собрания.

К осени 1917 г. в Елабужском уезде наметилась тенденция большевизации советов. 13 ноября 1917 г. избрали новый состав совета рабочих депутатов, который активно стал воплощать в жизни решения – Второго Всероссийского съезда советов рабочих, солдат и матросов в Петрограде. Кроме того, совет быстро распространил свое влияние на села. 16 ноября 1917 г. уездный съезд крестьянских депутатов принял решение о переходе власти к советам. Большую роль на этом этапе деятельности советов сыграл большевик – С.Н. Гассар.

В результате в Елабуге был создан первый отряд Красной гвардии из революционно настроенных солдат 230-го полка. Первоначально дружина была очень малочисленной, но ее командир Сמידченко стал вербовать туда уезд-

ных крестьян, которые поддались революционной агитации.

В то же время в самой Елабуге местные купцы, авторитетные представители духовенства, растерявшись в первые дни после Октябрьского переворота в столице, собрав силы, попытались свергнуть местные органы советской власти. Опираясь на поддержку правых эсеров и меньшевиков, используя анархические настроения части солдат 230-го полка, они спровоцировали разгром большого винного склада. В итоге в городе возник серьезный пожар и началось массовое пьянство.

Однако местные большевики не выпустили инициативу из своих рук. Они смогли выжить из состава уездного исполкома советов эсеровское большинство. А в январе 1918 г. полностью стали контролировать деятельность уездных советов под руководством своего лидера – Гассара.

Но елабужское купечество и духовенство не сдавалось. Оно также стало организовывать вооруженные отряды из числа офицеров, учащихся реального училища и контрреволюционно настроенных приказчиков и служащих торговых фирм. В то же время уездное духовенство вело усиленную пропаганду против советов. Основным штабом елабужской контрреволюции стала мешанская управа. 4-5 февраля 1918 г. силы елабужской контрреволюции возглавили инициативные представители духовенства – протоиереи Дернов и Танаевский, а также купцы из династии Стахеевых. Под их началом вооруженный отряд захватил здание уездного исполкома и склад с оружием. Но часть членов уездного исполкома вместе с Гассаром сумели убежать в деревню Токмашку. Гассар сумел получить подкрепление у красногвардейцев в г. Сарапуле. Одновременно в Токмашку стали стягиваться отряды революционно настроенных крестьян из соседних деревень и сел. Значительную помощь уездным советам оказали рабочие Ижевских заводов.

24 февраля того же года сарапульские и елабужские красногвардейцы вступили в Елабугу. Основной организатор антисоветской борьбы протоиереем Дернов и три его сына были арестованы и расстреляны. Работу по укреплению Советской власти в Елабуге продолжил революционный штаб.

Однако это еще был далеко не успешный итог борьбы за советскую власть в Елабуге и в одноименном уезде, силы старого общества не сдавались. Ее, советскую власть, еще было нужно в будущем дважды восстановить. Впереди разгоралось большое пламя событий гражданской войны, которое сопровождалось гораздо более кровавыми страницами красного и белого террора.

Д.М. ПЮРИЯЙНЕН

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

СТАРООБРЯДЦЫ КАК КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ РУССКОГО ГОРОДА В 40-50-Е ГГ. XIX В. (НА ПРИМЕРЕ Г. САРАПУЛА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В социальной структуре Сарапула среди подавляющей массы православного населения выделялась группа старообрядцев как одна из наиболее крупных конфессий города в рассматриваемый период. Несмотря на незаурядный характер данной социальной общности, она до сих пор мало изучена исследователями. В данной статье рассматривается один из этапов её развития. Основными источниками для создания работы стали архивные материалы Государственного архива Кировской области (далее ГАКО), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Раскольники издревле являлись частью жителей г. Сарапула, тем не менее, достоверных сведений об их первом появлении пока не обнаружено. Массовое появление в городе старообрядцев, несомненно, было связано с географическим положением поселения. Сарапул, находясь на крупнейшей в регионе транспортной артерии – Каме, стал приютом для раскольников, стремившихся укрыться от гонений коронной администрации и официальной религии в уральском регионе и в далёкой Сибири. Действительно, удобное расположение города делало Сарапул привлекательным для раскола местом. Тем более что Камой он был соединен с крупнейшими раскольничьими центрами, находившимися в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Самаре и Перми. Эту же версию выдвигал и чиновник канцелярии вятского губернатора Кабалеров, расследовавший распространение в Сарапуле ересей в 50-е гг. XIX в.: «Раскол занесен в Сарапульский край поселенцами из других губерний, укоренился и развивался при содействии местных обстоятельств» [2, л. 13].

Либеральная политика в отношении раскольников, проводимая сначала Екатериной II (1762-1796 гг.), а затем и Александром I (1801-1825 гг.), привела к усилению их позиций как по всей России, так и в Прикамье, в частности. С приходом к власти Николая I (1825-1855 гг.) происходит ужесточение мер государства в отношении старообрядцев. Исследование выявило различия в отношении к раскольникам центральной и местной власти. Расположенные вдалеке от центра провинциальные чиновники не всегда ретиво стремились исполнять заветы государства. Местная администрация находилась в тесном

контакте с раскольниками, видела их высокую нравственность и трудолюбие, что, вероятно, и вызывало её терпимое отношение. К тому же и сами раскольничьи старосты стремились задобрить начальство различными дарами, а то и открытым подкупом. Поэтому даже и в 40-50-е гг. XIX в. Сарапул по-прежнему имел в губернии славу старообрядческого центра Прикамья. Искоренение раскола стало для Николая I одной из важнейших внутривосточных задач. По всей стране активно начинают закрываться часовни и моленные дома староверов. Особое внимание уделяется Уралу и Сибири, как традиционным раскольническим центрам.

В 1842 г в сложной конфессионально-политической ситуации в канцелярию вятского губернатора поступило донесение, что «в г. Сарапуле веротерпимость чрезвычайная и оттого, едва ли не половина жителей сего города состоят в отдалении от православия, если же многие из них того не выказывают, то единственно из страха наказания ... О чем местная полиция и может бы дать сведения, но корыстолюбие не позволяет, так действовать, что много людей Пермской губернии и из далеких волостей Сарапульского уезда привлекались в раскол, проживают в городе без всяких видов, весьма спокойно содержатся в домах, в особо выстроенных покровителями сект: как то Колчинскими и др. благодетельными купцами ...» [1, л. 1]. На основании донесения губернатор вынужден был направить в город ряд чиновников. Первым прибыл советник Губернского Управления Сипягин, которому было поручено расследовать сложившуюся в городе конфессиональную ситуацию. Отчёт Сипягина, сохранившийся в фондах ГАКО, помогает нам достаточно полно представить положение сарапульских старообрядцев в середине XIX в. Тщательное и всестороннее следствие, проведённое Сипягиным, в первую очередь, развеяло миф о количестве раскольников. Общее их число, по данным чиновника, в 1842 г. не превышало 10 % горожан (450 чел.). Причём советник отмечает, что произошло значительное снижение их численности после приобщения части раскольников к единоверию. Единоверческий священник Шутов подтвердил, что за пять лет с 1837 г. его паства из числа горожан возросла с семи до 97 чел. обоего пола (то есть за пять лет увеличилась почти в 14 раз!) [1, л. 5]. По данным того же священнослужителя, в рассматриваемый период в городе существовало две группы раскольников. Первую группу составила Белокриницкая иерархия старообрядцев – поповцев. Самая крупная по численности ветвь, широко распространённая не только в Сарапуле, но и по всему Уралу, Поволжью и Сибири. Она считалась наименее опасной среди раскольнических направлений, так как признавала священство официальной церкви. Вторую группу представляли конфессии духовных христиан, которые часто называются сектами, так как они достаточно далеко ушли в своих взглядах от традиционного старообрядчества.

Таким образом, в 40-е гг. XIX в. около 10 % горожан являлось расколь-

никами, главным образом, поповского толка. Составляя десятую часть жителей, они стремились к духовному единению, к созданию настоящей церкви. Помочь в этом старообрядцам мог сильный лидер, который рискнул бы создать в городе тайный храм в виде молельни или часовни. Без сомнения, сарапульчане знали о существовании раскольничьих скитов и часовен на территории соседней Пермской губернии, где они, несмотря на запреты государства, существовали на почти легальных правах. Государство вынуждено было мириться с таким положением, так как было заинтересовано в старообрядческом большинстве в уральских заводских центрах. Но потворствовать расколу в Прикамском Сарапуле, который к тому же был форпостом среди инородческого окружения, они не были заинтересованы.

Традиционно лидерами раскольников являлись знатные купцы или наиболее зажиточные мещане. Проживая в городе, они собирали пожертвования на нужды общины не только с городских раскольников, но и с деревенской округи. Собранные средства тратились на религиозные нужды и на поддержание беднейших членов общины. Однако Сарапульский протоирей Анисимов утверждал, что большая часть скопленной «дани» оставалась в руках духовных лидеров раскольников [1, л. 12]. Поэтому существование старообрядцев, несмотря на притеснения государства, было экономически выгодно в первую очередь беднейшей и богатой части раскольников. Купечество стремилось поддерживать сплоченность общины и следило за сохранением нравственного духа её членов. «Хитро умеют не только подмечать людей, находящихся в затруднительном положении дел хозяйственных, но и вовлекать в такое положение, особенно склонных к расколу, и потом дают им способ выйти из такого положения, и даже обеспечивают их на будущее, и обнадеживают в постоянном поддержании благосостояния их, жертвуя на этот предмет значительные деньги. С другой стороны, они стараются всеми мерами держать в руках своих общественные постройки, подряды, статьи /как это особенно замечено по удельному ведомству/, дабы часть их уже из своих рук передавать беднякам, и тем обязывать их как бы благотворением», – сообщал в 1851 г. чиновник Кабалеров [2, л. 17]. Традиционное негативное отношение к раскольниковым выражает М.Е. Салтыков-Щедрин в своей повести «Мастерица». Повестью о данном периоде, он рассматривает семейство Ключевых, в лице которых литературоведы видят старообрядческую династию Сарапула Колчиных. Михаил Евграфович отмечает процесс втягивания старообрядцев в капиталистические отношения, которые необратимо меняют устройство общины. Он утверждает, что из семьи выделилась аристократия, которая не имела ничего общего с простыми ремесленниками и торговцами той же фамилии. Именно последние сохраняли старинные традиции раскола и свято соблюдали заветы предков в отличие от своих более обеспеченных родственников. Автор с иронией описывает их быт: «У богатых Ключевых всё на европейский ма-

нер; если вы каким-нибудь образом не проникните в тот отдалённый и всегда обращенный окнами во двор покой, в котором находится моленная, или в ту ещё более отдаленную коморку, в которой несколько десятков лет заживо умирает какая-нибудь слепая «баушка», если вам притом не укажет какой-нибудь услужливый чичероне на одиноко стоящую во дворе баню, в которой обитает пять-шесть дряхлых старух, то вы никогда не подумаете, что находитесь у раскольника. Полы парке, стены под мрамор, образов немного, сам хозяин беседует бойко и развязно, жена его в разговоре с вами допускает двусмысленности, а изредка и некоторую томность во взорах, при детях имеется и гувернантка-англичанка» [5]. Приверженность расколу у столь «европеизированных» купцов автор объясняет экономической выгодой. Старообрядческая община образовывала единый экономический конгломерат, который всегда поддерживал своих членов. И если купец разорился, то раскольничья братия не давала ему обанкротиться и покрывала его материальные издержки. Тем не менее, Салтыков-Щедрин не учитывает, что такой купец вынужден был вести двойную жизнь. Роскошь, художественно приукрашенная автором, должна была отвлекать внимание церковных и светских властей, от духовой жизни купца. Ведь, как правило, формально такой предприниматель состоял в числе православных официальной церкви или единоверцев (иначе он не мог получить статус купца). Но Михаил Евграфович верно подметил суть процессов, начавшихся в среде городских раскольников. Тесное общение с никонианами, в первую очередь в экономической сфере, часто приводило к полному переходу купца в лоно официальной церкви.

В ряде документов на себя обращает внимание тот факт, что сарапульские старообрядцы, особенно до 50-х гг. XIX в., поддерживали родственные и духовные связи с раскольниками из других местностей и, в первую очередь, Пермской губернии. Так, губернский чиновник Сипягин сообщал в управление: «... Прежде же действительно было много приезжающих из других мест женщин-расколиц под видом монахинь, но имели ли они узаконенные для проживания паспорта, или виды, неизвестно впрочем останавливались ли они более у православных, ибо раскольники не пускали их к себе за нетрезвую жизнь» [1, л. 9]. Но прибывавшие не все были склонны к пьянству (само это утверждение вызывает сомнение, так как противоречит религиозным канонам раскола), как это пытались показать городские чиновники губернатору. Странницы позволяли поддерживать связь со всем старообрядческим миром империи.

Старообрядцы опасаясь карательных мер со стороны государства, открытой пропаганды своих взглядов среди жителей не вели. Вятские чиновники тщательно осмотрели дома раскольников, никаких мест тайных сборищ не нашли. Можно предположить, что данный факт не свидетельствует о том, что у сарапульских староверов не было тайных молелен, а скорее говорит о

тесной связи раскольников с другими общинами, которые и могли предупредить о приезде и надвигающейся проверке. Исследуя конфессиональный состав уральских городов, С.В. Голикова отмечает, что при богослужении сарапульские староверы приносили книги с собой. Большая их часть относилась к обеспеченным горожанам, что позволяло содержать домашние обширные религиозные библиотеки. Так в 1837 г. у мещанина Е. Зайцева было конфисковано 28 книг общей стоимостью в 400 руб. Тайные библиотеки были конфискованы у купцов Баранова (инициалы отсутствуют) и И.В. Телицина. У мещанина Т. Смагина, помимо книг, в 1854 г. была найдена и обширная переписка со старообрядцами Европейской России [4].

«Процветание» староверов в XIX в. было связано с деятельностью семьи Колчиных. Представители данной династии, сменяя друг друга, становились старостами сарапульских раскольников. В 1840-е гг. их возглавлял мещанин Данило Колчин. В начале века путем подкупа городничего Смутьгинского купцы Колчины сумели добиться расположения местных властей и построить во дворе своего дома часовню, где и совершали все необходимые требы. В 1826 г. по предписанию МВД она должна была быть закрыта и уничтожена. Тем не менее, до губернских властей периодически доходили слухи о её действии. Поэтому в 1838 г. указ об уничтожении часовни был повторён, по свидетельству Сипягина, с того момента она не функционировала. При личном осмотре он нашёл её запертой и нетопленной. Со слов горожан, «заперли означенное строение замком, запечатали и за неприкосновенностью входа, а равно и за целостностью печатей, поручили городничему иметь неослабный надзор» [1, л. 16]. В 1841 г. в лесу за городом была построена на кладбище деревянная Георгиевская единоверческая церковь. Все имущество из закрытой часовни было передано в новую церковь [3]. На долгие годы идея создания собственного храма оставалась для сарапульских раскольников лишь мечтой. Свои духовные нужды они совершали в г. Казани, «где через тамошнего раскольникового попа свенчано 12 браков, из коих один брак единоверческий и два таких, где одно лицо единоверческого исповедания, а другие раскольники...» [1, л. 20]. Поскольку постоянные поездки в Казань были обременительны, то раскольники из числа зажиточных мещан и купцов подыскивали кандидатуру священника-раскольника, который согласился бы проживать в Сарапуле. Эссен выяснил причастность к поискам священнослужителя купцов Назара, Михаила и Игнатия Колчиных, а также мещан Ивана Зайцева и Прокопия Седова. Но документального подтверждения их действиям найдено не было. Если и были такие попытки, то они остались безрезультативными – в дореволюционный период данных о наличии в городе священнослужителей беглопоповского толка нет [1, л. 24].

После проведенных проверок власти начали уделять особое внимание старообрядцам города, которые в ответ вынуждены были более тщатель-

но скрывать свои действия. Во время расследования Эссеном был допрошен мещанин Ефим Зайцев, который утверждал, что, по его наблюдениям, в последний год старообрядцы собирались лишь по большим праздникам «... как то Пасху, Вознесение и Рождество Христово исключительно в домах мещан Колчина (уже умер), Мошевитина и Курбатова...» [1, л. 23].

Но это расследование, проводимое в течение двух лет, не удовлетворило светские и церковные власти. Даже спустя полтора столетия при чтении данных отчетов складывается представление, что чиновники увидели лишь то, что им хотели показать, или то, что они хотели увидеть. Этим и объясняется рассогласование данных между духовной и государственной властью. Уже в 1850 г. в МВД Российской империи поступил ряд доносов о распространении в Сарапуле и его уезде различных ересей. Вятский губернатор был вынужден вновь назначить расследование, для чего в город был послан чиновник Кабалеров. На основе следствия он составил две «записки», которые были обсуждены в Вятском секретном комитете, а затем переданы в МВД. Исследование конфессионального состава горожан проходило спустя семь лет после расследования Сипягина и Эссена, и представленная Кабалеровым картина имела ряд существенных отличий. Так, помимо поповцев вторым крупным течением он назвал «поморскую секту». Это ортодоксальное направление в расколе, отвергающее любые взаимоотношения с официальной церковью и государством, часто называется беспоповцами. Чиновник отмечает, что пока это направление малочисленно в городе, так как совсем недавно было занесено из Елабужского уезда [2, л. 14].

По-прежнему наиболее крупной оставалась группа старообрядцев-поповцев. Кабалеров считает, что на рост их численности влияла близость Сарапула к Пермской губернии: «Поповщинская секта, – отмечает он, – развилась значительно и ныне сильно развивается, преимущественно на границе Пермской губернии по рекам Каме и Савве – близъ Сивы, к северу расположенные деревни сильно заражены расколом. Деревня Дубровина населена самыми свирепыми раскольниками, которые, по рассказам их, ведут свой род из Пермской губернии. Отличаются так же упорством в расколе починки Прокопьевский и Россихинский и дер. Чернова /уд. мостов. приказа/. Весьма многие последуют расколу жители округов Воткинского и Ижевского заводов, и в деревнях удельного ведомства близких городу Сарапулу» [2, л. 14]. Наибольшим влиянием и уважением среди горожан-раскольников по-прежнему пользовались купец Назар Колчин и мещанин Антон Мошевитин. Именно в их домах по праздникам проходили моления раскольников – поповцев.

Исследуя обстановку, сложившуюся в городе, Кабалеров приходит к выводу о том, что раскольники не только не теряют своих позиций, но и за последнее время сумели существенно их упрочить. Он попытался проанализировать причины приверженности расколу значительной части сарапульчан. В

записях было помечено, что многие его выводы, касающиеся причин распространения раскола не доказаны. Во-первых, Кабалеров утверждает, что в Сарапульском уезде слишком малое число церквей, поэтому многие крупные населённые места были удалены от духовных центров православия и попадали под влияние раскола. Во-вторых, отрицательно сказывалась необразованность духовенства, которое сталкивалось с глубокими религиозными познаниями староверов. К тому же, гражданское начальство не проявляло достаточного рвения и заинтересованности к обузданию раскола, да и российское законодательство стало более лояльно относиться к староверам. В-третьих, по его мнению, негативное влияние оказывало соседство с Пермской губернией, «откуда приходят и наставники раскольнические, в торговых сношениях с другими раскольническими городами и местами как то Уральском, откуда получают книги раскольнические и, в особенности, наклонность к религиозному фанатизму» [2, л. 16]. И последняя, выделенная Кабалеровым причина, – это развитие в крае идеи «скитского покаяния». «На р. Сивее почти принято правилом, что пожилые люди отделяются от своих домашних в пище и в помещении, что бы каяться, и молится наедине. Так развилась идея скитского покаяния, которое у раскольников поповской секты составляет предмет учения и правило жизни», – отмечает Кабалеров [2, л. 16]. В патриархальном укладе, который царствовал в рассматриваемую эпоху, авторитет старших был столь высок и непререкаем, что после смерти стариков, оставшиеся следовали их заветам. Нарушение воли умерших было невозможным и осуждалось общественностью как преступление. Среди прочего сарапульские поповцы утверждали, что их деятельность одобрялась царём, «... что, если бы их вера была бы не правая, то Государь не терпел бы их, а Государь не наказывает их за это, не заставляет отступить от их веры и позволяет старикам их быть их учителями, значит их вера есть правая» [2, л. 15]. Было приказано объявлять, что царь не одобряет уклоняющихся. По итогам расследования Кабалерова, губернскими властями было составлено предписание, касающееся, главным образом, епархиальной власти. Так, в частности, было постановлено увеличить количество церквей и обратить внимание, чтобы в приходах, где имеются раскольники были определены образованные, строгие священники, отличающиеся особой нравственностью и благотворительностью. А на территории сопредельной с Пермской губернией усилить контроль как гражданских, так и церковных властей за исполнением православных обрядов.

Таким образом, в 40-60 гг. XIX в. старообрядцы были замкнутой и крайне закрытой общностью в городе. Связь с православными и соратниками по вере, живущими в других областях, они поддерживали через состоятельное купечество, которое возглавляло общины. В дореформенный период раскольникам города удавалось сохранять свои традиции неизменными и успешно противостоять официальной церкви. Своим образом жизни, твердым проти-

востоянием власти, сдержанностью, высокой нравственностью они вызывали глубокое уважение не только у горожан, но и порой у местных чиновников.

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 85. – Д. 40. – Л. 13-17.
2. Зеленин Д.К. Из Сарапульской хроники // Исторический вестник. – 1899. – Кн. 9. – Сентябрь. – С. 966-972.
3. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов. – Сарапул, 1887. – С. 30.
4. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 2006. – С. 271-272.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Мастерца. Повесть // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – Т. 4. – М., 1966. – С. 518-519.

А.М. РАФИКОВ

Елабужский государственный педагогический университет

ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ ТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ **РУБЕЖА XIX – XX ВВ.¹**

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № ПЗ19 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы

В последние годы в отечественной исторической науке начинает уделяться большое внимание новым направлениям исторических исследований, таким, как история ментальностей, история повседневности, антропологическая история и т.д. Особое значение приобретает т.н. гендерная история, направленная на изучение социокультурных и ментальных характеристик полов в разные исторические периоды [1, с. 257]. Одно из основных мест в рамках гендерных исторических исследований занимает «история женщин», что связано с бурно развивающимся в последнее время процессом глобальной феминизации. В этой связи большой интерес представляет анализ социально-правового положения татарской женщины рубежа XIX – XX вв.

Не вызывает сомнения, что общее положение женщины, независимо от национальной принадлежности, в данное время было принижено по отношению к мужчине. В первую очередь, это выражалось в патриархальном семейном быте и брачном праве. Например, согласно российскому брачному праву «жена была обязана всюду следовать за своим мужем, суд мог принудить ее к этому. Жена получала паспорт с разрешения мужа. Нарушившая супружескую верность жена могла быть подвергнута тюремному заключению на небольшой срок» [2, с. 205-206]. Тем не менее, имущественное положение русской замужней женщины было относительно независимым. Приданое или имущество, приобретенное женой отдельно, являлось ее собственностью. Замужняя женщина была вправе начать собственное торговое дело без согласия мужа. Этим же правом обладали девицы, проживающие отдельно от родителей, вдовы, разведенные женщины [3, с. 38]. В этом отношении их положение было абсолютно равным с мужчинами, и при желании женщина могла самостоятельно записаться в гильдейское купечество. В Своде законов Российской

¹ Статья написана на материалах исследований, проведенных в рамках Молодежного научного гранта АН РТ, № 15-2.

империи указано, что «в сословное купеческое свидетельство, выдаваемое на имя мужа, может быть внесена жена; в выданное же на имя жены свидетельство муж внесен быть не может» [4, с. 389]. Но наиболее часто жена продолжала торговое дело мужа после его смерти.

В связи с этим именно в торгово-предпринимательской деятельности деловая активность женщин проявлялась особенно полно. Наглядным подтверждением этого служит история династии елабужских купцов миллионеров – Стахеевых. Среди представителей династии в XIX в. было достаточно много женщин, занимавшихся торговлей и благотворительностью. В их числе необходимо выделить Глафиру Федоровну Стахееву на средства которой в 1903 году было построено здание Епархиального женского училища в г. Елабуге, Варвару Макаровну Стахееву, записавшуюся во вторую купеческую гильдию после смерти мужа Кирилла Ивановича, купчиху Пелагею Ивановну Стахееву, занимавшуюся крупной хлеботорговлей и др. [5, с. 25].

В целом организация женщинами предпринимательского дела получила в Елабужском уезде достаточно широкое распространение. Только за 1880 год в гильдейском купечестве уезда числилось 8 женщин. Из них один капитал был объявлен по первой гильдии и семь по второй. В перво-гильдейское купечество записалась Е.А. Ваулина, во вторую гильдию вошли Т.И. Трибкова, В.М. Стахеева, Н.О. Новикова, О.И. Досмалова, А.М. Антропова, А.А. Арбузова, В.К. Бусыгина [6, л. 35 об.-47 об.]. Не менее широко среди русского населения уезда была представлена и мещанская женская торговля. Например, в 1905 году только на одной Казанской улице г. Елабуги находилось 4 торговых заведения, принадлежащих женщинам, тремя из них владели мещанки – М.С. Юрьева, М.И. Партакова, М.И. Колбина. Общая же численность елабужских русских женщин - хозяек различных торговых заведений в 1905 году составляла 36 человек [7, л. 1-185 об.].

Среди женщин-купчих – современников династии Стахеевых – было также много представительниц татарской национальности. Несмотря на то, что законы Российской империи имели равную силу для всех национальностей (кроме специально указанных случаев), в силу консервативных традиций, характерных для мусульманской религии и повседневного быта татар, общее социальное и семейное положение татарской женщины было значительно тяжелее в сравнении с положением русской женщины. О ее второстепенном месте говорит, например, то, что на суде показания двух женщин равнялись по силе показанию одного мужчины, за супружескую неверность жену могли насмерть забить камнями, тогда как муж, как правило, оставался безнаказанным и др. [8, с. 71,75]. Главными добродетелями женщины считались скромность и целомудрие. Для их поддержания в исламе была разработана специальная концепция, обосновывающая затворничество женщин [8, с. 73]. Яркое описание данного явления оставил профессор Казанского университе-

та, историк и краевед Карл Фукс. В своей монографии «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» он писал: «Чем богаче татарин, чем знаменитее по своей торговле, тем более скрывает своих жен... Семейная жизнь этих татарок очень незанимательна, скучна и единообразна. Они не занимаются никаким рукоделием; о хозяйстве хлопочут мужья или свекрови-старушки, а молодые только заботятся о нарядах и о своих желудках... Знаменитые татарки даже лишены воздуха» [9, с. 44-45]. Жизнь менее зажиточных татарок, по словам К. Фукса, была более свободна. Женщины, живущие в семье среднего достатка, сами занимались хозяйством время от времени, готовили пищу, ходили в гости пешком и т.д. Еще большей бытовой свободой отличалось положение татарских крестьянок. Женщины из бедных крестьянских семей повседневно занимались хозяйством, смотрели за скотиной, готовили, ходили по различным надобностям в город, часто даже с полукрытым лицом, занимались рукоделием [9, с. 46]. В жизни всех трех категорий татарских женщин было очень мало развлечений и праздников. Главными удовольствиями являлись свадьбы, новые наряды и дорогие украшения, которыми можно было похвастаться только перед подругами и мужем, праздники Рамазан и Курбан [9, с. 47].

Впрочем необходимо учитывать, что воспоминания К. Фукса относятся к первой половине XIX в. В этот период влияние традиций и исламских представлений на жизнь татарской женщины было особенно сильно, ее внешний вид и круг занятий полностью обуславливались нормами шариата [10, с. 69]. На рубеже XIX – XX вв. в жизни татарского населения Российской империи происходят значительные изменения, связанные с просветительским движением, появившимся в 60-70 гг. XIX в., а также с формированием и развитием джадидизма. Активное проникновение в жизнь татарского народа светских знаний и капиталистических отношений привело к ослаблению и трансформации наиболее консервативных мусульманских традиций, изменило мировоззрение и социальное положение татар. Указанные процессы сказались и на положении татарской женщины. Исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX в. «татарская женщина в лице наиболее образованных ее представительниц, становится активным участником общественных процессов» [11, с. 230]. Подтверждением этого является, например, деятельность Ф. Адамовой и Ф. Аитовой, на средства которых в Казанской губернии были открыты первые частные школы для татарских девочек. Все большее распространение среди татарских женщин начинает получать высшее образование [12, с. 37,38]. Но самым ярким примером проявления деловой активности и социального равенства с мужчинами являлось участие татарской женщины в торгово-промышленной деятельности. Наибольшее распространение она получает именно в этот период, тогда как среди русских женщин крупные купчихи были известны уже в XVIII в. [13, с. 34].

Мусульманское брачное право гарантировало женщине относительное имущественное благосостояние. До замужества девушка находилась на полном обеспечении родителей. После бракосочетания супруг, помимо калыма, уплачиваемого родителям невесты, выделял жене определенную часть средств и имущества – т.н. махра. Махра являлась полной собственностью женщины. Одна ее половина хранилась у родителей жены или у самой женщины и призвана была обеспечить ее благосостояние в случае смерти супруга, вторая выплачивалась при разводе, если он происходил по вине или одностороннему желанию мужа. Как правило, размер махра был достаточно велик [8, с. 72]. Кроме этого согласно нормам шариата при отсутствии наследников жена получала одну четвертую часть имущества мужа, при их наличии – одну восьмую. Дочери наследовали две трети всего имущества [11, с. 231].

Имущественная самостоятельность вдовы давала ей возможность распоряжаться полученными средствами по своему усмотрению, в том числе принимать участие в торгово-промышленной деятельности. Из числа татарских женщин, занимающихся торговлей и промышленным производством в Елабужском уезде, необходимо выделить Мариам Батыргиреевну Абдараманчикову, Мариам Кутлугмухаметовну Бикмаеву, Хадичу Юсуповну Еникееву, Бибинагиму Массагутову, Хассалиму Габдрахмановну Массагутову, Бибихадичу Сакаеву, Хадичу Арслангареевну Тевкелеву, Мадину Сеитгареевну Халитову и Шейх-Али Умма-Гульсум Сеитгареевну. В подавляющем большинстве названные женщины являлись дворянками по происхождению и сочетали торговлю с промышленным производством и крупным землевладением. Все они продолжили предпринимательское дело после смерти своих мужей.

Так, например, вдове майора М.А. Абдараманчиковой в 1906 году принадлежала зерносушилка в Большекибынской волости [14, с. 344] и 1 093 десятины земли [15, с. 874]. Дворянка М.К. Бикмаева в 1910 году владела водяной мельницей, стоимостью в 800 р. и 1 150 десятинами земли при д. Битково Ильинской волости [16, л. 3]. Собственницей 280 десятин земли, водяной мельницы, дома стоимостью 1 800 р. [16, л. 3] и торгового предприятия в с. Мордва Ильинской волости была дворянка Х.Ю. Еникеева [17, л. 134 об.]. В купечестве 2 гильдии состояла Х.Г. Массагутова, переписавшаяся в 1900 году в мещанки [18, л. 18]. Потомственной дворянке Б. Сакаевой в 1905 году принадлежало две лавки в г. Елабуге. Одна из них находилась на Покровской улице. Здесь продавались чай, сахар, бакалейный товар и съестные припасы. Заведовала лавкой сама хозяйка [7, л. 23 об.]. Другая лавка с таким же товаром была открыта при доме Б. Сакаевой на Татарской улице, годовой оборот данного торгового заведения достигал 2 000 р. [7, л. 155-156 об.], кроме этого 1 000 р. составляла стоимость дома [19, л. 18]. Одно торговое предприятие числилось за Б. Сакаевой в 1906 году [17, л. 18]. Не менее крупной собственницей была вдова полковника Х.А. Тевкелева. В 1906 году она владе-

ла именем в Большекибынской волости площадью 470 десятин [20, л. 1]. В 1910 году вдове помимо названного имения принадлежало также несколько домов и торгово-промышленных заведений в г. Елабуге, зерносушилка, мельница, амбары и керосиновый бак. Общая стоимость данного имущества составляла 42 209 р. [16, л. 3].

Немногим уступала по размерам торговых операций представительницам дворянского сословия мещанка г. Елабуги Х.Г. Массажутова. В 1910 году ей принадлежало две лавки на улице Казанской. В первой торговля велась по свидетельству 2 разряда (что соответствовало 2 купеческой гильдии), здесь продавались чай, сахар, мануфактурный товар, имелся склад. Заведовал лавкой приказчик – крестьянин Шарафетдин Низаметдинов, годовой оборот торгового заведения составлял 6 000 р. Торговля во второй лавке осуществлялась по свидетельству 4 разряда, выдаваемому для мелкой торговли [7, л. 37 об., 74 об.-75].

Приведенные данные свидетельствуют о деловой успешности татарок Елабужского уезда в сфере торговли. В то же время не у всех из них дела шли одинаково хорошо. Так, например, М.Б. Абдараманчикова в 1906 году имела долги за зерносушилку в размере 8 р. 83 коп. [14, с. 344], кроме этого она была вынуждена продать свое имение [15, с. 874]. Не очень удачно торговала Б. Сакаева. Сетую на свое бедственное положение, в 1905 году она обратилась в раскладочное присутствие с просьбой о сложении с одного из своих торговых заведений раскладочного сбора за 1904 год. В сводном списке, подготовленном для податного инспектора, о заявлении Б. Сакаевой говорилось следующее: «Просить сложить с ея предприятия исчисленный присутствием раскладочный сбор в количестве 2 руб. 95 коп., объясняя при этом, что от предприятия своего она имеет годовой оборот лишь до 300 рублей, получаемой же прибыли кое-как достает на свое существование с семейством» [21, л. 269 об.]. Однако никаких подтверждающих свои слова документов Б. Сакаева к заявлению не приложила, в связи с чем ее просьба не была удовлетворена. Впрочем, по всей видимости, она несколько преувеличивала бедственность своего положения.

Кроме этого, необходимо отметить, что разорение купечества и закрытие торговых заведений было вполне обычным явлением, никоим образом не принижающим личностных качеств предпринимателя. В истории татарского купечества Вятской губернии имелись случаи грандиозных банкротств купцов-миллионеров [22, с. 4], не говоря уже о постоянных трудностях, испытываемых мелкими и средними предпринимателями. В первую очередь, это объяснялось тем, что в сфере лавочной торговли существовала очень сильная конкуренция. Так, например, в 1899 году в губернии насчитывалось 6 909 торговых заведений, принадлежащих гильдейскому и негильдейскому купечеству [23, с. 199]. Если разделить это число на количество всех уездов (11),

то в среднем на каждый уезд приходилось примерно по 628 торговых лавок. Кроме этого важно учитывать, что предпринимательницы вели торговлю товаром традиционным для татарского и русского купечества (чай, сахар, бакалея и т.п.), что еще более усиливало конкурентную борьбу, требовало развитой смекалки и природной сообразительности. В дополнение ко всему сказанному важно отметить, что Елабужский уезд и г. Елабуга, в частности, были местом особенно острого соперничества в лавочной торговле, что объяснялось, главным образом, сравнительно высокой по отношению к другим уездам численностью купечества. Так, например, к началу 80-х гг. XIX в. Елабуга по численности гильдейского купечества занимала третье место в губернии, уступая лишь Вятке и Сарапулу [5, с. 34]. В 1897 г. в городе насчитывалось 311 купцов, а в целом в уезде 426 [24, с. 24]. Характеризуя конкурентную борьбу на елабужском рынке И.В. Маслова, в частности, отмечает следующее: «В борьбе за покупателя имело значение все: и местоположение торгового заведения, и качество товаров, их ассортимент, цены, расторопность приказчиков и дополнительные услуги, предлагаемые в лавке» [5, с. 40]. Неудивительно, что в этих условиях некоторые представительницы татарского торгового мира Елабужского уезда испытывали трудности в организации торгово-промышленной деятельности.

Среди татарок, занимающихся промышленным производством, следует, в первую очередь, выделить дворянку М.С. Халитову. В собственности М.С. Халитовой в 1910 году находилось 6 768 десятин земли в Варзи-Ятчинской волости, дом в г. Елабуге, стоимостью 13 500 р. и винокуренный завод, расположенный в д. Балтачи Варзи-Ятчинской волости [16, л. 3]. На заводе работало 25 наемных рабочих, годовой оборот предприятия составлял 37 900 р. [25, с. 338].

Аналогичным видом промышленного производства занималась вдова генерал-майора У.С. Шейх-Али. Годовой оборот винокуренного завода, находящегося в ее собственности, достигал 13 500 р. [16, л. 3]. Кроме этого помещице принадлежало три имения и мельница. В 1904 году за ней числилось имение в Пьяноборской волости размером 2 000 десятин [26, л. 15]. В 1906 году имение площадью 6 003 десятины и водная мельница стоимостью 2 100 р. в Граховской волости [20, л. 1]. В 1910 году имение площадью 6 768 десятин в Пьяноборской волости [16, л. 3].

Таким образом, торгово-промышленная деятельность являлось сферой социальной жизни, в которой деловая активность татарской женщины рубежа XIX – XX вв. проявлялась наиболее полно. Представительницы елабужского татарского купечества, дворянства и мещанства наравне с мужчинами своей национальности участвовали в торговле и промышленном производстве. Наличие среди них успешных предпринимателей не являлось редкостью и исключением. В то же время не вызывает сомнения, что деловая активность

татарской женщины, в отличие от русской, напрямую зависела от ее семейного положения. Строгие законы шариата и консервативные традиции ислама значительно ограничивали свободу замужних женщин, предоставляя относительную личную и имущественную независимость лишь вдовам и разведенным.

Библиографический список

1. Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004.
2. Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Водолей, 1996.
3. История предпринимательства в России (вторая половина XIX – начало XX века): В 2 кн. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – Кн. 2.
4. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. – СПб.: Искусство; Logos, 1998.
5. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2007.
6. ГАКО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 4003.
7. НАРТ. – Ф. 549. – Оп. 1. – Д. 42.
8. Тухватуллина Л.И. Ислам и женщина // Научный Татарстан – 2001 – № 2.
9. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях (репринтное воспроизведение). – Казань, 1991.
10. Хабибуллина А. Татарская женщина в конце XVIII – середине XIX вв. // Идель. – 2008. – № 5.
11. Хабибуллина А. Татарская женщина и ее наследственные права в конце XVIII – начале XIX в. // Эхо веков. – 2007 – № 1.
12. Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Магариф. – 1992. – № 10.
13. Барышников М.Н. История делового мира России. – М.: Аспект-Пресс, 1994.
14. Список о подлежащих к сложению земских сборах за торгово-промышленные заведения // Журналы XXXX Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 15 – 24 окт. 1906 г. – Елабуга, 1907.
15. Список прошений по вопросам касающимся земского обложения на 1907 год // Журналы XXXXI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 3 – 15 окт. 1907 г. – Елабуга, 1908.

16. ГАКО. – Ф. 587. – Оп. 14. – Д. 38.
17. НАРТ. – Ф. 1291. – Оп. 1. – Д. 1.
18. ГАКО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 4641.
19. НАРТ. – Ф. 549. – Оп. 1. – Д. 47.
20. ГАКО. – Ф. 587. – Оп. 11. – Д. 49.
21. НАРТ. – Ф. 549. – Оп. 1. – Д. 36.
22. Саломатов Н. Яичный король // Сельская правда. Малмыж. – 1988. – 7 января.
23. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. – Киров, 1996.
24. Памятные книжки и календари Вятской губернии 1906 г. – Вятка, 1907.
25. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск, 2001.
26. НАРТ. – Ф. 549. – Оп. 1. – Д. 33.

Л.А. САБИРОВА

Елабужский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ **(НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ** **И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

В России всегда получается так, что россиянин прошлого – это крестьянин, или солдат, или чиновник, либо дьяк. Дельцов почему-то мы не замечаем, а ведь их было немало и их роль в жизни страны огромна [6, С. 72].

Тематика русского предпринимательства актуальна в эпоху перехода российского общества к рыночной экономике, когда большую роль начинают играть предприниматели, которые во многом и выступают наследниками русских купцов. В научной и художественной литературе отмечаются и анализируются черты характера русского купца, такие, как религиозность, предприимчивость, хозяйственность и практическая смекалка. В исторической литературе отмечалось, что для российских предпринимателей были характерны сила воли, стойкость, самообладание, трудолюбие, расчетливость, самобытность, целеустремленность [8, С. 10]. Таким образом, во-первых, проблема выявления социального облика русского купца является актуальной для реформируемого современного российского общества, во-вторых, русский купец являлся целостным человеком. Вместе с тем, русский купец характеризуется односторонне: одни – отмечают только его негативные характеристики (самодурство, цинизм, (А.Н. Островский «Гроза»; бесчестность (М. Горький «На дне»)), а другие – позитивные (меценатство, порядочность (Лесков «Запечатленный ангел»)).

«Русский торговец» характеризовался не только в русской литературе, но и в западной, причем характеристика эта носила зачастую «заказной» характер, дабы выставить российских граждан перед мировой общественностью в негативном свете. Иностранная легенда о русской бесчестности появилась весьма давно. Рассказывая о торговых людях Москвы, С. Герберштейн говорит, что они «ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары, они всегда понижают цену их наполовину и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния, но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже. Если при сделке неосторожно обмолвиться, обещать что-нибудь, они в точности припомнят это, и настойчиво бу-

дут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют, что обещают» [9]. Однако следует учитывать тот факт, что С. Герберштейн дважды приезжал в Россию с дипломатической миссией, которая провалилась. Барон Сигизмунд Герберштейн выполнял деликатные поручения императора Максимилиана I. Последний, в свою очередь, хотел, что бы великий князь Московский Василий III передал Смоленскую землю Польше и выступил против Турции вместе с Польшей и Священной Русской Империей [7, С. 131-132]. По словам другого известного путешественника по Московии, А. Олеария, московские купцы высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю [9].

Рисуя со слов иностранных авторов печальную картину нравов старого русского купечества, Н.И. Костомаров, однако, отмечает, что не должно приписывать плутоватость русского торговца какой-нибудь народной порче. «Нет, – говорит он, – это было необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоями и набегами. На низкой степени цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности». Помимо названных выше авторов, есть еще немало и других, которые также сурово оценивают торговые нравы в Московии. Так, уже Р. Барберини утверждает, что в меховой торговле русский действует недобросовестно. Также и Петрей, оставивший подробное описание и Московии, и событий времен Самозванца, говорит про московских купцов, что они и не держат ни данного слова, ни клятвы [9].

Русская классическая литература дает зачастую безотрадную картину купеческой бесчестности и плутоватости. Положительный типаж «деловых людей» среди русского купечества практически не описывался. В произведениях Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского купцы-самодуры, «надувалы и протобестии» (слова Н.В. Гоголя) [11, с. 110]. В ранних пьесах А.Н. Островского купец предстает как циничный хищник, готовый ради наживы на любое нарушение божеских и человеческих законов («Свои люди – сочтемся!», «Гроза»). А.Н. Островский работая в суде и часто видя правонарушения, дает пейоративную характеристику русским купцам. Герой басни «Купец» И.А. Крылова наставляет племянника: «Торгуй по моему, так будешь не внакладе», – и приводит пример, как нужно действовать: стараться сбить гнилое сукно за хорошее английское. Но обманутым оказался сам купец, так как покупатель всучил ему фальшивую бумажку [4, с. 242].

В произведениях и отзывах образ и характер русского купца многолик, противоречив, сложен и интересен одновременно, положительные и отрица-

тельные качества переплетаются, гармонично дополняя друг друга, показывая характер русского купца в его неповторимой самобытности. Иностранцы путешественники не всегда негативно отзывались о русских купцах. Летописец Титмар из Мерзебурга считал русских очень приличными людьми и надежными партнерами. В «Анналах» Л. Херсфельда русские торговые люди описаны глубоко порядочными и доверенные им товары и золото никогда не присвоят. Слова подкреплялись и делами: в 1187 году император Священной Римской империи германской нации даровал равные права на торговлю только голландцам и русским. Новгород Великий входил в состав знаменитого торгового Ганзейского союза. Ганза монополизировала торговлю с Новгородом и дала русским привилегии. Только члены Ганзы имели право учить русский язык, торговать с русскими, а самое главное, давать русским ссуды. В свою очередь русские купцы имели право давать ссуду другим странам-участникам Ганзы. Хотя купцы из Лондона не имели права давать ссуды немцам. И торговать могли не везде. К тому же в Ганзе действовал закон, согласно которому проторговавшийся купец из Новгорода не мог быть арестован в каком-либо городе Ганзейского союза. Финансово-несостоятельного русского купца не казнили и не истязали, а просто отправляли домой [7, с. 62-65]. Англичане, торговые сношения коих с русскими в XVI и XVII веках были лучше других организованы почти не говорят об «испорченности нравов», во всяком случае, не указывают на это как на причину, которая затрудняла бы развитие торговых сношений [9].

«Русские купцы, – говорит Н.И. Костомаров, – постоянно были во мраке относительно большей части того, чем торговали, страшились обмана, не доверяли, были обманываемы и, в свою очередь, обманывали». И если низкий уровень морали в торговых делах являлся следствием низкого культурного уровня страны, то это применимо не только к жителям «дикой» Московии. Если бы торговое сословие и в прежней Московии, и в недавней России было бы на самом деле сборищем плутов и мошенников, не имеющих ни чести, ни совести, то как объяснить те огромные успехи, которые сопровождали развитие русского народного хозяйства и поднятие производительных сил страны. Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли» [9].

Важными факторами, влиявшими на становление российского купечества являлись обрядоверие, патриархальность и религиозность. В.П. Рябушинский в статье «Судьба русского хозяина» отметил, что особенностью русских купеческих династий была «глубокая религиозность» их основателей, идеологи русского купечества считали благочестие его неотъемлемой чертой [3]. Религиозный фактор насыщал профессиональную деятельность россий-

ского купечества особой духовно-нравственной основой. Православная этика способствовала развитию таких качеств, как сострадание окружающим, чем объяснялась широкая благотворительная деятельность купечества, трудолюбие, терпение [11, с. 110].

Отражая в своем произведении, как в зеркале, общественные и частные недостатки, Д.И. Стахеев несомненно был проникнут желанием блага всему купечеству, как «могучему среднему сословию», в этом сословии есть очень хорошее качество – преданность христианской религии [2, с. 15-16]. Д.И. Стахеев в предисловии к «Драматическим сочинениям» размышляет, что «в каждом человеке, каков бы он ни был, есть непременно та священная искра божественного огня при известных обстоятельствах эта тлеющая искра может вспыхнуть ярким пламенем и показать изумленному народу всю силу и величие человека...» [1, с. 23].

В основу сюжета рассказа Д.И. Стахеева «Благоприобретение» положен жизненный материал: «Деньги там, ... деньги акцизные, пятнадцать тысяч... продолжал... Белов, не вставая с земли,... паренек-то сгорел...

Наехали чиновники, заскрипели перья, пошла переписка... Белов запер амбар, постоял еще несколько времени у ворот благоприобретенного дома. Белов все ожидает смертного часа, но смертный час не приближается...» [2, с. 204].

С помощью таких стилистических приемов, как контаминация событий, эскалация глаголов писатель показывает несправедный путь наживания капитала в рассказе «Благоприобретение».

В романе «Духа не угашайте» показана купеческая семья Дровяниковых, Д.И. Стахеев описывает поступки героев, позволяет сделать свои собственные выводы: «... прообразом Прасковьи Петровны послужила Стахееву его родная бабушка. Конфликт же, сходный с описанным в романе самого писателя, на долгие годы привел к разрыву с его отцом». Идейный замысел, давший название роману вложен в уста бабушки: «В мире надо жить, в согласии... Без мира нет ни добра, ни правды, – грех один... Сказано в писании: духа не угашайте, всегда ищите добра и друг другу, и всем всегда радуйтесь, за все бога благодарите [2, с. 204].

В «Запечатленном ангеле» Н.С. Лескова разные люди участвуют в спасении чудесной иконы, подлинное искусство, единые общечеловеческие ценности способны объединить людей вопреки расстояниям, классовой и национальной розни, так, например: «да ведь это же, – говорит англичанин, – всякий из Писания, и из молитв может уразуметь. Ну, никак нет, – отвечаю. Писание не всякому дано разуметь, а неразумеваящему и в молитве бывает затмение: иной слышит глашение о «великия и богатыя милости», и сейчас полагает, что это о деньгах, и с алчностью кланяется,... вымоли человек душе своей дар страха божия, она сейчас и пойдет облегченная со ступени на

ступень, с каждым шагом усвая себе преизбытки высших даров, и в те поры человеку и деньги и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость перед господом». Анахорет Памва открывает простую, но непреложную истину о том, что высшая правда не в самой иконе, что «ангел в душе человеческой жизни» [5, с. 8]. В «Запечатленном ангеле» самой большой силой является единство людей, неожиданно духовное взаимоверие начинает сблизать англичанина, дельца – буржуа, простых мужиков, которые останутся верны этому необычайному союзу до конца. Самое удивительное в повести, что переход Луки по цепям недостроенного моста совершается не ради иконы, а ради спасения двух людей [10, с. 384-386].

Внешнее благочестие не было прикрытием глупости, неверия и порока, как это часто пытаются представить: ведь простой мирянин, хозяин, озабоченный повседневными хлопотами, вынужденный в силу самой природы своей деятельности относиться к жизни утилитарно, как правило, мог в своем духовном понимании охватить лишь внешние атрибуты веры. Подлинная духовность, «умное делание» требуют внутренней сосредоточенности и отрешения от мирских дел, развитости и подготовленности духа, а это было ему практически недоступно. Большинство мирян совершенно искренне видели смысл своей духовной жизни и признаки истинного благочестия в том, чтобы соблюдать обряды, посты, почитать храмы, иконы и другие святыни, по возможности жертвовать часть своих доходов на церковные и монастырские нужды. Но, разумеется, это не означало, что соблюдение внешних норм религиозности и даже искреннее благочестие всегда удерживают от соблазна преступить нормы обычной морали ради достижения практической выгоды, а наивная вера побуждает даже просить Бога о помощи в аморальных делах. Даже твердая убежденность предпринимателя в существовании духовного измерения бытия рядом с его практической деятельностью, неколебимая уверенность в необходимости соблюдения обрядов не удерживают от нечистоплотных поступков, обмана, прямого мошенничества в делах. В этом видится важнейшая проблема православной хозяйственной этики. Тема лукавой молитвы предпринимателя, просящего о помощи в несправедном, нечестном деле, хорошо отражена в литературе. Персонаж «Угрюм-реки» Шишкова Иннокентий Филатыч Груздев «вел в Петербурге трезвейший образ жизни. Приступая к мошенническому действию, он сугубо усердно посещал церковь, возжигал толстые свечи, молился на коленях, просил, чтоб Господь ниспослал ему мудрость змия, чтоб помог облапошить толстосумов и чтоб не поставил во грех его деяния». Причем стремление к нечистой прибыли оправдывают пожертвованием ее части на религиозные нужды, как бы давая Богу и святым взятку [3]. Обрядовое благочестие купечества имело и положительное значение для русской культуры. Его неотъемлемой частью были строительство и украшение храмов, благотворительность и меценатство. В.П. Рябушинский замечает,

что «храмоздатель и русский хозяйственный мужик и купец – это почти синонимы». Русский благочестивый купец испытывал потребность в демонстрации связи своего успеха с сакральными ценностями, а также желание выразить в зримой, осязаемой форме свою благодарность Богу. Упоминания о том, что какой-либо храм построен на деньги купцов, относятся уже к XIV – XV векам. Причем это были как корпоративные церкви, так и приходские храмы и даже монастыри, выстроенные на индивидуальные пожертвования [3].

Русский купец был представителем своего времени, он отражал эпоху перехода российского общества от феодально-патриархального строя к буржуазному, рыночному. Объективная характеристика русского купца позволит современным предпринимателям более точно понимать свое место в российском обществе, избежать односторонних оценок своих личностных качеств со стороны других слоев русского народа.

Библиографический список

1. Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество. – Елабуга, 1994. – 63 с.
2. Валеев Н.М. Гармония культур. Избранные труды. – Казань: Изд-во ФЭН, 2001. – С. 204.
3. Зарубина Н.Н. Благочестие и предпринимательство // <http://religion.ng.ru>.
4. Крылов И.А. Басни. – М., 1983. – С. 242.
5. Лесков Н.С. Очарованный странник. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1983. – 234 с.
6. Мединский В.Р. О русском воровстве, особом пути и долготерпении. – М.: ОЛМА-Медиа Групп, 2008. – 492 с.
7. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. – М.: ОЛМА-Медиа Групп, 2008. – 492 с.
8. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XIX века. – М., 1997. – С. 10.
9. Русская буржуазия – портрет купца // <http://www.hobbydom.nadyaprogramm.ru>.
10. Сабирова Л.В. Лингвокультурологические аспекты концептов русского купечества и английского предпринимательства (на материале русской и англоязычной прозы) // Третьи Стахеевские чтения.: Материалы междунар. науч. конф. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 384-386.
11. Судовиков М.С. Деловые качества Российского купечества: источники формирования, особенности // Третьи Стахеевские чтения: Материалы междунар. науч. конф. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 110.

В.В. СУВОРОВ

Саратовский государственный технический университет

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ **В КУПЕЧЕСКИХ СЕМЬЯХ КАК ФАКТОР УСПЕХА** **В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ**

Успех в предпринимательстве зависит от многих факторов. К ним можно отнести и благоприятную политическую ситуацию, и благоприятную экономическую конъюнктуру, и ряд других объективных факторов. На успех в то же время влияют и другие более субъективные факторы, в том числе и «тылы» предпринимателя – его семья. В этом отношении являются показательными купеческие семьи, отношения в которых могут быть интересными и в какой-то степени поучительными для современных предпринимателей.

Быт и особенности купеческих семей неоднократно выступали одной из тем в художественных произведениях, рассматривались в исторической литературе. В зависимости от постановки вопроса и подходов, используемых авторами, они приходили к разным выводам. Однако следует еще раз подчеркнуть некоторые особенности отношений в купеческих семьях, которые положительным образом сказывались на ведении предпринимательской деятельности.

Внутрисемейные отношения в купеческой среде были достаточно специфичными, отличались как от дворянства, так и от городских низов – мещан и ремесленников. Исследователи отмечают, что главной особенностью купеческих семей являлась патриархальность и авторитарность внутрисемейных отношений [2, с. 160]. На долгое существование патриархальных отношений оказывали влияние как социально–правовые, так и экономические факторы. При выходе замуж жена принимала звание и сословное положение мужа. В соответствии с российским законодательством, женщина находилась в зависимом от мужчины положении [2, с. 160]. Также экономическая власть купца делала его неограниченным хозяином в семье. Современники, прежде всего представители образованных слоев общества, негативно воспринимали такие отношения в семье купцов. Примером тому может служить драма Островского «Гроза», в которой подвергнуты критике эти отношения.

Характерным для того времени являлось то, что семьи купцов могли включать в себя несколько поколений. Но постепенно, к концу XIX в., происходит уменьшение количества поколений в семейной структуре с четырех до двух [3, с. 116]. В купеческих семьях существовало достаточно четкое разде-

ление труда и обязанностей. Мужчина являлся главой семьи, владельцем всего имущества, в его ведении находились все торговые операции и сделки, т.е. материальная основа семьи. Жена занималась, прежде всего, либо непосредственно домашними делами, семейным бытом, либо контролем за ними. Как отмечает Ю.М. Гончаров, купец-глава семейства имел все права на имущество семьи, детей и услуги своей жены, он ведал всеми торговыми делами, выбирал гильдейские свидетельства, отвечал перед государством за выполнение повинностей и выплату податей [2, с. 160]. Глава семьи был «своего рода гарантом принадлежности остальных членов семьи к купеческому сословию» [1, с. 204]. Материальный расчет, выражавшийся в размерах приданного, также оказывал определяющее влияние при создании семьи.

Заметной была разница в возрасте супругов. Мужчины создавали семью, как правило, при достижении экономической самостоятельности, т.е. к 30 годам, при этом разница в возрасте супругов была значительной, в среднем 8-10 лет, что в свою очередь также предопределяло патриархальность отношений. Это способствовало формированию гиперболизированной ответственности перед семьей, свойственной практически всем купеческим фамилиям и определявшей иногда довольно поздние сроки заключения браков. В купеческих семьях предполагалось взаимное уважение между супругами.

С другой стороны, следует отметить возможность партнерских отношений и передачу части функций мужа жене по торговым и хозяйственным делам в случае его длительного отсутствия. Жена могла следить за делами в лавке или магазине, вносить необходимые платежи. Также имела практика наследования капиталов женой, даже при наличии детей мужского пола. Есть примеры, когда после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Для этого она выбирала на свое имя купеческое свидетельство, несла ответственность за торговые операции, без ее разрешения из общего капитала не могли выделиться взрослые сыновья со своими семьями. Некоторым из купеческих вдов удавалось в течение долгих лет умело управлять семейным делом, поддерживать на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию [2, с. 161].

По-видимому, стойкость таких отношений семье, существовавших вплоть до ликвидации купечества как сословия, и объясняется их целесообразностью для успеха в предпринимательской деятельности купца.

Таким образом, рассматривая особенности внутрисемейных отношений в купеческой среде, следует отметить такие черты, как патриархальность, выражавшуюся в определяющей роли главы семьи, и возможность партнерства в отношениях между супругами. Несмотря на всю свою непривлекательность, патриархальность и приниженное отношение женщины создавали стабильность и целостность купеческой семье, что благоприятствует занятию коммерческой деятельностью. Купеческая семья в идеале выступала как «ко-

манда», во главе которой стоял опытный руководитель-муж, которого при необходимости могла заменить его помощница-жена.

Библиографический список

1. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск, 1996.
2. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – М., 1998.
3. Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань, 1996.

Н.Ф. ТАГИРОВА

Поволжский филиал ИРИ РАН
Самарский государственный экономический университет

**ОТ КУПЦА ДО ФИНАНСОВОГО МАГНАТА:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КРУПНОГО РОССИЙСКОГО
БИЗНЕСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ДИНАСТИИ СТАХЕЕВЫХ)**

История российского бизнеса полна удивительных историй о деятельности отдельных династий и личностей, взлетах и падениях российских миллионщиков. Зачастую у современного читателя рождаются представления о возможности быстрого и легкого обогащения, желания быстрого взлета собственной карьеры. Однако практическая реализация своих идей, их воплощение гораздо сложнее этих представлений и занимает достаточно длительное время. Бизнес крепок «корневой системой».

В связи с этим история становления бизнеса одного из крупнейших предпринимателей Российской империи может быть поучительна для молодых читателей. В то же время она дает возможность проследить тенденции развития российской экономики второй половины XIX – начала XX вв., изучить внутреннюю сторону предпринимательских организаций: структуру, управление, работу с кадрами, а также их стратегию и социальную ответственность. Многие из этих вопросов сегодня особенно имеют не только научную значимость, но и вполне злободневны.

В данной статье на основании публикаций о семье Стахеевых, историко-экономических исследований рассматривается процесс становления семейного бизнеса и его реорганизация в условиях монополистического капитализма начала XX в., его реорганизация в финансово-промышленный концерн. Основное внимание уделяется отраслевой и организационно-правовой составляющей бизнеса.

Вторая половина XIX – начало XX вв. было временем реформ и модернизации российской экономики и общества. К началу XX в. основные черты российского капитализма проявлялись в полной мере. Российская экономика испытала на себе воздействие мирового аграрного кризиса 1870-1880-х гг., понизившего цены на главный экспортный российский товар (зерно), и мирового промышленного кризиса, совпавшего с началом нового столетия (1900-1903 гг.). Кризисные явления подтолкнули и тем самым ускорили concentra-

цию капитала в российской экономике, образование крупных финансовых структур, связанных с иностранным банковским капиталом, с одной стороны, российским промышленным и торговым бизнесом, с другой. В сельском хозяйстве кризис ускорил размежевание предпринимательских хозяйств (помещичьих, купеческих, крестьянских) и консервативно-традиционных.

Отметим, что, начиная с середины 1890-х гг. экономическая конъюнктура стала складываться более благоприятно: когда наблюдался рост цен на промышленные и сельскохозяйственные товары (1895-1914 гг.), увеличивалась номинальная и реальная заработная плата; инвестиции, вложенные в современные отрасли промышленности, приносили возрастающий доход.

Отдельные новшества появились и в торговле, способах сбора, складирования и купли-продажи товаров. Реалиями нового века, прежде всего в городах и губернских центрах, стали магазины, торговавшие разнообразным, в том числе заморским товаром, биржи, где совершались крупные оптовые сделки, учитывавшие мировой уровень цен, отечественные многопрофильные торгово-промышленные фирмы и иностранные представительства. На мировом рынке Россия развивала активную торговлю, занимая нишу экспортера сельскохозяйственной продукции.

Эти внешние по отношению к предпринимательству факторы дополняли институциональные ограничители. Их определяли разные законы – Промышленный устав (1863 г.), Торговый устав (1865 г.), Положение о промышленном налоге (1898 г.), Устав вексельный, Устав кредитный, Устав судопроизводства торгового и др. Общая единая система торгово-промышленного права еще не сложилась. Несмотря на определенные противоречия, правовая среда для развития предпринимательства к началу XX в. была наиболее благоприятной, по сравнению со всеми предшествующими эпохами.

Организационно-правовые формы предпринимательства того времени были разнообразны. Среди них: частные единоличные или семейные предприятия (преимущественно торговые дома), товарищества на вере (аналоги современных ООО), акционерные общества и иностранные компании, монополистические объединения и банковско-промышленные корпорации. По мере развития капиталистических отношений организационная структура российского бизнеса усложнялась: в начале XX в. простые единоличные формы предпринимательства, семейные торговые дома действовали наряду с другими, сложно организованными фирмами – паевыми и акционерными обществами, торгово-промышленными товариществами, монополистическими объединениями. В целом экономика страны была многоукладной: современный промышленный бизнес занимал свою рыночную нишу, мелкий кустарный промысел имел своего потребителя.

Менялся статус и место в российском экономическом пространстве отдельных территорий, складывались специализированные экономические рай-

оны, одним из динамично развивавшихся было Поволжье и связанные с ним волжскими притоками земли. Долгое время они считались внутренней окраиной, периферией и далекой провинцией Российской империи. Местное хозяйство было связано с развитием скотоводства, а с ростом мирового спроса на зерно и особенно пшеницу постепенно стала усиливаться зерновая специализация. К началу XX в. Поволжье становилось хлебной житницей, значимой частью всероссийского аграрного рынка. Развитию региона способствовало строительство и последующая эксплуатация железных дорог, соединивших Поволжье со всеми регионами страны, Москвой и Петербургом, основными экспортными портами. Многие волжские города стали комплексными водно-железнодорожными пунктами, где условия для ведения бизнеса выгодно отличались от других населенных пунктов, лишенных современных благ тогдашней цивилизации. Города, оставшиеся без железнодорожного сообщения, казались, были обречены на застой.

Но пока зерновое производство, скотоводство, переработка продукции этих отраслей определяли специализацию регионального рынка во всероссийских экономических связях. Ориентация на эту, основную сферу экономической деятельности определила интерес к Волжско-Камскому региону со стороны российских и иностранных предпринимателей, крупных государственных и частных коммерческих банковских структур. К началу XX в. в регионе уже сложилась и действовала разветвленная сеть банковских и кредитных учреждений, где можно было получить значительные кредиты и ссуды в залог имущества или товара. В губернских центрах и крупных торговых центрах действовали отделения Государственных земельных банков (дворянского и крестьянского), Волжско-Камского коммерческого, Русско-Азиатского и Азовско-Донского, Санкт-Петербургского международного и Русского торгово-промышленного, Банка для внешней торговли и Северного, других столичных кредитных учреждений.

Все эти новые реалии были наиболее заметны (помимо столиц) в крупных губернских центрах, претендовавших на роль региональных экономических центров. В уездах, заштатных городах, деревнях и селениях «встраивание» в новую жизнь в большинстве своем шло медленнее, обрастая целым «букетом» дополнительных черт и особенностей. Тем не менее, незаурядные личности, активные и деловые люди проявляли себя и здесь. Об одной из таких семей – елабужской династии Стахеевых речь идет в данной статье.

Династия вела отсчет с конца XVIII в., ее основателем считают Ивана Кирилловича Стахеева (1782-1830/36). Он имел пятерых сыновей: Иван Иванович (1802-1885), Алексей Иванович (1810-1864), Кирилл Иванович (1813-1856), Григорий Иванович (1815-1854/58), Дмитрий Иванович (1818-1888), которые унаследовали дело родителя (о нем известно мало, предположительно торговля мануфактурным и бакалейным товаром). Дети Ивана Кирилло-

вича расширили дело. Наиболее известен был бизнес Ивана, который работал вместе с самым младшим братом Дмитрием, и Григория. После смерти Григория два его сына Иван Григорьевич (1837-1907) и Василий Григорьевич (1842-1896) воспитывались у дяди Ивана, где росли вместе со своими двоюродными братьями Дмитрием (1840-1918), будущим писателем, и Иваном.

В конце XIX в. к активной деятельности приступили таким образом уже внуки, т.е. предстители третьего поколения, а затем и правнуки: Федор Васильевич (1871-1945), Григорий Васильевич (1872-1924), Петр Васильевич, Николай Дмитриевич. Всего, по подсчетам исследователей, в конце века в деле было занято более 15 членов большой семьи. Стоявшие у истоков дела были самоучками и получали домашне образование. Представители четвертого поколения часто имели высше образование: Петр Васильевич окончил Лесной институт, Федор Васильевич был инженером-электриком и электрифицировал родной город Елабугу, Дмитрий Петрович окончил Московскую коммерческую академию. Многие из членов большого семейного клана занимались общественной деятельностью: представители второго поколения (Иван Григорьевич, Федор Кириллович, Александр Кириллович) работали в земстве, внуки и правнуки входили в создаваемые ими и другие благотворительные общества и попечительские советы различных учебных заведений. Молодое поколение в начале XX в. сотрудничало с банками.

Семейный бизнес прирастал не только развитием собственного, но и за счет расширения семейных связей. Стахеевы породнились с елабужскими купцами Шишкиными, самарскими Аржановыми и др., обростали кругом новых родственников и знакомых. С 1899 г. И.Г. Стахеев был тесно связан с семьей Батолиных, особенно Прокопием Петровичем Батолиным.

Таким образом, к началу XX в. семейное дело было представлено несколькими поколениями.

Основатели династии (Иван Кириллович, Григорий Иванович, Иван Иванович) занимались продажей мануфактурных и бакалейных товаров, имели питейные заведения. Эволюция семейного дела в некотором отношении типична для российского предпринимательства пореформенного периода: совместное семейное начало, потом раздел капитала между братьями, постепенная реорганизация семейных предприятий (торговых домов), усложнение бизнеса и диверсификация капитала в разные отрасли, преимущественно взаимосвязанные. Подобный путь прошли многие крупные купцы Поволжья. Но существовали и уникальные черты.

Проследить по имеющейся литературе разветвление семейного дела не сложно. Раздел капиталов произошел среди представителей 3-го поколения. В бизнесе Ивана Стахеева работал один из его сыновей Иван Иванович, Дмитрий отошел от дела, впоследствии служил государственным чиновником.

Дети Григория Стахеева Иван и Василий в 1865 г. основали свое полное

товарищество «Торговый дом Григория Стахеева сыновья» в составе двух человек. Он вел обширную торговлю в 23 городах России. Общий капитал составлял 20 тыс. руб. Через 20 лет (1888 г.) чистая прибыль торгового дела составила 32 тыс. руб. Хлеб, мануфактура, колониальные товары, соль, сахар, вино – основные продаваемые ими товары по районам Поволжья и Прикамья, медоваренное и пивное производства – в Елабуге (Маслова И.).

После смерти одного из братьев (Василия) общий капитал был разделен в 1898 г. между двумя торговыми домами: «Торговый дом И.Г. Стахеева и сыновья» и «Торговый дом В.Г. Стахеева наследники» (1899 г.). Здесь работали уже правнуки основателя династии. «Торговый дом И.Г. Стахеева и сыновья» постепенно изменил организационно-правовую форму, стал акционерным обществом из 12 собственников. Акционерное общество должно было ежегодно публиковать отчет о своей финансовой деятельности, становясь таким образом публичной предпринимательской организацией.

Преобразование его в акционерное и расширение сферы деятельности (торгово-промышленное товарищество) шло долго и обошлось его владельцам в 500 тыс. руб. Акционерное общество было зарегистрировано в 1904 г. На момент открытия его оборот уже составлял около 80 млн. руб., а основной капитал оценивался в 4 млн. руб. Все организации рода Стахеевых юридически были самостоятельными. Но, безусловно, поддерживали финансовые и производственные связи.

В начале XX в. фирмы обоих братьев имели широкую известность как хлеботорговые, хлебопогрузочные и хлебоперевозочные в Прикамье, Поволжье, на южном Урале. Только в Уфимской губернии торговый дом наследников В.Г. Стахеева обслуживал на реке Белой 35 барж, Торговый дом И. Стахеева – 44 баржи грузоподъемностью от 60-70 т до 154 тыс. пуд. Погрузка хлебов на воду велась на 40 речных пристанях, в том числе по р. Каме (8 пристаней), на р. Белой (5), р. Уфимка (1), на р. Вятка (28), в том числе пристань Бугульма Самарской губ. На каждой из пристаней, за исключением 4-х, имелись сушилки для сушки сырых хлебов. Помимо пшеницы, ржи Стахеевы вели торговлю гречихой, овсом, другими зерновыми хлебами. Важно отметить, что это была исключительно оптовая торговля, покупателями были частные лица и государство (военное ведомство). Стремление к обобществлению производства, сосредоточению под своим контролем всего цикла от производителя до потребителя характерно для хлебного – «коренного» дела Стахеевых. Они приобретали или строили мукомольные мельницы, оборудовали складами пристани, приобретали баржи и буксирные пароходы, устраивали в речных затоках стоянки и ремонтные мастерские для судов. Проникновение в отдаленные от родной Елабуги районы – западную Сибирь сопровождалось открытием здесь мануфактурных и бакалейных лавок.

О размахе деятельности говорит то, что погрузку хлеба Стахеевы вели на

40 пристанях, размол зерна – на 5 мельницах и 2 крупянках (суточная производительность 10,8 тыс. пуд. и 4,2 тыс. пуд соответственно) в Уфимской губернии, 2 мельницах (производительность 2,3 тыс. пуд.) Вятской губернии. Имелись винокуренные (Уфимская и Вятская губ.) и пивоваренный заводы (Вятская губ.).

Торговля и переработка зерна давала большую прибыль, нежели владение землей и выращивание хлебов. Тем не менее, наличие земельных владений, собственность на сельскохозяйственные имения давали основание рассматривать хлебное дело как собственное от основания до верхушки хлеботорговой пирамиды: владение, распоряжение, пользование землей и ее продуктами. Семейству Стахеевых принадлежало только в Уфимской губернии 14 имений общей площадью земли 24 457,19 дес. земли, из них на 9 165,79 дес. велось собственное хозяйство. Безусловно, Стахеевы были крупными земельными собственниками в Вятской губернии и, видимо, в других соседних.

Землевладение не было ведущей статьёй дохода. В условиях роста мировых цен на хлеб (с середины 1890-х гг.) зерновой бизнес обеспечивал большую прибыль, чем землевладение. Развитие хлебного рынка именно в Поволжье ставило Стахеевское дело в «центр» динамично развивавшегося рынка. Объективные и субъективные факторы взаимно дополняли друг друга.

Совмещение землевладения, землепользования, торговли, промышленной переработки, складирования, хранения и транспортировки зерна и муки было типичным для ведущих волжских предпринимателей-хлеботорговцев. Однако масштабы и размах, с одной стороны, коммерческая интуиция «капитанов бизнеса» и привлечение огромных капиталов со стороны (акционирование производства и банковские кредиты), с другой, выдвинули Торгово-промышленное товарищество в немногочисленный ряд современных организаций, представлявших собой абсолютно новые в организационно-правовом, управленческом отношении фирм, к тому же диверсифицированных по капиталу.

С 1912 г. сферы деятельности И. Стахеева расширились, что со временем нашло отражение в названии и составе участников дела. В 1916 г. наряду с «Торговым домом И.Г. Стахеева сыновья» действовало «Торгово-промышленное товарищество И.И. Стахеев и К[□]». Оно сосредоточило до 40 % торговли зерном и мучными продуктами в Волго-Камском крае (Китанина Т.М.). Теперь это была уже не только сбытовая и производственная, а уже финансовая (держательская) компания (холдинг), тесно связанная с ведущими банками Российской империи. История образования этой финансово-промышленной группы, получившей название концерн Путилова – Стахеева – Батолина, описана в научной литературе, прежде всего в монографических исследованиях Гиндина И.Ф., Шепелева Л.Е., Волобуева О.В. Наиболее подробно деятельность этой финансово-промышленной группы, преи-

мущественно в годы первой мировой войны описана Т.М. Китаниной. Мы лишь обозначим направления в расширении бизнеса: производственные, организационно-правовые, региональные.

Т.М. Китанина отмечает, что первоначальные связи Стахеева и Русско-Азиатского банка (Председатель правления Путилов А.И) складывались традиционно: фирма получала в банке подтоварный кредит или вексельный (размер кредита доходил до 350 тыс. руб.). В 1912 г. между участниками был заключен договор «о ведении хлебных операций за общий счет (на сумму 15 млн. руб.)». Это, по мнению Т.М. Китаниной, было выдающимся событием в мире торговли. По сути, произошло соединение капитала банковского и торгово-промышленного, что дает основания говорить об образовании финансово-промышленной группы (ФПГ): капиталы Русско-Азиатского банка, «И. Стахеева и К^о» и предприятий П.П. Батолина.

Дальнейшее расширение дела и капиталов шло за счет развертывания экспортно-зерновой торговли, а также промышленного производства в различных отраслях промышленности. Представляется, что в головах отцов-основателей ФПГ сложилась определенная программа. Избирая новую сферу деятельности, участники ФПГ ориентировались на новейшие для страны отрасли производства (нефтедобыча и нефтепереработка), перспективные (текстильное производство), взаимодополняющие и взаимообеспечивающие (создание кредитных учреждений, а также транспортной и складской инфраструктуры), стремясь при этом к всероссийскому охвату.

Такой размах требовал огромных капиталовложений. Капиталы собирались путем открытия акционерных обществ и подписки на акции новых предприятий. Большую роль в этом деле играли солидные банки и ведущая деловая элита осваиваемых регионов. Всего участники ФПГ участвовали в капиталах (выпускали новые или покупали контрольные пакеты акций интересных для бизнеса предприятий и железных дорог) более 50 обществ. Таким образом, данную ФПГ можно рассматривать и как держательскую компанию (холдинг).

Государственное поощрение проявлялось в том, что оно продавало концерну концессии на право эксплуатации природных недр (рыбную ловлю в Охотском море, лесоразработки).

Международные планы концерна были связаны с освоением рынков Дальнего Востока, созданием морского коммерческого пароходства и развитием рыбного промысла на Севере Европы (проекты создания Норвежского банка).

Дальнейшие шаги концерна были связаны с реализацией еще более грандиозных задач, осуществляемых по определенной системе. Об этом можно судить на основании документа «Краткого очерка деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о»», написанного в 1917 г.

Как явствует из этого документа, ее владельцы планировали перейти на «чисто промышленную деятельность», однако осуществить эту задачу они не успели.

Наибольших масштабов деятельность концерна достигла в годы первой мировой войны. В целом, за 1913-1917 гг. концерн вложил в экономику 4,6 млн. руб, а контролировал капитала на сумму 6,9 млн. руб. Инфляционные процессы военного времени, хозяйственные трудности и кризис, вымывавшие средний и малый бизнес, лишь упрочивало позиции крупных участников, имевших разнообразные производственные, торговые и финансовые контакты.

Самостоятельный интерес представляет вопрос об организации внутреннего управления в рамках различных организаций рода Стахеевых и внутри концерна. Этот вопрос изучен меньше всего. Отдельные статьи, посвященные анализу взаимоотношений в семейном бизнесе Стахеевых с приказчиками, свидетельствует о том, что система внутреннего управления была достаточно продуманной и социально ориентированной. Опубликованные в новейшем исследовании Китаниной Т.М., структура и состав предприятий Торгового дома был ориентирован на главный район деятельности семенного бизнеса, тогда как концерн ориентировался на всероссийский масштаб и создавал иную, порайонную структуру управления.

Во главе управления Торгового дома находился Совет и Правление, располагавшееся в г. Елабуге. Правлению подчинялось 5 региональных контор (в Петербурге, Москве, Рыбинске, Нижнем Новгороде и Астрахани). Конторы, в свою очередь курировали деятельность губернских и отраслевых отделений. 35 отделений работали в 9 губерниях империи (Вятской, Уфимской, Самарской, Казанской, Пермской, Тобольской, Оренбургской, Тургайской, Вологодской). Кроме региональных, существовали и отраслевые отделы – мануфактурной, бакалейной и железно-скобяной торговли.

Концерн, открывая новые акционерные общества, или входя в состав собственников уже работавших фирм, как представляется, стремился к формированию финансовых и социальных сетей – иного, нежели в торговом доме, уровня контроля. Внутрифирменный менеджмент, безусловно, требует самостоятельного изучения. В нашем контексте отметим лишь, что в совокупности различные организации династии Стахеевых сочетали региональный и отраслевой подходы к управлению, причем, всероссийского масштаба, его можно констатировать как достаточно редкую практику для рассматриваемого периода.

Подведем общие итоги.

1. Российский капитализм, развивавшийся в экономике пореформенного периода и, особенно начала XX в., создавал уникальные возможности для становления и развития национального предпринимательства в течение 3-4

поколений. За этот период оно смогло пройти путь от семейного дела до вертикально и горизонтально интегрированных фирм, покрывавших практически всю экономику страны «сетью» своего влияния.

2. Типичным примером такого «взлета» было становление семейного дела Стахеевых. Основные этапы этого пути представляли собой расширение и углубление бизнеса, сопровождавшееся изменением организационно-правовых форм: торговый дом – торгово-промышленное товарищество (акционерное общество) – финансово-промышленная группа – концерн. Сложнейший этап «акционирование – финансирование» был пройден в кратчайшие сроки (1904-1912 гг.), на приобретение связей, в том числе финансовых, с крупнейшими российскими банками, обретение международных экономических связей оставалось до 1917 г. совсем немного времени.

3. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина был новейшей для начала XX в. организационной структурой. В современной экономической литературе подобные организации обычно называют холдингами (держательские компании) или концернами (связанные предприятия). Особенность холдингов в отличие от традиционных для рубежа XIX – XX вв. монополий (трестов, синдикатов, картелей) состоит в том, что существовала специальная финансовая организация, которая контролировала, поглощала или соединяла в своих интересах акции различных юридически самостоятельных организаций. Финансовое руководство концентрировалось в руках головной организации. Первой холдинговой компанией подобного типа считают возникшую в США «Стандарт ойл компании» Рокфеллера (1899 г.). Однако концерн Стахеева, как мне представляется, не холдинг в «чистом виде». Производственная деятельность в различных отраслях производства, в том числе ведение сельского хозяйства, не отменялись, а была возложена, по-видимому, на многочисленных членов династии.

4. Концерн стремился к контролю за различными, преимущественно новыми, а потому перспективными отраслями производства и сферами финансов, а также всероссийскому охвату. Создаваемые холдингом новые акционерные общества были ориентированы на предприятия определенных районов и определенных отраслей.

5. Партнерство с государством (приобретение концессий) можно, думается, также рассматривать как характерную черту в его деятельности.

6. Работа фирмы Стахеевых строилась на определенных принципах, которые можно свести к следующим положениям:

- Системный подход и расширение сфер деятельности по разным отраслям. На 1917 г. концерн держал акции десятков предприятий 9 основных отраслей российской промышленности (различных направлений пищевой промышленности, нефтяной и горнодобывающей промышленности, транспортных и инфраструктурных отрас-

лей – перевозки, складирование товаров) и др.

- Полный охват производственно-сбытового цикла. Особенно явно он проявлялся в коренном деле – хлебом. Начав с хлебной торговли, Стахеевы перешли к хранению, промышленной переработке, перевозкам зерна и муки, в том числе с оборудованием для этого экспортных портов.
- Динамизм и стремление сохранять наибольшую свободу от крупных российских крупных банков. Если на первом этапе финансовых операций, это было практически невозможно, то при создании акционерных обществ в Средней Азии и на Севере товарищество предпочло опираться на собственные кредитные учреждения (для этого создавались Бухарский банк, Русско-Норвежский, но их деятельность не была открыта).
- Система партнерства и ведение совместных проектов, если это способствовало усилению позиций и уменьшению конкуренции.
- Формирование собственных социальных сетей, или связей (родственных, партнерских), что позволяло расширить и контролировать бизнес. В этом же ключе можно рассматривать и отношения с инженерами, занимавшимися разведкой горных ископаемых, которых правление пыталось вовлечь в состав пайщиков.
- Создание собственной системы внутрифирменного менеджмента.

Библиографический список

1. Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о» // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности управления, хозяйствования. – СПб., 2007. – С. 395-403.
2. Вторые Стахеевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Елабуга, 2003.
3. Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой октябрьской социалистической революции // Исторические записки. – Т. 66. – М., 1960. – С. 20-95.
4. Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914-1917 гг. – Л., 1969.
5. Китанина Т.М. Развитие концерна Путилова – Стахеева – Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы первой мировой войны // Очерки истории российских фирм. Вопросы собственности, управления, хозяйствования / Под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. – СПб., 2007. – С. 172-412.
6. Маслова И.В «Торговый дом Григория Стахеева сыновья» в Елабуге // Эхо веков. – 1999. – № 3-4.

7. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / Под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. – Самара, 2007.
8. Третьи Стахеевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Елабуга, 2008.
9. Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. История и личности / Гл. ред. А.Н. Дегтярев. – Кн. 1. – Уфа, 2006.

Р.А. ХАЗИЕВ

Башкирский государственный университет

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКИХ КОММЕРСАНТОВ В 1917-1921 ГГ.¹

В октябре 1917 г. произошли события, кардинально изменившие как государственное устройство, так и социально-экономическую жизнедеятельность России. Революционная трансформация, взрывая страну, повергла в жесточайший нокаут крупных, средних и мелких предпринимателей. Тем не менее, происходившее после октября 1917 г. революционное «выкорчевывание» коммерсантов не было молниеносным, особенно, на периферии.

Наиболее массовым отрядом среди уральских предпринимателей были производители и продавцы-заготовители сельскохозяйственной продукции. Торговцы, осуществляя на свой страх и риск, коммерческие сделки с зерном и другими монополизированными государством продуктами, стремились, прежде всего, избежать материальных потерь перед угрозой неизбежных реквизиций хлеба и разверсточных выемок. Как ни старались местные органы власти, не принесло ожидаемых результатов «всемерное усиление» командно-административных методов по искоренению на Урале «спекуляции, ...пролезающей через все рогатки» [1, л. 96]. Торговля, не исчезнув окончательно, локализовалась до масштабов уездов и волостей, базары которых на всем протяжении 1917-1921 гг. отличались товарной насыщенностью торгов продуктами питания и низкой стоимостью реализуемого продовольствия.

На деревенских и прочих малых рынках преимущественно продавались «съестные припасы» в розницу, отчасти позволяя выживать рабочим уральских заводов, которые хронически не получали продукты по «пустым карточкам». Поэтому тотальное закрытие хлебных торгов, равносильное для значительности части заводчан совершенно «остаться без питания» [2, л. 190 об.], реально могло спровоцировать массовое недовольство пролетариата, чреватое перерастанием отдельных взрывов возмущения в общерегиональное социальное потрясение.

Наиболее прагматичные уральские партаппаратчики отчетливо осознавали таящуюся для режима опасность молниеносного искоренения кормивших население «хлебных барыг», при неисполнении государством своих обя-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Государственное администрирование экономики и социальная практика на Урале в 1917-1921 гг. (анализ новых документов и материалов)», проект № 07-01-00265 а.

зательств по централизованному снабжению населения [3, л. 10 об.-11]. В этой связи в отношении ненавистных рыночных спекулянтов, когда в конце 1920 г. на Урале, «не таясь, ... по кулацким ценам» сбывали на торгах продукцию совхозы [4, л. 12-12 об.; л. 298], негласно возобладала политика: поскольку над «трудящимися» нависала угроза голодной смерти, неизмеримо увеличивавшая недовольство советской властью, постольку торговцев для смягчения продовольственного кризиса допускали на рынки до потребителя.

Поневоле в этих условиях занялись нелегальным предпринимательством рабочие крупных, средних и мелких промышленных заведений Урала. Крайне неэффективная распределительная система, обрекая работников промышленных заведений на беспросветную нужду, массово толкала не желавших погибать от голода рабочих в ряды «несунов-торгашей». На заводах объективно существовало больше технических и ресурсных возможностей для нелегального производства изделий из фабричного сырья или для продажи готовых товаров «спекулянтам-скупщикам». При всеобщем дефиците промышленно изготавливаемых «фабрикантов» их гораздо больше ценили за качество и надежность в употреблении, чем товары, производимые кустарями и артельщиками.

Практически каждый действовавший на Урале завод оказался под прицелом бригады «закупщиков», приобретающих готовую продукцию «цельми производствами» [5, л. 1]. Действовали «нелегальные добытчики мануфактуры» достаточно профессионально. Внутри группы имелось распределение обязанностей. Один или несколько человек отвечали за установление надежных каналов «утечки» готовой продукции с предприятий; поиск и приобретение конкретных товаров по желанию заказчика; просчет объема возможных нелегальных закупок промышленных изделий на квартал-полугодие, принимая во внимание материально-техническое состояние завода, его обеспеченность сырьем и топливом [6, с. 8].

Рабочие оборонных предприятий вынужденно сотрудничали с «бригадами», постоянно продавая им продукцию у проходных. Среди заводчан установилась даже негласная норма относительно количества «изымаемой» на наличные нужды продукции, которую, не превращаясь в «оголтелых несунов», можно было позаимствовать на пропитание семьи. Тем не менее, объем тайно выносимых с предприятий товаров был столь огромен, что самой трудной задачей «скупщиков» было «выторговать ... у железной дороги» необходимое число вагонов [7, л. 22].

Уральские рабочие, отвергая новую социальную практику, обрекающую их на неизмеримые тяготы, спасая своих семьи от голода, отдавали предпочтение укоренившейся на заводах «спекулянтской эсеровщине», что вызывало крайнюю степень негодования региональной партноменклатуры [8, л. 16]. Так, катастрофическая нехватка продовольствия заставила рабочих Артин-

ского завода ради покупки хлеба сбывать спекулянтам все, что только можно было унести из цехов и складов. Были обменены на муку и «неприкосновенные» лампочки, специально доставленные на предприятие для проведения показательной электрификации [9, с. 2]. Когда к весне 1921 г. на сарапульских кожзаводах возникла угроза продажи на рынке голодавшими работниками станков, машин и прочего производственного оборудования, предприятия срочно закрыли, чтобы уберечь от несунув «остатки» материальных ценностей [10, с. 17].

Не отставали от рабочих, торговавших продукцией своих предприятий индивидуально или с напарниками по работе, с целью приобретения «пищевых продуктов» [11, л. 30], заводские управленцы. Администрация многих общегосударственных предприятий Южного Урала, игнорируя приказы главков, охотно делала «левые заказы» из материалов, целенаправленно выделенных на выполнение государственных программ [12, л. 61]. На местах откровенно опасались применять силу против разъяренных голодом заводчанам, наводнивших базары промышленной продукцией, констатируя, что хотя «заводы и фабрики в наших руках», торговля достигла размаха «крупного зла, ... спекулируют уже комитеты заводов» [13, л. 62].

Проведенное в середине июля 1920 г. обследование ряда крупнейших производств Южного Урала показало превращение товарообменных сделок, совершаемых «с сельским населением в огромных количествах», в рядовое явление в жизни промышленных рабочих [14, л. 51; л. 12]. В еще больших размерах процветало «неподдающееся никакому учету» подпольное производство продукции на предприятиях, находящихся в подчинении губсовнархозов. Небольшие заводики и мастерские, не считаясь с госнарядами, поставили на поток выпуск неучтенных товаров, пользовавшихся повышенным спросом на рынке: сельскохозяйственный инвентарь, телеги, сани, косы, серпы, топоры, вилы и т.д. [15, с. 48].

Имеющиеся в нашем распоряжении разрозненные архивные материалы не позволяют в полном объеме просчитать размер подпольных продаж фабричных изделий рабочими национализированных промышленных заведений и нелегальными цеховиками. Однако учитывая, что из общей суммы заготовленных в 1920-начале 1921 г. 667 млн. пуд. хлеба если государством по разверстке было получено только 367 млн. пуд. [16, с. 54], то оставшиеся 300 млн. пуд. составили почти равный официальному «теневой» оборот хлебопродуктов [17, с. 143]. Потребление путем обмена, продажи-покупки обладателями «фабрикантов» части из всех рыночных 300 млн. пудов хлеба (с учетом изделий ремесленников, мастеровых, списанной и восстановленной в домашних условиях техники, реализации со складов остатков прошлых лет и т.д.) дает основание предполагать достаточно масштабную рыночную деятельность рабочих государственных предприятий.

На экспроприированных заводах объективно существовало больше технических и ресурсных возможностей для нелегального производства изделий из фабричного сырья или для расхищения готовых товаров. При всеобщем дефиците «промышленно изготавливаемых фабрикантов», заводские изделия обладали большей товарной ценностью за качество и надежность в употреблении, чем артельные, и соответственно обменивались или продавались за больший объем или вес продуктов. Выборочное бюджетное обследование семей рабочих показало, что в 1920 г. среднестатистический доход от заработной платы составлял в отдельных районах Урала 20 %-30 % от необходимого прожиточного минимума [18, л. 27; л. 84]. Следовательно, почти 70 %-80 % недостающих средств изыскивалось рабочими на стороне.

В условиях тотального дефицита наиболее масштабные коммерческие операции осуществлялись «подпольными миллионерами» из числа предпринимчивых совслужащих, фальсифицировавших материалы о проведении национализации отдельных предприятий; «тоннами сбывавших» спекулянтам промышленные изделия, одежду, питание и другие строго нормированные товары, выпускаемые на госпредприятиях.

Успешно провернули осенью 1919 г. «преступную комбинацию» увода активов из намеченных к экспроприации АО «Балтика», «Урало-сибирской торговой конторы», «Русско-азиатской компании» и других частных заведений представители Екатеринбургского отделения Центросоюза и Губсовнархоза. Сотрудники двух названных ведомств, вступив в сговор с бывшими собственниками, скупили по бросовым ценам ликвидные товары экспроприруемых предприятий, чтобы «с наилучшей выгодой» перепродать их на рынке [19, л. 43 –52]. Соучастники «спекулятивной аферы», обеспечивая себе алиби, подделали накладные, в которых стальные прессы, приводные ремни, медь, пряжа, вата и прочие «стратегические» товары выдавались за монополизированные промышленные изделия [20, л. 51–51 об].

В середине 1920 г. оперативники Екатеринбургской Чрезвычайной комиссии на неудачно проведенной сделке «накрыли банду» из 150 дельцов, в которую входили и работники Губсовнархоза. Совслужащие, пользуясь служебным положением, большими партиями продавали оказавшуюся в их распоряжении готовую продукцию госпредприятий [21, л. 21 об]. Подпольные коммерсанты, постоянно сбывая спекулянтам огромное число промышленных товаров, беспрепятственно обеспечивали за взятки гарантированное получение на станции нужного количества вагонов, чтобы «экстренно сплавить товары» [22, л. 29]. Советские специалисты, стремясь как можно быстрее и больше заработать денег, кроме реализации материальных активов подчинявшихся Губсовнархозу предприятий, создали продуманную схему посреднической оптовой перепродажи продуктов питания, выпускаемых кооператорами и госфабриками [23, л. 21 об].

Достаточно сильно расцвело «преступное торгашество» в медицинских учреждениях. В поле зрения оперативников постоянно попадали торговцы, распродававшие имущество лазаретов: крайне дефицитную и строго учитываемую марлю, йод, продукты питания, одежду и обувь, выдаваемых для больных [24, л. 50]. В системе Наркомздрава, действовали порой «целые шайки оптовиков», реализовавших «на вольном рынке ... все, что можно было сбыть» [25, л. 62–62 об].

Не упускали шанса, чтобы «обогатиться на голоде», отвечавшие за распределение продуктов, сотрудники уральских губпродкомов, которых лишь в самых вопиющих случаях «неслыханного воровства» отдавали в 1920 г. под суд Революционного трибунала [26, с. 37; с. 3]. Если обнаруженные проступки не получали огласки, то все утрясалось келейно. Как правило, продработники отделялись легким испугом за незадокументированную выдачу «городскому и фабричному населению» продуктов, предметов «широкого потребления» [27, л. 17]. Выговоры получали лишь те сотрудники губпродкома, которые, «незаконно и преступно» распределив товары, не смогли представить никаких документов, объясняющих, куда уходило до 40 % товаров, полученных для голодающего населения [28, л. 17].

Некоторые советские учреждения, не занимаясь «преступной торговлей», тем не менее, были вовлечены в коммерческую деятельность, решая свои текущие хозяйственные проблемы «за счет рынка». В начале учебного 1920 г., «на порочащих» воспитательное учреждение рыночных связей попался Пермский комитет народного образования. Ему не утвердили смету на 492 336 руб., затраченных на приобретение по «спекулятивным ценам» товаров, необходимых для обеспечения учебного процесса [29, л. 29]. Согласно декрету СНК от 15 июля 1920 г. «О расчетных операциях», государственные ведомства «лишались права» напрямую закупать необходимые материалы и продукты «на вольном рынке» [30, с. 235].

В исключительных случаях это могли сделать по заявкам госструктур специально созданные оценочные комиссии. Пермский комитет народного образования пренебрег многомесячной волокитой проверки «заполненного требования» оценочной комиссией губернского РКИ. Положительного решения можно было ждать бесконечно, пока не завершались проверки, неоспоримо доказывавшие отсутствие требуемой продукции на складах в губернии, центральных главках или, в целом, по стране [31, л. 5–6]. Организации, не выдерживая хождения по коридорам и бесконечных бюрократических проволочек, покупали на свой страх и риск все необходимое у «спекулянтов».

«Значительный доход» получали действовавшие на Урале «поездные снабженческие комиссии», имевшие официальные разрешения на целевую закупку товаров «для ударных предприятий». Пользуясь легальным положением «командированных снабженцев», они не упускали возможности прове-

дения коммерческих операций. Товар, отпущенный «с государственных складов» по фиксированной цене, тут же перепродавался по рыночной стоимости [32, с. 2]. Не отставали от штатских лиц и военнослужащие. В Оренбургской губернии летом 1920 г. неоднократно ловили с наличными деньгами красноармейцев, «охранявших соль» и постоянно продававших её «спекулянтам» [33, л. 10 об].

Одним из самых нетипичных хозяйствующих субъектов Урала была образовавшаяся в марте 1919 г. Башреспублика. С самого начала своего существования правительство республики официально поощряло развитие товарно-денежного хозяйства в противовес планово-административной централизации. Провозглашенная «свобода торговли» сводилась к законодательному закреплению системы внутриреспубликанского оборота товаров фабричного, кустарно-ремесленного и сельскохозяйственного производства. Обеспечивался беспрепятственный ввоз товаров извне при разрешительном вывозе за пределы республики [34, л. 4; л. 13; л. 7; л. 226].

Директивно утверждались крупные и средние земельные собственники фермерско-хуторского типа, был легализован вольнонаемный рынок труда и аренды земли. Крестьяне подлежали посильному продуктообложению с целью первоочередного обеспечения «собственного населения» края. «Вольная торговля» продуктами питания на местных рынках, способствовала постоянному притоку «нелегальных продуктовых обозов ... в свободную от разверстки Башреспублику» из ближайших к краю Уфимской, Оренбургской и Челябинской губерний [35, л. 54; л. 7]. Крестьяне, решая проблему: отдать продовольствие по разверстке или сбывать его с выгодой для себя, чаще всего выбирали второй вариант. Тем более, что риск реализации монополизированных продуктов питания на кантонных базарах был сведен к нулю. Население самых близких к Малой Башкирии хлебопроизводящих губерний, не опасаясь преследования республиканских правоохранительных органов, безбоязненно проводило на соседней территории сделки с хлебом [36, л. 125 об].

Значительные льготы имели располагавшиеся «на земле Башкирии» фабрики и заводы, беспрепятственно сбывавшие на рынке часть своей продукции. Вследствие этого на открыто действовавших в республике базарах без особых затруднений и по доступной цене реализовывалась разнообразная номенклатура товаров: от продуктов питания до изготовленной промышленным способом сложной сельскохозяйственной техники. Кантонам, в рабочем порядке выделялись сотни тысяч рублей для приобретения на рынках «фабрикантов местного производства» [37, л. 10–11]. В некоторых случаях созывались комиссии, определявшие целесообразность товарообмена сельхозпродукции на промышленные изделия. Но обычно запрошенные «башкантинами» разрешения «производить обмен хлеба на железо и лесные материалы» быстро оформлялись текущим постановлением Президиума Башсовнархоза

[38, л. 33 об].

На предъявляемые населением «законные претензии» о пропаже с прилавков того или иного товара достаточно оперативно реагировали государственные органы. Так, Башаул-Унгаровский волостной исполнительный комитет Табынского кантона, предупреждая возмущение селян, недовольных невозможностью «приобретения ...уборочных машин и сноповязального шпегата, за отсутствием их на рынке», без бюрократических проволочек решил производить уборку хлеба силами наемных рабочих [39, л. 19].

В целом, за исключением правительства Башреспублики, руководство уральских губерний крайне отрицательно относилось к предпринимателям, устраивая облавы и беспощадно карая «дельцов». Однако в условиях, когда реальной была угроза соединения вспыхнувшего на Урале мощного антиразверсточного крестьянского движения с забастовками на продовольственной почве массово голодавших рабочих, уральские власти, официально не признавая коммерсантов, вынужденно терпели их предпринимательскую деятельность. Приспособляемость частных производителей и торговцев к любым условиям существования на местных локализованных торгах тормозила ликвидацию и выведение частного капитала из системы экономических отношений в 1917–1921 гг. В конечном итоге, частично сохранившиеся свободное предпринимательство и торговля стали базовыми структурами для становления экономики страны и проведения нэпа.

Библиографический список

1. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 12. – Д. 172.
2. ЦГИА РБ. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 80.
3. ЦДНИОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 121.
4. ГАОО. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 950; ГАСО. – Ф. 1633. – Оп. 1. – Д. 34.
5. РГАЭ. – Ф. 484. – Оп. 8. – Д. 55.
6. Бюллетень Пермского губернского союза рабоче-крестьянских потребительских обществ. – 1920. – № 3.
7. РГАЭ. – Ф. 484. – Оп. 8. – Д. 99.
8. ЦГАОО РБ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 7.
9. Уральский рабочий. – 1920. – 27 февраля.
10. Отчет о деятельности местных органов по 1-е декабря 1921 года Сарапульского уездного (Пермской губернии) уездного экономического совещания. – Сарапул, 1921.
11. ЦГАОО РБ. – Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 3.

12. ЦГАОО РБ. – Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 2.
13. ЦГАОО РБ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 105 а.
14. ЦГИА РБ. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 93; ЦДНИОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 121.
15. Протокол Второго очередного пленума Пермского губернского совета народного хозяйства, 16-19 марта 1920 г. (Пермь). – Б.г.
16. См.: Суворова Л.Н. За “фасадом” “военного коммунизма”: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – 1993. – № 4.
17. По расчетам Ю.П. Бокарева, на долю нелегального рынка приходилось 41 % «всего отчуждаемого у крестьян хлеба» по разверстке. См.: Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М., 1989.
18. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 12. – Д. 382; ЦГАОО РБ. – Оп. 1. – Д. 108 а.
19. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 65. – Д. 509.
20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 65. – Д. 509.
21. ЦДООСО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 70.
22. ЦДООСО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 70.
23. ЦДООСО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 70.
24. ЦДООСО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 70.
25. ЦДООСО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 70.
26. Савинков А.М. Из деятельности Пермской РКК в 1920 г. // Из истории партийных организаций Урала. – Пермь, 1966. – С. 37; Известия (Уфа). – 1921. – 11 мая.
27. РГАЭ. – Ф. 1943. – Оп. 3. – Д. 630.
28. РГАЭ. – Ф. 1943. – Оп. 3. – Д. 630.
29. ГАПО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 10.
30. Декреты советской власти. – М., 1978. – Т. IX.
31. ГАПО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 117.
32. Уральский рабочий. – 1920. – 28 мая.
33. ЦДНИОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 121.
34. ЦГИА РБ. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 2; Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 19; Ф. 700. – Оп. 1. – Д. 6; Ф. 1107. – Оп. 1. – Д. 32.
35. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 34. – Д. 455; ЦГАОО РБ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 114.
36. РГАЭ. – Ф. 1943. – Оп. 3. – Д. 462.

-
37. ЦГИА БР. – Ф. 700. – Оп. 1. – Д. 1126.
 38. ЦГИА БР. – Ф. 700. – Оп. 1. – Д. 6.
 39. ЦГИА БР. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 3.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Ф.С. АХМАДЕЕВА

Ново-Амзинская основная общеобразовательная школа Нурлатского района РТ

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ **К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ** **ПРЕДПРИЯТИЕМ МАЛОГО БИЗНЕСА**

В рамках системного подхода малый бизнес представляется как единая система, состоящая из сети разносторонне связанных между собой элементов. Взаимовлияние последних приводит к появлению новых качеств системы, которые ни в коем случае не могут быть продуктом простого суммирования свойств отдельных частей.

В роли структурных составляющих при системном подходе рассматриваются разнообразные событийные явления, происходящие в рамках одного малого предприятия. Это могут быть действия технологического, организационного, финансового, правового, экологического, коммуникационного характера. В наиболее общем виде их можно подразделить на материальные и нематериальные составляющие. Первые охватывают те структурные части и элементы, которые осуществляют или отождествляют собой материализацию хозяйственной деятельности в рамках предприятия или отдельного бизнеса. Вторые же охватывают различные причинные (мотивационные) отношения [4, с. 18].

В нынешних условиях российский малый бизнес вынужден серьезно пересматривать принципы управления предприятиями, которые, как правило, имеют ярко выраженную функциональную направленность. Процессный подход характеризуется четкой специализацией труда, из-за чего отдельные группы сотрудников не видят конечных результатов работы всей компании, а значит, не могут быть заинтересованными в их достижении. Разногласия между работниками, несогласованность действий функциональных подразделений существенно снижают эффективность деятельности предприятия в целом.

Сейчас стала популярной идея представлять модель организации в виде совокупности бизнес-процессов, каждый из которых можно определить как

множество взаимосвязанных видов деятельности, служащих достижению важного для компании результата. Компания добивается собственных целей, управляя целями всех бизнес-процессов. Оценивая эффективность бизнес-процессов на основе критериев, базирующихся на материальных и временных затратах, а также на показателях качества, она мотивирует персонал на совместное достижение целевого результата [16, с. 24].

Ситуационный подход затронул почти все основные школы теории управления и проявился при изучении всех элементов управления: организационной структуры, категорировании различных типов и ситуаций группового поведения людей в малом бизнесе, стилей руководства, влияния различных методов руководства на поведение групп и индивидов и др. В этом проявился отход от традиционного стремления формировать универсальные принципы руководства людьми в организации.

Ситуационный подход к проблемам управления малым бизнесом является в настоящее время доминирующей в теории управления. Отрицая значение теории, исследователи сводят проблему управления к личным способностям и эмпирически приобретенным навыкам [10, с. 22].

Понятия «малый бизнес», «малое предпринимательство», а также взаимосвязанный с ними термин «малые предприятия», употребляемые в современной экономической литературе, законодательных актах и практике, не имеют строгого разграничения, но мы не разделяем мнение, согласно которому «малый бизнес» и «малое предпринимательство» понятия абсолютно тождественные. Позиция разграничения понятий имеет под собой как правовые, так и экономические основания, в том числе обусловленные отношениями собственности [3, с. 17].

В Российском законодательстве понятие «субъект малого предпринимательства» (СМП), закрепленное законом «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» и Гражданским кодексом, не включает в себя малые предприятия, в уставном капитале которых более 25 % принадлежит государству, либо организациям, не являющимся субъектом малого предпринимательства.

В свою очередь, понятие «малые предприятия», часто используемое в статистике, не включает в себя предпринимателей без образования юридического лица.

Малые предприятия можно определить как коммерческие организации – юридические лица различных организационно-правовых форм и форм собственности, размеры которых определяются законодательством, выполняющие одну или несколько специфических функций по производству и распределению товаров и услуг [5, с. 28].

Для обозначения рассматриваемого в статье явления вполне оправданно было бы в условиях многоукладной экономики пользоваться принятым в ми-

ровой науке и хозяйственной практике термином «малый бизнес» и охарактеризовать его как совокупность хозяйствующих субъектов как отнесенных законодательством на основании количественных критериев и формы собственности к субъектам малого предпринимательства, так и субъектов, отвечающих основным требованиям законодательства о малом предпринимательстве. Малый бизнес объединяет предпринимателей без образования юридического лица и малые предприятия – юридические лица, во-первых, всех форм собственности, а, во-вторых, отличающихся как активным, так и пассивным поведением на рынке.

Что же касается термина «малое предпринимательство», то следует, прежде всего, отметить, что многие известные экономисты, давая определение предпринимателя, акцентируют внимание на его активной позиции на рынке и инновационной направленности его деятельности.

Следовательно, малое предпринимательство – это такой малый бизнес, в котором главной движущей силой является предприниматель, сочетающий функции собственности и управления и рационально соединяющий факторы производства (землю, труд, капитал) на личной инициативной, инновационной, рискованной основе под полную экономическую ответственность с целью получения предпринимательского дохода.

Единые международные критерии определения малого бизнеса в настоящее время отсутствуют.

Как показывает мировая и отечественная практика, основным критериальным показателем, на основе которого предприятия (организации) различных организационно-правовых форм относятся к субъектам малого бизнеса, является в первую очередь численность работников, занятых за отчетный период на предприятии (организации) [12, с. 32].

Другими, наиболее часто употребляемыми критериями являются: размер уставного капитала, величина активов, объем оборота (прибыли, дохода).

Становление и развитие различных форм предпринимательства во многом – следствие специфических особенностей регионов. Это имеет место как на Западе, так и в России. С точки зрения институционально-эволюционной теории существенные региональные различия в уровне развития и структуре МБ объясняются также существующими социокультурными стереотипами [6, с. 19].

При изучении малого бизнеса нельзя не принимать во внимание политический и социальный аспекты его развития, так как, с одной стороны, сектор МБ в силу своей массовости и общественной активности является мощным инструментом институциональных преобразований; с другой стороны, в силу незначительности потенциала каждого субъекта в отдельности в масштабах государства особенно сильно страдает от непропорциональных транзакционных издержек и нуждается в поддержке в процессе потребления обществен-

ных благ в обмен на уплаченные налоги.

В секторе МБ происходит постоянное обновление вследствие массовых банкротств, переспециализации деятельности или деградации.

Институционально-эволюционная теория, в которой макроуровень экономики представлен как некоторое множество (совокупность) макроэкономических подсистем, состоящих в свою очередь из отдельных экономических субъектов, объясняет этот процесс вытеснением из экономического пространства наиболее конкурентноспособными субъектами прочих членов популяции, другими словами «естественным отбором». Вместе с тем общее количество малых предприятий, как правило, растет или остается неизменным, на месте ликвидированных предприятий постоянно рождаются новые [7, с. 5].

Рассмотрим четыре основных стратегии малых фирм, цель которых состоит в том, чтобы свести к минимуму остроту конкуренции с крупными фирмами и наилучшим образом использовать свои преимущества [8, с. 16]. Первые две стратегии относятся к самостоятельному развитию малой фирмы. Следующие две связаны с возможностями встраивания малой фирмы в деятельность крупной.

1. Стратегия копирования.
2. Стратегия оптимального размера.
3. Стратегия участия в продукте крупной фирмы.
4. Стратегия участия в системе сбыта крупной фирмы.

Удачной формой сотрудничества крупных и малых фирм в торговле и сфере услуг явился «франчайзинг».

Высокий уровень развития малого бизнеса в странах с рыночной экономикой при всех их национальных и культурных различиях позволяет автору сделать вывод, что и для России неизбежно достижение аналогичных показателей в этом секторе экономики.

Малый бизнес и дальше будет развиваться, несмотря на слабую государственную поддержку, а из числа факторов, стимулирующих рост числа малых предпринимательских структур, наиболее значимым останется фактор безработицы [13, с. 38].

Малый бизнес выполняет в переходной экономике ряд важнейших функций. Первая из них – это решение вопросов занятости.

Особенности МБ, благоприятствующие росту занятости, таковы [14, с. 148]. Во-первых, он способен быстро создавать новые рабочие места низкой капиталоемкости: затраты капитала в расчете на одно рабочее место в малых предприятиях, как правило, существенно ниже, чем в крупных. Во-вторых, для малых предприятий характерно и более низкое техническое строение капитала, т.е. на единицу используемых средств производства здесь приходится больше единиц труда, чем на крупных предприятиях. В-третьих, специфика малых предприятий проявляется в отсутствии в них усложненных управ-

ленческих структур, что облегчает процесс образования таких предприятий. В-четвертых, малый бизнес притягателен для деятельности людей, ибо предоставляет значительные возможности для проявления инициативы, творческой активности. В-пятых, на малых фирмах широко распространены гибкие условия труда и найма (неполные рабочий день или неделя, скользящий график труда, совместительство и т.п.), что также весьма привлекательно для многих работников.

Второй функцией МБ в условиях переходной экономики является развитие конкуренции. Одной из особенностей малого бизнеса является его высокая приспособляемость к различным типам рынка. Субъекты малого бизнеса успешно функционируют как на конкурентном, так и на монополистическом, олигополистическом и рынке монополистической конкуренции. Однако следует сделать оговорку: в качестве непосредственного участника монополистического и олигополистического рынков малые предприятия выступают, как правило, на местных, локальных рынках. В общегосударственном масштабе субъекты МБ присутствуют на монополистическом и олигополистическом рынке как субподрядчики или дилеры крупных компаний.

Третьей функцией МБ в переходной экономике является решение вопросов регионального развития.

Четвертая функция МБ в переходной экономике – социальная [14, с. 149].

Одной из групп проблем являются административные барьеры в развитии МБ.

Барьеры на пути к рынку могут носить объективный экономический характер, обусловленный особенностями дайной отрасли и рынка (технология производства, стартовые и текущие затраты, объем спроса, зрелость и развитость рынка, тип конкуренции), либо определяться поведением отдельных хозяйствующих субъектов, уже действующих на данном рынке, а также мерами государственного экономического регулирования [2, с. 103].

Особенность административных препятствий выходу на рынок новых предпринимательских структур состоит в том, что они вызваны необъективными причинами, их устранение не требует значительных материальных и финансовых затрат и полностью зависит от реальных целей государственной политики, совершенства законодательной базы регулирования предпринимательской деятельности и уровня правовой культуры.

Инфраструктура малого бизнеса понимается именно как система организаций, целью которых является оказание содействия субъектам малого предпринимательства. Как правило, содействие малым предприятиям и предпринимателям либо отдельным их категориям оказывается на условиях, отличных от рыночных (льготные кредиты, бесплатные консультации, дешевая аренда, услуги по пониженным расценкам и т.п.). Именно это и выделяет ин-

фраструктуру малого бизнеса из значительно более обширной совокупности организаций, специализирующихся на оказании деловых коммерческих услуг [1, с. 92].

В зависимости от социально-экономической формы элементы инфраструктуры подразделяются на государственные, негосударственные коммерческие, негосударственные общественные, российские и с иностранным участием.

Базовыми институтами, фундаментом инфраструктуры МБ в России (на федеральном и региональном уровнях), реализующими государственную политику в области малого бизнеса являются [11, с. 26]:

1. Орган управления и контроля – министерство, комитет, департамент.
2. Финансовый орган фонд поддержки МБ.
3. Общественный орган – общественный совет по малому бизнесу.

Основополагающими функциями базовых институтов являются:

- управление и контроль;
- финансирование МБ;
- обратная связь государственных органов с МБ, защита его интересов и консультативное обеспечение государственной политики в области малого бизнеса.

Помимо базовых институтов в число элементов инфраструктуры МБ входят [15, с. 118]:

- фонды поддержки малого бизнеса и другие финансовые институты;
- лизинговые компании;
- бизнес-инкубаторы, технопарки, промышленные полигоны;
- агентства и центры развития МБ;
- средства массовой информации, специализирующиеся в области МБ;
- прочие организации содействия МБ.

Очевидно, что для развития малого бизнеса государство должно проводить определенную политику, направленную на их ресурсную поддержку:

- в области финансовой политики государства в отношении малого бизнеса необходимо устранение объективно присущего МБ неблагоприятного положения на рынке кредитных ресурсов и инвестиций в силу их недостаточной залогоспособности; целевое финансирование отдельных высокоэффективных программ и проектов, позволяющее раскрыть внутренний потенциал малых предприятий, обеспечить их устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности, привлечь в сферу малого бизнеса частные инвестиции;
- на рынке средств производства государство призвано обеспечить свободный и равный доступ субъектов малого предпринимательства к материально-вещественным факторам, необходимым для их деятельности, стимулировать формирование рынка коммерческой недвижимости, а также принять специальные меры по снижению затрат малых предприятий на при-

обретение средств производства (в том числе путем стимулирования лизинговых и франчайзинговых отношений);

- в области развития рынка труда необходимо обеспечить качественный (структурный) баланс спроса и предложения путем совершенствования системы переподготовки кадров, в том числе руководителей и специалистов малых предприятий [9, с. 207].

Итак, российским законодательством установлен один из важнейших показателей, на основе которого предприятия (организации) относятся к субъектам малого предпринимательства, – это численность работающих. Становление и развитие различных форм предпринимательства во многом – следствие специфических особенностей регионов. Наряду с этим жизнеспособность малых предприятий обеспечивается в первую очередь социальной и институциональной структурой общества.

Библиографический список

1. Багиев Л.Г., Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. – М.: Приор, 2003. – 572 с.
2. Балувев Д.Г. Внешнеполитическая роль российского государства в переходный период // Полемика. – 2000. – № 7.
3. Голубкова Е.Н. Маркетинговые коммуникации. – М.: Финпресс, 2000. – 286 с.
4. Зайцев Д. Процессный подход к организации бизнеса. – 2005. – № 39.
5. Козырев В.М. Основы современной экономики. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 251 с.
6. Колесникова Л.А. Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием. – М.: Новый Логос, 2000. – 581 с.
7. Косов В.В. Бизнес – план: Обоснование решений. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 284 с.
8. Крутик А.Б., Горенбургов М.А. Малое предпринимательство и бизнес-коммуникации. – СПб.: Бизнес-пресса, 2004. – 196 с.
9. Максимова В., Шишов А. Рыночная экономика. – М.: СОМИНТЕК, 2002. – 394 с.
10. Нарibaев К., Джумамбаев С. Менеджмент. – Казань, 2005.
11. Новиков В., Шереги Ф. Малое предпринимательство и банки: пути расходятся? // Российский экономический журнал. – 2003. – № 9-10.
12. Светлова М.К. Эффективность маркетинга. – Ростов н/Д, 2002. – 286 с.
13. Уэллс У., Беркет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. – СПб:

-
- Питер, 2001. – 472 с.
14. Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. – М.: Наука, 2003.
 15. Шевченко И.К. Организация предпринимательской деятельности. – Таганрог, 2004. – 384 с.
 16. Шестаков А.Л. Процессы и финансы. – Пб., 2001.

С.В. БЕЛЯКОВА

Мичуринский государственный педагогический институт

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Современной экономике необходим малый бизнес – индивидуальные, мелкие кооперативные, семейные и другие подобные предприятия, имеющие сегодня важные преимущества в мелкосерийном производстве, сфере услуг, в разработке новых технологий и т.п. Развитие в стране малого предпринимательства направлено на реализацию установленного Конституцией РФ права граждан на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Малое предпринимательство способствует развитию конкуренции, насыщению потребительского рынка товарами, работами и услугами, созданию новых рабочих мест, формированию широкого слоя собственников и предпринимателей. В настоящее время идет активный процесс создания инфраструктуры малого предпринимательства, ассоциаций предпринимательских структур, государство предпринимает определенные усилия для поддержки субъектов малого предпринимательства.

Вклад юридической науки в развитие предпринимательской деятельности состоит не только в изучении, осмыслении экономических законов и выработке рекомендаций по ее государственно-правовому регулированию путем закрепления этих законов, но и, учитывая реалии практического осуществления предпринимательской деятельности в современной России, связанные с воздействием ряда неблагоприятных факторов (нестабильность и несовершенство законодательства, порой отсутствие четкого и определенного нормативного регулирования существующих отношений в сфере хозяйственного оборота, коррумпированность лиц, оказывающих существенное влияние на предпринимательскую деятельность в различных ее аспектах в силу своих профессиональных обязанностей и др.), полагаю, в выработке эффективных правовых механизмов защиты прав предпринимателей, создании реальных условий для охраны и восстановления нарушенных прав предпринимателей. Следует отметить, что в актуальной нормативно-правовой базе РФ имеется множество норм, направленных на осуществление защиты нарушенных

прав граждан и юридических лиц, относящихся к субъектам малого предпринимательства. В частности, это нормы Конституции РФ, имеющие общий характер и прямое действие, Гражданского кодекса РФ, специального Федерального закона от 23.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», ряда других федеральных законов и иных нормативно-правовых актов.

Однако многие возникающие на практике проблемы в сфере защиты и восстановления нарушенных прав связаны с правоприменением – деятельностью, направленной на реализацию и воплощение в жизнь установленных правовых предписаний. Посредством осуществления правоприменительной деятельности государство обеспечивает выполнение предписаний правовых норм, охраняет и защищает действующее право от нарушений. Целью применения права служит удовлетворение не личных интересов и потребностей правоприменителей и не только потребностей лиц, реализующих права и обязанности, а потребностей и интересов всего общества. В силу этого правоприменительная деятельность обладает повышенной социальной значимостью по сравнению с другими формами реализации права [1, с. 64]. Ярким примером правоприменения служит деятельность судов. Вынося приговор или приняв судебное решение, например, по гражданскому делу, суд осуществляет применение права, реализует свои властные полномочия, вторгается в сферу прав и обязанностей граждан, юридических лиц, создает правоприменительный акт, на основе которого может осуществляться прямое принуждение, насилие. Именно поэтому необходимо акцентировать внимание на субъектах правоприменения – судьях, и на тех требованиях, которые, как представляется, предъявляет сама жизнь к их профессиональному соответствию и необходимым качествам, позволяющим грамотно, компетентно и беспристрастно осуществлять столь важную для государства и общества деятельность.

Квалификационные коллегии судей по-прежнему рассматривают множество дел, связанных с ненадлежащим осуществлением своих полномочий представителями судейского корпуса, налагают на судей дисциплинарные взыскания за совершение ими дисциплинарных проступков [2, с. 37]. С жалобой или сообщением, содержащими сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка, в соответствующую квалификационную коллегию судей могут обращаться и граждане. Такие жалобы и сообщения проверяются квалификационной коллегией самостоятельно либо направляются для проверки председателю соответствующего суда. Однако жалобы и сообщения, поступившие в квалификационные коллегии от граждан, подлежат проверке только при наличии в них сведений о совершении судьей (председателем суда) дисциплинарного проступка, и в этом случае, – как разъяснено в Решении Верховного Суда РФ от 4 сентября 2008 г. № ГКПИ08-1733, – закон не тре-

бует принятия квалификационной коллегией судей коллегиального решения. Жалоба подлежит возвращению заявителю без рассмотрения в случае отсутствия в ней сведений о совершении судьей дисциплинарного проступка [3]. То есть, в случае установления председателем соответствующей квалификационной коллегии судей или ее членом, которому поручена организация проверки жалобы, отсутствия в ней сведений о совершении судьей дисциплинарного проступка, жалоба подлежит возвращению заявителю без рассмотрения. При наличии оснований для проведения проверки жалобы или сообщения, квалификационная коллегия судей образует комиссию из числа членов совета судей и членов квалификационной коллегии судей, а также представителей общественности и сотрудников аппарата квалификационной коллегии судей. Результаты проверки докладываются комиссией на заседании квалификационной коллегии судей, которая принимает решение по существу. За совершение дисциплинарного проступка на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения или досрочного прекращения полномочий судьи. Решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке только лицом, в отношении которого оно принято. Граждане, обратившиеся в квалификационные коллегии с жалобами и сообщениями о неправомерных действиях судьи, такого права не имеют. Более того, ни Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [4], ни Положение о порядке работы Квалификационных коллегий судей, утвержденное Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22 марта 2007 года [5], не регламентируют процедуры предоставления информации о результатах проведенной проверки фактов, изложенных в жалобе или сообщении о совершении судьей дисциплинарного проступка, либо о принятом по ним решении заинтересованным гражданам, обратившимся в квалификационные коллегии судей. Отсутствие всякой информации, обратной связи и какого-либо взаимодействия квалификационных коллегий судей с гражданами, чьи права и законные интересы были нарушены или существенно ущемлены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения судьей своих должностных обязанностей, отнюдь не способствуют повышению доверия общества к судебной власти, укреплению ее авторитета. Так, например, в квалификационную коллегию судей Тамбовской области обратился гражданин Н. – индивидуальный предприниматель с жалобой на неправомерные действия мирового судьи при рассмотрении гражданского дела по иску о защите прав потребителей в сфере торговли, в том числе на нарушение сроков гражданского судопроизводства, что причинило ему значительный имущественный ущерб в виде несоизмеримо высокой суммы неустойки, подлежащей выплате по решению суда. Гражданское дело рассматривалось по первой инстанции мировым судьей более двух лет, при этом имели место факты неоправданно длительных перерывов

между судебными заседаниями, волокиты и собственно бездействия судьи. Заявитель, – предприниматель Н., не обладает никакой информацией о принятом квалификационной коллегией судей решении, не уведомлен об установлении (либо неустановлении) фактов совершения данным судьей дисциплинарного проступка, о подтверждении (либо неподтверждении) материалами проведенной проверки доводов, изложенных в его жалобе. В сложившейся ситуации предприниматель Н., считающий, что неисполнением или ненадлежащим исполнением мировым судьей своих обязанностей, ему причинен имущественный вред, подлежащий возмещению государством, не имеет процессуальной возможности каким-либо образом защитить свои нарушенные в ходе гражданского судопроизводства права и возместить причиненный имущественный вред, выразившийся в непомерной сумме неустойки, исчисленной в том числе и за каждый день искусственно затянутого судебного разбирательства. Согласно ст. 53 Конституции РФ «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». В соответствии с этой посылкой в гражданском судопроизводстве возможна ответственность судебных органов за вред, причиненный ими при отправлении правосудия. П. 2 ст. 1070 ГК РФ устанавливает, что вред, причиненный при осуществлении правосудия гражданам и юридическим лицам, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Данная законодательная норма была предметом обжалования в Конституционном Суде РФ. Заявители оспаривали ее конституционность, полагая, что норма п. 2 ст. 1070 ГК РФ ограничивает право на судебную защиту и предусмотренное ст. 53 Конституции РФ право на возмещение вреда, ставя реализацию этих прав в зависимость от наличия вступившего в законную силу приговора суда по уголовному делу, которым вина судьи установлена. В своем Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П [6] Конституционный Суд РФ признал данную норму не противоречащей Конституции РФ и дал некоторые важные разъяснения закона. В частности, он разъяснил, что под осуществлением правосудия в ст. 1070 ГК РФ понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии судебных актов, разрешающих дело по существу (правосудие в собственном смысле). Соответственно наличие приговора, устанавливающего вину судьи в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 или ст. 293 УК РФ, является необходимым условием права на удовлетворение иска к Российской Федерации только в случае, если вред причинен неправосудным решением суда. Если же вред причинен не решением, а иным судебным постановлением, то наличие соответствующего приговора не является необходимым условием права на удовлетворение иска. Согласно п. 5 вышеуказанного Постановления Конституционного Суда РФ, «... в случае противоправного деяния судьи, не вы-

раженного в судебном акте (нарушение разумных сроков судебного разбирательства, иное грубое нарушение процедуры), его вина может быть установлена не только приговором суда, но и иным судебным решением» [6]. Учитывая вышеизложенное, очевидно, что в случае, если судья издает незаконный акт или проявляет противоправное бездействие по процессуально-правовым вопросам, его вина может быть установлена и иным официальным актом, например о привлечении к дисциплинарной ответственности. В подобных случаях для защиты нарушенных или ущемленных прав граждан и юридических лиц представляется необходимым устранение существующей правовой неопределенности посредством четкой нормативной регламентации процедуры вынесения квалификационными коллегиями судей соответствующих решений и доведения их содержания до заинтересованных лиц, заявителей. Следует констатировать также, что, к сожалению, далеко не всем случаям ненадлежащего осуществления судьями своих полномочий дается правовая оценка соответствующими квалификационными коллегиями или вышестоящими судебными инстанциями, отменяющими в установленном процессуальном порядке незаконно вынесенные судебные акты, что приводит к негативным последствиям для лиц, участвующих в судебном разбирательстве, а также наносит ущерб всей правоприменительной практике.

Анализируя работы известных правоведов-ученых, публикации юристов – практических работников, следует обозначить некоторые причины совершения судьями профессиональных ошибок, повлекших впоследствии отмену постановленных ими судебных актов, а в отдельных случаях и привлечение к дисциплинарной или уголовной ответственности: 1) отсутствие в некоторых судах специализации, что отрицательно сказывается на качестве судейства; 2) невысокий базовый теоретический уровень знаний ряда судей, связанный, как правило, либо с получением ими юридического образования не по очной, стационарной форме обучения, либо с невысокими показателями успеваемости и качества знаний в период обучения в образовательных учреждениях; 3) несформированность либо неразвитость научно-правового мышления судей; 4) отсутствие определенных личностных характеристик, позволяющих работать в должности судьи (аналитических способностей, логики, готовности к научной, исследовательской работе, владения письменной речью, ряда индивидуальных психологических особенностей и свойств характера, и т.д.); 5) попустительское отношение судей к повышению своей квалификации, имеющее место вследствие различных причин (загруженности текущими делами, недостатка времени, семейных проблем, и т.д.), влекущее допущение ошибок в правоприменительной деятельности; 6) недостаточность законодательных требований, предъявляемых к кандидатам на судейские должности; 7) профессиональная некомпетентность; 8) злоупотребления со стороны судьи [7]. Некоторые авторы сожалеют, что вынесение судьей решений, проти-

воречащих закону, не является основанием для прекращения или приостановления его полномочий (в отличие от любого государственного служащего, который в случае даже однократно допущенного нарушения закона может быть подвергнут дисциплинарной ответственности или просто освобожден от занимаемой должности) [8, с. 237]. Судьи, – справедливо отмечает В.И. Руднев, – являются участниками правоотношений и, как любой их участник, обязаны отвечать за любые принимаемые ими решения, в том числе и ошибочные. Совершение судьей профессиональной ошибки может свидетельствовать в одних случаях о его ненадлежащей квалификации, в других – о совершении им злоупотреблений [7, с. 83]. Как одно, так и другое совершенно недопустимо в сфере осуществления судебной власти, защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства. Учитывая современные проблемы функционирования судебной власти, очевидно, должны возрастать роль и полномочия высших судебных инстанций по пересмотру судебных актов нижестоящих судов, а также роль квалификационных коллегий судей субъектов РФ. С нашей точки зрения, тщательному анализу должны подвергаться описательные (констатирующие), мотивировочные, резолютивные части актов применения права на предмет их соответствия имеющимся в материалах дела доказательствам, представленным сторонами, данным протоколов судебных заседаний, должны исследоваться замечания на протокол, все иные судебные акты, постановляемые по делу. Предметом детального исследования должны стать решения и приговоры, принимаемые судьей при его систематической работе с одним и тем же адвокатом или иным судебным представителем в целях исключения коррупционной составляющей, опыт правоприменительной деятельности соответствующего судьи в целом. Такую работу, возможно, могли бы осуществлять высококвалифицированные судьи-эксперты, должности которых целесообразно ввести в судебных инстанциях на уровне субъектов РФ. Тщательно проведенный анализ судебных ошибок позволит выявить некомпетентных либо небеспристрастных судей, что позволит самой судебной системе оперативно реагировать на все случаи ее дискредитации перед обществом и государством. Как представляется, прерогативой высших судебных органов могло бы стать также создание определенных комитетов или контрольных комиссий (контрольных органов), состоящих из высококвалифицированных специалистов, юристов-экспертов, способных с наибольшей долей вероятности установить причину вынесения неправоподобных актов применения права. Только тогда появится реальная возможность уже в процессе осуществления судебной власти позитивно воздействовать на нее путем целенаправленного повышения квалификации отдельных судей, а в отдельных случаях, возможно, и лишения полномочий судей в соответствии с законодательно установленной процедурой.

Рассматривая данную проблему более углубленно, следует отметить и

тот факт, что имущественный вред, ущерб деловой репутации и имиджу предпринимателей причиняется в различных сферах правоприменения и различными субъектами (государственными органами, должностными лицами, некоторыми общественными организациями при делегировании им полномочий и наделенными государством соответствующей компетенцией) при осуществлении ими деятельности, связанной с применением конкретных правовых предписаний, использовании особых приемов и процедуры разрешения многообразных жизненных ситуаций. Защищая и отстаивая права и интересы одних лиц, необходимо учитывать и соблюдать права и интересы и других, на стороне которых зачастую оказываются представители малого бизнеса, поддерживать необходимый баланс интересов, что на практике де-факто для отдельных правоприменителей является сложной и трудновыполнимой задачей. Игнорирование интересов малого бизнеса в отдельных случаях приводит к невозможным для предпринимателя потерям, утрате доверия к власти, государству, а иногда и к гибели бизнеса.

Таким образом, обозначился ряд проблем, которые необходимо решать на законодательном уровне, создавая действенный инструментарий, позволяющий гражданам и юридическим лицам восстанавливать и защищать свои нарушенные права, компенсировать экономические потери, которые тяжким бременем ложатся на плечи малого бизнеса.

Учитывая современные реалии и огромную важность задачи становления и развития малого предпринимательства, государство путем создания определенных экономических стимулов стремится укрепить малый бизнес, но правовые меры защиты должны быть особенно тщательно продуманы, взвешены, обоснованы и адаптированы к правоприменительной практике – только такое соединение позволит создать оптимальные условия и реальные возможности для функционирования малого бизнеса.

Библиографический список

1. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань, 1982.
2. См.: Кузнецов В.В. Профилактическая функция квалификационных коллегий судей: значение и формы реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 1.
3. Решение ВС РФ от 04.09.2008 г. // <http://www.supcourt.ru>
4. Федеральный закон от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ « Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.
5. Положение о порядке работы Квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22 марта 2007 г.) // Вест-

ник ВККС РФ. – 2007. – № 2 (12).

6. Постановление КС РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Вестник КС РФ. – 2002. – № 3.
7. См.: Аверин А.В. Исследование судебного правоприменения в свете проводимой судебной реформы (к постановке проблемы) // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного Российского государства и права: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 2003. – С. 39-45; Матёров Н.В. О цели квалификационного экзамена на должность судьи // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 9 (166). – С. 37-39; Руднев В.И. Некомпетентность судьи как основание для его отвода и прекращения полномочий // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 81-84.
8. См.: Боровский М.В. Некоторые вопросы статуса судей и проблема коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. – М., 2001.

И.В. ВЕБЕР

Германия

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В последние годы предпринимательство в нашей стране стало играть все более заметную роль в подъеме различных отраслей экономики. Однако при этом остается открытым вопрос, в какой мере обеспечивается приоритет основополагающих экономических целей национальной экономики над конъюнктурными корпоративными интересами. Поэтому эффективное развитие рыночной экономики в России требует не только создания конкурентоспособного производства на базе новых приемов хозяйствования и управления, внедрения прогрессивных технологий и форм организации производства, но и формирования нового экономического менталитета российских предпринимателей.

Предпринимательство в России не смогло пока завоевать расположение широких масс населения по ряду причин, среди которых назовем:

- неразвитость предпринимательского движения в общегосударственном масштабе;
- недостаточный вклад отечественных предпринимателей в экономику страны;
- неоднозначное представление о ценностях предпринимательства в деловой среде и среди населения;
- отсутствие у предпринимателей стремления способствовать экономическому и культурному процветанию страны.

С одной стороны, все большему числу граждан становится понятно, что благосостояние каждого зависит от степени развития предпринимательства в стране. С другой, диспропорции в развитии предпринимательства, выражающиеся в гипертрофированном развитии торговли зарубежными товарами при зачаточном состоянии собственного производства никак не могут вызвать симпатии общества. Причины такого дисбаланса в определяющем вкладе в национальный доход поступлений валюты от экспорта сырья естественными монополиями. В результате складывается негативный образ олигарха, успешно провернувшего внешнеторговую операцию (порой не совсем законную) и сорящего полученными долларами.

Важнейшей национальной задачей сегодня стало развитие промышлен-

ного предпринимательства. Россия сможет приобрести экономическую самостоятельность только в том случае, если вклад от промышленных предпринимательских структур будет превышать вклад от экспорта сырья.

Но для этого государство должно усилить контроль над естественными монополиями, одновременно инициировать развитие промышленного предпринимательства.

Для того, чтобы государство могло эффективно поддерживать предпринимателей, сами предприниматели должны очистить свой отрицательный образ, сложившийся в последние годы. Для этого необходимо выработать в предпринимательской среде новые ценности, способные найти отклик и понимание в обществе.

История российского предпринимательства второй половины XIX – начала XX веков дает яркие примеры деловых людей, приверженных таким ценностям. Достаточно вспомнить столичных меценатов Морозовых, Третьякова. Не менее яркие примеры купеческой благотворительности находим мы и в Елабуге XIX столетия. Возьмем в качестве примера крупнейшую предпринимательскую династию Прикамья Стахеевых.

Основы благотворительной деятельности рода заложил в середине XIX века Иван Иванович Стахеев, стоявший у истоков создания «Благотворительного граждан И. и Д.И. Стахеевых комитета». Средства со счетов комитета тратились на нужды города и края. Церкви и монастыри двадцати двух губерний России получали материальную поддержку от комитета. Меценатская деятельность рода Стахеевых нашла своё отражение не только на страницах местной печати, но и в центральных периодических изданиях. В 1877 г. «Правительственный вестник» сообщал о пожертвованиях И.И. Стахеева и торгового дома «Григория Стахеева сыновья» на военные нужды [2].

Одним из направлений благотворительности, развернувшейся в России во второй половине XIX века, была помощь населению в экстремальных условиях. Стахеевы поддерживали жителей города и уезда во время неурожая, пожаров и стихийных бедствий.

Изменения роли российского купечества во второй половине XIX века, в пользу увеличения влияния в управлении делами городов и регионов, в полной мере сказалось и на истории купеческого рода Стахеевых. В разное время Стахеевы принимали участие в делах города, занимая посты гласных городской думы, бургомистров и, наконец, в качестве руководителей городских органов самоуправления – городских голов.

Особого внимания заслуживает культурно-просветительская деятельность династии Стахеевых. Во второй половине XIX века в Елабуге не было ни одного учебного заведения в образовании или деятельности, которого так или иначе не принимали участие Стахеевы. Открытие реального училища в Елабуге в 1878 г. стало возможным благодаря частным пожертвованиям, круп-

нейшие из которых были сделаны Иваном Ивановичем, Дмитрием Ивановичем и Иваном Григорьевичем Стахеевыми [1]. Выступая в качестве учредителей и попечителей церковно-приходских школ в уезде, Стахеевы оказывали им необходимую материальную помощь, которая использовалась как на обеспечение учебного процесса, так и на поддержание нуждающихся учителей.

Самым значительным вкладом династии в дело народного просвещения в Вятской губернии было строительство в Елабуге епархиального женского училища на средства Глафиры Фёдоровны Стахеевой.

Именные стипендии, членство в различных благотворительных организациях, выделение средств на поддержание отдельных учебных заведений и издание учебной литературы – вот далеко не полный перечень направлений меценатской деятельности Стахеевых в сфере народного просвещения.

Становление российского предпринимательства требует и сегодня обратиться к высоким ценностям служения возрождению страны. Среди таких ценностей должно быть не только ответственное отношение к личному делу, но и широкомасштабная благотворительность. Только при таком нравственно-деловом отношении к своей деятельности предприниматели смогут завоевать признание и поддержку общества, а через него и государства.

Библиографический список

1. Историческая записка о состоянии реального училища за 25 лет существования (1878-1903 гг.) / Сост. П. Дернов. – Елабуга: Печатня И.Н. Кибардина, 1903.
2. Правительственный вестник. – 1877. – 18(30) августа.

А.Р. ГАПСАЛАМОВ

Елабужский государственный педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1917-1920 ГГ.
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСТАНА)

Представленное исследование освещает процессы формирования механизма управления экономики России в период утверждения большевистской власти.

Большевики, пришедшие к власти в 1917 году, оказались в достаточно сложной ситуации. Первая мировая война, социальные волнения 1917 года значительно истощили страну, требовались кардинальные шаги для стабилизации экономики. В этих условиях новое руководство избрало путь жесткой централизации управления в стране. Данный тезис подтверждает и большевистская историография. На одном из съездов В.И. Ленин заявил, что «... коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства по всей стране... Областные центры свои функции определяют в зависимости от местных, бытовых и прочих условий, согласно общепроизводственным указаниям и решениям центра» [10, с. 392]. Чуть позже Н. Бухарин, отметил, что «...мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительные силы» [3, с. 53]. И, наконец, А. Рыков, резюмируя вышесказанное, добавил: «Мы переживаем эпоху величайших кризисов... и пережить такую эпоху можно только путем невероятной централизации» [14, с. 353].

Без сомнения, гражданская война, острый дефицит сырья вынуждали правительство прибегать к административным методам его распределения, но, как подчеркивают некоторые ученые, данные меры были не совсем оправданными. Нехватка продовольствия и карточная система во всех воюющих странах обусловили сокращение разрыва в доходах, однако ни в одной стране (кроме Советской России) эта тенденция не привела к полной ликвидации различий в доходах квалифицированных и неквалифицированных работников. Мобилизация промышленности на нужды обороны означала усиление государственного контроля над ней, принудительные госзаказы и т.д., но отнюдь не требовала тотальной ее национализации, вплоть до мелких и мельчайших мастерских [13, с. 50].

В стране стала складываться отраслевая система управления, которая, в конечном счете, привела к формированию жесткой иерархии. С конца 1917 года начались процессы ускоренного формирования централизованной административной системы. Уже в декабре 1917 года для регулирования экономической жизни страны был создан Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ), постепенно превратившийся в Наркомат промышленности (вопросы, не относящиеся к промышленной индустрии, рассматривались в Совнарком, Политбюро ЦК РКП(б), хозяйственных наркоматах). Вновь созданная структура строилась на отраслевых принципах. Оперативное управление отраслями осуществлялось соответствующими главными и центральными управлениями (главками и центрами), подчиненными или Президиуму ВСНХ (Главтекстиль, Главкож), или коллегии соответствующего производственного отдела. Примечателен факт, что с конца 1918 года до середины 1920 года количество главков выросло с 20 до 52 [11, с. 44]. В резолюции IX съезда РКП(б) отмечалось, что завершилось формирование «могущественных вертикальных объединений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом народного хозяйства» [8, с. 245].

В соответствии с новыми задачами, стоящими перед страной, началась выстраиваться и структура исполнительных органов. Главным структурным звеном в данной иерархии становится Наркомат продовольствия, созданный в 1918 году. За ним шла Комиссия Исползования. В компетенцию указанного органа входило: расчет потребности во всех материальных продуктах, учет имеющихся запасов, разработка планов распределения и установление розничных и оптовых цен (только за 1919 год Комиссия Исползования разработала 45 планов распределения различных продуктов, за 10 месяцев 1920 года – 55). Третьим по значению распределителем становится Главный топливный комитет, подчинявшийся ВСНХ. Введение трудовых мобилизаций вызвало появление Главного комитета по проведению трудовой повинности (Главкомтруд). Им осуществлялись трудовые мобилизации для работы на лесозаготовках, в строительстве, на свеклосахарных плантациях и т.д. [9, с. 15-17; 13, с. 51].

В противоположность отраслевой организации, которая являлась следствием общественного разделения труда и связанной с ним специализации отраслей промышленности, территориальная организация промышленного производства выступала следствием территориального разделения труда, порождающего определенную географию отраслей промышленности и необходимость взаимодействия производств как одной, так и разных отраслей. Территориально-административная модель была представлена советами народного хозяйства.

По мере того как стабилизировалась обстановка на фронтах гражданской войны и в экономике, большевики стали проводить более целенаправ-

ленную политику по разграничения компетенций в системе управления экономикой. Уже в феврале 1920 года схема управления промышленностью претерпела существенные изменения. Все государственные предприятия были в зависимости от их экономического значения и размеров производственных фондов разделены на три группы: 1) предприятия, непосредственно управляемые главками (находились в полном подчинении ВСНХ); 2) предприятия, перешедшие в оперативное управление губернских совнархозов при сохранении за производственно-отраслевыми отделами ВСНХ функций планирования производства и сбыта продукции; 3) предприятия, передававшиеся в полное и непосредственное подчинение губсовнархозам. По такому же принципу строилось не только управление промышленностью, но и транспортом, сельским хозяйством, связью.

На низовом уровне также шли процессы выстраивания иерархии управления. Наглядным примером здесь выступает Казанская губерния.

Первые действия большевиков, после того как они пришли в губернии к власти, были направлены на отъем фабрик и заводов у бывших владельцев. Уже 12 марта 1918 года рабочая секция Чистопольского уездного Совета национализировала судоремонтный завод Проваторова, далее последовали лесоторговые предприятия купцов Стахеевых и Сюгинский завод Блинова [2, с. 96]. Были национализированы и банки. Вместо семи отделений в Казани были оставлены только три – это Государственный, 1-й Народный банк (бывший Купеческий) и 2-й Народный банк (бывший Волжско-Камский). При этом отделение Государственного банка стало играть доминирующую роль [6; 15, с. 349].

Более широко и планомерно национализация предприятий и других учреждений стала осуществляться с сентября 1918 года. В первой половине 1919 года в основном завершилась национализация нефтяных, пищевых предприятий. В сентябре в руки государства перешли все валяльные фабрики, поставлявшие обувь для Красной Армии (Алафузова в Казани, Комарова в Кукморе и др.).

Завершив изъятие основной части предприятий, большевики с 1918 года стали создавать единые органы управления экономикой. Действуя в русле директив большевистского руководства, на основе положения о районных советах народного хозяйства (от 23 декабря 1918 года), 19 февраля казанский Совет рабочих депутатов избрал комиссию по организации районного совета народного хозяйства в составе Гинцбурга, Рудова, Карпова, Брауде и Сементина [5; 15, с. 328]. Фактическая работа комиссии началась значительно позже. Только к 22 марта ей удалось выработать список организаций, имеющих право послать своих представителей в совет народного хозяйства.

После образования СНХ в начале октября, согласно постановлению Казанского губернского совета народного хозяйства, все промышленные и тор-

говые предприятия перешли в его ведение. Для руководства ими создавались заводоуправления в составе трех представителей от коллективов национализированных предприятий, соответствующих профсоюзов и трех человек от служащих. Состав заводоуправления, как правило, утверждался отделом управления национализированными предприятиями и СНК. Совнархоз имел право обновлять его, если оно не обеспечивало руководства производством [7]. Фабрично-заводские комитеты должны были «немедленно приступить к организации производства, установив пролетарский контроль за всей жизнью предприятия» [1, с. 28].

Предприятия постепенно переходили под полный контроль большевистских органов. К началу 1919 года в губернии было 196 действующих предприятий, на которых работало 21 594 человека. Из 153 предоставивших сведения предприятий с числом работающих в 19 809 человек, рабочие принимали участие или в управлении или в контроле на 113 предприятиях (95,5 % от всех рабочих). На 40 предприятиях, где рабочие не участвовали ни в управлении, ни в контроле, было занято только 897 человек, что составляло всего 4,5 %. На 54 предприятиях рабочие участвовали в контроле. Они проверяли отчетность, конторские и бухгалтерские книги, счета, участвовали в контрольных комиссиях, следили за приемом заказов, распределением и ходом работ и др. [1, с. 29]

В разгар революционной борьбы губернская партийная конференция, открывшаяся 2 марта 1919 года, указала на «необходимость создания и укрепления строго централизованного аппарата» [1, с. 44]. Реально существующая угроза со стороны колчаковских войск позволила большевикам ввести военное положение. Президиум губернского Совета 29 марта 1919 года опубликовал постановление об образовании с целью объединения деятельности всех советских учреждений губернии в интересах обороны революционного комитета Казани и Казанской губернии (правда, 22 апреля ревком был упразднен, и власть перешла к Совету обороны). Каждый работник теперь должен был отдавать «максимум энергии и инициативы в деле обслуживания армии и потребностей обороны» [4]. В этот же период Казанский Совет и революционный комитет подчинили работу промышленных предприятий губернии интересам фронта. 49 предприятий стало работать на фронт. Среди них были такие крупные предприятия, как «Победа», заводы Алафузова, Сафронова, Комарова и др. Военный Совет Казанского укрепленного района издал постановление, в котором указывалось, что служащие и рабочие фабрично-заводских предприятий считаются мобилизованными и без разрешения не могут покинуть работу.

Уже после освобождения территории губернии от белогвардейцев большевики с удвоенной силой продолжили работу по созданию структуры управления экономикой края.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что формирование административной модели управления в России 1917-1920-м году было вынужденной мерой. В условиях экономического кризиса, борьбы за власть только директивными методами можно было удержаться у власти. Наглядным доказательством данного вывода являются действия большевиков на территории Казанской губернии. Местное руководство за короткий промежуток времени жесткими методами смогло не только наладить работу промышленности и сельского хозяйства края, но и внести значительную лепту в организацию обороны против белогвардейских войск.

Библиографический список

1. Андрианов Н.А. Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии. – Казань, 1962.
2. Андрианов Н.А., Толстяков К.А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии. – Казань, 1962.
3. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989.
4. Знамя революции. – 1918. – 29 марта.
5. Знамя революции. – 1918. – 9 апреля.
6. Знамя революции. – 1918. – 16 апреля.
7. Знамя революции. – 1918. – 4 октября.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1983.
9. Крицман Л.Н. Единый хозяйственный план и Комиссия Исползования. – Сергиев: Госиздат, 1921.
10. Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т. 36.
11. Народное хозяйство. – 1920. – № 7-8.
12. Сборник документов и материалов / Под ред. Н.А. Андрианова, М.К. Мухарямова, В.П. Тимофеева. – Казань, 1964.
13. Очерки экономических реформ / Под ред. Ю.Ф. Воробьева, Н.Д. Лелюхина, А.А. Скробова и др. – М., 1993.
14. Труды Всероссийского съезда совнархозов. – М., 1918.
15. Упрочение Советской власти в Татарии (Октябрь 1917 – июль 1918 гг.).

Л.А. КОТЛОВА, А.Л. ДЕМИНА

Елабужский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА ЕЛАБУГИ)

Проявлением внимания государства и общества к нуждам российской молодежи и усиления ее общественного статуса стало награждение именными стипендиями особо одаренных ее представителей. Одним из трех обладателей премии Президента Российской Федерации в «поддержку инициативной, способной и талантливой молодежи» в 2006 году в размере 30 тысяч рублей стал дипломант Всероссийской олимпиады школьников по астрономии, ученик 10 класса школы № 9 города Елабуги Антон Миннеханов. В олимпиаде, прошедшей в апреле 2006 года в Саранске, участвовали 8 представителей Татарстана и только двое были удостоены наград. Выигранные средства Антон потратил на образование. Он приобрел много книг, дисков и учебного материала по астрономии [1, с. 1].

Именные стипендии для лучших представителей татарстанской молодежи республики были учреждены специальным Указом Президента Республики Татарстан «Об учреждении специальных государственных стипендий РТ для студентов, аспирантов и учащихся государственных образовательных учреждений» (1998) и Постановления Кабинета министров РТ «О специальной государственной стипендии РТ для студентов, аспирантов и учащихся государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования» (1999). Размер премий составил: для аспирантов – 9 000 рублей, для студентов вузов – 7 200 рублей, для студентов средних специальных учебных заведений – 3 600 рублей [2, с. 2].

В январе 2006 г. в Казанском Кремле лучшим студентам и аспирантам республики Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев вручил специальную государственную стипендию Татарстана. В этот день в столицу съехались молодые люди из Казани, Набережных Челнов, Елабуги, Альметьевска, Чистополя, Зеленодольска, Мензелинска, Нижнекамска и села Атня. Среди 60 стипендиатов – 20 аспирантов, 30 студентов высших учебных заведений и 10 студентов средних специальных учебных заведений.

М.Ш. Шаймиев заметил, что в этом зале Казанского Кремля традиционно получают награды лучшие люди республики: « Вы, на их примере, преуспеваете в своей сфере и, в свою очередь, являетесь примером для своих свер-

стников и для полумиллиона школьников – учащихся республики» [2, с. 2].

Президент подчеркнул, что сегодняшняя встреча особенно значима, поскольку нынешние стипендиаты заслужили свои награды в год празднования тысячелетия Казани и тем самым внесли свой вклад в юбилей столицы и вошли в ее историю. Минтимер Шарипович отметил также, что сегодня в Татарстане учатся более 200 тысяч студентов, это в три раза больше, чем было, к примеру, в 1995 году: «Мы рады тому, что у нас столько молодежи, которая стремится получить образование. Знания – это сила, которая придает уверенность человеку» [2, с. 2].

Президент дал высокую оценку огромному вкладу профессорско-преподавательского состава Татарстана в подготовку будущих кадров для республики и выразил благодарность за их благородный труд. В заключение встречи он пожелал студентам еще не раз вернуться в этот зал, чтобы получить и другие, более высокие государственные награды.

В числе награжденных был Ахтямов Марат, студент Елабужского медицинского училища. Газета «Новая Кама» писала: «Для Марата поездка в Казань, конечно же, была важным событием в жизни. Это оценка не только его личной значимости, его достижений, но и оценка труда педагогов училища. Однако Марат ко всему происшедшему с ним относится по-мужски сдержанно, без излишних эмоций, и, вообще, отношение к жизни у него весьма трезвое. Пока все силы он отдает освоению будущей профессии и общественной работе, на какие-либо увлечения времени не остается, хотя Марат прекрасно рисует, успешно окончил художественную школу. Родные, друзья, сокурсники, преподаватели – все были рады его успеху» [2, с. 2].

Ежегодную именную стипендию Первого заместителя Председателя Государственной Думы Олега Морозова получил ряд студентов Елабужского госпедуниверситета. В 2009 году ее обладателем стала студентка факультета истории и юриспруденции ЕГПУ Е. Мельникова.

Российские традиции благотворительности находят продолжение в подвижнической деятельности современных отечественных предпринимателей. Примером тому служит деятельность благотворительного фонда «Махеев». «Некоммерческая благотворительная организация – Благотворительный фонд «Махеев» является самым крупным в Елабуге центром по оказанию помощи и содействию деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения. Фонд ставит задачу оказания поддержки духовному развитию молодежи и улучшения детско-юношеского спорта».

Свою работу фонд начал в 2007 году. Леонид Барышев, Генеральный директор ЗАО «Эссен Продакшн АГ», автор идеи создания Благотворительного фонда, раскрывая цели его деятельности отмечал: «Мы уже давно занимаемся благотворительной деятельностью, поэтому создание Фонда закономерно. Основным направлением его функционирования является осуществление со-

циальных программ. Мы стремимся поддержать тех, кто нуждается во всесторонней помощи и поддержке. Я искренне надеюсь, что эта инициатива найдет поддержку у наших сотрудников, партнеров и всех, кому не безразлична сложившаяся ситуация в нашем обществе» [3].

Благотворительный фонд «Махеев» – частный фонд, бюджет которого формируется из средств компании ЗАО «Эссен Продакшн АГ». За годы работы компания направила на благотворительность более 20 млн. рублей. Главная цель фонда – способствовать решению общественно-важных социальных проблем, перевести уже ведущуюся благотворительную деятельность на более высокий уровень, сделать её регулярной и еще более эффективной.

В условиях современного мирового финансового кризиса важное социальное значение приобретает содействие гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Как ответ на вызовы времени можно рассматривать благотворительные акции, проводимые в поддержку отдельных групп населения Елабуги. В 2007 году стартовала благотворительная акция «Помоги собраться в школу». Главная задача этого мероприятия – помочь детям из малообеспеченных семей в подготовке к началу нового учебного года, создание благоприятных, комфортных условий для психологической адаптации первоклассников, вступающих в новую, взрослую жизнь, формирование в обществе атмосферы взаимопомощи, всеобщей заботы и пристального внимания к юным гражданам в один из самых значимых дней в их жизни [4, с. 5].

В этой связи трудно переоценить значение акции в поддержку малообеспеченных семей, что особенно было важно в Год Семьи, проведенный в России в 2008 году. Районная газета «Новая Кама», привлекая внимание общественности и населения города к этой острой социальной проблеме отмечала: «Первое сентября – День знаний для всех детей. Он должен стать праздником для всех ребят школьного возраста без исключения. Достоинно собрать ребёнка в школу – задача не из лёгких даже для вполне обеспеченных родителей. А если родителей нет и ребёнок находится под опекой бабушки-пенсионерки? Или школьник растёт только с мамой? В этом случае покупка школьной формы, учебников и даже канцтоваров может стать неразрешимой проблемой и омрачить радость начала нового учебного года» [5, с. 2].

В ходе акции успешно прошли мероприятия, включавшие целевой сбор средств путём проведения благотворительных киносеансов, дискотек, лотерей, марафонов, аукционов; установки кубов в торговых центрах. Был организован сбор пожертвований в виде школьных принадлежностей в корзины-накопители в местах продажи канцтоваров. Под девизом «Десять плюс один» на десять купленных портфелей каждый одиннадцатый ранец был передан в подарок нуждающимся. В рамках мероприятия «Подарок первоклашкам» на счёт акции были перечислены средства от каждой третьей (пятой) проданной почтовой марки. Акция так же включала такие мероприятия, как:

- «Звёзды спорта – будущим олимпийским чемпионам»: обеспечение нуждающихся спортивной формой спортивными профессиональными клубами;

- «Поделись праздником» – сбору средств от продажи детских игрушек, сладостей в рамках культурно-развлекательных мероприятий;

- перечисление предприятиями, организациями, физическими лицами средств на специальный счёт в “Ак Барс” банке.

В августе 2008 года в Елабуге прошла акция в поддержку населения Южной Осетии, подвергнувшейся нападению со стороны Грузии.

В 2009 году в Елабуге по инициативе Республиканского совета по вопросам благотворительности и ТРО ВПП «Единая Россия» акция проходила под названием «Чужих детей не бывает». В Елабужском районе ее проводит Попечительский совет, председателем которого является глава Елабужского муниципального района, мэр г. Елабуги И.Р. Гафуров [4, с. 5].

Средства, собранные в ходе акции, были направлены на оказание помощи детям из малообеспеченных семей, детям-инвалидам, многодетным семьям в подготовке к новому учебному году. Были приобретены и укомплектованы школьные портфели, приобретена детская спортивная форма.

Таким образом, традиции благотворительности находят отклик и широкую поддержку в сердцах и деяниях широких слоев населения города Елабуги.

Библиографический список

1. Елабужский ученик стал обладателем премии Президента РФ // Новая Кама. – 2006. – 21 октября.
2. Анна Ковалева. Президентский стипендиат // Новая Кама. – 2006. – 18 января.
3. Эссен. Благотворительность // <http://essen-retail.ru>.
4. Елена Чембаева. Помоги собраться в школу // Новая Кама. – 2009. – 5 августа.
5. Елена Петрова. Помоги собраться в школу // Новая Кама. – 2008. – 12 августа.

А.М. НОВОТОРЦЕВА

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ
В ПЕРИОД ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Историографический анализ развития промышленного законодательства в России в 1881-1917 гг. и его влияния на деятельность отечественного и иностранного предпринимательства показал, что долгое время в российской и зарубежной исторической науке эти проблемы не являлась предметом специального исследования. Законодательные аспекты темы учитывались авторами в основном по отношению к деятельности интересовавших их финансовых учреждений в стране. Главным образом, такой подход к изучению вопроса нашел отражение в исследованиях советских историков [3, с. 50-66; 4, с. 38-106].

Несмотря на то, что последние два десятилетия явились важным этапом в процессе становления новых научных дисциплин и их теоретико-методологических обоснований, одной из задач для современных российских историков по-прежнему является выявление социально-психологической мотивации законодательного оформления частно-коммерческих институтов. Это стимулирует обратиться к новому методологическому инструментарию, который позволит более полно рассмотреть проблему промышленного законодательства как фактора социально-экономического развития России в конце XIX – начале XX века и дать оценку его институционального значения [1, с. 156-159; 8, с. 124-133].

Наиболее подходящим способом решения этой задачи следует считать применение институционального подхода. Он даст возможность рассмотреть новые сюжеты, например в той или иной степени раскрывающие причины столкновения государственных и частных интересов, а также механизмы решения конфликтных ситуаций. На основании изучения опыта отдельных исследований мной были выявлены три направления в его применении:

в конкретно-исторической форме (или в рамках традиционного историко-экономического анализа); в русле новой институциональной экономики (или неоинституционализма); с точки зрения «другой социальной истории» [5, с. 261, 289; 9, с. 236-237; 10, с. 23-46].

Российское промышленное законодательство конца XIX – начала XX века предоставило определенные возможности для использования отдельных элементов институционального подхода в изучении мотивации работы податных инспекторов, выявлении интересов различных сторон законодательского процесса, определении социально-психологических условий реализации некоторых законодательных актов. В процессе изучения отдельных законодательных документов использовались также подходы и принципы, свойственные юридической науке, – структурный и формально-содержательный анализ. Кроме этого был применен проблемно-хронологический принцип изучения источников в сочетании с традиционным методом сравнительно-исторического анализа. В результате были сделаны следующие выводы [2, с. 36-39; 7, с. 179-183].

Во-первых, в реформировании российского налогового законодательства наблюдался осторожный характер преобразовательной деятельности. В процессе проектирования новых налоговых законов были выявлены разные позиции и интересы двух основных групп – предпринимателей и бюрократии. В конце XIX века выяснилось, что в России существовала сложная система промыслового налога, препятствовавшая поступательному развитию отечественной промышленности. Это требовало ее усовершенствования. При этом содержание ряда изданных налоговых законов носило черты либеральности и прогрессивности, поскольку они учитывали территориально-отраслевые и социально-национальные особенности развития тех или иных видов промышленного предпринимательства в России. Следовательно, в определенной степени их можно было рассматривать как дифференцированные, однако результаты их применения показали, что финансовые и законодательные рычаги так и не стали главными средствами влияния на производство [7, с. 131-132].

Во-вторых, на характер реформирования акционерного и налогового законодательств и его результаты оказало влияние столкновение интересов крупного российского предпринимательства и власти. Мотивы, по которым правительство очень осторожно подходило к налоговым преобразованиям, заключались в стремлении власти подготовить население и органы податного надзора к особенностям нового налогообложения. Для этого следовало провести тщательную предварительную просветительскую работу в сфере популяризации подходящего налога в стране, а также сохранить платежеспособные

силы российских налогоплательщиков и не ущемить их права, в частности в отношении коммерческой тайны.

В-третьих, для осуществления более точного и эффективного налогового контроля за предприятиями был создан институт податных инспекторов, однако кадровый состав инспекции, его служебная и духовно-идеологическая подконтрольность органам высшей финансовой власти не способствовала успешной реализации поставленной задачи. В целом, в конце XIX – начале XX века на эффективность и результаты работы податной инспекции в России влияли законодательно-правовые, социально-экономические, социально-психологические (лично-мотивационные) и религиозно-конфессиональные (духовно-нравственные) факторы. В ряде случаев определенная ущербность самосознания налоговых чиновников и субъективизм оценок своей деятельности могли негативно проявляться на выполнении ими служебных обязанностей и на податном деле в России в целом [7, с. 156-157; с. 178].

На новом этапе изучения институциональной роли промышленного законодательства вновь возникает необходимость подобрать наиболее подходящие методы количественной обработки информации, позволяющие представить качественные характеристики в количественной форме. Первоначально новым в методике решения подобных задач было использование метода контент-анализа, значительно повысившего отдачу исторических источников. В качестве основного источника было выбрано Полное собрание законов Российской империи (Собрание III), обладающее наибольшей достоверностью и доступностью для изучения. В связи с тем, что в нем было выявлено 6 077 актов, той или иной стороной связанных с промышленной деятельностью в стране, стало очевидно, что такой объем источниковой информации можно было измерить только методом контент-анализа.

В результате удалось более определенно отразить отношение правительства к привлечению иностранного капитала и к регулированию организационных и налоговых основ предпринимательства. Количественное соотношение промышленных законов позволило установить, что значительно большее внимание правительство уделяло организационному аспекту деятельности обществ. С 1881 по 1890 гг. количество опубликованных в ПСЗ-III законодательных актов, регламентирующих организационные и налоговые основы предпринимательства, увеличилось почти в два раза; с 1891 по 1900 гг. – в два с половиной раза; с 1901 по 1911 гг. – более чем в полтора раза; в 1912-1913 гг. последовало резкое сокращение публикации таких законов [6, с. 1-165; 7, Прил. 1-17].

Таблица 1.

**Показатели динамики соотношения разных методов воздействия
на промышленность (организационных и налоговых)
в России в 1881-1913 гг.***

Объем текста законов, регулирующих различные аспекты промышленной деятельности	Годы					
	1881-1891		1892-1902		1903-1913	
	/см2/	/%/	/см2/	/%/	/см2/	/%/
Организационные основы	263 502,66	11,19	918 409,12	24,70	1 134 942,80	23,82
Налогообложение	17 091,20	0,73	19 329,80	0,52	7 160,80	0,15
Всего в ПСЗ-III:	2 353 769,60	100	3 718 332,80	100	4 764 332,80	100

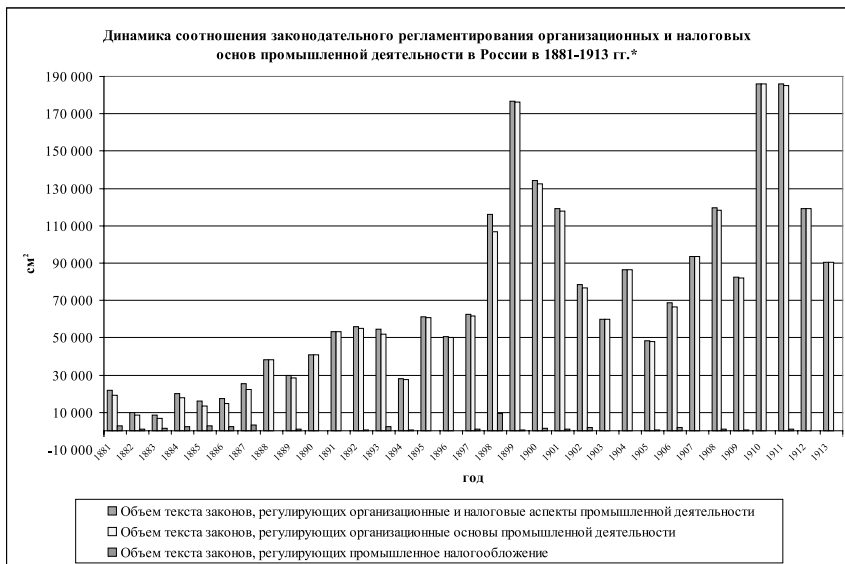
Данные таблицы 1 наглядно демонстрируют, что отношение власти к налоговой сфере было менее значимо, в то время как обсуждение налогового законодательства отличалось заметной активностью на протяжении всего изучаемого периода. Полученные показатели динамики соотношения разных методов воздействия на российскую промышленность в 1881-1913 гг. отчасти объясняются тем, что основную долю опубликованных организационных промышленных законов составляли уставы отечественных акционерных промышленных обществ и «условия» деятельности иностранных компаний, значительные по своему текстовому объему. Если снять со счетов данное обстоятельство, то соотношение налоговых и организационных аспектов промышленного законодательства было бы более показательным. Это можно увидеть на диаграммах (*см. след. стр.*).

Следует заметить, что усиление или ослабление внимания к законодательной деятельности в области промышленности было в значительной степени обусловлено объективными социально-экономическими и политическими факторами. Например, последствия русско-турецкой войны оказали негативное воздействие на развитие отечественного производства в начале 80-х гг. XIX века. Последовавший промышленный спад повлек за собой сокращение внимания и к законодательным основам промышленного предпринимательства.

Напротив, увеличение общего числа промышленных законов свиде-

* Все таблицы, а также диаграммы составлены и рассчитаны по: Полному собранию законов Российской империи. 1881-1913 гг. (Собрание III).

тельствовало, прежде всего, о кропотливой предварительной законодательной работе и устаревших способах открытия новых акционерных обществ. С 1881 по 1899 гг. количество утвержденных уставов отечественных акционерных промышленных компаний выросло более чем в десять раз. Примерно во столько же раз увеличилось количество иностранных предприятий в



1898 г., а в 1899 г. – уже более чем в 23 раза. В этой связи сохранять «разрешительную» систему их акционирования было абсолютно нецелесообразно, необходимо было перейти к более простому и современному способу – «явочному». Однако в России продолжала действовать «разрешительная» система, но с некоторыми элементами «явочной» (или «явочно-разрешительная») [7, Прил. 1-17].

Таблица 2.

Абсолютные показатели соотношения количества и общих объемов текста уставов отечественных акционерных обществ и «условий» деятельности иностранных компаний в России в 1881-1913 гг.

№ тома	Год	Количество уставов отечественных акционерных промышленных обществ	Общий объем текста уставов отечественных акционерных промышленных обществ	Количество «условий» деятельности иностранных акционерных промышленных обществ	Общий объем текста «условий» деятельности иностранных акционерных промышленных обществ
I	1881	36	2 298,50	3	89,30
II	1882	38	111,60	2	44,20
III	1883	41	109,00	2	56,60
IV	1884	33	1 470,40	3	94,70
V	1885	27	74,00	2	73,60
VI	1886	20	579,90	1	36,00
VII	1887	31	554,20	4	285,00
VIII	1888	30	1 658,10	15	757,60
IX	1889	28	1 208,90	9	598,50
X	1890	41	3 214,30	7	495,70
XI	1891	30	3 060,60	0	0,00
XII	1892	34	2 281,00	7	406,80
XIII	1893	27	2 625,90	5	306,90
XIV	1894	62	651,60	2	130,40
XV	1895	94	3 674,30	7	396,40
XVI	1896	123	3 029,20	25	1 457,20
XVII	1897	125	4 343,70	18	1 137,70
XVIII	1898	194	8 078,40	34	2 298,20
XIX	1899	362	13 450,00	70	4 865,20
XX	1900	140	9 746,80	28	1 760,50

XXI	1901	114	6 856,50	25	1 738,90
XXII	1902	80	6 329,00	14	959,60
XXIII	1903	68	2 309,10	13	888,00
XXIV	1904	84	5 809,80	12	794,00
XXV	1905	63	2 176,10	8	630,90
XXVI	1906	101	3 780,70	10	714,60
XXVII	1907	113	7 104,20	18	1 177,20
XXVIII	1908	106	9 715,00	11	850,40
XXIX	1909	104	5 238,50	14	1 163,70
XXX	1910	187	15 342,30	15	1 077,20
XXXI	1911	223	13 913,90	39	3 299,50
XXXII	1912	334	9 962,60	19	74,00
XXXIII	1913	383	7 464,70	31	33,80

Для совершенствования навыков использования количественных методов и продвижения проблематики вопроса могут быть применены отдельные элементы одного из математических методов – «теории игр», считающейся одним из разделов прикладной математики. Известно, что чаще всего методы «теории игр» применялись в экономике, поскольку брали свое начало в неоклассической экономике. Они также использовались в ряде общественных наук – социологии, политологии, психологии, а с 1970-х гг. биология с ее помощью исследовала животных. В рамках конкретно-исторического исследования представляется возможным применить лишь отдельные элементы «теории игр» и с их помощью дать социально-психологическое описание результатов взаимодействия институтов предпринимательства и власти в области разработки и принятия новых промышленных законов как некой «игры» [10, с. 23-46]. Такое ограничение вызвано тем, что применение методов «теории игр» в полной мере связано со значительной теоретической и практической сложностью. До сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке нет работ, описывающих механизмы применения «теории игр» и институционального подхода к исследованию проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX века.

В итоге, следует продолжать изучать проблемы институциональной роли промышленного законодательства в русле социальной истории, предполагающей аналитический междисциплинарный подход к предмету исследования, сравнительно-исторический анализ деятельности социально-экономических институтов, использование элементов одного из разделов современной математики – «теории игр», разрабатывающей математические модели принятия решений в так называемых конфликтных ситуациях, и, наконец, применение институционального подхода, позволяющего изучить

социально-психологический аспект вопроса. Все это позволит поставить и решить новые исследовательские задачи, например, определить, каким образом осуществлялось регулирование правоотношений между государством и представителями частного капитала по поводу предпринимательства, включая рабочий вопрос, эксплуатацию ресурсов, проблемы природопользования, налогообложение, а также установить, в какой мере промышленное законодательство стимулировало индустриализацию, оказывая поддержку средним и мелким товаропроизводителям.

Библиографический список

1. Айрапетов А.Г., Канищев В.В. Социальная история. Ежегодник 1997 // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 156-159.
2. Архипова Л.М. Об эффективности применения институционального подхода к изучению российского промыслового налогообложения XIX – начала XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории: Материалы конф.: «Чтения Ушинского». – Ярославль, 2002. – С. 36-39.
3. Бовыкин В.И. Из истории сращивания банков с промышленностью в России // Вестник МГУ. – 1966. – № 1. – С. 50-66.
4. Гиндин И.Ф. Московские банки в период капитализма (1900-1917 гг.) // Исторические записки. – М., 1956. – Т. 58. – С. 38-106.
5. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь // Словарь современной экономической науки. – М., 1996. – С. 261, 289.
6. Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. – Л., 1991. – 165 с.
7. Новоторцева А.М. Развитие промышленного законодательства в России в конце XIX – начале XX века (1881-1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 250 с.
8. Поткина И.В. История предпринимательства в XX веке: становление научной дисциплины // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 124-133.
9. Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. – М., 1999. – С. 236-237.
10. Ястребицкая А.Л. «Другая» социальная история: Об одном интеллектуальном эксперименте (А. Грайф. «Теория игр и исторический анализ институтов. Экономические институты средневековья») // История: РЖ / РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 23-46.

И.Т. САБИРОВ, Р.Ф. БОБКОВА

Елабужский государственный педагогический университет

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В июне 2009 года эксперты международной организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) провели подробный анализ итогов развития России в условиях падения уровня производства. Было отмечено, что по мере ослабления кризиса перед Россией встанет задача по формированию более здоровой экономической модели, обеспечивающей устойчивый «догоняющий» рост. В связи с этим организация призывает осуществить давно ожидаемые экономические реформы, которым пока препятствует наследие советской эпохи и ужесточение государственного контроля после периода хаотичных лет перехода к новой системе [8].

По данным, опубликованным в авторитетном аналитическом издании Великобритании «The Times», в докладе Всемирного банка, обнародованном в июне 2009 года, указывается как на тяжелые последствия кризиса для России, так и на неожиданно позитивные моменты. Было отмечено серьезный ущерб, понесенный экономикой страны в период кризиса. Данный факт подтверждается обнародованной Российскими властями информацией о сокращении ВВП за первые 6 месяцев 2009 года на 10,1 % [11]. Для специалистов это стало неприятным известием после десяти лет динамичного роста, порожденного высокими нефтегазовыми ценами. С июня по ноябрь 2008 г. капитализация российского фондового рынка снизилась на две трети. Всемирный банк предупреждает, что безработица к концу 2009 года может достичь 13 %, в результате за чертой бедности окажется 17,4 % россиян [11].

В то же время банк, назвав антикризисные меры властей оперативными, скоординированными и комплексными, отмечает незамедлительное сокращение государственных расходов (в том числе и за счет радикальной военной реформы), в связи с падением мировых цен на нефть. Москва сформировала масштабный пакет экономических стимулов, приняла меры, призванные остановить сокращение валютных резервов. Это дало первые результаты в середине 2009 года (согласно опубликованным в июле 2009 года данным, во втором квартале 2009 года чистый приток капиталов в страну составил 7,2 млрд. долларов – после оттока в 35 миллиардов по итогам первого квартала) [8]. Самый тяжелый этап кризиса, возможно, уже пройден, полагают эксперты Все-

мирного банка. И если Россия воспользуется ситуацией, чтобы реформировать устаревшие предприятия, придав им большую конкурентоспособность, ее экономика может выйти из кризиса в более современном виде. Традиционно в истории развития российской и советской экономики немаловажную роль в таком процессе технической модернизации играли иностранные инвестиции, сопровождающиеся экспортом не только финансовых средств, но и современных технологий в совокупности с программой обучения их эффективного использования.

Заведующий кафедрой международного бизнеса в Школе бизнеса им. Келли (Kelley School of Business) при Университете Индианы Алан Рэгмэн в своей статье, опубликованной в издании «Kansas City Star» в 2007 году, отмечал, что Россия в начале XXI века занимает 10 место среди крупнейших экономических держав мира, в больших объемах привлекая прямые инвестиции из 27 стран-участниц Евросоюза. Кроме того, значительные капиталы в ее экономику вкладывают Китай и Япония [9].

Одним из наиболее значимых партнеров России в сфере инвестиционного сотрудничества является Германия. По объему накопленных на 1 января 2009 года в Российской Федерации иностранных инвестиций Германия (17,4 млрд. долларов, в том числе прямые – 7,3 млрд. долларов и прочие – 10,1 млрд. долларов) [7] остается одной из крупнейших стран-инвесторов (после Кипра, Нидерландов, Люксембурга и Великобритании), давно и успешно работающих на российском рынке. Причем в отличие от вышеназванных стран, в своем большинстве, инвестиции направляются в реальный сектор экономики, направленный на техническую модернизацию российской промышленности.

Настоятельная необходимость данных мероприятий для России заключается в тяжелом положении, связанном с развитием инновационных процессов. По данным, опубликованным на сайте правительства Российской Федерации, российская доля в регистрируемых международных патентах в высоких технологиях равна нулю. В нанотехнологиях доля патентов из России составляет 0,5 % (для сравнения – из Германии 8,8 %) и только в сфере ядерных технологий она достигает 3 % [4]. Для страны, заявляющей о лидерских претензиях в мировой экономике, данная проблема связана с непониманием и, зачастую, нежеланием её серьезного восприятия руководителями различного ранга. Президент РФ Д.А. Медведев называет данную проблему одной из самых актуальных на сегодняшний день.

Техническое перевооружение, столь необходимое для российских отраслей промышленности, помимо развития инновационных технологий, предполагается за счет инвестиций в технологическое развитие, рождающих базу для конкурентного развития как внутри страны, так и на мировом рынке. В этом плане российско-германское экономическое и научно-техническое со-

трудничество является примером показательного поступательного движения, требующего отдельного более подробного анализа.

К 2009 году инвестиционное сотрудничество с Германией характеризуется следующими статистическими данными:

Динамика поступления германских инвестиций в Российскую Федерацию (в млн. долл. США)

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	Изменение
Итого	4 001	4 305	1 733	3 010	5 002	5 054	10 715	212%
в том числе								
Прямые	410	688	428	551	634	1123	3 560	317%
Портфельные	0,6	0,5	1,1	15	1 669	0,8	31,6	-
Прочие	3 590	3 617	1 303	2 444	2 699	3 931	7 123	181%

Источник: Росстат [3]

В 2008 году на фоне общего снижения в среднем на 14 % поступления иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации приток инвестиций из Германии по сравнению с 2007 годом увеличился вдвое до 10,7 млрд. долларов, в том числе прямых инвестиций – втрое до 3,6 млрд. долларов и прочих инвестиций – на 81 % до 7,1 млрд. долларов. Удельный вес прямых германских инвестиций повысился с уровня 10 % в 2000-2002 годах до 34 % в 2008 году.

Наиболее крупными германскими инвесторами являются:

- в добывающих отраслях промышленности и энергетике: «БАСФ» и «Е.ОН» (освоение Южно-Русского газового месторождения), «КАЛИ ЭНД ЗАЛЬЦ» (освоение месторождений калийной соли в Пермском крае, с объемом инвестиций в обустройство месторождения – около 1,3 млрд. евро.), «Е.ОН» (электроэнергетика) – около 4 млрд. евро;

- в обрабатывающих отраслях промышленности: «КНАУФ» (производство строительных материалов) – около 1 млрд. евро, «ФОЛЬКСВАГЕН» – 400 млн. евро, «ДАЙМЛЕР» (приобретение в ноябре 2008 года 10 % акций «КАМАЗ») – около 180 млн. евро, «КЛААС» (производство зерновых комбайнов) – 20 млн. евро;

- в транспортной сфере: «БАСФ» в лице «Винтерсхалл» – 20 % и «Е.ОН» в лице «Э.ОН Рургаз» – 20 % (строительство магистрального газопровода по

дну Балтийского моря – проект «Северный поток»), «СИМЕНС» (развитие высокоскоростного железнодорожного сообщения) – около 580 млн. евро;

- в торговой сфере: «МЕТРО» (развитие оптово-розничных торговых сетей «Реал», «Медиа-Маркт», «Сатурн», «Касторама») – около 500 млн. евро;

- в страховой сфере: «АЛЬЯНС» (приобретение в общей сложности 97 % акций страховой компании «РОСНО» и развитие страхового бизнеса) – 1 млрд. евро [2].

По данным Восточного комитета немецкой экономики, в 2009 году германские компании планируют реализовать в России инвестиционные проекты общей стоимостью около 9 млрд. евро, однако общая тенденция к снижению капиталовложений может сократить этот объем.

В настоящее время в России насчитывается около 4,6 тыс. фирм с участием германского капитала, большая часть из которых средние предприятия. Созданные германо-российские совместные предприятия (СП) заняты преимущественно в таких сферах деятельности, как предоставление торгово-посреднических и консультационно-информационных услуг (50 % всех совместных предприятий), а также финансовые операции (15 %). Остальные СП созданы в различных областях промышленности.

14 декабря 2007 г. в Москве (на базе действующих в России Федерации торгово-промышленных палат Германии и внешнеэкономических организаций, подведомственных Министерству экономики и технологий Германии) открыта Российско-Германская внешнеторговая палата, которая призвана в равной степени представлять интересы деловых кругов двух стран [12].

Глава российско-немецкой внешнеторговой палаты Михаэль Хармс, выступая на 20-й берлинской конференции организованной германским экономическим и финансовым изданием «Handelsblatt», отмечал изменения стратегии сотрудничества предпринимателей двух стран в связи с продолжающимся экономическим кризисом, отметив попытки Российского правительства повлиять на кризис. Речь шла о двухсотмиллиардном долларовом вливании в экономику государственных средств, о повышении доли государства в экономике страны и связанным с этим падением уровня валютных резервов. По словам Хармса, для иностранных предпринимателей в российских условиях все это означало существенное ухудшение кредитных условий для их российских партнеров, прекращение ряда проектов и отказ от уже заключенных сделок, ухудшение платежной морали, переход российского правительства к протекционизму и, как следствие этого, повышение таможенных сборов и удорожание экспорта в Россию. Все это имеет такие негативные последствия, как уход международных корпораций с российского рынка и бегство капитала из России. Заслуживает внимания опрос о влиянии кризиса на предпринимательскую деятельность, проведенный российско-немецкой Торговой палатой среди почти 600 сво-

их членов. Об отсутствии такого влияния заявили в конце 2008 года только 36 % опрошенных предпринимателей. Вместе с тем по состоянию на ноябрь 2008 года 67 % характеризовали свою финансовую ситуацию как «хорошую», 46 % рассчитывают в последующие 12 месяцев на улучшение делового климата в стране, а 62 % даже планируют капиталовложения в российскую экономику. Правда, 30 % склоняются скорее к ухудшению делового климата в России [1].

Однако стоит отметить и позитивное, с точки зрения немецких предпринимателей, влияние кризиса на бизнес в России. Почти все присутствующие на российском рынке немецкие фирмы, по данным палаты, не намерены покидать Россию. Позитив сводится, по мнению Хармса, к возможности приобретать компании и повышать уровень своего участия в них, расширяя, таким образом, свой бизнес в России, снижая давление со стороны конкурентов и используя следующие возможности: падение цен на недвижимость и арендные ставки, разрядку на рынке труда, расширение рамок для ведения переговоров с субпоставщиками и партнерами.

Другой представитель российско-немецкой торговой палаты, профессор Райнер Линдер, управляющий Восточным комитетом германской экономики, анализируя перспективы инвестиционной деятельности германского бизнеса в России в кризисный период и оценивая будущие сферы сотрудничества, наиболее интересные для немецкого ноу-хау, назвал модернизацию медицинского сектора, коммунальной инфраструктуры и социальных учреждений. Отправной точкой для этого явился демографический кризис, проявляющийся в падении уровня рождаемости, высоком уровне смертности и снижающейся продолжительности жизни. Это, по мнению Линднера, оказывает самое непосредственное воздействие на государственную стабильность. Страна перестает быть конкурентоспособной на мировой арене. Подобная кооперация должна простирается от поддержки подготовки менеджеров и инженеров до совместных исследовательских проектов и создания технопарков. К барьерам, с точки зрения Линднера, мешающим экономическому сотрудничеству, относятся увеличение таможенных пошлин со стороны Москвы на автомобили, в том числе и подержанные, на сельскохозяйственную технику и на самолеты [5].

Главный вывод из выступлений немецких экономистов и предпринимателей на форуме состоял в том, что российский рынок остается привлекательным для иностранных капиталовложений. Именно в период кризиса Россия остро нуждается в привлечении капитала и ноу-хау для модернизации своей экономики. Поэтому российскому правительству и законодателям необходимо срочно принимать новые законы, облегчающие доступ иностранного бизнеса в страну.

Между тем российско-германское сотрудничество затрагивает и про-

цесс направления российских инвестиций в Германию. Накопленный объем таких инвестиций в 2008 году увеличился практически в четыре раза до 2,8 млрд. долларов, в том числе прямых инвестиций – почти в два раза до 513 млн. долларов и портфельных инвестиций – почти в пять раз до 2,3 млрд. долларов. Традиционно привлекательными для российских инвесторов в Германии являются объекты целлюлозно-бумажной, химической, металлургической промышленности, а также сферы оптовой и розничной торговли, логистики и туризма.

Крупной инвестиционной сделкой с участием российского капитала в 2008 году стало приобретение германских судостроительных предприятий в Висмаре и Варнемюнде с целью реализации проекта по производству танкеров для перевозки нефти и сжиженного газа из Арктики.

Однако в процессе разработки выделенной авторами проблематики необходимо остановиться и на неудачах в программах инвестирования финансовых средств, связанных с различиями в менталитете и подходах к решению экономических задач.

Немецкая радиокорпорация Deutsche Welle опубликовала на своем сайте интервью со знатоком российской действительности Йенсом Хартманом, ответственным редактором газет «Die Welt» и «Welt am Sonntag», работавшим с 1996 по 2008 год корреспондентом в Москве [15]. В нем немецкий эксперт попытался найти объяснение неудачам российских инвесторов на немецком рынке. Не секрет, что потери таких гигантов российского бизнеса, как Мордашов, Аксененко, Дерипаска и Лебедев, в Германии просто кризисом объяснить было бы слишком просто. Они свидетельствуют, как считает Хартман, уже о явной тенденции. Можно ведь привести и другие случаи, отмечает эксперт: скажем, компания «Трансмашхолдинг» приобрела компанию «Fahrzeugtechnik Dessau», которая затем обанкротилась. Даже такая крупная корпорация как «Газпром» испытывает трудности в Европе. Комиссия ЕС и европейский парламент уже предпринимают конкретные шаги, чтобы оградить европейцев от чрезмерной, по их мнению, газпромовской «опеки». Немецкие профсоюзы также считают необходимым навязать россиянам определенные условия при приобретении немецких предприятий [6].

По мнению Хартмана, вся проблема скрыта в менталитете. В Германии, чтобы быть успешным, надо уметь находить компромиссы. Я не уверен, пишет он, что русские олигархи, имеют склонность идти на компромиссы... с менеджментом, с рабочими, с профсоюзами и, в частности с политиками.

Непонимание европейского и, в частности, немецкого менталитета не только проблема российских предпринимателей, но и многих политиков. Конечно, условия бизнеса в России существенно отличаются от немецких. В России для успешного продвижения достаточно иметь тесный контакт с ру-

ководителем того или иного региона или войти в узкий круг приближенных к политическому руководству страны. Однако в отличие от российской действительности на Западе российским предпринимателям и политикам приходится иметь дело со многими составляющими: не только с государственными лидерами или партнерами по бизнесу, но и с политическими партиями, профсоюзами, влиятельными общественными организациями, действительно независимыми средствами массовой информации, и судами [15].

Вторая проблема – в репутации. Как считает Хартман, у российских инвесторов не самая лучшая репутация, поэтому им труднее получить политическую поддержку в Берлине. В немецких массмедиа действительно крайне редко встретишь сугубо позитивную информацию о российском бизнесе. Исключение составляет крупнейшая немецкая экономическая и финансовая газета Handelsblatt, периодически публикующая материалы о российских олигархах. Россияне в отличие от тех же немцев просто не понимают смысла в публикации платной или, другими словами, направленной информации о себе. Немецкие предприниматели давно научены, в том числе и горьким опытом, что им надо постоянно рассказывать о себе рядовому избирателю.

Характерной чертой развития российско-германского сотрудничества в сфере экономики является активное использование программ регионального межгосударственного сотрудничества. Успешно развивается межрегиональное сотрудничество, чему в значительной мере способствует практика проведения российскими регионами крупных мероприятий с привлечением представителей германских деловых кругов.

Тесные деловые связи с германскими землями активно поддерживают практически все европейские регионы России, а также Новосибирская, Омская, Свердловская, Тюменская и ряд других областей.

1.	Калининградская область – Бранденбург
2.	Краснодарский край – Нижняя Саксония
3.	Ленинградская область – Мекленбург-Передняя Померания
4.	Москва – Бавария
5.	Москва – Берлин
6.	Московская область – Бранденбург
7.	Московская область – Гессен
8.	Московская область – Саксония
9.	Московская область – Северный Рейн-Вестфалия
10.	Нижегородская область – Северный Рейн – Вестфалия

11.	Пермская область – Баден-Вюрттемберг
12.	Пермская область – Нижняя Саксония
13.	Пермская область – Рейнланд – Пфальц
14.	Республика Башкортостан – Саксония
15.	Республика Татарстан – Нижняя Саксония
16.	Республика Удмуртия – Нижняя Саксония
17.	Ростовская область – Северный Рейн – Вестфалия
18.	Самарская область – Северный Рейн – Вестфалия
19.	Саратовская область – Тюрингия
20.	Тюменская область – Нижняя Саксония

Источник: Торгово-Экономическое Бюро посольства РФ в ФРГ [16].

На территории Германии представлены и достаточно эффективно работают представительства Алтайского края и Томской области (Берлин), Новосибирской области (Франкфурт-на-Майне) и Санкт-Петербурга (Гамбург).

Германские федеральные земли активно открывают представительства в России, среди которых следует отметить высокую деловую репутацию представительств Баварии, Берлина, Гессена, Нижней Саксонии.

Анализ российско-германского экономического сотрудничества невозможно представить без детального изучения внешнеторгового оборота двух государств. На современном этапе Германия является крупнейшим партнером Российской Федерации, чей удельный вес во внешней торговле нашей страны составляет 9,2 % (Нидерланды – 8,4 %, Китай – 7,6 %, Италия – 7,2 %, Украина – 5,4 %, Белоруссия – 4,7 %). Удельный вес России во внешней торговле Германии составляет 3,8 %, в том числе по импорту – 4,4 % и по экспорту – 3,2 %.

Объем взаимной торговли между Россией и Германией, по данным германской статистики, в 2008 году превысил 68 млрд. евро (прирост на 20 %), в том числе российский экспорт – 36 млрд. евро (прирост на 25 %) и российский импорт – свыше 32 млрд. евро (прирост на 15 %). Положительное для России сальдо внешнеторгового баланса составило 3,6 млрд. евро [14].

По информации Федерального статистического ведомства Германии, торговля России с Германией в I квартале 2009 года в сравнении с I кварталом 2008 года характеризуется следующими основными показателями.

	2008, млрд. евро				2009, млрд. евро				Изменение 2009/2008, %			
	Январь	Февраль	Март	Янв.- март	Январь	Февраль	Март	Янв.- март	Январь	Февраль	Март	Янв.- март
Товарооборот РФ-ФРГ	4,85	5,58	5,45	15,88	3,61	3,50	3,81	10,92	74,4	62,8	69,9	68,8
Экспорт России	2,49	3,00	2,87	8,36	2,02	1,76	1,98	5,76	81,1	58,8	69,0	68,9
Импорт России	2,36	2,58	2,58	7,52	1,59	1,74	1,82	5,16	67,4	67,4	70,8	68,6
Сальдо для России	+0,12	+0,42	+0,30	+0,84	+0,42	+0,02	+0,16	+0,60	347,0	4,9	52,9	72,0

Источник: Федеральное статистическое ведомство Германии [13].

Объем взаимной торговли составил 10,9 млрд. евро (снижение на 31,2 %), в т.ч.: экспорт России – 5,8 млрд. евро (сокращение на 31,1 %), импорт России – 5,2 млрд. евро (падение на 31,4 %). Положительное для России сальдо (итоговый профицит) образовалось в размере 0,6 млрд. евро (уменьшение на 28 %). Статистика Федеральной таможенной службы России приводит следующие данные о торговле двух стран в январе-марте 2009 года по сравнению с тем же периодом 2008 года: снижение товарооборота с 15,9 до 7,3 млрд. долл. (на 54,3 %), сокращение экспорта России с 9,0 до 3,0 млрд. долл. (на 66,7 %), падение импорта России с 6,9 до 4,3 млрд. долл. (на 38,1 %), формирование отрицательного сальдо для России в объеме 1,3 млрд. долл. (вместо положительного сальдо в объеме 2,1 млрд. долл.) [10].

Наиболее существенное понижение показателей торговли между Россией и Германией произошло в феврале 2009 года (по отношению к февралю 2008 года товарооборот сократился на 37,2 %, экспорт РФ – на 41,2 %, импорт РФ – на 32,6 %, сальдо для РФ – на 95,1 %), после чего в марте ситуация несколько улучшилась (как по экспорту, так и по импорту) [10].

Основу российско-германской торговли составляют следующие товары:

- со стороны России – сырье (нефть, газ, уголь) и полуфабрикаты (нефтепродукты, металлы);
- со стороны Германии – готовые изделия конечного потребления (продукция машиностроения, автомобилестроения, электротехники и химии).

Таким образом, определяя оценку российско-германскому сотрудничеству в сфере экономики необходимо отметить следующее. На рубеже XXI века, благодаря целому фактору причин, связанных с позицией руководства РФ, сделавшей ставку на укрепление связей с Европейскими государствами и, в частности, с Германией, развитие перспектив поступательного движения России, не в последнюю очередь связана с аналогичным процессом Европейского континента.

Библиографический список

1. Берлин верит в улучшение // Независимая газета. – 2009. – 14 апреля
2. Германские инвесторы // www.gks.ru.
3. Динамика поступления германских инвестиций в Российскую Федерацию // www.gks.ru.
4. Международные патенты // premier.gov.ru.
5. Морозов А. Россией спасемся // Российская Бизнес-газета. – 2008. – 16 декабря.
6. Никифоров А.Н. Невезение как тенденция // Независимая газета. – 2009. – 14 мая.
7. Объемы инвестиций // www.gks.ru.
8. ОЭСР призывает Россию к углублению реформ // The Wall Street Journal. – 2009. – 16 июля // www.inosmi.ru.
9. Рагмэн А. Инвестиции в России: за и против // Kansas City Star. – 2007. – 8 октября // www.inosmi.ru.
10. Статистика товарооборота. Федеральная таможенная служба России // www.customs.ru.
11. Bronwen Maddox. Прагматичная экономическая политика России – обнадеживающий признак // The Times. – 2009. – 7 июля // www.inosmi.ru.
12. Deutsch-Russischen Auslandshandelskammer // www.russland.ahk.de.
13. Die Daten der Handelsvolumen für 1 Quartal 2009. Statistisches Bundesamt Deutschland // www.destatis.de.
14. Handelsvolumen. Handels- und Wirtschaftsbüro der Botschaft der Russischen Föderation in der Bundesrepublik Deutschland // www.rfhwb.de.
15. Jens Hartmann. Ich bin nicht überzeugt, dass die russischen Oligarchien auf die Kompromisse gehen können // www.dw-world.de.
16. Reguonale Zusammenarbeit. Handels- und Wirtschaftsbüro der Botschaft der Russischen Föderation in der Bundesrepublik Deutschland // www.rfhwb.de.

Ч.Н. САФИУЛЛИНА

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 52» г. Набережные Челны РТ

ОСОБЕННОСТИ МАЛОГО БИЗНЕСА В ОБЛАСТИ ПОЛИГРАФИИ

Во всем цивилизованном мире очень развит так называемый «малый полиграфический рынок» – рынок продукции, которую заказывают либо частники, либо небольшие компании непрофильного бизнеса. Например в Англии, каждый житель страны отправляет в год в среднем 50-70 открыток на разные адреса. При этом в последнее время стало модно отправлять «собственную» открытку, а не серийную – а ее нужно напечатать. В итоге, общий тираж такой продукции, изготавливаемой в Англии в течение года, составляет около 400-500 млн. экз., причем каждого вида всего несколько десятков. Для этого требуются немалые полиграфические мощности. А если сюда добавить то, что на предприятие обращается еще множество мелких компаний (каждый ресторан, кафе или парикмахерская обязательно имеет собственный буклет, меню или прайс-лист), то объемы вырастают еще больше. В Японии есть небольшие типографии, полностью загруженные продукцией малых предприятий, находящихся по соседству: рестораны, массажные салоны, конторы по продаже билетов на спортивные мероприятия с подробными программами соревнований на несколько дней вперед... [3, с. 5].

Полиграфическая промышленность – отрасль, занимающаяся изготовлением различных видов печатной продукции: книг, газет, журналов, упаковки, этикеток, рекламной продукции, канцелярских товаров и т.п. (рис. 1). Спрос на продукцию отрасли резко вырос с развитием предпринимательства в России, в частности, издательской деятельности, индустрии рекламы и упаковки. В России появилось множество небольших частных типографий, занимающихся выпуском печатной продукции [2, с. 19].

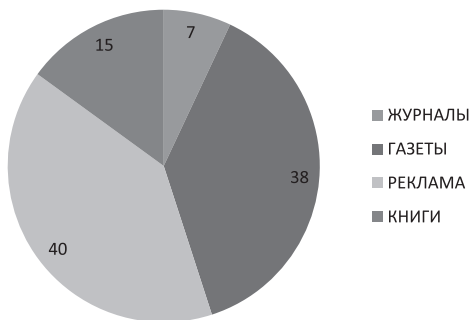


Рис 1. Распределение мощностей по производству полиграфической продукции

По данным Министерства по делам печати и СМИ, оборот печатной продукции в России в 2005 г. составил 2,8 млрд. долл., из них около 2 млрд. долл. приходится на издательскую продукцию (газеты, рекламные издания, книги и журналы), остальные 800 млн. долл. – на прочую печатную продукцию (этикетки, упаковка, буклеты и т.п.).

По оценке Минпечати, импорт периодических изданий составил 228 млн. долл. Между тем, по оценкам специалистов компании «Гейдельберг», только импорт журналов равен 227 млн. В общем объеме импорта полиграфической продукции доля материалов для выпуска журналов составляет 70 %, упаковки – 50 %, значительно меньшую долю занимает продукция для производства этикеток, рекламы, книг и газет [7, с. 12].

Понятие «малой» типографии мало зависит от размера предприятия, числа работающих в нем людей или парка оборудования. Такую типографию можно еще назвать универсальной – без узкой специализации. Здесь можно изготавливать самую разную продукцию: от простейших бланков и визиток до упаковки и периодики.

В развитых странах такая типография является частью сферы обслуживания в своем районе, наряду с парикмахерской, химчисткой, рестораном или кондитерской. И в какой-то степени вовлечена в общий товарооборот. Сотрудник типографии ходит пить кофе в кондитерскую, а руководство кондитерской заказывает в этой типографии буклеты и визитные карточки. Вряд ли кому-то придет в голову ехать пить кофе на другой конец города, даже если выяснится, что там он чуть-чуть дешевле. То же самое и с типографией. Если даже буклеты в ней окажутся немного дороже, чем в типографии на другом конце города, то все равно, скорее всего, заказ разместят здесь [1, с. 217].

Типографии бывают разные: специализированные и универсальные, крупные и небольшие.

Малый типографический бизнес сегодня может довольствоваться крайне незначительной площадью какого-нибудь экс-офисного помещения и включать в свой штат двух-трех профессионалов, работающих на немногочисленном, универсальном и компактном оборудовании. От этого она ни в коей мере не теряет права называться типографией и даже, скорее напротив, – становится более совершенной, не имея отбоя от клиентов и не испытывая недостатка в заказах. Ведь при соблюдении самых строгих стандартов качества гигантским тиражам крупных предприятий отрасли «малая полиграфия» может противопоставить оперативность и экономичность – свойства первостепенного потребительского значения, способные стать неубиенными картами в игре на рыночном поле [4, с. 93].

В полиграфическом бизнесе в отличие от производства или продуктов, которые сначала массово производятся, а потом распространяются через дилерские сети, дистрибуторов и магазины розничным покупателям, все наобо-

рот. Сначала надо найти клиента, выяснить его потребности, правильно принять, рассчитать и оформить заказ, потом получить оплату, или, хотя бы предоплату, только после этого передать заказ в производство [7, с. 12].

Полиграфический бизнес клиентоориентированный по сути. Нет клиента – нет бизнеса.

Эта особенность присуща также большинству производственных компаний, тип производства которых позаказный.

Полиграфия более других отраслей народного хозяйства испытывает на себе влияние многих экономических и социальных факторов. Приведем высказывание Министра по делам печати на информационном совещании:

«В развитых странах объем производства печатной продукции достигает 1,4-1,5 % от валового внутреннего продукта, у нас только 0,8 %. Кризис 1998 г. миновал, и мы видим, что экономика начала подниматься, поднимается и полиграфия. С ростом валового внутреннего продукта будет увеличиваться выпуск печатной продукции. К этому надо быть готовыми» (19, с. 12).

Взгляд на перспективы отечественной полиграфии будет, возможно, не столь оптимистическим, но зато более объективным, чем прогноз руководителя отрасли. Как это ни неприятно сознавать, по уровню национального дохода на душу населения Россия прочно обосновалась среди стран низшей категории. Поэтому и доля полиграфии в валовом продукте близка к минимальному значению, составляя 0,8-0,82 %. Нынешний объем производства печатной продукции, оцениваемый в 12 долл. на душу населения в год, покрывается в значительной степени бесплатным распространением рекламных изданий, а также стоимостью печатания упаковки товаров народного потребления. Большинство населения страны не в состоянии приобретать книги или подписываться на периодические издания. Это может себе позволить только узкий круг состоятельных граждан [6, с. 26].

С ростом валового внутреннего продукта действительно можно ожидать увеличения выпуска печатной продукции. Сейчас наблюдается прямо противоположная тенденция: уход отечественных заказов за рубеж. Таким образом, не все выглядит так гладко, как обещает министр.

Показатель производительности труда в отечественной полиграфии в 4-5 раз ниже среднеевропейского показателя, что связано с низкой технологической оснащенностью производства. Однако предприятия со средним годовым оборотом менее 1 млн. долл. не в состоянии освоить современные технологии и обеспечить эффективность производства и конкурентоспособность своей продукции.

Другая важная причина неэффективности производства – это низкий уровень оплаты труда. Доля оплаты труда в обороте полиграфического производства по странам Европы составляет в среднем до 30 %. В России оплата труда составляет лишь 7-7,5 % от оборота, что ниже минимального статисти-

ческого уровня [8, с. 174].

Сейчас в нашей стране существует необыкновенно высокий спрос на самую разнообразную полиграфическую продукцию: официальная документация и корпоративная реклама, элементы «фирменного стиля» и предвыборные листовки, торговые ярлыки и транспортные этикетки, брошюры и буклеты, афиши и плакаты, бланки и конверты, каталоги и справочники – несмотря на широчайшее распространение электронной информации, сетевых коммуникаций, Интернета и прочих безбумажных технологий, объем производимых и потребляемых обществом печатных форм и изданий не только не снижается, а, наоборот, год от года увеличивается. Вместе с тем неуклонно возрастают требования к их цветности, яркости, четкости, разрешающей способности и множеству других специфических параметров, а время, отводимое на их изготовление, постоянно сокращается, измеряясь теперь, как правило, считанными днями, если не часами [3, с. 14].

Российская малая полиграфия бурно развивалась последние три года. По мнению экспертов, вложения в этот бизнес окупаются за девять-десять месяцев, максимум за год. Самое важное – правильно оценить потребности своего клиента. Все неудачи на этом рынке, хотя и относительные, случаются из-за неверных прогнозов о запросах будущих заказчиков.

У небольших полиграфических предприятий пока нет устоявшегося обобщенного названия. Мини-типографиями, как выяснилось, называют свою продукцию торговцы копировальной техникой, выдающей печать не самого высокого качества. Часто употребляемое в профессиональной сфере определение «оперативная полиграфия» в чистом виде в России почти не используется – русский клиент, как оказалось, редко спешит.

Рынок малой полиграфии никто в России пока не пробовал измерить – впрочем, как и подавляющее большинство других.

Структура рынка реализации печатной продукции на сегодняшний день насчитывает около 1 200 объектов розничной продажи прессы. Из них свыше 800 принадлежит крупным компаниям, осуществляющим сетевую торговлю – ООО «Роспечать», ООО «Союзпечать», ООО «СИИР», ООО «Метропресс» и другим [5, с. 15].

Такой структурный перекоп значительно превышает установленную в Законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» предельную величину в 35 %, ведь только около 150 объектов принадлежит мелким организованным операторам СМП, и их число неуклонно сокращается.

В ноябре 2006 года отмечалось 205-летие полиграфии в РТ.

В целях дальнейшего развития полиграфической деятельности в Республике Татарстан учреждено Агентство Республики Татарстан по массовой коммуникации «Татмедиа».

На территории Республики Татарстан зарегистрировано 419 периодических печатных изданий.

Первая типография в Казани появилась в 1800 г. Она именовалась «Азиатской», была открыта при городской гимназии по решению Правительствующего Сената от 18 сентября 1800 г. На «Азиатскую» типографию была возложена цензура всех печатаемых и поступающих в Казань книг на татарском и других восточных языках. Первым владельцем типографии был прапорщик Бурнашев. В 1802-1807 гг. она находилась на откупе у купца Апанаева. В 1803 г. здесь были отпечатаны первые книги: Алкоран (на арабском языке) и «О прививании коровьей оспы» Федора Волкова (на татарском языке). В 1900 г. в Казани было уже 15 типографий. (Официальный сервер Республики Татарстан).

Таким образом, характерной чертой нашего времени становится осознание значимости места и роли предпринимательства в качестве неотъемлемого элемента рыночной экономики. Становление малого бизнеса имеет важное значение для экономики, во-первых, потому, что является необходимым условием развития конкуренции в регионе, положительной чертой которой является минимизация цен. Во-вторых, малый бизнес формирует новый, важный для любой экономики, социальный слой – средний класс; создает дополнительные рабочие места. В-третьих, растут государственные доходы от налоговых поступлений за счет расширения налоговой базы и снижения количества льгот. Все это ведет к повышению уровня жизни населения. На сегодняшний день деятельность малого бизнеса охватывает практически все отрасли экономики и выполняет ряд важнейших функций по диверсификации и адаптации производства, смягчению социальных проблем, в том числе снижению уровня безработицы, и обеспечивает дальнейшее развитие инфраструктуры и сферы услуг.

Библиографический список

1. Белоусова С.Н., Белоусов А.Г. Маркетинг. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 371 с.
2. Козырев В.М. Основы современной экономики. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 251 с.
3. Крутик А.Б., Горенбургов М.А. Малое предпринимательство и бизнес-коммуникации. – СПб.: Бизнес-пресса, 2004. – 196 с.
4. Орлов А.В. О малом бизнесе в России. – М.: Высшая школа бизнеса и менеджмента, 2003. – 278 с.
5. Суворова Е. Специфика полиграфического бизнеса. – СПб.: Финт, 2004. – 518 с.

6. Уэллс У., Беркет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. – СПб: Питер, 2001. – 472 с.
7. Балувев Д.Г. Внешнеполитическая роль российского государства в переходный период // Полемика. – 2000. – № 7.
8. Доклад главы администрации города Р.С. Хамадеева на сессии городского Совета народных депутатов // Челнинские известия. – 2003. – № 59.
9. Колесникова Л.А. Планирование и оценка эффективности программ развития предпринимательства // Предпринимательство в России. – 2006. – № 4(11).

А.А. ЧЕСНОКОВ

Главный юрист-консульт департамента правового обеспечения

ОАО «НК «РОСНЕФТЬ»»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для поступательного экономического развития российского государства необходимо опираться не только на самобытный национальный опыт России, но и учитывать общемировые политические, правовые и экономические тенденции, а также возможность заимствования эффективных зарубежных механизмов, инструментов и технологий.

Одним из таких механизмов, сформированных в развитых странах мира, является взаимодействие между органами государственной власти и бизнесом, т.н. государственно-частное партнёрство. Оно рассматривается как необходимое условие развития предпринимательской деятельности и в ходе процесса своего развития стало носить характер партнёрства государства и частных предпринимателей.

Взаимодействие государства и частного сектора для решения общественно значимых задач имеет давнюю историю, в том числе и в России. Однако наиболее актуальным государственно-частное партнёрство стало в последние годы. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, усложнение социально-экономической жизни затрудняет выполнение государством общественно значимых функций, а с другой стороны, бизнес заинтересован в новых объектах для инвестирования. В этой связи государственно-частное партнёрство представляет собой некую альтернативу приватизации жизненно важных, имеющих стратегическое значение объектов государственной собственности.

В экономической и юридической науках нет единого мнения о том, какие формы взаимодействия власти и бизнеса можно отнести к государственно-частному партнёрству.

В этой связи вопрос детального правового регулирования различных форм государственно-частного партнёрства в Российской Федерации приобретает важное значение.

К числу законодательно урегулированных форм государственно-частного партнёрства, среди прочих, можно отнести:

- концессионные соглашения;
- соглашения о разделе продукции (СРП);
- арендные отношения;
- государственные контракты.

Анализ современной российской нормативно-правовой базы регулирующей отношения, возникающие при государственно-частном партнерстве, показывает, что, хотя действующее федеральное законодательство не содержит легально закрепленной категории «государственно-частное партнерство», указанная категория нашла свое место в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации.

За последние годы российское законодательство сделало значительный шаг вперед по пути нормативно-правового регулирования различных общественных отношений, которые могут возникать при реализации государственно-частного партнерства.

К числу основных федеральных законов, регулирующих отношения применимые к государственно-частному партнерству следует, прежде всего, отнести федеральные законы: «О концессионных соглашениях», «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», «О соглашениях о разделе продукции». Кроме того, в значительном количестве подзаконных нормативных актов категория «государственно-частное партнерство» получила достаточно широкое и детальное закрепление.

1. Закон «О концессионных соглашениях»

Наиболее распространенной за рубежом формой государственно-частного партнерства при осуществлении крупных, капиталоемких проектов являются концессии. Концессия – это система отношений между государством (концедентом) и частным юридическим или физическим лицом (концессионером), возникающая в результате предоставления концедентом концессионеру прав пользования государственной собственностью по договору, за плату и на возвратной основе, а также прав на осуществление видов деятельности, которые составляют исключительную монополию государства.

Принятие 21 июля 2005 г. Закона «О концессионных соглашениях» явилось серьезным шагом в направлении создания законодательной базы для реализации идеи государственно-частного партнерства в России.

Целями данного Закона являются «привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям». Он должен обеспечить не временные льготы, а необходимые долгосрочные гарантии инвесторам возврата вложенного в экономику России капитала.

Объем инвестиций, сроки и условия передачи объекта, а также льготы

для концессионера устанавливаются в концессионном соглашении. Концессионер получает во временное пользование и распоряжение объект, находящийся в государственной (муниципальной) собственности, при этом готовая продукция и доходы от эксплуатации объекта остаются в собственности концессионера. Предполагается, что в течение срока концессии предприниматель-концессионер получит достаточный доход, чтобы покрыть вложенные инвестиции и получить дополнительную прибыль. По окончании срока концессии объект безвозмездно передается государству, однако возможны продление срока концессии и передача объекта другому концессионеру.

При разработке Закона о концессионных соглашениях российский законодатель постарался учесть современный опыт зарубежных стран и предусмотрел в качестве общего правила обязательность заключения концессионного соглашения по результатам конкурса.

Это является несомненным достоинством Закона о концессионных соглашениях и выгодно отличает процесс выбора концессионера от процедуры выбора инвестора при заключении соглашений о разделе продукции, где используется метод аукциона. Таким образом, цена предложения не будет играть решающей роли при выборе концессионера и претендентам на заключение концессионного соглашения необходимо будет конкурировать по целому ряду условий конкурса.

Грамотная организация процесса заключения концессионного соглашения является очень важным условием последующей успешности реализации проектов на основе концессии.

Во всем мире применение принципа полной и открытой конкуренции при заключении государственных контрактов рассматривается как средство, которое способствует экономии бюджетных средств, предупреждению коррупции и развитию конкуренции в секторах экономики, ранее находившихся в государственной монополии.

Этот принцип означает, что преимущественный статус имеют лишь те методы выбора поставщика, подрядчика или, как в нашем случае, концессионера, которые предусматривают обязанность потенциальных участников соответствующих договорных отношений состязаться за право получения контракта. При этом методы выбора контрагента, не предусматривающие конкуренции или ограничивающие ее, должны применяться только в исключительных случаях, установленных законом, и соответствующие органы, принявшие решение о применении неконкурентных методов выбора концессионера, обязаны придерживаться детально прописанных в законе специальных процедур.

Мировой практике известны три вида процедур выбора концессионера: открытый конкурс, закрытый конкурс и переговоры. Если при открытом конкурсе неограниченное число участников может откликнуться на предложение

участвовать в отборочной процедуре, то при закрытом конкурсе могут участвовать только определенные компании. В отличие от закрытого и открытого конкурсов при переговорах не устанавливается какой-либо строгой формализованной процедуры. Заказчик приглашает конкретные фирмы к обсуждению условий будущего контракта.

Российский законодатель предусмотрел два вида конкурсных процедур на право заключения концессионного соглашения. Так, в соответствии со ст. 21 Закона конкурс на право заключения концессионного соглашения может быть открытым или закрытым. По общему правилу должна применяться процедура открытого конкурса, а закрытый конкурс проводится в случаях, когда объект концессии составляет государственную тайну или имеет стратегическое значение для обеспечения обороноспособности государства.

2. Закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»

25 августа 2005 г. вступил в силу Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – Закон об ОЭЗ), который имеет целью создание благоприятных условий для развития экономического и научного потенциала страны посредством создания особых экономических зон (далее – ОЭЗ).

Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» – центральный акт законодательства Российской Федерации об особых экономических зонах. В соответствии с ним могут приниматься иные законодательные и подзаконные акты, регулирующие соответствующие отношения. Одновременно с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» был принят Федеральный закон от 22.07.2005 № 117-ФЗ, внесший изменения в некоторые законодательные акты в связи с началом формирования российского законодательства об особых экономических зонах. В нем перечислены основные законодательные акты, регламентирующие отношения в связи с деятельностью особых экономических зон и подлежащие корректировке в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Среди корректируемых актов – Таможенный и Налоговый кодексы, Федеральные законы: «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» и «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» и др.

Концептуально разработчики Закона об ОЭЗ исходили из того, что создание ОЭЗ позволит обеспечить:

- дополнительное привлечение отечественных и иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность;
- содействие выравниванию уровня экономического развития регионов;
- развитие высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы

услуг; содействие переводу российской экономики на инновационный путь развития;

- создание новых высококвалифицированных рабочих мест.

В Законе об ОЭЗ под ОЭЗ понимается определяемая Правительством РФ часть территории Российской Федерации (государственной и таможенной), на которой действует особый режим ведения предпринимательской деятельности.

Планируется создание двух типов ОЭЗ: промышленно-производственных и технико-внедренческих. ОЭЗ создаются на двадцать лет, и срок их существования продлению не подлежит. Возможно досрочное прекращение деятельности ОЭЗ по решению Правительства РФ.

Закон об ОЭЗ исходит из принципа ограниченности территории ОЭЗ, что обусловлено следующими причинами: во-первых, необходима значительная концентрация затрат на обустройство инфраструктуры ОЭЗ, во-вторых, чрезмерно большие размеры территорий ОЭЗ привели бы к снижению концентрации инвестиционных, трудовых и иных ресурсов. В связи с этим предусматривается создание промышленно-производственных зон на территориях площадью не более 20 кв. км, технико-внедренческих – на территориях площадью не более 2 кв. км.

На территории ОЭЗ не допускается добыча и переработка полезных ископаемых, ломопереработка, производство и переработка продукции черной и цветной металлургии (за исключением производства особо чистых металлов и сплавов, соединений и изделий из них, материалов для электроники), производство и переработка подакцизных товаров (за исключением легковых автомобилей и мотоциклов).

Для Закона об ОЭЗ характерны нормы не столько в духе экономического прагматизма, присущего рыночной экономике, сколько в русле нынешней общеполитической установки на приоритетное укрепление государственных начал в экономике.

3. Закон «О соглашениях о разделе продукции»

Соглашения о разделе продукции (СРП) – форма государственно-частного партнерства, которая стала легитимной в 1995 году, после принятия федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» от 31.12.95 г. № 225-ФЗ.

Указанный закон устанавливает правовые основы отношений, возникающих в процессе осуществления российских и иностранных инвестиций в поиски, разведку и добычу минерального сырья на территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и (или) в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации на условиях соглашений о разделе продукции.

Соглашение о разделе продукции является договором, в соответствии

с которым Российская Федерация предоставляет инвестору – субъекту предпринимательской деятельности «на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск». Произведенная продукция подлежит разделу между государством и инвестором в соответствии с соглашением, которое должно предусматривать условия и порядок такого раздела.

Соглашение о разделе продукции является видом концессии, поскольку правовая природа данных форм взаимодействия государства и инвесторов практически совпадает.

Необходимо отметить, что государство было заинтересовано в проектах на условиях СРП только на начальном этапе, когда существовала острая необходимость в мобилизации финансовых средств и привлечении иностранных инвестиций на фоне низких мировых цен на нефть. С улучшением конъюнктуры мирового нефтяного рынка и наполнением федерального бюджета необходимость в осуществлении проектов СРП фактически отпала (за исключением развития минерально-сырьевой базы и привнесения новых технологий).

Будущее инвестиционного механизма соглашения о разделе продукции представляется весьма туманным, поскольку на сегодняшний момент национальный режим недропользования экономически более целесообразен.

Анализ нормативно-правовой базы регулирующей отношения, возникающие при государственно-частном партнерстве, позволяет сделать ряд выводов.

1. Нормативно-правовое регулирование механизмов государственно-частного партнерства в законодательстве Российской Федерации не носит системного характера и затрагивает отдельные сферы общественных отношений.

2. Действующее федеральное законодательство не препятствует развитию институтов государственно-частного партнерства, более того, отдельные федеральные законодательные и подзаконные акты прямо направлены на развитие и стимулирование в стране механизма государственно-частного партнерства (см. например: закон «О концессионных соглашениях», Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об Инвестиционном Фонде РФ»). Вместе с тем, отсутствие системного подхода законодателя к установлению четких правил функционирования механизмов государственно-частного партнерства, «фрагментарность» законодательства в этой области, узкоотраслевое регулирование не позволяют сделать вывод о том, что в России сложилась и успешно функционирует система нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства.

3. Одной из основных проблем реализации государственно-частного

партнерства в России является слабая разработанность правовых форм реализации государственно-частного партнерства, создающих правовые гарантии прав и интересов как государства, так и частных инвесторов. Речь идет как об общих законодательных условиях, которые в настоящее время не способны учитывать административно-правовой аспект в гражданско-правовых отношениях, так и о конкретных организационных, договорных формах, налоговых условиях (включая специальные налоговые режимы).

4. Российское законодательство игнорирует тот факт, что государство, будучи стороной гражданско-правового договора, имеет массу способов внедоговорного воздействия на регулируемые договором отношения. Такое воздействие находится за рамками гражданского законодательства, следовательно, не всегда может быть охвачено мерами гражданско-правовой ответственности, что создает значительные условия для ущемления прав частных инвесторов в государственно-частном партнерстве. Государство и бизнес находятся в неравных условиях.

5. Действующие федеральные законы «О концессионных соглашениях», «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» требуют дальнейшей правовой проработки. Относительно недавние сроки вступления указанных законов в силу, и, в этой связи, практически полное отсутствие правоприменительной практики создает дополнительные сложности.

Н.Н. ШМОНОВ

Елабужский государственный педагогический университет

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Как известно, преобладающей формой международного сотрудничества на протяжении веков была внешняя торговля. Первая документально известная «свободная зона» была провозглашена в 166 г. до нашей эры, властями греческого государства в целях содействия торговле на острове Делос. Здесь приезжие купцы освобождались от налогов, пошлин и выполнения некоторых административных формальностей. Остров Делос стал первой «зоной свободной торговли» и на протяжении многих лет играл заметную посредническую роль в торговле между Западом и Востоком.

Исторически свободные и таможенные зоны относятся к свободным экономическим зонам первого поколения. Это наиболее давняя и достаточно простая форма организации зональных структур на территории государства. Основным преимуществом зон данного типа являются относительно незначительные стартовые капиталовложения и их быстрая окупаемость.

Основной целью создания зон свободной торговли (ЗСТ) является стимулирование импорта, развитие внутренней и транзитной торговли. Первые ЗСТ образовывались, как правило, в крупных городах и имели статус «порто-франко».

Уже в XVI и XVII вв. торговые интересы морских государств (Италии, Франции, Германии и др.) стали требовать создания зон свободной торговли («порто-франко»). В 1547 г. устанавливается «порто-франко» в Ливорно, которое в то время приобретает значение важного складского места для торговли с Левантом. Статус «порто-франко» имели также Генуя (с 1595 г.), Венеция (с 1661 г.), Марсель (с 1669 г.) [1, с. 605].

Первый в мире беспошлинный порт свободной торговли – Гибралтар – был открыт англичанами более 280 лет тому назад.

В России использование зон свободной торговли для расширения экспорта, развития транзитной торговли, насыщения внутреннего рынка товарами началось в XIII – XV вв. Например, в Смоленске режим беспошлинной торговли был установлен в 1228 г.

Для стимулирования местной промышленности высочайшим указом от 16 апреля 1817 года «порто-франко» было учреждено в Одессе.

В город разрешался свободный (без таможенного досмотра и без представления деклараций) и беспошлинный ввоз любых иностранных товаров,

включая товары, запрещенные к ввозу в Россию. Вывоз из Одессы иностранных товаров для продажи внутри страны допускался только через таможенные заставы по правилам общего тарифа с уплатой пошлин и на основе положений, регулировавших ввоз в Россию иностранных товаров [2, с. 208].

Статус «порто-франко» в российской империи кроме Одессы получили Владивосток, Батуми и др. Причем Владивосток пользовался льготным режимом внешнеэкономической деятельности до середины 20-х годов XX века.

В дальнейшем на смену порто-франко пришли вольные гавани, которые имели несколько более льготный внешнеторговый режим. В такие зоны разрешалось ввозить иностранные товары без уплаты пошлин и без ограничения срока, осуществлять торговые и кредитные операции.

Постепенно вольные гавани стали трансформироваться в специальные беспошлинные таможенные зоны, которые можно отнести к одной из простейших форм экономических зон, представляющих собой транзитные и консигнационные склады для хранения, упаковки и незначительной обработки иностранных товаров, предназначенных для экспорта. Такие зоны в мировой практике называют бондовыми или свободными таможенными территориями.

В отличие от своих предшественников на территории свободного порта не разрешалось проживание лиц, не имевших отношения к эксплуатации и охране товаров и т.п. При вывозе товаров из свободных портов во внутрь страны таможенные пошлины взимались в обычном порядке.

По мере монополизации рынка и усиления протекционистской политики государства вольные гавани стали упраздняться, на их территории начали создаваться свободные зоны, где все большее значение приобретает переработка товаров.

В конце 50-х годов прошлого века характер некоторых свободных торговых зон стал принципиально меняться: из центров чисто торговых операций они стали превращаться в торгово-промышленные зоны, призванные не столько способствовать чисто торговым операциям, сколько служить базой развития экспортного производства при участии в нем местного и иностранного капитала.

Одной из первых зон такого типа стала зона Шеннон в Ирландии, которая была образована в 1959 г. в районе одноименного аэропорта. Успехи СЭЗ Шеннона сыграли роль катализатора в создании экспортно-производственных зон. Её примеру последовали многие страны мира.

Первые экспортно-производственные зоны (ЭПЗ) в развивающихся странах появились в начале 70-х годов. В начале 80-х годов их уже насчитывалось 70, к началу 90-х годов общее число ЭПЗ, зарегистрированных в 120 странах мира, возросло до 300 [3].

Однако в современной мировой практике основным фактором конку-

рентоспособности становится не цена товара, а его качество, новизна, наукоёмкость, интеллектуальность. Развитие этой тенденции отразилось и на характере деятельности экспортно-производственных зон, многие из которых начали трансформироваться в научно-промышленные парки (НПП). Кроме того, новые СЭЗ образуются в форме технопарков, технополисов, высокоразвитых структур по организации, разработке и выпуску конкурентоспособной продукции [4, с. 19].

В частности, в США создание ЗСТ было предусмотрено «законом о внешнеторговых зонах» 1934 г., целью которого было поощрение торговли, повышение ее эффективности и сокращение торговых издержек. В чистом виде ЗСТ или внешнеторговые зоны просуществовали в США фактически до 50-х годов, когда была принята поправка к закону, разрешающая осуществлять в зонах переработку товаров и создавать промышленные предприятия. Через ЗСТ в 1978 г. прошло товаров на сумму, эквивалентную 0,5 % внешнеторгового оборота США. В 1983 г. этот показатель возрос до 2,1 %, а к 1995 г. увеличился до 3 % [5, с. 6]. В настоящее время льготными условиями ЗСТ или внешнеторговых зон в США активно пользуются более 3 тыс. компаний. К одной из разновидностей ЗСТ можно отнести специальные магазины «Дьюти фри», расположенные в крупнейших аэропортах мира. В настоящее время крупнейшими по объему торговли системы «Дьюти фри» являются Амстердам, Сингапур и Дубай.

В России зоны свободной торговли появились в форме таможенных складов, свободных складов и свободных таможенных зон.

Первый таможенный склад появился в бывшем Советском Союзе в 1980 г. в Бутово в преддверии Московской Олимпиады. До 1991 г. этот склад был единственным. Затем в течение года было образовано еще 4 таможенных склада: «Молко», «Октопус», «Вита-Коммерц». В начале 1995 г. только в Москве насчитывалось уже 150 складов разной специализации [4, с. 21].

Режим таможенных складов установлен для хранения ввезенных товаров без взимания таможенных пошлин, а также экспортируемых товаров с возвратом пошлин или освобождением от них (предельные сроки хранения товаров на складах – 3 года). За это время они могут пройти сортировку, дробление партий, упаковку и т.п. Фактически, владельцы таможенных складов предоставляют своим клиентам налоговые кредиты, в том числе и долгосрочные.

Свободные склады еще предоставляют возможность любой производственной и коммерческой деятельности (кроме розничной торговли). Ограничения на срок хранения товаров нет.

В современной мировой экономике зоны свободной торговли рассматриваются так же, как торговые блоки, объединяющие несколько стран для активизации внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, следует особо обратить внимание на мировой опыт создания и функционирования особых экономических зон, который говорит о том, что при правильной постановке дел, особые зоны могут стать локомотивом экономического роста региона и государства в целом.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб., 1898. – Т. XXIV а. – С. 605.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собр. первое. – СПб., 1817. – Т. XXXIV. – С. 208.
3. Сюй Цзыцэ. Специальные экономические зоны Китая. – Во наука., 1994.
4. Басенко А.М, Бетуран И.М. Свободные экономические зоны в мировом хозяйстве: методологические проблемы организации хозяйственного механизма. – Ростов н/Д., 1998.
5. Андрианов В.Д., Кузнецов А.Н. Специальные экономические зоны в мировой практике. – М., 1998.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

А.А. ГАНИН

ГИММЗ «Родина В.И. Ленина», музей «Симбирское купечество»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ЖИЗНИ СИМБИРСКОГО КУПЦА НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ШАТРОВА

В современной России остро встает вопрос благотворительной деятельности предпринимателей. Сейчас бизнес массово строит торгово-офисные и спортивные комплексы, развлекательные центры, и лишь немногие деловые люди занимаются и благотворительной деятельностью.

Благотворительность и меценатство были характерны для всего купеческого сословия в целом, но история распорядилась так, что в основном в памяти потомков остались фамилии купцов-благотворителей Москвы. Это Бахрушины, Хлудовы, Морозовы, Третьяковы, Абрикосовы, Алексеевы...

Имена менее известных, но не менее щедрых дарителей из провинции сейчас незаслуженно забыты.

Одним из них был и Николай Яковлевич Шатров, занявшийся благотворительностью ради чинов и наград, и спустя некоторое время осознавший её истинную сущность.

Будущий Потомственный Почетный гражданин Симбирска, мануфактур-советник по происхождению был солдатским сыном. Место его рождения неизвестно, сохранилась только дата – 17 ноября 1853 года. Образование Николай Яковлевич получил, как тогда говорили, «домашнее».

Старший сын чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, Алексей, в своих воспоминаниях назвал Шатрова «одним из промышленно-



Н.Я. Шатров
(17.11.1853 г. – после 1919 г.)

финансовых гениев, которые родятся сами собой и работают без школы и обучения» [9].

«Он был мальчиком в какой-то торговой фирме, – писал Алексей Иванович, – сколотил небольшую сумму и смекнул те выгоды, которые сулило в будущем фабрично-суконное дело. Как ему повезло вначале, сказать трудно. Женился он на бедной, изящной красавице, дочери местного парикмахера, бесприданнице. Ее звали Надежда Васильевна, в девичестве Суханова, родилась 10 августа 1861 года.[2, л. 82]. Еще до 30 лет успел перехватить рушившуюся суконную фабрику местных дворян-затейников Прибыловских. В руках Н.Я. Шатрова она превратилась в «золотое дно» [9]. Удачливый фабрикант стал одним из главных поставщиков сукна для российской армии.

Николаю Яковлевичу принадлежали в Симбирской губернии в Сенгилеевском уезде: Измайловская фабрика, прекрасно оборудованные для своего времени Акшутский и Измайловский лесопильные заводы и до 4 200 десятин земли и леса; винокуренный завод в Карсунском уезде. Ему же принадлежали каменная лавка в Симбирске и три каменные лавки на ярмарке в Нижнем Новгороде.

В Симбирске Николай Яковлевич владел тремя каменными и тремя деревянными домами [3, с. 92].

О личной жизни семьи Шатровых особых данных не сохранилось. Гораздо более известной страницей жизни Николая Яковлевича Шатрова стала общественная деятельность.

С 1883 года купец стал помогать Симбирской чувашской учительской школе. Без Николая Яковлевича школа не стала бы хорошо оборудованным учебным заведением. Н.Я. Шатров поддерживал ее на протяжении более чем 30 лет, за это длительное время в пользу школы он пожертвовал деньгами более 100 тыс. рублей, приобрел духовой оркестр, в 1910 году стал основателем фонда на стипендию имени И.Я. Яковлева (внес 500 рублей, всего же сумма фонда составила 1 305 рублей).

Интересен такой факт: предпринимательское дело Шатрова развивалось параллельно с просветительской деятельностью Яковлева. Они некоторое время даже жили рядом, на окраине Симбирска у реки Свияги. Сначала отношения купца и просветителя складывались непросто. Иван Яковлевич вспоминал, что «у Шатрова можно было вырвать помощь, лишь заманив его в доброе дело перспективой чинов, наград и т.п. У него главным двигателем при благотворительности являлось честолюбие...»[9].

Так или иначе, по словам сына просветителя, со временем Шатров стал «верным союзником отца» [9].

За годы попечительства силами Николая Яковлевича (и, конечно же, других благотворителей) для школы было сделано многое.

На торжественном собрании 28 октября 1908 года, посвященном 40-ле-

тию Симбирской чувашской учительской школы, Иван Яковлевич вручил ее Почетному попечителю Николаю Яковлевичу Шатрову приветственный адрес. В нем говорилось: «Вы были попечителем не по имени только, но и на деле. Идя навстречу духовному развитию школы, вы расширили и устроили домовую при школе церковь и выстроили при ней обширное классное помещение. Вы принесли в дар школе и свое усадебное место, находящееся рядом с нею. Еще раньше на ваши средства школа приобрела участок земли... День сорокалетней годовщины школы вы ознаменовали новым благодеянием – пожелали на свои средства построить каменное двухэтажное здание, необходимое для приходского двухклассного мужского при школе училища (здание было оценено в 58 783 руб.)... Этим самым вы оказываете великую услугу делу просвещения миллионного темного народа... Вам будет воздана должная дань благодарности будущим поколением чуваш...» [9].

И всё же одна сторона деятельности купца оказалась мало замеченной. На школьные средства постоянно содержалось более полусотни беднейших воспитанников школы. «Благодаря любезности Н.Я. Шатрова, не один раз покрывавшего школьные дефициты из своих личных средств, Братство избавлено было от необходимости нести обременительные расходы. Так, на уплату долгов, не покрытых школой к 1 января 1903 года, Н.Я. Шатров пожертвовал 646 р. 7 к. и на непокрытые расходы по содержанию воспитанниц 1903 года 201 р.; итого, минуя Братство, Н.Я. Шатров сделал пожертвование в прошлом 1903 году и в начале сего 1904 года в 847 р. 7 к.» [10, с. 143-144].

Постепенно у Николая Яковлевича Шатрова сложилась добрая традиция – отвечать на каждую награду новыми крупными пожертвованиями.

В Симбирске, как и по всей России, остро стояла проблема бесприданниц. Сам Николай Яковлевич знал об этой проблеме не понаслышке, и в день присвоения ему звания Потомственного Почетного гражданина Симбирска (1898 г.) он послал симбирскому купеческому старосте 1 200 рублей, сопроводив их краткой запиской: «Милостивый государь! Желая ознаменовать царскую милость, я заблагорассудил оказать некоторую помощь обедневшим жителям из купеческого и мещанского сословий симбирского общества, а именно: выдавать ежегодно на 12 невест дочерям обедневших купцов и мещан при выходе их в замужество по 60 рублей каждой и сверх того двум из них, в виде премии, по 40 рублей, т.е. всего 800 рублей, а также выдавать престарелым и бедным из жителей симбирского общества 400 рублей, а всего 1 200 рублей, каковую сумму и прилагаю при сем. И впредь, доколе Господь Бог продлит земную жизнь мою, я буду вносить симбирскому купеческому обществу ежегодно в марте месяце по 1 200 рублей» [12, с. 3-4].

Этим поступком Николай Яковлевич заложил добрую традицию помощи бедным девушкам. В 1915 г. о практике раздачи таких пособий говорилось уже как о хорошей традиции: «Симбирское купечество по примеру предше-

ствовавших лет решило раздать ряд пособий – приданных невестам дочерям обедневших купцов и мещан...».

Н.Я. Шатров оказывал помощь Симбирским приютам. В 1901 г. он был утвержден Почетным членом Симбирского Попечительного Совета детских приютов.

Одно время Николай Яковлевич являлся Председателем исполнительной комиссии по управлению Симбирским городским детским приютом, и здесь он в трудные моменты тоже безвозмездно помогал своими деньгами.

С 1898 г. Николай Яковлевич – Почетный член Братства Преподобного Сергия при Симбирской классической гимназии, а с 1 января 1908 года член Совета этого Братства. Шатров являлся Почетным членом Общества святой Татианы для вспомоществования нуждающимся ученикам в низших учебных заведениях г. Симбирска.

Кроме того, Николай Яковлевич являлся членом-сотрудником симбирского отдела Императорского Православного Палестинского общества (данные на 1903 и 1904 гг.).

Жена Николая Яковлевича, Надежда Васильевна Шатрова являясь Почетным членом, поддерживала Братство св. равноапостольной Марии Магдалины при Симбирской Мариинской гимназии. Она же была членом-соревнователем Симбирского Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии (данные на 1898 г.).

Особое место в благотворительности Николая Яковлевича занимало село Измайловка, где находилась его суконная фабрика. На его средства в селе был выстроен и богато украшен храм, содержалась церковно-приходская школа, а при фабрике было больничное заведение для служащих, часовня, а также ясли.

Кроме того, Шатров не жалел денег на обучение рабочих, и постигали они не только азбуку, но и нотную грамоту. На фабрике были созданы большой струнный оркестр и хор.

Вопрос об открытии в Симбирске коммерческого училища поднимался с 1895 года. Все обсуждения о пользе и необходимости коммерческого обучения детей сразу же останавливались на вопросе практическом – у города не было здания для размещения в нем училища.

Симбирское Коммерческое училище было открыто 22 сентября 1900 года. В первый же год своего возникновения оно получило в дар от члена Совета училища, ревнителя коммерческого образования Н.Я. Шатрова громадный для Симбирска каменный двухэтажный дом с подвалом, с каменными надворными постройками, давший возможность поместить в нем училище [5, с. 476]. Позже, в годы I мировой войны, Николай Яковлевич первым внес 27 тысяч рублей на учреждение капитала для постройки пристроя к училищу [4, л. 13].

Николай Яковлевич входил в Правление Общества вспомоществования нуждающимся ученикам коммерческого училища.

В 1904 году в Симбирске были созданы две Торговые школы – мужская и женская. Шатров пожертвовал 30 000 рублей для приобретения для них здания при условии, что Министерство финансов, в ведении которого были эти школы, ежегодно будет финансировать их в размере 10-12 тыс. руб. [5, с. 468] Городская Дума ассигновала на содержание школ 1 тыс. руб. одновременно и 1 тыс. руб. ежегодно. Эти факты ярко показывают участие попечителей в становлении и развитии учебных заведений и значение благотворительных пожертвований для них.

С самого начала I Мировой войны, в 1914 году, Николай Яковлевич на свои средства оборудовал лазарет для раненых, и до самой революции не жалел на него средств. А ведь только месячное содержание лазарета обходилось ему в 500 рублей.

В январе 1910 года Н.Я. Шатров в очередной раз предложил построить «Художественный историко-археологический музей с классами технического рисования им. Н.М. Карамзина» и на воплощение своего замысла пожертвовал 10 000 рублей. Но позже было решено построить дом-памятник Ивану Александровичу Гончарову. Строительство здания началось в 1913 году, и стало замедляться в связи с недостатком средств к 1915 году. В феврале 1915 года Николай Яковлевич Шатров, постоянно наблюдавший за ходом работ, пожертвовал сначала 3 000 рублей, затем 1 040 рублей, а в марте еще 2 000 рублей. Это позволило завершить общестроительные работы, но на внутреннюю отделку денег уже не было. В июле 1915 года Николай Яковлевич пожертвовал еще 5 000 рублей, что позволило без остановки продолжить внутреннюю отделку.

Под утро 1 сентября 1915 года в Гончаровском Доме произошел пожар, нанеший огромный ущерб строительству. По подсчетам архитектора А.А. Шодэ, убыток составил 4 тысячи рублей. По его мнению, пожар отодвинул окончание работ на 2-3 недели. Здание было застраховано в городском общественном банке, но положенную страховку в сентябре не выдали.

Шла I мировая война. В Гончаровском Доме с 21 октября 1915 года разместили раненых 117 сводного эвакуационного госпиталя.

В июле 1916 года все строительные работы были приостановлены. Как показала история, полностью реализовать проект так и не удалось. Но, несмотря на это, город Симбирск получил еще одно прекрасное здание, украсившее вид на Венец со стороны Волги, и ставшее позже для Ульяновска «визитной карточкой».

За время длительной общественной деятельности Николая Яковлевича Шатрова награждали (в порядке очередности): 13 декабря 1891 года по ведомству Министерства Народного Просвещения золотой медалью для ношения

на шее на Станиславской ленте [2, л. 58 об.]; 3 февраля 1897 года по статуту орденом Святой Анны III степени; 24 декабря 1898 года по духовному ведомству за постройку в селе Измайловка Сенгилеевского уезда каменной церкви и другие пожертвования орденом Святого Станислава II степени; в 1898 году Николай Яковлевич стал Потомственным Почетным гражданином Симбирска; 6 декабря 1902 года по ведомству Министерства Народного Просвещения за пожертвования в пользу Симбирской Чувашской учительской школы орденом Святой Анны II степени; 6 апреля 1903 года Высочайше пожалован званием мануфактур-советника; 1 января 1909 года «за полезную и безвозмездную службу» по ведомству Государственного Банка награжден орденом Святого Владимира IV степени [2, лл. 29, 36, 36 об.]; 6 декабря 1912 года Высочайше пожалован званием Статского советника (по ходатайству И.Я. Яковлева); 24 февраля 1913 года по случаю 300-летия царствования дома Романовых – нагрудным знаком, «в потомство переходящим» [2, л. 69 об.].

После революции Н.Я. Шатров передал новой власти свою фабрику на полном ходу и в блестящем состоянии (стоимость ее составляла от 50 до 60 млн. рублей) [9]. Из Симбирска, где ему угрожал бессудный расстрел, Николай Яковлевич уехал в Измайловку. Здесь его не только приютили. Рабочие, учитывая преклонный возраст бывшего хозяина, рубили ему дрова, топили дом, доставляли воду, даже сохранили во флигеле прежнюю мебель. Но так продолжалось недолго.

После одной публикации в местной газете измайловские коммунисты конфисковали у Н.Я. Шатрова мебель и все ценности на нужды Красной Армии. Скоро выяснилось, что отобранная утварь тут же была разделена местными большевиками между собой. Н.Я. Шатров сообщил об этом в Симбирский комиссариат внутренних дел, а заодно попросил выделить ему пособие на проживание, поскольку он добровольно передал рабоче-крестьянскому правительству все свое имущество и все время был лоялен по отношению к нему.

В июле 1919 года в ответ на это обращение Николая Яковлевича арестовали. Его посадили в сырой подвал бывшей удельной конторы (ныне ул. Л. Толстого, 41).

Ни хлопоты И.Я. Яковлева, ни обращения А.В. Жиркевича (известный коллекционер картин, юрист, писатель) не помогли освобождению Николая Яковлевича... Его выпустили позднее – в связи с амнистией, последовавшей к двухлетнему юбилею Октябрьской революции. Вышел он на свободу глубоко больным. Что стало с ним дальше, краеведы не знают. По одним слухам, он некоторое время жил с женой в Москве в очень стесненном положении, а потом уехал за границу, в Австрию или во Францию. По другим – умер в Самарской губернии. Дата его смерти не установлена.

Жизненный путь Николая Яковлевича Шатрова был сложен, и он похож на массу судеб других благотворителей той эпохи.

В среде российского купечества благотворительностью занимались многие, и в силу совершенно разных причин. Существовал позыв глубоко духовный. Кто-то хотел заработать себе честное имя, служащее хорошим подспорьем в ведении дела. Присутствовало и желание прославиться, попасть на страницы газет с благим деянием для купца было весьма лестно.

Все эти позывы в разное время были характерны и для благотворительной деятельности Николая Яковлевича Шатрова. А вот то, что он продолжал заниматься благотворительностью и после получения всех возможных званий и наград, показывает, что в течение жизни Николай Яковлевич понял и принял самую сущность истинной благотворительности – безвозмездную помощь нуждающимся людям, помощь по зову сердца. И именно это, а не пожертвованные им в разное время сотни тысяч рублей, подаренные здания и заслуженные титулы и награды, и позволяет поставить скромную фамилию Николая Яковлевича Шатрова в число крупнейших российских купцов-благотворителей.

Библиографический список

1. Благотворительные учреждения России. – СПб., 1912.
2. ГАУО. – Ф. 187. – Оп. 2. – Д. 243.
3. Гузенко Е.С., Кочepasова Т.Ю. Крупнейший симбирский промышленник, купец и меценат Николай Яковлевич Шатров» // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. – Вып. III. – Ульяновск, 1996.
4. Ефимов Ю.Д. Культурная жизнь и досуг Симбирска в 1914-1917 гг. – Б.м., б.г.
5. Журнал симбирской Городской Думы. – 1904. – № 18.
6. Мартынов П.Л. Симбирск. Сборник исторических сведений. – Ульяновск, 2008.
7. Материалы по народному образованию 1908 г. Книга 10. Отчет Исполнительной Комиссии по управлению Симбирским Городским детским приютом за 1910 год. – Б.м., б.г.
8. Отчет о состоянии и деятельности Святодуховского Братства при Симбирской Чувашской учительской школе за 1910 год. – Симбирск, 1911.
9. Питернова В. Купец, помощник просветителя // Советская Чувашия. – 2008. – 26 апреля // <http://www.sovch.chuvashia.com>.
10. Симбирские Епархиальные Ведомости. – 1904. – 15 мая (№ 10).
11. Симбирский городской вестник. – 1913. – № 9.
12. Точеные Н. и Д. Он способствовал процветанию города // Вестник. – 1998. – 6 января.

Е.Е. ДРОЗДОВА

Тульский государственный музей оружия

ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КУПЕЧЕСТВА

Превращение Тулы в крупный промышленный центр происходило во многом благодаря деятельности предпринимателей из числа казенных оружейников. Им принадлежали многие фабрики, основная часть которых занималась металлообработкой: изготовлением оружия, самоваров, скобяно-замочных изделий и т.д. [1]. В связи с этим представляет интерес выявление условий, способствовавших развитию частного предпринимательства в среде работников Тульского оружейного завода.

Становление центра государственной оружейной промышленности в Туле привело к появлению особого сословия тульских оружейников, численному приращению которого были призваны способствовать установленные для мастеров многочисленные льготы. Традиция наделяния оружейников правами и привилегиями восходит к временам царствования Федора Иоанновича, когда были предприняты первые крупные шаги в направлении организации государственного оружейного дела. Вначале за предоставленные льготы оружейники должны были сдавать по два ружья с человека в год, и лишь позднее им начали выплачивать вознаграждение за каждое ружье.

Число привилегий тульских оружейников с годами росло. Их освободили от наряда нахождения при войсках и в походах, запретили отлучать от жилищ без их согласия [2]. Казенные кузнецы были избавлены от постоя и городских повинностей, могли производить мелочную торговлю и промыслы в местах жительства [3].

Предоставляя оружейникам возможность выполнения частных работ, государство сокращало расходы на их содержание. Они не только имели право распоряжаться собственными изделиями по своему усмотрению, но даже приобретать металл на эти цели по льготным ценам. Позднее им было позволено заводить частные фабрики, переходить в купечество [4].

Предоставление права выхода из оружейного сословия явилось следствием обозначившейся в XVIII в. избыточной численности казенных мастеров, из которых далеко не все выполняли казенную работу. Многие из них, пользуясь положенными оружейникам льготами, не знали оружейного дела, зарабатывая торговлей и промыслами [5].

Условием выхода в купечество являлось зачисление вместо себя в казенные оружейники другого мастера. С этой целью оружейники покупали кре-

постных и обучали их на собственные средства. Однако в 1760 г. покупка крепостных оружейникам была запрещена.

В середине XVIII в. некоторые оружейники Тулы владели мастерскими, при которых содержали от 50 до 100 вольнонаемных работников. Заводская администрация поощряла деятельность таких предпринимателей, отмечая, что те поддерживают свои заведения в порядке, постоянно совершенствуют оборудование, обучают персонал, чем приносят ощутимую пользу местному оружейному делу [6].

В начале XIX в. изготовлением оружия было занято менее половины приписанных к заводу оружейников [7]. Остальные занимались сторонними промыслами и ремеслами и выступали в качестве самостоятельных товаропроизводителей. Для получения временного паспорта, позволявшего находиться в отъезде по торговым делам, они должны были сдать в год по 12 ружей, которые приобретали у других оружейников [8]. В результате казна не несла убытков, и работники завода, не участвовавшие лично в изготовлении оружия, не преследовались. Напротив, правительство рассматривало зажиточную часть оружейников как лучшую, оказывавшую положительное влияние на общество оружейников в целом [9].

Исследователем проблемы организации тульского оружейного производства Н.Ф. Трутневой установлено, что в 40-60-х гг. XIX в. местные казенные оружейники владели 50 фабриками, 24 из которых специализировались на слесарных работах. Их продукцией были оконные приборы, замки всех размеров, винты, а также холодное оружие и пистолеты.

Пятеро из владельцев слесарных фабрик претендовали на выход в купечество. Самой крупной из них в середине 50-х гг. XIX в. была фабрика Егора Матвеевича Ефимова, при которой числились 31 мастер и 8 учеников. Свои изделия Е.М. Ефимов продавал в Туле, Риге, Петербурге, на Макарьевской ярмарке. В 1860 г. владельцем крупнейшей слесарной фабрики был Семен Яковлевич Теплов. У него трудились 130 мастеров и 80 учеников.

Крупнейшими из самоварных фабрик в этот период были фабрики Ивана Григорьевича Боташова, где были заняты 130 мастеров и 175 учеников, и Якова Алексеевича и Максима Васильевича Лялиных на 120 мастеров и 60 учеников.

Гораздо менее значимо в списке фабрик, принадлежавших тульским оружейникам, представлены гармонные, столярные, каретные и чугунолитейные заведения, поскольку число работников в них не превышало 15 человек [10]. Однако большая часть фабрик в начале 60-х гг., а именно около 40, могут быть отнесены к достаточно крупным [11].

После освобождения в 1864 г. мастеров Тульского оружейного завода от обязательного труда владельцы фабрик были переписаны в купцы. Наиболее известной из тульских частных оружейных фабрик второй половины XIX

в. была фабрика Н.И. Гольтякова. Работы на этой фабрике были в значительной мере механизированы. Численность работавших составляла 112 человек.

Известность Н.И. Гольтякову принесли штучные ружья, которые «по системам суть последнее слово охотничье-ружейной техники, по исполнению же – художественные произведения». На выставке охотничьего оружия, устроенной Императорским Русским Техническим Обществом в 1886 г., богато украшенное ружье Н.И. Гольтякова оказалось самым дорогим и было продано за 1 500 руб. [12].

Н.И. Гольтяков активно занимался изобретательством. Так, в 1864 г. он предложил револьвер, который был признан оружейной комиссией Главного артиллерийского управления за его простоту и прочность одним из лучших [13]. В 1867 г. револьвер Гольтякова был рекомендован армейским офицерам, которые могли приобретать данную модель непосредственно у самого изобретателя [14]. Цена револьвера составляла 15 руб., что было на 50 коп. меньше цены двух других рекомендованных тогда же револьверов – систем Ремингтона и Стера [15]. Впоследствии Гольтяков вновь обратился к усовершенствованию револьвера, взяв за основу модель Галана, применявшуюся в российском флоте. В 80-е гг. он поставлял такие револьверы для морского ведомства [16].

Исходя из вышесказанного, следует различать среди представителей купечества, вышедших из казенных тульских оружейников, рядовых предпринимателей и выдающихся мастеров, продолжавших совершенствоваться в своей профессии. Лучшие из них были удостоены звания придворного мастера. Так, тульскому оружейнику Ивану Рудакову в 1862 г. было высочайше разрешено именовать себя «мастером Ее императорского Величества Государыни Императрицы» и иметь на вывеске изображение государственного герба [17].

Обычно присвоение подобного звания являлось следствием высокой оценки царствующей особой изделий того или иного искусного мастера. Так, оружейники Гольтяковы – Иван Михайлович, Иван Петрович и Николай Иванович получили звание придворных мастеров за изготовленные по заказу вел. кн. Николая Николаевича и Михаила Николаевича двух охотничьих ружей и двух ножей [18].

Фабрики купцов-оружейников, благодаря высокому мастерству их владельцев, способствовали распространению передового опыта работы с металлом. Дело в том, что статистические данные о численности работников на фабриках бывших оружейников не всегда точно отражают количественный состав мастеровых, участвовавших в производственном процессе. Особенно это касается предприятий по производству охотничьего оружия, имевших широкую возможность привлечения кустарей для выполнения отдельных операций технологической цепочки [19].

Учитывая, что в периоды интенсификации работ на Тульском оружейном заводе кустари являлись стабильным источником комплектования штата этого предприятия, следует признать, что значительная часть тульского купечества, сформировавшаяся в результате развития предпринимательской деятельности тульских казенных оружейников, оказывала существенное влияние на уровень квалификации работников государственной оружейной промышленности, способствуя, таким образом, укреплению военной мощи России.

Библиографический список

1. Фомин Н.К. Материалы по истории промышленности тульского края за период с 1719 по 1930 г. в фондах государственного архива Тульской области // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. И.Н. Юркин. – Тула: РАРУС, 1994. – С. 60.
2. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 2. – Д. 2а. – Л. 26.
3. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1732. – Л. 13-14.
4. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. – М., 1850. – С. 236-237.
5. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1732. – Л. 16, 17, 68 об.
6. Зыбин С.А. История Императорского Тульского оружейного завода // Оружейный сб. – 1900. – № 1. – Отд. 1. – С. 32.
7. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1435. – Л. 4; Д. 545. – Л. 5; Д. 584. – Л. 30; Д. 5517. – Л. 6; Д. 1392. – Л. 191.
8. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1845. – Л. 1, 5, 6, 82.
9. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 4.
10. Трутнева Н.Ф. Тульские оружейники – владельцы «заводов и фабрик» в г. Туле в 40-60 гг. XIX в. // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае: сб. ст. / Сост. и науч. ред. И.Н. Юркин. – Тула: РАРУС, 1994. – С. 52-59.
11. Оружейные заводы в России // Военный сб. – 1861. – № 9. – Отд. 2. – С. 134.
12. Чижиков Н. Хроника ружейного охотника. № 11. Отчет о выставке охотничьего оружия, устроенной Императорским Русским Техническим Обществом в 1886 г. // Оружейный сб. – 1886. – № 3. – Отд. 3. – С. 24, 28.
13. О револьвере тульского оружейника Гольякова // Оружейный сб. – 1864. – № 4. – С. 6.
14. О предложении офицерам револьверов Гольякова и Стера: Циркуляр Главного штаба от 26 октября № 256 // Оружейный сб. – 1867. – № 1. – С. 10-12.
15. Условия относительно продажи офицерам револьверов // Оружейный сб. –

1867. – № 1. – Отд. 3. – С. 13-15.
16. О рассмотрении докладной записки приемщика пистолетов в Туле поручика Кулакова по поводу представленных мастером Гольяковым пистолетов–револьверов для сдачи в Морское ведомство // Оружейный сб. – 1880. – № 4. – С. 11, 21.
17. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1700. – Л. 2.
18. ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 5774. – Л. 1.
19. Петухов А. Тула. Год 1913-й // Тульский краевед. альманах. – Вып. 5. – 2007. – С. 75.

Н.Н. ЗАКИРОВА (ГУЩИНА)

Глазовский государственный педагогический институт

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ХРОНИКИ **СОВРЕМЕННОЙ ВЯТСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

*Идеи, зарождающиеся в столицах,
Проникают в провинцию, откладываются здесь,
Накапливаются, растут и часто затем питают
Самые центры этой живой, сохранившейся силой...*

В. Короленко

Получившая с 1780 г. статус губернского центра Вятка, как и многие города была местом политической ссылки, забытой Богом провинцией. Сегодня эти места между Волгой и Уралом – Приволжский Федеральный округ. Бывшие вятские уездные города Глазов и Елабуга теперь в составе Удмуртии и Татарстана, а Киров – один из культурных и научных областных центров Волго-Вятского региона.

Шалапинское и Пушкинское общества, плодотворное изучение вятских страниц жизни и творчества А. Герцена, М. Салтыкова-Щедрина, А. Грина, В. Короленко, А. Чехова, Ф. Шалапина, В. и А. Васнецовых, К. Циолковского, Н. Клюева, Я. Райниса... Масса вузов, россыпь музеев, выставочных залов, театры и библиотеки, храмы, памятники, «Вятская речь», «Герценка», «Сквозь границы», «Вятский край» и другие периодические серийные издания и СМИ – всё это духовное достояние не только кировчан.

Одним из главных очагов культуры нашего края издавна является Кировская Ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека им. А.И. Герцена. Возраст служения Герценки на благо духовного просвещения сограждан – 170 лет! В числе последних важных событий в истории этого храма книги – Всероссийская научная конференция «Библиотека как культурно-исторический объект: традиции и тенденции развития, социальные функции», Шалапинская конференция «Судьба и творчество Шалапина: уроки и перспективы изучения», «IX Петряевские чтения», заседания клубов, презентации и «премьеры» таких новых книг, как «Герценка», «Фёдор Шалапин: «Вот тебе и вятский мужичонко...», «Девятые Петряевские чтения», работ В.К. Семибрата «Книжность как феномен культуры», «История сквозь призму биографий», «Калина из Медового Ключа», «Этюды об Александре Грине» и др.

В Кирове не одно сообщество знатоков и любителей истории родного края: областное краеведческое объединение «Вятка», клубы «Вятские книголюбы» имени Е.Д. Петряева, «Краеведческий четверг», Прозоровское культурно-просветительное общество. Блистательная плеяда вятских краеведов: П.Н. Луппов, Г.Ф. Чудова, В.Г. Шумихин, В.Д. Сергеев, Н.П. Изергина. В ряду современных исследователей истории и культуры земли Вятской Т.К. Николаева, В.К. Семибратов, А.А. Сухих, Н.П. Гурьянова, А.Л. Рашковский, М.С. Судовиков, В.А. Поздеев, А.Л. Мусихин, В.Б. Помелов и многие другие. Плодом общих усилий кировчан стала уникальная многотомная «Энциклопедия земли Вятской».

Периодически раз в три года Киров становится центром российского краеведения, привлекающего в стены Герценки именем Е.Д. Петряева.

Евгений Дмитриевич Петряев (1913-1987 гг.) был одним из создателей в Кирове музеев М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.С. Грина, стоит у истоков изучения судеб многих писателей в региональном аспекте. Его работы об истории и культуре провинции «Люди, рукописи, книги», «Вятские книголюбы», «Живая память» стали классикой отечественного краеведения. На ряд открытий Е.Д. Петряева ссылается ведущий стaxeевед – Н.М. Валеев.

Один из создателей Организации российских библиофилов О.Г. Ласунский по праву назвал столицу Вятского края Петряев-градом. Историки и филологи, культурологи, библиотекари, педагоги, священники, маститые учёные а также студенты и даже школьники не только из Кирова и Кировской области, но и из Татарии, Перми, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода стали участниками традиционных Петряевских чтений, прошедших в мае 2008 г. Удмуртия была представлена на этом краеведческом форуме преподавателями ГГПИ (Л.А. Волковой, Н.Н. Гушиной, О.Н. Леконцевым), сотрудниками глазовских библиотек (Е.Н. Мишиной, О.В. Чирковой, В.С. Шудеговой) и ижевским исследователем А.В. Коробейниковым.

С юбилеем выдающегося деятеля отечественного краеведения, книголюба совпала и XVIII ежегодная встреча членов Организации российских библиофилов. В ней приняли участие более шестидесяти любителей книги, в том числе гости из Вологды, Воронежа, Иванова, Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Челябинска, Киева, Одессы, Риги, Иерусалима. Из вышедших к началу конференции сборников и из докладов все участники столь представительного собрания узнали о глазовчанах: о разных поколениях читателей библиотеки имени В.Г.Короленко, об удмуртском поэте Ф.И. Васильеве, о фольклористе, радищевоведе, краеведе из ГГПИ А.Г. Татаринцеве, глазовском единомышленнике Е.Д. Петряева.

Участники конференции стали свидетелями рождения новых понятий и определений, торжественного вручения «за многолетнюю и самоотверженную работу во имя и славу Книги» памятных медалей Международного союза книголюбов «Иван Фёдоров». В числе награждённых по праву оказался и

культуролог, краевед, В.К. Семибратов, издавший к началу конференции первый выпуск иллюстрированного альманаха «Вятский библиофил» и брошюру «Библиофил, писатель, краевед: К 95-летию со дня рождения Е.Д. Петряева».

Все желающие имели возможность участвовать в дискуссиях, посетить выставки, побывать на экскурсиях по музеям города на Вятке и в Слободском. Бойко шёл книгообмен, интерес вызвали ижевские издания профессора Н.В. Витрука, электронные сборники А.В. Коробейникова, книги из Глазова. На аукционе в Герценке был выставлен автограф самого А. Грина!

Представленный калейдоскоп лишь части недавних ирловских событий – яркий пример того, как провинциальный город, бережно и с почтением относящийся к своим культурным традициям, может по-настоящему достойно представлять себя на российской и международной интеллектуальной арене.

В прошлом заштатный город, а ныне индустриальный Глазов тоже славен своими научными и культурными достижениями. Их своеобразным смотром являются традиционные научные конференции: Татаринцевские, Есиповские, Короленковские чтения, в которых, кстати, участвовали и наши елабужские коллеги.

Одним из главных событий последнего международного короленковского форума в сентябре 2008 г. стали выступления на митинге у памятника В.Г. Короленко, доклад на пленарном заседании московского профессора Н.В. Витрука, а также обсуждение его книги «Этнокультура: русско-удмуртские связи» (Ижевск, 2007). Определённое место занимают в этой работе «глазовские моменты»: короленковские и театральные традиции, достижения учёных, творчество талантливых выпускников ГГПИ. Глазовские источники активно фигурируют в библиографических списках «Этнокультурь».

Отзываясь об актуальности проблематики последней короленковской конференции, Н.В. Витрук написал: «Мне очень понравилась общая тема конференции: «Культура провинции: история и современность». По моему глубокому убеждению, подлинная национальная культура бытует и развивается в настоящее время не в мегаполисах, а именно в провинции».

Красноречивое тому подтверждение – богатая событиями культурная и плодотворная научная жизнь Елабуги. Музеи, памятники, конференции, фестивали, великолепные издания наследия Н.А. Дуровой, Д.И. Стахеева, К.И. Невоструева, М.И. Цветаевой и, конечно, традиционные международные Стахеевские чтения – неоспоримые достижения местных исследователей истории, литературы, культурологи, лингвистики и краеведения – являются всем малым городам России яркий пример того, что уважение к традициям и проявление истинной любви к Отечеству – это очень важная, почётная и интересная работа.

Символично звучат сегодня словно сказанные о нашем крае пророческие слова академика Д.С. Лихачева: «Краеведение может стать в той или иной местности самым массовым видом науки».

Л.А. КОТЛОВА

Елабужский государственный педагогический университет

ШЕВСКАЯ ПОМОЩЬ ШКОЛЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ **(1917-1941 ГГ.)**

Традиции благотворительности в России имеют глубокие исторические корни. Функционирование социальной и духовной сферы российского общества в разные исторические периоды неразрывно связано с благородными примерами пожертвований в отечественное образование [1, с. 39].

В годы советской власти благотворительность как социальное и нравственное явление приобрела свои специфические особенности и олование. По мере укрепления марксистско – ленинской идеологии и складывания государственной системы образования, все принципиальные решения, связанные с жизнедеятельностью школы исходили, главным образом, от партийно-правительственных органов, которым практически принадлежала монополия на инициативу.

В этих условиях любая самостоятельная частная инициатива в принципе не была возможна в системе существовавших в то время жестких идеологических установок и штампов и не приветствовалась государством. Термин «благотворительность» рассматривался в общественном педагогическом сознании как пережиток буржуазного прошлого и не применялся в теории и практике советской школы и педагогики. В партийно-правительственных документах о школе рассматриваемого периода этот термин не употреблялся совсем. В наиболее полном собрании документов – сборнике «Народное образование в СССР. 1917-1973 гг.», в котором систематизированы основные решения в области школьного дела советского периода, данный термин отсутствует [2].

Вместе с тем, само явление, получившее определение «шефство» связанное с оказанием всесторонней помощи школе, по мере упрочения советской власти приобретая новые направления, содержание и формы, выходило далеко за рамки финансовой поддержки школьного образования. В словаре С.И. Ожегова шефство понимается как «общественная деятельность по оказанию культурной, политической и иной помощи» [9, с. 731]. Опыт взаимодействия школы и общественности в СССР, в известной степени, является поучительным и требует изучения и распространения в практике предпринимательского сообщества в современной России.

Октябрьская революция 1917 года привела к коренным социально-политическим изменениям в России и стала исходной точкой разворачиваю-

щейся в стране « педагогической революции». Уже в первых директивах молодого Советского государства была сформулирована идея всенародной ответственности за воспитание молодого поколения, которая становится важнейшим императивом во взаимодействии школы и общества на протяжении почти всего XX века [2, с. 279].

Специальным декретом большевиков в декабре 1917 года все дети Советской России признавались «детьми республики», а забота о них провозглашалась прямой обязанностью пролетарского государства. «Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения» и « борьба за здоровую смену» должны были стать «повседневной заботой Советов и всех органов пролетарского государства: профсоюзов, комсомола... всех общественных организаций и всей общественности в целом» [2, с. 18].

Отличительной чертой функционирования советской единой трудовой школы в рассматриваемый период становится ее тесная связь с общественными институтами. Первые решения большевиков нацеливали местные партийные организации и советы депутатов трудящихся на оказание школе широкой всесторонней поддержки. Партия, выстраивая единую государственную систему народного образования, взяла на себя главную миссию организации помощи школе.

В условиях резкого обнищания населения в результате Гражданской войны и иностранной интервенции, общего хозяйственного и продовольственного кризиса частные пожертвования школе, принятые в Российской империи, стали практически невозможны. «Мы без денег, без пищи, без карандашей, без бумаги, – говорил первый нарком просвещения страны А.В. Луначарский, – ведем нашу школьную работу и имеем реальные результаты... Эта заслуга товарищей пролетариев и крестьян, партийных наших товарищей из разной среды, которые на местах ведут эти работы, борются с величайшими трудностями» [3, с. 52]. Включение нужд народного образования в единую систему хозяйственно-политических мероприятий большевиков давало возможность местным органам власти оказывать реальную помощь школе, которая приобретала со временем все более широкий размах.

В первое десятилетие существования Советского государства важной формой связи школы с жизнью и привлечения трудящихся масс к нуждам школы и учителя стали проводимые под руководством партийных организаций и местных советов «недели просвещения» – массовые кампании по оказанию помощи школе, организации пунктов ликбеза, проведению разъяснительной работы среди населения о культурных преобразованиях, предпринимаемых новой властью. В резолюциях областных съездов трудящихся содержались меры по улучшению постановки школьного дела и решению главной на тот период государственной образовательной задачи, связанной с ликвидацией неграмотности взрослого населения и осуществлением всеобщего бес-

платного начального обучения детей в возрасте от 8 до 11 лет [3, с. 52]. «В наследство нашей стране осталась почти поголовная неграмотность населения, особенно в деревне», – справедливо указывалось в одном из постановлений партии [2, с. 39]. По переписи 1897 года среди людей в возрасте от 9 до 49 лет грамотные составляли всего 28,4 %. Около 4/5 детей в России не могли посещать даже начальную школу [4, с. 92].

Во многих районах страны положение школы вследствие хозяйственной разрухи оставалось чрезвычайно тяжелым. В целях создания минимально сносных условий для занятий требовалась активная помощь широких масс трудящихся, рабочих и крестьян, всех общественных организаций. Сотрудничество педагогов и общественных сил должно было лечь в основу работы по созданию новой системы народного образования. В стране при активном содействии общественности начинают функционировать школы-коммуны, школы-клубы, школы грамоты, школы для взрослых повышенного типа, сыгравшие важную роль в повышении культурного уровня народа.

Благодаря активному участию широкой общественности в строительстве новой школы, сеть начальных школ к 1920/21 учебному году увеличилась до 113 944, а число учащихся в них достигло 9 млн. 179 тыс. Количество средних школ увеличилось по сравнению с 1914/15 учебным годом более чем в два раза и достигло 4 163 [3, с. 52].

В начале 1920-х годов по инициативе комсомола открываются школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской молодежи (ШКМ). К 1930 году сеть школ ШКМ состояла из 1 500 школ и охватывала 110 тыс. учащихся. Из этой среды впоследствии вышли представители первой советской технической и сельской интеллигенции [5, с. 243].

Большую роль в «ликбезовской» работе играли массовые организации, в том числе общество «Долой неграмотность», созданное в 1923 году. В 1924 году в целях привлечения широкой общественности к делу охраны детства, к борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и организации внешкольной работы с детьми было создано добровольное общество «Друг детей» [5, с. 12-13]. В школах получают распространение производственно-технические экскурсии, рассматриваемые как новый метод обучения и подготовки учащихся к жизни.

В 1930-е годы организационные формы взаимодействия школы, промышленных предприятий, семьи и общественности становятся многообразнее и отличаются динамичностью. В 1930 году после Всероссийского политехнического съезда началось прикрепление школ к предприятиям. В 1931 году была проведена массовая политическая кампания по заключению договоров о сотрудничестве школ с предприятиями, колхозами и совхозами. Производственные коллективы получили право передавать в школы, непригодные для использования на предприятии, но пригодные для мастерских и

рабочих комнат станки, инструменты и отходы материалов (брак, лом, лоскут), что способствовало укреплению материально-технической базы школ. Для реализации задач политехнического обучения и изучения производства привлекались квалифицированные специалисты и рабочие. В отдельных школах вводилась должность директора по производственному обучению, работу которого оплачивали предприятия – шефы [5, с. 222-223].

Увеличилось количество школьных рабочих комнат и мастерских. К примеру, в РСФСР к 1933 году в 70 % городских школ были созданы по 2 мастерские, в основном, столярные и слесарные [3, с. 300]. Учащиеся средних и старших классов ряда школ проходили производственную практику на подшефных предприятиях, в колхозах и совхозах, где для этого выделялись специальные рабочие места. Они знакомились с оборудованием, с организацией труда в различных подразделениях производства. В сельской местности работали агрономические, зоотехнические, метеорологические кружки. Школьники учились водить трактора и управлять комбайнами.

На местах, при комитетах бедноты, создавались комиссии помощи школе и секции культпросвета по работе с детьми при сельсоветах и горсоветах. Между коллективами предприятий развернулось социалистическое соревнование по привлечению населения к проведению воспитательной работы в микрорайонах. Внимание общественности было сосредоточено не только на финансовой поддержке школ, но и деятельном участии в воспитательной работе школ.

К 1932 году задача осуществления всеобщего обязательного начального обучения, которым было охвачено 98 % детей, была решена. К финансированию всеобщего обучения помимо бюджетных ассигнований, привлекались хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации, а также инициатива широких масс (специальных отчислений, поступление от культурных гектаров коллективных запасек, помощи шефов, бесплатного трудового участия и т.д.) [2, с. 110]. Большую роль сыграли при этом комитеты содействия всеобучу, созданные при городских и сельских советах. Активное участие принимали профсоюзы, ежегодно отчислявшие на нужды всеобуча до 15 % своих фондов. Колхозы и совхозы страны ассигновали из культфондов на нужды всеобуча не менее 10 % из общих доходов.

В Елабужском районе, к примеру, по состоянию на 1933/1934 учебный год сельские школы района получили от колхозов и совхозов средства в объеме 14 тыс. 733 руб. В то время как совокупный бюджет районных сельских школ составил 582 тыс. 487 руб. [8, с. 2].

В середине 1930-х годов в стране складывается система внешкольной воспитательной работы с учащимися. В связи с этим внимание общественности было также сосредоточено на создании условий для ее нормального функционирования. В стране открываются первые внешкольные учреждения для учащихся – Дома и Дворцы пионеров. В Москве, к примеру, он был от-

крыт по инициативе Общества старых большевиков. В них, что немаловажно, на бесплатной основе, проводилась кружковая и студийная работа с постоянным составом школьников, массовые мероприятия и спортивные состязания. На местах создавались детские технические станции, большую помощь которым оказывали специалисты Всесоюзного общества изобретателей. Созданный в 1935 году Центральный дом вожатых при ЦК ВЛКСМ готовил кадры для работы с октябрятами и пионерами. К работе с детьми активно привлекалось студенчество, передовая трудящаяся молодежь промышленных предприятий, колхозов и совхозов.

В 1939 году в стране была решена важнейшая на тот период социально-политическая задача. Была практически ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, успешно решались проблемы обучения детей школьного возраста. Окрепла материальная база школьного образования. Сложилась новая система школьного воспитания, впитавшая в себя во всем своем противоречии, не только партийно-идеологические догмы, но и вековые культурные ценности народной педагогики. Эти преобразования были невозможны без заинтересованного участия в деле народного образования широких слоев населения.

Библиографический список

1. Валева Н.Г. Елабужское земство и Россия: гуманно-просветительская деятельность Елабужского земства (1867-1917) / Предисл. И.Р. Гафурова. – М., 2002.; Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых. – Елабуга, 2007.
2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917-1973. – М., 1974.
3. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР / Отв. ред. Н.П. Кузин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкин. – М., 1980.
4. Паначин Ф.Г. Школа и общественный прогресс. – М., 1983.
5. Философия образования: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.Н. Кочергин. – М., 1996.
6. Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921-1931 / Под ред. Ф.Ф. Королева, В.З. Смирнова. – М., 1961.
7. Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. – Т. 3. – М., 2002.
8. Елабужский городской архив. – Ф. 9. – Оп. 1. – Отчет по школам всеобщего обучения к концу 1933/34 учебного года. – Л. 2.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереот. – М., 1981.

Л.А. КОТЛОВА, А.А. ЕВСТАФЬЕВА

Елабужский государственный педагогический университет

СОЮЗ ШКОЛЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ В СССР (1970-1980-Е ГГ.)

Модернизация современного российского школьного образования настоятельно диктует необходимость усиления роли общественности и бизнеса в воспитании подрастающего поколения, одним из направлений которого должно стать трудовое воспитание. Сложившаяся социальная реальность наглядно показывает, что значимость и престиж труда резко упали в глазах молодежи. Вместе с тем, трудовые умения и навыки, к которым приучают с детства, всегда рассматривались в теории и практике отечественной школы как средство развития таких важных качеств личности, как ответственность, стремление к достижению цели, терпение, уважение к труду другого человека. Значительная часть молодежи стремится получить высшее образование, прилагая в свою очередь минимум усилий для этого. Падает престиж среднего и начального профессионального образования. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение опыта организации трудового воспитания в совместной деятельности отечественной школы и общественности в последние десятилетия прошлого века.

Период 1970-1980-годов характеризовался известными сдвигами в области трудового воспитания школьников. Был приобретен определенный опыт создания материальной базы, планирования и осуществления подготовки учащихся по ряду производственных специальностей. Школа рассматривалась как учреждение, готовящее не только к поступлению в вуз, но и к работе в сфере общественного производства. Работа педагогических коллективов все больше оценивалась по тому, насколько учащиеся психологически и практически подготовлены к труду в сфере производства, что они знают об организации труда в промышленности и сельском хозяйстве.

В 1970-е годы партийно-правительственные документы по вопросам школьного образования отразили наиболее важные тенденции трудового воспитания, подчеркивали необходимость дальнейшего развития школы как общеобразовательной, трудовой, политехнической, нацеливали на улучшение ее работы по профессиональной ориентации учащихся с учетом склонностей молодежи и потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах. Перспективные задачи школы в области трудового обучения и воспитания учащихся были сформулированы и в основных нормативных документах: «Уставе средней общеобразовательной школы» (1970), «Основах законода-

тельства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» (1973). В них подчеркивалась необходимость подготовки учащихся «к жизни, сознательному выбору профессии, активной трудовой и общественной деятельности» [2, с. 228].

Рассматривая проблему трудового воспитания во всей сложности взаимосвязей с другими сторонами развития школьника – умственным, нравственным, физическим, эстетическим, видный советский педагог В.А. Сухомлинский сформулировал такие основные принципы системы трудового воспитания: раннее включение учащихся в доступный их возрасту производительный труд; сознательное отношение к труду; обеспечение его общественно полезной направленности; безвозмездность, бескорыстие труда; систематичность, непрерывность труда, его разносторонность; максимальное приближение труда детей к труду взрослых; творческий характер труда; преемственность, посильность. Ведущим и определяющим принципом системы трудового воспитания, по его мнению, является «всеобщий характер физического производительного труда» [3, с. 3].

Важным направлением совершенствования трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся старших классов стало создание в 1974 году межшкольных УПК, учебных цехов и участков на предприятиях. Постановление Совета Министров СССР «Об организации межшкольных учебно-производственных комбинатов трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся» (1974) открыло широкую дорогу этой перспективной форме производительного труда школьников [1, с. 205].

Проявлением внимания государства к проблемам трудового воспитания и обучения стало открытие в 1975 году в Елабужском госпединституте факультета общетехнических дисциплин, готовившего специалистов с педагогическим и техническим образованием.

Во второй половине 1970-х гг. число УПК и учебных цехов неуклонно росло, они получали все большее признание. Совместными усилиями органов народного образования, предприятий, общественных организаций УПК были созданы в крупных городах страны. В 1975/76 учебном году в стране их насчитывалось 237 (77 из них на селе), они обслуживали 2 495 средних школ [1, с. 206].

Школьные уроки труда приобретали все большее значение, как средство формирования знаний о современном производстве и общетрудовых навыков учащихся. Школьная практика убеждала, что правильно организованный, связанный с учебным процессом общественно полезный труд школьников в учебных мастерских становился действенным средством повышения образовательного и воспитательного уровня трудового обучения, усиления профориентации школьников. К 1985 году в школьных учебно-производственных мастерских по различным специальностям, в зависимости от местных усло-

вий, обучались 1 млн. 905 тыс. школьников, или 41,8 % старшекласников. На занятиях в школьных мастерских учащимся давалось представление об основах большинства производств машиностроения и металлообработки, почти обо всех отраслях деревообрабатывающей промышленности, о десятках наиболее распространенных профессий [1, с. 208].

В школах № 4 и 5 города Елабуги были созданы современные для того времени кабинеты по трудовому обучению. Приобретался новый инвентарь и оборудование. К примеру, в 1982 году было приобретено инвентаря на сумму более 10 тыс. руб. [4, л. 22]. Улучшался кадровый состав учителей трудового обучения. Преподавание трудового обучения в елабужских общеобразовательных и специальных школах вели 12 учителей, из них 5 имели высшее образование, 7 – среднее специальное. Во всех школах города были оборудованы кабинеты обслуживающего труда, учебные мастерские по дереву и металлообработке. Укреплялась их материально-техническая база [4, л. 32].

В 1982/83 учебном году преподавание уроков труда в школах Елабуги вели 11 учителей. В УПК работало 13 мастеров и 4 преподавателя. В школах города трудились настоящие мастера трудового обучения: Маргарита Михайловна Дмитриева, Лидия Федоровна Гурьева, Алефтина Михайловна Злобнова, Сергей Васильевич Юшков, Александр Иванович Ларионов. Работа по трудовому воспитанию продолжалась и в период летних каникул, в загородных и пришкольных лагерях, где дети участвовали в сборе макулатуры, лекарственных трав, благоустраивали и содержали в чистоте территорию пионерских лагерей.

К началу 1980-х годов деятельность межшкольных УПК приобретает все более широкий размах. В стране действовало уже 2 003 межшкольных УПК, в которых обучались около 1,8 млн., или 33,3 % учащихся старших классов. В большинстве УПК подготовка велась по 8-10 профилям. В 1985 году в стране насчитывалось более 2 700 УПК, в которых проходили подготовку 2,1 млн. человек, или 44,5 % старшекласников. Анализ профилей подготовки УПК показывает, что 36 % учащихся готовились в них по различным сельскохозяйственным специальностям, 27,4 % – по промышленным, 15,5 % – транспорта и связи, 8 % – торговли и бытового обслуживания [1, с. 206].

Эффективную работу по формированию у старших школьников знаний о современном производстве и практических умений производительного труда проводил и Елабужский УПК. Закрепление в 1986 году за УПК крупнейших базовых предприятий города, в числе которых были арматурный завод, НГДУ «Прикамнефть», ЕУТТ, АТХ –17, швейная фабрика, трест «Тракторозаводстрой», способствовало улучшению условий для организации трудового обучения и воспитания городских старшекласников на основе производительного труда. Было закуплено новое современное оборудование и технические средства обучения: киноаппараты «Украина» и «Школьник», диапроек-

тор ЛЭТИ, магнитофон, проигрыватель, эпидиаскоп, фотоаппарат, киноаппарат «Радуга», автотренажер [5, л. 7].

В 1989/90 учебном году деятельность Елабужского УПК осуществлялась по следующим профилям трудовой политехнической подготовки: швей-мотористки, шоферы категории «С», токари, продавцы продовольственных товаров, художники-оформители, электромонтеры, штукатуры-маляры, цветоводы-овощеводы, ткачи.

Теоретические занятия проводились в классах УПК, практические – на базовых предприятиях: электромонтеры – в цехах НГДУ, ткачи – в хлопчато-бумажном объединении, продавцы – в магазинах ОРТ, штукатуры-маляры – на объектах РСУ и треста «Жилстрой», токари, швей-мотористки, цветоводы-овощеводы, художники-оформители – в цехах и кабинетах УПК. Летняя производственная практика была организована по всем профессиям на базовых предприятиях города. Бригада штукатуров-маляров и художников-оформителей помогали школам и УПК в ремонте и оформлении зданий и классов. Среди лучших преподавателей и мастеров коллектива были Рубан Н.В., Валиахметов Т.В., Солдаткина Т.А., Говорун А.Н.

В деятельности Елабужского УПК со временем выделились определенные трудности и нерешенные вопросы. Предлагался ограниченный выбор профессий, и поэтому школьники вынуждены были в обязательном порядке овладевать специальностями, которые не отвечали их склонностям. Недоставало учебного оборудования: швейных машин для обучения групп девочек 9 классов, не был оборудован практический класс по профилю штукатур-маляр. Возникали проблемы, продиктованные временем: «второй год не обеспечивает рабочими местами для общественно полезного производительного труда старшеклассников трест «Тракторозаводстрой», большие трудности с переходом предприятий на хозяйственный расчет и обеспечением рабочими местами учащихся школьников» [5, с. 8].

Распространенной формой трудового воспитания, профориентации и организации производительного труда старшеклассников стали летние лагеря труда и отдыха (ЛТО). К 1983 году в стране насчитывалось более 26 тыс. стационарных лагерей труда и отдыха, которыми были охвачены 3 млн. 153 тыс. учащихся. Значительно расширилась сфера деятельности в сельских ЛТО: появились лагеря животноводческого профиля, по ремонту сельскохозяйственной техники [1, с. 214]. Обеспечивая участие школьников в производительном труде, ЛТО решали задачи воспитания у них позитивного отношения к труду, развития общественной активности, формирования трудовых умений и навыков, подготовки к сознательному выбору профессии и активному труду на производстве. Их деятельность строилась по принципу соревнования между коллективами учащихся. Основное внимание уделялось качеству работы, культуре труда, строгому соблюдению дисциплины и техники безопасно-

сти, спортивной деятельности, организации культурно-массовой и спортивной работы.

Распространение получают ученические производственные бригады, закрепленные за колхозами и совхозами. Особый размах данное движение получило на Ставрополе. В Елабуге в ряде школ также действовали ученические производственные бригады. Школа № 1 была закреплена за колхозом «им. Бехтерева», школы № 5 и 6 за совхозами «Радуга» и «Елабужский», школы № 2, 3, 4 – за совхозом «Танайка». Учащиеся выращивали свеклу, лук, заготавливали корма для общественного животноводства, ухаживали за животными в совхозах [6, л. 24].

Важнейшим направлением трудового воспитания школьников стало детское техническое творчество и сельскохозяйственное опытничество. Все елабужские школы имели пришкольные участки. Лучшими из них были признаны пришкольные участки в школах № 1, 2, 5 (заведующие Серебрякова Людмила Васильевна, Шведчикова Елена Антоновна, Бричко Татьяна Федоровна). Учащиеся 4-6 классов на пришкольных учебно-опытных участках проводили опытническую работу, занимались сельскохозяйственным трудом [6, л. 26].

Школьники охотно занимались в различных видах кружков юных техников и натуралистов. В их работе появились новые направления (радиоэлектроника, автоматика, кибернетика, ракетомоделирование). Вместе с тем, хотя деятельность кружков юных техников и натуралистов приобрела общественно полезный характер, она не всегда была связана с наукой, с творческими поисками, с потребностями производства, недостаточно способствовала формированию у школьников профессиональных интересов. В Елабуге деятельность кружков данного профиля не получила широко распространения ввиду слабой материальной базы и недостатка кадров.

Таким образом, опыт передовых школ страны убеждает в том, что продуманная система трудовой подготовки школьников характеризуется комплексом усложняющихся видов деятельности, которые, постоянно взаимодействуя между собой, в то же время органически связаны со всем учебно-воспитательным процессом.

Библиографический список

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961-1986) / Под ред. Ф.Г. Паначина и др. – М.: Педагогика, 1987. – 416 с.
2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов 1917-1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов и др. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
3. Сухомлинский В. А. О системе трудового воспитания учащихся младшего

и среднего возраста // Советская педагогика. – 1959. – № 7. – С. 3.

4. Городской архив г. Елабуги и Елабужского района. – Ф. 460. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 22.
5. Городской архив г. Елабуги и Елабужского района. – Ф. 460. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 8.
6. Городской архив г. Елабуги и Елабужского района. – Ф. 460. – Оп. 1. – Д. 297. – Л. 26.

Н.П. ЛИГЕНКО

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА: МОТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.

Ярким явлением в истории России предстает благотворительная деятельность, охватившая все слои общества. Конец XIX – начало XX вв. составляет особый этап в развитии благотворительности, отмеченный чувством созидательного энтузиазма и патриотизма. Формы благотворительных организаций, размеры вкладов, сферы их вложений, идейная направленность благодеяний имели непосредственную связь с уровнем развития частных и коллективных капиталов, социальной структурой общества, уровнем культуры и образованности, а также традициями среды.

Сегодня вопросы благотворительности в отечественной историографии приобретают все большую актуальность. Существенный вклад в изучение этой проблемы внесла программа «Энергичные деньги», осуществлявшаяся Санкт-Петербургским отделением Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в сотрудничестве с центром развития некоммерческих организаций. В рамках программы историографией истории благотворительности в России основательно занималась Г.Н. Ульянова, посвятившая ей несколько работ [7, с. 5-20]. Она отмечает, что изучение проблемы началось на рубеже 1980-1990-х гг., когда сложились определенные тенденции и приоритетные направления. В ходе научных дискуссий ученым удалось выработать единый взгляд в отношении отдельных дефиниций. Что же касается проблемы мотивации благотворительности, по крайней мере в региональной научной литературе, обозначены лишь отдельные положения, глубокому системному анализу она не подвергалась.

В данной статье в качестве постановки вопроса намечены лишь отдельные штрихи этой многоаспектной проблемы, требующей междисциплинарного подхода. На наш взгляд, благотворительность имеет емкое содержание, это собирательный термин, он включает в себя меценатство и филантропию как акты благодеяния. Филантропия (греческое слово, в переводе – люблю и человек) в «Большой Советской Энциклопедии» объясняется как помощь

неимушим, благотворительность¹. Таким образом, благотворительность идентифицируется с филантропией. Понятие «меценатство» имеет древнее происхождение, получило название от имени Мецената (родился между 74-76 гг. – VIII в. до н. э.) – римского государственного деятеля, покровителя деятелей науки и искусства². Меценат – человек, покровительствующий развитию искусства, оказывающий ему финансовую поддержку.

Благотворительность типичным явлением общественной жизни региона, как и России в целом, стала во второй половине XIX – начале XX в., ею были охвачены все слои населения. Благотворительность по своему размаху и идейной направленности, в том числе и ее мотиваций, объемам вкладов, формам организаций на протяжении исследуемого периода претерпевает значительные изменения, непосредственно связанные с развитием экономики, социальной структуры общества, его образованности, культуры. Проведенное нами исследование купечества региона позволяет сделать вывод о том, что благотворительная деятельность купечества проходит четыре этапа.

I этап – конец XVIII – 50-е гг. XIX в., в период первоначального накопления капитала, когда купечество только еще шло к большим капиталам, акты благотворительности носили частный характер, были эпизодическим явлением, касались в основном храмоздания и просвещения.

II этап – 60-70-е гг. XIX в. Накопление капиталов, образование торговых домов, возрастание культурного уровня предпринимателя создало почву для организации первых благотворительных комитетов. Наряду с эпизодической, благотворительность приобретает постоянный, планомерный характер. Приоритет в этом направлении принадлежит елабужским купцам. В начале 70-х гг. XIX в. в Елабуге образуется первый «Благотворительный братьев Д.И. и И.И. Стахеевых комитет».

III этап – 80-90-е гг. XIX в. С концентрацией и индустриализацией производства, образованием ассоциированного капитала благотворительность отмечена более крупными вкладами и появлением широкой сети различных благотворительных организаций. В 90-е гг. XIX в. создается «Фонд имени Стахеевых» благотворительность достигает более 1 млн. в год. Елабужским купцом 1-й гильдии Ф.Г. Черновым организуется «Благотворительный Черновский комитет», проценты с капитала которого жертвуются на устройство храмов в инородческих приходах.

IV этап – 1900-1917 гг. – это образование коллективных, обезличенных капиталов в различных его формах, сращивание торгово-промышленного капитала с различными кредитными учреждениями. С созданием стахеевского концерна «Иван Стахеев и К^о» в 1904 г. благотворительная деятельность прикамских купцов приобрела широкие общероссийские масштабы – пожертво-

1 Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 27. – С. 388.

2 Там же. – М., 1974. – Т. 16. – С. 200.

вания исчислялись миллиардами руб., а первостатейные купцы региона вошли в элиту предпринимательского слоя России. С возрастанием образованности, интеллектуального уровня, формирования среди предпринимательского слоя общества интеллигенции, расширением социальной среды брачных союзов меняются и приоритеты благодетельства – на первый план выходят культура, наука и просвещение, становятся более разнообразными формы благотворительных обществ. Нельзя не отметить, что благотворительная деятельность в конце XIX – начале XX в., трансформируясь и наполняясь новым содержанием, превратилась в разветвленную сеть, включающую в себя государственные и частные организации, а также личные проявления. Каждому городу наряду с общими были присущи своя индивидуальная сеть благотворительных организаций и свой характер частных пожертвований.

По-видимому, социальная принадлежность, нравственная направленность личности, воспитание, жизненные ситуации, семейные традиции, интересы окружающей среды – все это повлияло на выбор направленности благотворения: храмозидание, просвещение, филантропия, меценатство. Все эти явления нравственного порядка, как процесс оказания безвозмездной помощи нуждающимся в ней. Благотворительность, следуя определению профессора Ключевского – «человеколюбие на деле означающее нищелюбие... она была необходимым условием личного нравственного здоровья; она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель» [8, с. 8]. Обратимся к конкретным фактам, показывающим мотивацию благотворительной деятельности предпринимателей. Наверное, нельзя не согласиться, что глубинные переживания человека, послужившие причиной обращения к той или иной форме благотворения, нам не дано знать, она ушла в небытие вместе с человеком. Мы лишь судим по его деяниям и случайно зафиксированным высказываниям.

Как было замечено, особенно большие пожертвования на храмозидание, содержание церковного причта, делали елабужские купцы Стахеевы. Какова же была мотивация? Обратимся к событиям 17 октября 1876 г., когда в г. Елабуге на заседании городской Думы елабужский купец 1-й гильдии Иван Иванович Стахеев, объявил о желании лично внести в городскую Думу очередные пожертвования г. Елабуге. В своей вступительной речи он высказал личную жизненную позицию, которой оставался верным всю свою жизнь: «Дожив до старческих лет и с помощью Всемогущего Бога, составив трудами своими достаточный капитал... с самого начала своей торговой деятельности я дал пред Господом Богом такой обет: помогать нуждающейся меньшей братии, способствовать распространению христианской религии устройством храмов Божьих и вообще благотворить по силе возможности своей, а затем остальной благоприобретенный капитал завещать нашему обществу с тем, чтобы

дело благотворения, начатое ... самим, передавалось и по переходе в загробную жизнь и распространялось бы на все будущие поколения посредством сооружения вновь и поддержания существующих храмов больших, а также и пособие беднейшим неимущим жителям всех сословий нашего края»³. Ежегодные проценты (5 тыс. руб.) с завещанной суммы назначались «для раздачи бедным жителям всех сословий края, нуждающимся в денежном вспомоществовании в размере от 15 до 50 руб. на одно семейство в каждый год». Выдача пособий должна была производиться 3 раза в году: 8 мая, 22 октября и 30 декабря. Иван Иванович определял в распоряжение общества капитал в количестве 300 тыс. руб. билетами Государственного банка на вечные времена с тем, чтобы проценты с этой суммы распределялись согласно его воле. С именем Стахеевых связаны черты лучших представителей купечества: высокая внутренняя культура, уходящая корнями в христианство, глубокая религиозность, патриотизм, порядочность. Уместно будет вспомнить как во время неурожайных годов в 1880-е гг. Стахеевы по весне открыли свои склады с зерном и по заниженным ценам продавали крестьянам.

Щедрым благотворителем на строительство и содержание, обеспечение нужд церковей являлся Федор Григорьевич Чернов. Как уже отмечалось, им был создан «Благотворительный Черновский комитет», владевший значительным капиталом, проценты с которого жертвовались на устройство храмов в инородческих приходах. Под неустанным вниманием и четким руководством Федора Григорьевича на его сбережения было построено свыше 23 храмов, в основном в удмуртских селениях [2, с. 11]. Одной из первых в 1844 г. в с. Кекоран была воздвигнута Христорожественская церковь. Позднее, в 1914 г., на его же средства она была перестроена и расширена в одной связи с колокольней. Она, одна из немногих церковей, оставалась действующей в годы лихолетья. Для руководства строительством намеченных Ежевского и Ядгурецкого храмов был специально создан «Глазовский попечительный комитет по постройке каменных церковей»⁴. Среди вновь воздвигнутых храмов были Петропавловский в с. Большая Норья и Троицкий в с. Бурановском Сарапульского уезда, в г. Елабуге – 4-я церковь, кладбищенская, во имя пресвятой Троицы, «двухэтажная круглая с двумя галереями, красивой архитектуры, изнутри отделанная под мрамор». Для причта был выстроен двухэтажный каменный дом. Для содержания штата церкви «на вечные времена» в банк положена значительная сумма⁵. Федор Григорьевич построил на свои сбережения детский приют в Елабуге «на западном конце города», именуемый Александрийским, в память Николая I и императрицы Александры Федоровны. По описаниям очевидцев это было огромное, красивое, двухэтажное здание

3 ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 26. – Д. 846. – Л. 13-21.

4 ЦГА УР. – Ф. 45. – Д. 17; там же. – Л. 16; Д. 11. – Л. 9-13; Д. 1. – Л. 2.

5 ЦГА УР. – Ф. 245. – Оп. 4. – Д. 97.

с двумя каменными флигелями и церковью, с раскинувшимся подле довольно обширным садом. Он был рассчитан на содержание 100 девушек, которых здесь обучали грамоте, закону божию и разным рукоделиям. Из среды способных воспитанниц был организован «певческий хор, стройное пение которого привлекало много слушателей». Приют пользовался прекрасной репутацией. При выпуске девушки получали пособие, с этой целью в банк благотворителем был положен на вечные времена капитал в 60 тыс. руб. серебром. Девушки, вышедшие из приюта, по достижении совершеннолетия считались хорошо подготовленными хозяйками и могли составить себе хорошую партию. Архивные документы приоткрывают завесу столь сильного пристрастия Федора Григорьевича к делам церковным и филантропии. 6 апреля 1848 г. на заседании Комитета министров рассматривалось прошение следующего содержания: «Елабужский почетный гражданин 1-й гильдии купец Чернов предложил в прошлом году от имени неизвестного 150 тыс. руб. порученная ему Чернову, неизвестным по имени лицом на постройку пяти церквей в дальних вотских селениях, и кроме этого оставшиеся после смерти дочери его еще 11 500 руб. ассигнациями на построение каменных церквей»⁶. На 1848 г. жертвуемый Черновым капитал составлял уже 200 тыс. руб. серебром. Таким образом, одним из мотивов благодеяния являлась личная трагедия в жизни человека: смерть любимой дочери. В ЦГА УР сохранилась многочисленная переписка купца Чернова со священником церкви отцом Матвеем по поводу строительства Ежевской церкви⁷. Переписка показывает, что Федор Григорьевич был обязательным, деловым человеком, с широким кругозором и большим практическим опытом. Он следил за тем, чтобы отпущенные им средства добросовестно шли по назначению. Федор Григорьевич сам заправлял делами строительства храмов, начиная с выбора проекта, закладки фундамента, подбора добросовестных высокопрофессиональных рабочих, технологии кладки здания и кончая оснащением церковного притча необходимым облачением.

Высокие нравственные принципы, христианская мораль, воцерковленность – признаки, определившие обращение к храмовданию ижевской династии старообрядцев Оглоблиных. Купцы 2-й гильдии Николай и Василий Георгиевичи вносили большие пожертвования на строительство и благоустройство храмов, детских приютов, больниц. Известно, что семейства купцов Оглоблиных и Порсевых определили большую сумму денег на строительство в 1909 г. старообрядческой Покровской церкви г. Ижевска⁸. В.Г. Оглоблин, оказавшись в вынужденной эмиграции в США, построил в Сан-Франциско старообрядческий храм. Мотивом к этому послужил отказ матери перебраться из Ижевска к сыну, «потому что в Сан-Франциско нет старообрядческой

6 РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1639. – Л. 46.

7 ЦГА УР – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 4-5.

8 Из личного архива Н.И. Бронникова (рукопись).

церкви». К сожалению, когда храм был достроен, матери уже не было в живых, посетила его племянница Екатерина. В церковном архиве она обнаружила документы, подтверждающие акт благодеяния [3, с. 69-76].

Особенностью в благотворительной деятельности елабужских купцов Ушковых была просветительская направленность, из поколения в поколение представителями этого семейного клана вкладывались средства в строительство учебных заведений, оснащение их оборудованием, содержание учеников и т.д. На их средства были построены здания Ильметской миссионерской школы, Удмурт-Гондыревской, Колтамакской, Ятцазской, Вознесенской, Лебедевской и ряда других [4, с. 275]. На Кокшанском заводе Ушковыми было основано училище, в котором обучалось до 50 детей обоего пола из семей рабочих, мастеровых, жителей окрестных селений. В Алнашской волости была построена лечебница Варзи-Ятчи, позднее безвозмездно переданная елабужскому земству. Мотивом сооружения лечебницы была необходимость лечения на водах больной матери П.К. Ушкова. Капитон Яковлевич, не получивший систематического образования, по словам близких к нему людей, часто огорчался, и выражал «душевное сожаление о том, что в молодости он не имел возможности поучиться чему-нибудь большому, кроме умения читать и писать». Считая, что народ должен получать образование и высокое религиозно-нравственное воспитание, предметом своей благотворительности он избрал как раз просвещение. В шутку и в то же время с большим уважением в деловых кругах говорили, что если Стахеев – «учитель коммерсантов», то Ушков – «просветитель просвещения». Кроме того, Ушковы прослыли большими меценатами, о чем в своих воспоминаниях, пишет Немирович-Данченко [6, с. 426].

Большие средства в строительство учебных заведений вложили также елабужские купцы Гирбасовы⁹. Как говорил Федор Прохорович «из искреннего желания успехов просвещения в родном городе». Мотивы благодеяния Федора Прохоровича, длительное время бывшего городским головой, современники объясняют следующим образом: «Будучи длительное время на государственной службе в период реформаторского движения в России, осознавая важность просвещения, он все свои благотворительные акции направил на развитие образования», увлекая своим примером сына Прохора. Отец и сын как будто соперничали в размерах своей благотворительности. Федор Прохорович построил для земского мужского и женского училищ большое здание. Далее выстроил еще и обширное здание для третьего земского училища. По собственному почину «он подарил родной Елабуге целый квартал зданий для помещения ремесленного училища и его мастерских». На свой счет он ежегодно содержал 60 учеников этого училища. Известно, что Федор Прохорович издал «Жития Святых», пожертвовал 200 руб. на «издание книг для про-

свещения удмуртов Елабужского уезда». Он вложил на счет городского училища 1 100 руб. государственными 5 % билетами, на проценты с которых навечно должны были обучаться бесплатно «10 беднейших и благонаравнейших учеников» этого училища.

Заботы об обучении молодого поколения не покидали и сарапульских купцов Ижболдиных¹⁰. В 1898 г. в г. Сарапуле учреждается «низшая ремесленная школа «имени потомственного почетного гражданина Ижболдина» с учебным кожевенным при ней заводом. Возникновение ремесленной школы со специальностью по выделке и отделке кож и шитью обуви в г. Сарапуле было назревшей необходимостью. Школа была выстроена усилиями сыновей Д.Г. Ижболдина, который посмертно завещал 30 тыс. руб. на строительство «какого-либо благотворительного учреждения». «Г. Сарапул, – писал Д.Г. Ижболдин, – как крупный центр хозяйственного производства, весьма нуждается в опытных и умелых мастеровых по кожевенному, сапожному, слесарному и др. ремеслам».

Сарапульский купец А.И. Созыкин избрал полем своей благотворительной деятельности – филантропию¹¹. В своем духовном завещании, выделяя значительную долю капитала, просил: «создать на Воткинском заводе богадельню для безвозмездного призрения людей престарелых, безродных, а также неспособных к труду, обоего пола и православного вероисповедания, а также старообрядцев». Под богадельню было выстроено большое прекрасное здание.

Являясь членом уездного земства, удмуртский купец Иван Антонович Ирисов принимал активное участие во всех благотворительных мероприятиях общественности, стараясь как мог улучшить жизнь своего народа [5, с. 2]. Особое внимание он проявлял к развитию среди удмуртского населения просвещения. В данном случае ярко выражена этническая направленность благодеяния. При участии Ирисова была построена Ново-Мултанская земская школа. Известно, что он внес 25 тыс. руб. на основание Ново-Мултанской вотской учительской семинарии, на пожертвованные им капиталы был построен учебный корпус семинарии, не без его участия основана селтинская земская больница. Значительные пожертвования внес при установлении телеграфной связи между Новым Мултаном и Селтами.

Свои особенности в проявлении благотворительных акций наблюдались в самом многочисленном социальном слое общества – крестьянстве. Благотворительной деятельностью было охвачено подворно все крестьянское население. Приоритетным направлением этого сословия было храмоздание [2]. По неполным данным, в рамках современной территории Удмуртии на кол-

10 УДА Администрации МО «г. Сарапул». – Фр.–588. – Оп. 1. – Д. 1; ЦГА УР. – Ф. 245. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 5.

11 ЦГА УР. – Ф. 245. – Оп. 1. – Д. 4060. – Л. 1-2.

лективные сборы прихожан-крестьян было построено свыше 170 храмов. Отмечены случаи, когда зажиточный крестьянин полностью или в основном на свои сбережения воздвигал храм. Среди них нам известны имена крестьянина Захара Попова (с. Якшур-Бодья), Христофора Вершинина и Авдея Бармина (с. Муки-Какси), И. Тарбеева (с. Узи), Никиты Глухова (г. Сарапул), новокрещенного крестьянина-удмурта Дмитрия Васильева (с. Бабино). Судя по отдельным фактам, основным мотивом являлась вера в бога, потребность в вероисповедании, с другой стороны, наличие храма давало возможность трансформировать деревню в село, что, в свою очередь, связано с развитием базарной торговли, а возможно и ярмарочной, что было экономически выгодно для крестьянина с его комплексным многофункциональным хозяйством. В одной из деревень Елабужского уезда во время экспедиции наше внимание привлек фундамент храма и хорошая сохранность недействующей церкви. Это были 1980-е гг. Оказалось, что еще в конце XIX в. жители деревни решили на свои средства построить храм. По случаю экономии, на сходе постановили, что каждый двор должен привести из близлежащей каменоломни по необходимому числу валунов. А потом, работая поочередно, воздвигали стены. Так, своими силами, было выстроено прихожанами здание церкви. И все последующее время, даже в период бездействия, она бережно охранялась всей деревней¹².

Другим приоритетным направлением благотворительности крестьянства была филантропическая деятельность. Обобщая сведения, представленные в отчете 92-мя, земскими начальниками Вятской губернии, отметим следующие мотивы: крестьянство готово оказать благотворительную помощь в четырех случаях: 1) погорельцам, 2) лицам, впавшим в нужду вследствие недородов, 3) профессиональным нищим, 4) сиротам. Наиболее отзывчиво местное население относилось к погорельцам. Организовывало вспомоществование припасами, вещами, иногда деньгами, «крестьяне всей широкой округи спешат на помощь погоревшим, вследствие чего потерпевшие от пожаров устраиваются обыкновенно гораздо лучше, чем жили до пожара» [1, с. 10-11]. Особо отмечается направленность к филантропии удмуртского населения. По сообщениям земских начальников, они охотно приходят на помощь неимущим и сиротам. Удмурты «никогда не отказывают бесприютным, нищим, нуждающимся в приюте и пропитании. Для этого у них существует нечто натуральной повинности, каждому нищему, проходящему через селение по наряду деревенского десятника, по очереди отводится квартира, где он может ночевать и иметь стол в течение суток». Сирот же удмурты охотно берут к себе, чаще состоятельные, имеющие своих детей. Таким образом, делает вывод земский начальник, наиболее распространенной формой помощи неимущим является «подача милостыни» и «содержание по очередям». В данном случае мотивами благотворительности является сострадания к ближнему и

12 Личный архив Н.П. Лигенко (Рукопись).

нравственная обязанность спешить на помощь к неимущему.

Таким образом, в России благотворительная деятельность нашла широкое распространение. Внушительными размерами вкладов отличалось купечество. Вкладывая капиталы в развитие торговли и промышленности, купцы немалую долю прибыли определяли на благотворительные акции: медицину, просвещение, храмозидание и содержание церквей, создание домов для инвалидов, престарелых, бездомных. Причина щедрых пожертвований, тяжелым трудом накопленных капиталов, коренится в сословном купеческом менталитете: высокая внутренняя культура лучших представителей купечества, уходящая корнями в христианство, глубокая религиозность, патриотизм, с одной стороны, тщеславие, возможность получить чины, почетные должности, желание замолотить грехи и т.д. – с другой. Какими бы ни были мотивы купцы оставили богатое наследство. Уездные города края, с любовью обустроенные, удобные, уютные, – это детище местного купечества. Постоянное внимание к делам насущным односельчан оказывало благоприятное воздействие на материальную и духовную жизнь людей, являлось серьезной поддержкой в развитии просвещения и утверждении православия. Наряду с общими просматриваются региональные особенности – в общей массе купечеству провинции, отличавшемуся наибольшей патриархальностью, свойственен более выраженный патриотизм, соборность, коллективное участие во всех самых малых и больших делах, а также корпоративная зависимость, сохранение кастовости своего круга.

Крестьяне, не имея столь крупных капиталов, благотворительные акции оказывали соборно, «с миру по нитке». На коллективно собранные средства строили храмы, школы и безотказную, посильную, но довольно действенную помощь оказывали нищим, сиротам, людям, попавшим в беду.

Библиографический список

1. Благотворительность в России. – Т. II. – Ч. II. – СПб., 1907. – С. 10-11.
2. Зайцева И.Н., Самарцева Г.И. Православные храмы Удмуртии. – Ижевск, 2000. – С. 11.
3. Лигенко Н.П. Коммерческая деятельность купеческой династии Оглоблиных // Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII – XX вв. – Б.м., 2008.
4. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск, 2001.
5. Семибратов В. Малмыжские меценаты // Кировская правда. – 1992. – 23 июня. – С. 2.
6. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов /

Сост., вступ. ст., примеч. О. Платонов. – М.: Современник, 1995. – С. 426.

7. Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности России: тенденции и приоритеты (1989-2002 гг.) // Благотворительность в России. – СПб., 2003.
8. Энциклопедический словарь Русского Библиографического института «Гранат». – М., 1937.

Л.В. НАСЫРОВА

Елабужский государственный педагогический университет

ВКЛАД КАЗАНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Благотворительная деятельность в области оказания медицинских услуг населению Казани впервые нашла свое проявление на рубеже XVIII – XIX веков, когда в городе был образован Приказ общественного призрения, ведавший учебными заведениями, богадельнями, сиротскими домами и больницами. Денежные средства на его цели выделялись государством и частными благотворителями. Проценты с пожертвованного капитала также шли на содержание богоугодных учреждений. В начале XIX в. Приказ разместился в бывшем здании Адмиралтейства на Покровской улице (ныне ул. К. Маркса, д. 17). После большого пожара 1842 года этот дом в 1844-1846 годах был существенно перестроен и расширен по проекту архитектора А.И. Песке [6, л. 19-152].

В этот период комплекс зданий Казанского Приказа занимал почти целый квартал в границах улиц Покровской, Поперечно-Казанской (ныне ул. Япеева) и Большой Казанской (ныне ул. Б. Красная). В ведении приказа находились: больница на 175 кроватей, богадельня на 90 мужчин и 60 женщин, дом для умалишенных на 35 кроватей, фельдшерская школа на 80 пансионеров и 20 вольнослушателей, сиротский дом на 25 мальчиков и 40 девочек [8].

Кроме этого, практика частной поддержки насущных нужд горожан нашла свое воплощение в работе Казанского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества, который возник с разрешения императора 16 июля 1816 года. Он располагал целой сетью благотворительных учреждений: бесплатными квартирами, столовой, богадельней, мастерскими, начальной школой, а также аптекой. Комитет оказывал единовременную финансовую и иную помощь тысячам жителей г. Казани и являлся одной из крупнейших и авторитетнейших благотворительных организаций региона [14, с. 315-319].

Однако по настоящему активная и целенаправленная благотворительная деятельность по учреждению и финансированию медицинских заведений начинается лишь во второй половине XIX века, и ее безусловный прогресс в этот период неразрывно связан с именами выдающихся русских и татарских филантропов губернского центра. Необходимо отметить, что в этот период горожане крайне нуждались в оказании бесплатной и квалифицированной ме-

дицинской помощи. Как правило, большинство лечебных заведений Казани являлись сословными или ведомственными, а многие частные клиники оказывались недоступными для беднейших слоев населения. Поэтому важнейшей задачей органов местного самоуправления стало создание медицинских учреждений, находившихся на постоянном финансировании из бюджета и способных оказывать помощь больным вне зависимости от материальной состоятельности и социального происхождения. Очень важным также представлялось учреждение больниц, находившихся на попечении общественных благотворительных организаций. Однако достичь этой цели небогатому городскому управлению без поддержки крупных жертвователей было невозможно.

Среди них особое место занимает личность Ольги Сергеевны Александровой-Гейнс (1847-1927), дочери крупного чаеоторговца, купца 1 гильдии Сергея Евсеевича Александрова (1792-1870), жены генерал-лейтенанта, бывшего казанского губернатора Александра Константиновича Гейнса (1834-1892). Всю свою жизнь эта благородная женщина посвятила бескорыстной помощи детям-сиротам, бедным, больным и одиноким людям. Именно благодаря ей город получил прекрасные благоустроенные здания Ксенинской женской гимназии (ныне ул. Лобачевского, д. 2/31), Александровского детского приюта (ныне ул. Бутлерова, д. 30), Александровского Пассажа (ныне ул. Кремлевская, д. 17) и др.

В 1889 году О.С. Александрова-Гейнс выделяет 100 000 рублей на создание Забулачной больницы с детским отделением во 2-полицейской части города, которая должна была охватить население наиболее неблагополучных в санитарном и экологическом состоянии районов Казани: Старотатарской, Мокрой и Ямской слобод.

Для размещения лечебницы городская дума подобрала дворовый участок Терминской по Петропавловской улице (ныне ул. Т. Гиззата, д. 10) с двумя каменными домами. После всех необходимых ремонтных работ и оборудования зданий в 1894 году больница открыла свои двери для первых пациентов [12, с. 109]. В конце девяностых годов XIX века больных здесь принимали терапевтическое, хирургическое, гинекологическое и инфекционное отделения, а также детская больница и амбулатория.

О.С. Александрова-Гейнс содержала за свой счет 5 мест, остальные 25 коек финансировали городские власти. Большую помощь благотворительнице в организации этого медицинского учреждения оказал гласный городской думы, экстраординарный профессор Казанского университета по кафедре врачебной диагностики, известный терапевт Алексей Николаевич Казем-Бек (1859-1919). Благодаря его советам О.С. Александровой-Гейнс удалось привлечь к своему начинанию многих известных медиков, которые, по большей части, бескорыстно посвящали свое драгоценное время лечению малоимущих жителей города.

В числе выдающихся специалистов, поддержавших это благородное дело, был ординарный профессор Казанского университета по кафедре акушерства и женских болезней Николай Николаевич Феноменов (1855-1918) [1, с. 158]. Он получил прекрасное образование в Императорской медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, где защитил докторскую диссертацию и получил звание приват-доцента. В 1885-1899 годах талантливый ученый преподавал в Казанском университете и активно занимался врачебной практикой. Несмотря на большую занятость, Н.Н. Феноменов откликнулся на просьбу О.С. Александровой-Гейнс, А.Н. Казем-Бека, городских властей и вплоть до своего отъезда из Казани заведовал женской лечебницей с гинекологическим и родильным отделениями при Забулачной больнице. Впоследствии медик являлся директором родовспомогательного заведения ведомства учреждений императрицы Марии и профессором женского медицинского института в Санкт-Петербурге.

В амбулатории Забулачной больницы ежедневный бесплатный прием вел думский врач 1 участка, выпускник Казанского университета, опытный терапевт Александр Модестович Селиванов. Таким образом, уже в самый начальный период своего существования данное медицинское заведение отличалось профессиональным персоналом и высоким уровнем обслуживания.

Однако деятельность О.С. Александровой-Гейнс не ограничилась лишь созданием Забулачной больницы. Благодаря ее финансовой поддержке в Казани появился целый ряд филантропических учреждений, оказывавших медицинскую помощь неимущим слоям казанского общества. Так, в 1890 году благотворительница передала купцу М.И. Галееву 10 000 рублей для организации мусульманской богадельни в память своего покойного отца С.Е. Александра [2, с. 277-293].

Необходимо отметить, что идея ее создания была высказана еще в 1884 году известными предпринимателями и общественными деятелями, коммерции советниками братьями Ибрагимом (1806-1886) и Исхаком (1810-1884) Губайдулловичами Юнусовыми. Они являлись крупнейшими татарскими благотворителями XIX века, учредителями первого в российской истории мусульманского детского приюта, щедрыми покровителями религии, образования и книгоиздательства. Для будущей богадельни они передали собственный дом на Второй Поперечной улице в Старотатарской слободе (ныне ул. Ф. Карима, д. 4.), две лавки на Сенной площади, а также собрали с местного купечества 6 000 рублей [5, л. 1-10]. Однако из-за бюрократических проволочек и ряду других объективных причин, появление богадельни стало возможным лишь в 1898 году с учреждением «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани», материальной основой которого стали пожертвования О.С. Александровой-Гейнс, братьев Юнусовых, других предпринимателей города.

Фактически мусульманская богадельня в Казани начала свою работу 6 декабря 1900 года. В нее принимались лица мужского пола, не способные к личному труду, не имеющие родственников или лиц, «обязанных по закону давать средства на пропитание». Число призываемых в богадельню ограничивалось 10, хотя при этом оговаривалась возможность увеличения или уменьшения этого количества в зависимости от состояния финансовых дел [15, с. 1-14].

Богадельня размещалась в прекрасно оборудованном здании «Общества...» (бывшем доме Юнусовых). В 1911 году, например, в ее стенах получали бесплатный кров, питание, одежду, медицинское обслуживание 13 стариков из ряда уездов Казанской губернии [9, с. 6; 10, с. 7].

Следующим по времени возникновением заведением «Общества...» в 1902 году стала собственная его амбулатория, открывшаяся в доме богадельни. Здесь больные три раза в неделю бесплатно принимались лучшими врачами Казани: акушерами-гинекологами Софьей Соломоновной Надель-Пружанской, Алексеем Ивановичем Захарьевским (1855-?), офтальмологом Борисом Николаевичем Агафоновым, терапевтом Романом Альбертовичем Лурия (1874-1944), терапевтом Анатолием Геннадиевичем Победимским и другими. Причем необходимые лекарства пациентам выдавались также бесплатно, за счет общества. Надо сказать, что это лечебное заведение завоевало широкую популярность в городе и не только у татарского населения. Так, только в одном 1911 году амбулаторию посетили 5 060 раз (первично 2 139 человек, вторично 2 921). Из них мусульман было 1 956, русских – 183 человека.

Еще одним крупным начинанием «Общества...» стало учреждение мусульманского родовспомогательного отделения. Решение о его организации было принято на общем собрании 15 апреля 1906 года и затем в течение 6 лет мусульмане города занимались сбором необходимых для этого средств. Родильный приют, на оборудование которого было израсходовано 15 000 рублей, открылся 22 января 1912 года. В нем мусульманки Казани могли рассчитывать на квалифицированное медицинское обслуживание. Судя по всему, лечебница эта пришлась по нраву женщинам. Например, в 1914 году здесь получили врачебную помощь 199 рожениц [11, с. 11-24].

Ярким примером сотрудничества крупных благотворителей и городских властей в деле финансирования городских медицинских учреждений стало возведение большого трехэтажного здания Александровской больницы казанским 1 гильдии купцом Яковом Филлиповичем Шамовым (1830-33.11.1908).

Следует отметить, что это лечебное учреждение, содержавшееся на средства города занималось обслуживанием небогатого населения Суконной слободы и других близлежащих кварталов Казани: городских, мещан, цеховых и рабочих. Оно всегда находилось под опекой богатых предпринимателей, среди которых можно, в первую очередь, назвать крупного хлеботоргов-

ца, коммерции советника, городского голову Кузьму Ивановича Романова. В семидесятые годы XIX века он многое сделал для того, чтобы больница имела 90 стационарных мест, а ее пациенты получали бесплатно квалифицированную медицинскую помощь [13, с. 1]. В конце столетия его деятельность с успехом продолжил Я.Ф. Шамо́в, также не жалевший средств на поддержку этого заведения. Интересно то, что в этот период одним из его попечителей был также профессор А.Н. Казем-Бек, помогавший О.С. Александрович-Гейнс при создании Забулачной больницы.

Кроме него здесь медицинскую помощь оказывали такие светила, как ординарный профессор Казанского университета по кафедре хирургической патологии Николай Александрович Геркен (1863-1933), профессор, хирург Михаил Федорович Кандаратский (1854-1912), основатель казанской терапевтической школы, профессор Михаил Аристархович Хомяков (1841-1894) и другие.

Попечитель больницы Я.Ф. Шамо́в родился в г. Орлове (ныне г. Халтурин) Вятской губернии в семье купца. В 1863 году по просьбе своего дяди П.А. Лаптева переехал в Казань и поступил на службу к крупному торговцу хлебом и скобяным товаром Х.Ф. Фомину. На новом месте молодой коммерсант проявил себя с самой лучшей стороны и заслужил тем самым уважение и доверие своего хозяина. Вскоре Я.Ф. Шамо́в женился на его дочери – Агриппине Хрисанфовне, а после смерти Х.Ф. Фомина стал владельцем огромного и весьма успешного коммерческого предприятия. Уже в 1877 году Я.Ф. Шамо́в был причислен в казанское купечество по 1-й гильдии [7].

Помимо активного участия в органах местного самоуправления (гласный городской Думы), Я.Ф. Шамо́в, будучи глубоко религиозным человеком, являлся одним из виднейших представителей старообрядческого движения. Отсюда понятна и широкая благотворительность купца. Он был членом правления Казанского общества призрения и образования глухонемых детей, попечителем казанской Александровской больницы и других организаций.

Бескорыстное подвижничество предпринимателя было соответственно оценено государством. На протяжении своей жизни он удостоился двух серебряных медалей в память священного коронавания Императора Александра III, трех золотых медалей на Станиславской, Аннинской и Владимирской лентах. Кроме этого Я.Ф. Шамо́в получил в 1879 году знак Красного Креста.

В феврале 1908 года по проекту архитектора К.С. Олешкевича Я.Ф. Шамо́в начал строительство огромного кирпичного здания Александровской больницы стоимостью около 500 тысяч рублей. К сожалению, купец не дождался официального открытия лечебницы, состоявшегося 25 апреля 1910 года [4, с. 149]. Начатое предпринимателем дело завершила его жена А.Х. Шамова. В прекрасно оборудованном корпусе новой «Шамо́вской» больницы работали хирургическое, терапевтическое, гинекологическое, глазное отделения, амбу-

латория, аптека, лабораторный и рентгеновский кабинеты.

Еще одно, третье по счету, лечебное учреждение Казани, содержавшееся муниципальными властями – Адмиралтейская больница, возникшая в 1885 году, также постоянно находилась в поле зрения своего богатого попечителя, коммерсанта П.Л. Прибыткова, пожертвовавшего для нее большое двухэтажное здание и 10 000 рублей. В 1886 году больница в память, практиковавшего здесь, профессора Николая Андреевича Виноградова (1831-1886) стала называться «Виноградовской». Этот выдающийся специалист, руководивший кафедрой частной патологии и терапии в Казанском университете, являлся «классиком русской медицины», прекрасным терапевтом и одним из первых российских невропатологов [3, с. 82-90].

Таким образом, сотрудничество казанского предпринимательства с представителями медицинской общественности и местными властями способствовало созданию во второй половине XIX – начале XX веков как новых лечебных заведений, так и развитию существовавшей больничной сети.

Общий объем благотворительных средств, направленных на модернизацию казанского здравоохранения, значительно превышал бюджетные ассигнования и являлся одним из определяющих условий повышения качества медицинского обслуживания. Безусловно, этот ценный исторический опыт остается крайне актуальным и сегодня, когда решение проблем финансового и кадрового обеспечения медицинской отрасли признано на самом высоком государственном уровне одной из приоритетных национальных задач.

Библиографический список

1. Вся Казань. Адресная справочная книга с приложением плана города / Под ред. Н.Г. Шебуева. – Казань, 1899.
2. Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1899 год. – Казань, 1901.
3. Исмагилов М.Ф. Исторические вехи развития казанской неврологической школы // Неврологический вестник. – 2001. – Т. XXXIII. – Вып. 1-2.
4. Милашевский Г.А. Казань и казанцы. Новые штрихи к старым портретам. – Казань, 2003.
5. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан, г. Казань). – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 6032.
6. НА РТ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 631.
7. НА РТ. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 116. – Б. л.
8. НА РТ. – Ф. 408. – Оп. 4. – Д. 24.
9. Отчет правления Общества пособия бедным мусульманам г. Казани за

1902 год. – Казань, 1903.

10. Отчет правления Общества пособия бедным мусульманам с состоящими при нем богадельней, детским приютом, амбулаторией и родовспомогательным лечебным заведением за 1911 год. – Казань, 1912.
11. Отчет правления Общества пособия бедным мусульманам г. Казани с состоящими при нем богадельней, детским приютом, амбулаторией и родовспомогательным лечебным заведением за 1914 год. – Казань, 1915.
12. Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. – Казань, 1998.
13. Студенской Н. Из хирургического отделения Александровской больницы в городе Казани (отчёт с 15 мая 1878 г. по 1 сентября 1882 г.). – СПб., 1883.
14. Троицкий В. Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. – СПб, 1898.
15. Устав богадельни, учрежденной Обществом пособия бедным мусульманам г. Казани. – Казань, 1915.

А.М. РАФИКОВ

Елабужский государственный педагогический университет

ОБЩЕСТВЕННАЯ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ТОРГОВО- ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № ПЗ19 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы

Со временем вступления постсоветской России в стадию становления рыночных отношений все более актуальными становятся проблемы изучения истории купечества. Современные исследователи, отойдя от сложившейся ранее односторонней оценки торгово-предпринимательского класса, используют принципиально иные подходы и методы при изучении истории отечественного предпринимательства. Сегодня ученые сходятся во мнении о том, что купечество сыграло значительную роль в общественной, экономической и культурной жизни страны. В условиях отсутствия в современной России богатого опыта организации рыночных отношений особенное значение приобретает знакомство с торгово-промышленной деятельностью представителей данного сословия, что позволяет привлечь положительный опыт из практики предшествующих поколений наших соотечественников по овладению рыночными механизмами управления экономикой, использованию различных форм предпринимательской деятельности [1, с. 3].

Благодаря активной научно-исследовательской работе сегодня из исторического небытия возвращены имена многих представителей делового мира России. В то же время необходимо отметить, что за рамками исследований нередко остается купечество провинциальное, губернских и уездных городов. Данный пробел в истории купечества Волжско-Камского региона на сегодняшний день активно заполняется. Однако мало внимания уделяется истории национального, в частности татарского купечества Вятской губернии. Между тем численность его в ряде уездов края, (Елабужский, Уржумский, Малмыжский и Сарапульский) была достаточно велика. По подсчетам Р.У. Амирханова, в начале XX в. на территории Казанской губернии и выше названных граничащих с ней уездов Вятской губернии насчитывалось 546 различных торго-

1 Статья написана на материалах исследований, проведенных в рамках Молодежного научного гранта АН РТ, № 15-2.

вых предприятий, принадлежащих татарам [2, с. 244].

На основании научно-исследовательской работы, проведенной в Государственном архиве Кировской области (ГАКО) и Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) удалось установить, что национальное купечество Вятской губернии принимало самое живое участие в общественной, экономической и культурной жизни Вятского края.

Торгово-предпринимательская деятельность татарского купечества Вятской губернии отличалась большим разнообразием. Среди представителей татарского делового мира губернии были довольно крупные купцы, годового оборот их капиталов составлял десятки тысяч рублей. В их числе можно выделить купцов второй гильдии братьев Ахмат-Шакира и Шигабутдина Заитовых, Ахмет-Гарея Гайсина, Валея Альмухаметова, Мухаметзяна Сюндюкова, Гизятуллу Хамидуллина и других. Встречались среди них и крупные землевладельцы. В то же время численность татарского гильдейского купечества в крае была сравнительно невелика, гораздо большее распространение имела крестьянская и мещанская торговля. При этом отсутствие гильдейского свидетельства, приобретение которого после введения в 1898 году государственного промыслового налога перестало быть обязательным, не являлось показателем малого торгового оборота [3, с. 107]. Многие татары края, зарегистрированные как крестьяне, вели торговлю по свидетельствам второго разряда, что фактически приравнивало их ко второй купеческой гильдии.

Достаточно большое распространение в среде татарских деловых кругов губернии получило такое общероссийское явление как дворянское предпринимательство [4, с. 104]. Из числа дворян, занимающихся торговлей можно выделить Сакаевых, Еникеевых, представителей княжеской фамилии Чингизов. Однако если русское, особенно столичное дворянство, вкладывало свои средства, главным образом в производство, то предпринимательская деятельность татарского дворянства Вятской губернии (за редкими исключениями) осуществлялась в рамках лавочной торговли и принципиально ничем не отличалась от торгово-предпринимательской деятельности купечества, крестьянства и мещанства.

Видовой состав товаров, продаваемых татарским купечеством края, не отличался большим разнообразием. К числу основных товаров относились: чай, сахар, бакалея, хлеб, ткани. Лишь некоторые наиболее крупные предприниматели, например Ахмат-Шакир Заитов, вели торговлю лесом, пенькой, кожей, щетиной, воском. Встречались среди татарского купечества губернии и монополисты. Так, крупная торговля яйцами в Елабужском уезде практически полностью находилась в руках Валея Альмухаметова. От торговли наиболее доходными видами товаров, такими, как мясо, мед, пиво, соль и другие, татарское купечество было отстранено русским купечеством. К особенностям национального торгового дела в крае можно отнести также отсутствие возможности вкладывать торговый капитал в производство и слабо развитое, в срав-

нении с русским купечеством, в силу религиозных причин, женское предпринимательство.

Татарское купечество Вятской губернии не замыкалось в узких национальных рамках, подтверждением чего является его общественная деятельность. Основные направления данной деятельности не отличались от общественной работы русского купечества, традиционного, широко представленного в органах городского и земского самоуправления [5, с. 14]. Представители татарского делового мира неоднократно избирались гласными уездных земских собраний, принимали участие в работе раскладочного по промысловому налогу присутствия, землеустроительных комиссий, избирались попечителями учебных заведений и больниц края. Одновременно татарское купечество представляло также интересы инородческого населения губернии и участвовало в работе различных национальных комиссий. Пик общественно-политической активности татарского купечества Вятской губернии пришелся на 1905 год.

Похожий синтетический характер носила благотворительность татарских предпринимателей. Они регулярно жертвовали средства на содержание медресе и мектебе, строили мечети. В то же время, осознавая необходимость развития не только национально-религиозного образования, но и прекрасно понимая всю важность знакомства татар с русской культурой и грамотой, без знания которой на рубеже XIX – XX вв. обходиться было уже практически невозможно, татарское купечество края выделяло средства на открытие русско-татарских школ, оказывало им посильную материальную помощь.

Все сказанное позволяет утверждать, что татарское купечество Вятской губернии играло значительную роль в социальном, экономическом и культурном развитии края. Активная торгово-предпринимательская, общественная и благотворительная работа представителей данного сословия способствовала повышению благосостояния региона.

Библиографический список

1. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2007.
2. Амирханов Р.У. Развитие татарского предпринимательства в начале XX века (1901-1917 гг.) // Поволжье в системе всероссийского рынка: Материалы научной конференции. – Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2000.
3. Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1985. – № 4.
4. Курков К.Н. Дворяне-предприниматели в России начала XX в. // Вопросы истории. – 2006. – № 5.
5. Валеева Н.Г. Елабужское земство и Россия: гуманитарно-просветительская деятельность Елабужского земства (1867-1917). – М.: Аграф, 2002.

Е.А. РЯДЧЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет. Филиал в г. Тольятти

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Вопросы, связанные с образовательным уровнем провинциального купечества, его отношение к просвещению, культурные запросы, позволяют проследить этапы эволюции социокультурного облика купечества, выделить его основные черты и ценностные приоритеты. Исследователи отмечают, что отличительной чертой образа жизни купечества было разнообразие его проявлений [21, с. 18-19; 15, с. 116; 16, с. 25]. Наиболее характерным образом, помимо атрибутов быта и внешнего облика, это проявлялось в отношении купцов к воспитанию и образованию своих детей, в передаче им своего сословно-профессионального опыта, важной составной части процесса социализации. Вопрос о том, «сколько культуры индивид способен вместить» в себя, помимо его социального статуса, зависит от таких факторов, как личные способности и образование, принадлежность к культуре эпохи [4, с. 21].

Наиболее традиционной формой торгового ученичества, сложившейся в предшествующее время и являвшейся основной, была «практическая школа» торговли. Вся деятельность купцов заставляла их постигать «науку» на практике, в процессе работы в купеческих конторах и торговых фирмах. Дело коммерческого образования в России оставалось делом будущего: «наше купечество в целом было еще слишком не подготовлено превратиться в коммерсантов, крепко держалось за дедовские обычаи и не имело охоты менять их ни на какие иноземные коммерческие регулы» [32, с. 174]. Со временем положение стало меняться. В купеческую среду стало проникать сознание необходимости овладения специальными знаниями в области торговли, издания коммерческой литературы, открытия школ и специализированных учебных заведений для купеческих детей. Профессиональное образование получило «право гражданственности в нашем отечестве» [1, с. 2].

Во второй половине XIX века поменялись социальные ориентиры. Развитие промышленности, путей сообщения, банковского дела, внутренней и внешней торговли, появление новых отраслей производства и обострение конкуренции, заставило многих родителей пересмотреть свое отношение к образованию, купечество вынуждено было приспособливаться к потребностям времени. Наиболее состоятельные члены сословия стали стремиться

обеспечить своим детям престижное образование, в купеческих домах появляются личные библиотеки. Уровень запросов к профессиональной подготовке, в том числе и в области коммерции, создания разветвленной сети коммерческих учебных заведений, обусловленной общественными потребностями, постепенно возрастал. Закономерным результатом этого стала предпринятая в 1870-е годы, не очень удачная по своим результатам, попытка основать в реальных училищах, наряду с основным, коммерческих отделений.

Профессиональное образование в России исторически возникло и развивалось в Министерстве финансов, ведомстве, которому было вверено «попечение» о торговле и промышленности. «Коммерческое образование у нас до 1894 года почти отсутствовало, и только с передачей заведования этой отраслью профессионального образования Министерству финансов и с изданием в 1896 году общего положения о коммерческих заведениях число их стало быстро возрастать» [27, л. 1]. Внимание правительства к этой сфере профессионального образования объяснялось ее неудовлетворительным состоянием [17, с. 362], «существовавшие в России коммерческие училища мало приспособлены к требованиям нашего торгово-промышленного населения» [14, с. 149]. В записке императору Николаю II глава финансового ведомства С.Ю. Витте писал: «Правильная постановка коммерческого образования должна быть признана одной из главных мер для успешного развития нашей внутренней и внешней торговли» [2, с. 241].

В апреле 1896 года было издано «Положение о коммерческих учебных заведениях», в котором различным обществам, городам, сословным организациям, земствам и частным лицам было разрешено учреждать коммерческие школы разного типа, исходя из местных условий и потребностей торговли и промышленности данного региона [22]. Главное внимание обращалось на развитие начального коммерческого образования, практически отсутствовавшего в России в это время [17, с. 362]. «Положение» коренным образом изменило всю систему коммерческого образования в России, явившись первым общероссийским законодательным актом, до которого каждое из училищ действовало на основе сепаратных уставов. Вскоре после издания «Положения» в стране начали появляться общества и частные лица, готовые заняться созданием сети частных коммерческих учебных заведений [17, с. 363].

Таким образом, было положено основание для появления в России системы коммерческого образования, включающей начальную и среднюю ступень школы [17, с. 363]. «Я возбудил инициативу между самими промышленниками и коммерческим людом, дав им значительную инициативу как в учреждении коммерческих школ, так и в их управлении. Вследствие этого они охотно начали давать средства на устройство и поддержание коммерческих училищ», – писал С.Ю. Витте [2, с. 242]. В результате проведенных правительством мер наблюдался довольно значительный рост этих школ.

В 1896 году в стране существовало 13 коммерческих учебных заведений, в 1899 году – 56, в 1901 году – уже 119, из них училищ – 48, торговых школ – 36, торговых классов – 14, курсов – 21 [18, с. 16]. В 1896 году Волжско-Камский банк выделил миллион рублей на открытие коммерческих училищ в Казани, Самаре, Симбирске и Саратове [30, с. 52]. Законом 1896 года предусматривалось «самое широкое участие» обществ, городов, сословий и земств в развитии коммерческого образования. Из их представителей, принимающих участие в расходах по содержанию конкретного учебного заведения были образованы попечительные советы. Самое активное участие в создании и финансировании коммерческих учебных заведений приняло купеческое сословие, в короткий срок учредившее в разных городах России пять обществ для распространения коммерческого образования. С 1896 года по 1902 год было открыто 147 коммерческих учебных заведений с более чем 20 тысячами учащихся, в том числе: 51 коммерческое училище, 43 торговые школы, 30 торговых классов и 23 курса коммерческих знаний. Причем из общей суммы, расходуемой на содержание этих заведений в размере 3 миллионов рублей, из казны поступало всего 48 тысяч рублей, что составляло только 1,6% общих затрат [19, с. 605]. Однако система коммерческого образования оставалась незавершенной: высшие коммерческие учебные заведения (общественные и частные) были созданы только в начале XX века, когда «купечество осознало себя как класс общества, могущий стоять на одной из верхних ступеней общественного развития» [13, с. 139].

Система подготовки кадров для торгово-предпринимательской деятельности во второй половине XIX века в Среднем Поволжье, как и в целом по России, находилась еще на стадии своего зарождения. В этот период специальное коммерческое образование начало получать лишь первое поколение отечественных предпринимателей, шедшее на смену своим предшественникам-практикам. К пореформенному периоду относятся первые шаги по созданию в городах Среднего Поволжья учебных заведений по подготовке кадров для коммерческой деятельности. В провинции коммерческое образование существовало преимущественно в форме торговых школ и курсов коммерческих знаний. В 1899 году в учебных заведениях этого профиля получали образование около 11 тысяч человек, в 1904 – уже около 29,5 тысяч человек [29, с. 494-495]. Купцы отмечали, что «высшее университетское образование более прилично детям, готовящимся для государственной службы, а не для торговли» и что детям купцов и мещан полезнее образование для дел коммерции» [28, л. 1-8]. Таким образом, городские торгово-предпринимательские слои населения прекрасно понимали свои корпоративные интересы, в том числе и в образовательной сфере. Из средних общеобразовательных учебных заведений к нуждам коммерции в наибольшей степени были приспособлены программы реальных училищ. Они имелись во всех губернских и ряде уездных горо-

дов Среднего Поволжья и были открыты для представителей всех сословий. Без испытаний, как и в гимназии, в них принимали юношей, прошедших первые четыре класса городских училищ [24, с. 42]. В целом развитие специального коммерческого образования на региональном уровне относится к самому началу XX века и является закономерным продолжением государственной политики в отношении народного просвещения. К 1907 году в стране насчитывалось 69 общественных коммерческих училищ, в том числе: в Самаре – с 1902 года; в Симбирске – с 1900 года; в Саратове и Нижнем Новгороде – с 1900 года [31, с. 28-29; 5, л. 1; 9, л. 1; 10, л. 1]. Для содействия развитию коммерческого образования в Москве, Петербурге, Симбирске, Киеве в 1897 году были учреждены Общества распространения коммерческого образования, которые стали основной финансовой опорой этого типа профессиональной школы.

В распространении коммерческого образования напрямую были заинтересованы крупные промышленники и финансисты, председатель Попечительного Совета Самарского коммерческого училища А.Г. Курлин указывает, что «Попечительный Совет был поставлен в необходимость открыть училище к определенному сроку – иначе он мог лишиться пособия, ассигнованного из капитала, отчисленного Волжско-Камским Банком на коммерческое образование в размере 8 тысяч рублей» [20, с. 3-5]. Таким образом, «к началу 1902-1903 учебного года училище открылось в заарендованном у Волжско-Камского Банка доме на Казанской улице» [20, с. 3-5]. Просветительские инициативы самарского купечества получили дальнейшее развитие в попытке организовать общество распространения коммерческого образования. Именно с таким ходатайством в 1905 году обратились к губернатору члены попечительского Совета Самарского коммерческого училища. Задачами вновь создаваемой общественной организации должны были стать: содействие существующим и учреждение новых коммерческих учебных заведений, в том числе: утренние и вечерние коммерческие классы, торговые школы и подготовительные к поступлению в них учреждения, вплоть до детских садов; организация курсов преподавания отдельных предметов, учреждение библиотек, читальных залов и музеев, оказание поддержки учащимся и учившим [25, л. 4]. Таким образом, налицо желание местного предпринимательства сформировать и воплотить на практике комплексный подход к специальному образованию, включавший в себя различные структурные компоненты, в том числе и создание информационной базы, и охватывающий учебные заведения двух ступеней: нижней и средней. Такая трансформация культурного облика деловой элиты самого купеческого города Среднего Поволжья, однако, не встретила поддержки и понимания со стороны самарского губернатора из-за «неопределенности и разнохарактерности преследуемых уставом целей» [25, л. 3], который посчитал учреждение такого общества нежелательным. Тем не ме-

нее, создание подобных обществ было весьма характерным явлением для поволжской провинции. Например, устав Симбирского общества распространения коммерческих знаний был утвержден в 1901 году, а одним из первых шагов в его деятельности стало открытие торговых классов в Симбирске (устав утвержден в 1903 году, открылись – в 1908 году) [26, л. 1]. До 1908 года коммерческие заведения низшей ступени из всех городов региона существовали в Самаре, в том числе общественная школа для лиц обоего пола, основанная в 1903 году, и торговые классы общества приказчиков, основанные в 1903 году [31, с. 114,171]. Позже специальные учебные заведения возникали уже не только в губернских центрах, но и в других населенных пунктах. Проект устава Самарской 6-ти классной торговой школы для совместного обучения лиц обоего пола [23, с. 2] подчеркивал, что целью этой школы является подготовка учащихся к службе в торговых, промышленных и правительственных учреждениях, преимущественно местного края. О том, что коммерческое образование высоко ценилось в обществе, говорит тот факт, что «окончившим полный курс учения в школе предоставляется: а) право на получение звания личного почетного гражданина, но не иначе, как по прослужении пяти лет в торговых, общественных или промышленных учреждениях в должностях конторщиков, приказчиков, бухгалтеров и по предъявлении от хозяев или управляющих надлежащим образом засвидетельствованных удостоверений, а также удостоверений от начальников правительственных и общественных учреждений; в) при поступлении на государственную службу право на производство в первый классный чин без испытаний» [23, с. 4].

В докладе симбирскому купеческому собранию купеческий староста М.А. Волков заявил, что «наше время далеко ушло от задач чистого образования ради самого образования. Классические гимназии не дают каких-либо практических знаний для самостоятельной жизни, для ведения какого-либо практического дела. Они подготавливают молодых людей в высшие учебные заведения, но не дают законченного образования, которое хоть сколько-нибудь имело спрос в современной практической жизни. Нам нужно иметь такие, по преимуществу, учебные заведения, из которых выходили бы готовые работники, соответствующие требованиям современной жизни» [6, л. 5-6]. В это время в городе существовало коммерческое средне-специальное учебное заведение, однако, по мнению М.А. Волкова, выходцы из этого учебного заведения стремились занять положение представителей своих и чужих фирм для руководства и управления, но никак незаурядных приказчиков и конторщиков, в которых у купечества была настоятельная необходимость. Поэтому купеческий староста предложил основать коммерческую школу, где в отличие от коммерческого училища преподавалось меньшее число предметов и взималась меньшая плата за обучение. Кроме того, планировалось, что в этой торговой школе могли обучаться и девушки, что было достаточно прогрессивным для того време-

ни. В качестве мотивировки этого предложения приводился весьма своеобразный довод, базирующийся не столько на экономической необходимости, сколько на морально-нравственной: это будет полезное дело в развитии экономических сил и необходимым в улучшении семейного быта, главным же образом, в воспитании детей. Справедливости ради нужно заметить, что меркантильные планы все же преследовались: «в нашей торгово-промышленной деятельности женщина будет крайне полезной работницей, причем с меньшими претензиями, нежели мужчины» [11, с. 7; 7, л. 7]. По проекту устава, в мужской и женской торговых школах были одинаковые учебные планы, рассчитанные на 3 года и разделенные на 3 класса. В школах планировалось преподавать: Закон Божий, русский язык, бухгалтерию, коммерческие связи со сведениями по торговому, промышленному и сельскохозяйственному законодательству, коммерческую арифметику, основы геометрии, отечественную историю, коммерческую географию России, коммерческую корреспонденцию, сведения о товарах местного товарного района с необходимыми познаниями [8, л. 11]. По объему преподаваемых предметов коммерческие школы и училища среди специальных учебных заведений были одними из самых прогрессивных и заметным образом влияли не только на профессиональную подготовку учащихся, но и их общий кругозор. Неслучайно, что несмотря на достаточно высокую плату за обучение – в среднем 90-140 рублей в год [12, с. 53] – конкурс в подобные учебные заведения был достаточно велик [3, с. 94]. Для исследования уровня заинтересованности провинциального предпринимательства в распространении коммерческого образования весьма показательным распределением учащихся по сословиям и по занятиям родителей [31]:

Распределение учащихся коммерческих училищ по сословиям

Училища в губерниях	Число уч-ся	Дворян	Духовенства	Поч. гражд и купцов	Мещан	Крестьян	Др. сосл.	Ин. подд
Самарское	360	43	5	65	173	73	1	-
Симбирское	219	27	2	34	67	79	7	3

Примечание: В Пензенской губернии учебные заведения подобного рода отсутствовали.

Распределение учащихся по занятиям родителей

Училища в губерниях	Число уч-ся	Служба, вольные профессии	Торговля, промышл. капиталы	Приказчики, ремесленники	Рабочие, прислуга	Сельское хозяйство	Иные занятия
Самарское	360	104	183	31	-	35	7
Симбирское	219	62	76	27	4	28	22

В процентном соотношении количество детей местного предпринимательства в числе учащихся Самарского и Симбирского коммерческих училищ составляет 50 % и 34,7 % соответственно. Характерно, что численность социальной группы, указавшей своим занятием торговлю, либо промышленные капиталы, выходила далеко за рамки купеческого сословия (по Самарскому училищу 65 детей высших городских сословий и 183 предпринимателей; по Симбирской – 34 и 76 соответственно).

Итак, трансформация мировоззренческих ориентаций провинциального предпринимательства и признание необходимости не только общего, но и специального коммерческого образования в качестве базисного уровня для дальнейшего совершенствования предпринимательской деятельности происходит в 90-х годах XIX века и, особенно, в начале XX века. Ломка стереотипов привычного мировосприятия средневожской буржуазии происходит при жизни одного поколения и наглядно демонстрирует ускорение темпов динамики провинциальной ментальности, обусловленное общецивилизационными процессами. Престижность образования в качестве элемента новой ментальности является показателем перспективной модернизации провинции.

Библиографический список

1. Анопов И.А. Опыт статистического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. – СПб., 1889. – С. 2.

2. Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. – М., 1960. – Т. 2. – С. 241.
3. Всероссийский Торговый и Справочный Календарь. – Б.г. – С. 94.
4. Гуревич А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. – М., 1993. – С. 21.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. 190. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 1.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 137. – Оп. 37. – Д. 215. – Л. 5-6.
7. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 37. – Д. 215. – Л. 7.
8. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 37. – Д. 215. – Л. 11.
9. ГАУО. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 1.
10. ГАУО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 483. – Л. 1.
11. Доклад симбирскому купеческому собранию купеческого старосты М.А. Волкова. – Симбирск, 1903. – С. 7.
12. Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. – Самара, 1914. – С. 53.
13. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. – М., 1991. – С. 139.
14. Исторический очерк 50-летия Одесского коммерческого училища. 1862-1912. – Одесса, 1912. – С. 149.
15. Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. – М., 1928. – С. 116.
16. Корш Е.А. Быт купечества и мещанства // Государственный Исторический музей. Москва. Выставка: «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв.» 1926. Статьи и путеводитель по выставке. – М., 1926. – С. 25.
17. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С. 361-363.
18. Материалы по коммерческому образованию. – Вып. 4. – СПб., 1904. – С. 16.
19. Министерство финансов (1802-1902). – Ч. II. – СПб., 1902. – С. 18-19, 603, 605.
20. Отчет Попечительного Совета Самарского коммерческого училища за 1902/03 и 1903/04 учебные годы. – Самара, 1904. – С. 3-5.
21. Приселков М.Д. Купеческий бытовой портрет XVIII – XIX вв.: Первая отчетная выставка Историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». – Л., 1925. – С. 18, 19.
22. ПСЗ. – Т. 16. – № 12774.

23. Проект устава Самарской городской 6-ти классной торговой школы для совместного обучения лиц обоего пола. – Самара, б/г. – С. 2.
24. Производительные силы России. – СПб., 1896. – Отд. 19. – С. 3-4, 42.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 956. – Лл. 3-4.
26. РГИА. – Ф. 25. – Оп. 3. – Д. 569. – Л. 1.
27. РГИА. – Ф. 25. – Оп. 5. – Д. 484. – Л. 1.
28. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 32. – Д. 476. – Л. 1-8.
29. Россия в конце XIX века. – СПб., 1900. – С. 494-495.
30. Свердлова Л.М. На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991. – С. 52.
31. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности (1907-1908 учебного года). – СПб., 1909. – С. 28-29, 114, 171.
32. Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики. – Казань, 1902. – С. 174, 301.

Е.И. СУМБУРОВА

Самарский государственный экономический университет

К ВОПРОСУ О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ САМАРСКОГО КУПЧЕСТВА В СФЕРЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С отменой крепостного права в России общественная жизнь в стране получила более демократичный характер. Буржуазные реформы 1860-1870-х гг., осуществленные Александром II, стали благоприятной почвой для развития меценатства и благотворительности. Едва ли не ежедневно в России возникали новые благотворительные общества и фонды, в которых принимали участие представители разных сословий и званий, профессий и вероисповеданий [1].

Немалая заслуга в развитии благотворительности в России во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежит купечеству, для которого материальное благосостояние, обогащение, личный успех не были чем-то самодевулюющим. Развивая свое торговое дело, они ставили перед собой задачи его религиозного осмысления, видели необходимость поддержки культуры, науки и искусства [2, с. 60].

Постепенно менялись патриархальный быт и нравы российского купечества. Появился новый тип купца, понимавшего иначе свое дело, нежели его предшественники. Купцы нового склада торговали «по-европейски», то есть честно. Они обладали широким взглядом на жизнь [3, с. 204]. Благотворительная деятельность стала характерной чертой менталитета российского купечества, в том числе и самарского.

История Самары XIX – начала XX вв. знает многих купцов, занимавшихся благотворительностью, в том числе вкладывавших свои средства в развитие народного образования. Некоторые из них учреждали стипендии, другие становились покровителями учебных заведений. Например, вдова Д.В. Кириллова открыла ремесленное училище для бедных детей и назвала его в честь покойного мужа. Купец П.С. Субботин жертвовал на содержание Самарского епархиального женского училища, технического железнодорожного училища, реального училища. А.Н. Шихобалов вкладывал средства в развитие коммерческого училища, построил ремесленный приют на 30 человек. Я.Г. Соколов в 1904 г. отдал под трехклассное городское училище один из своих домов. Г.И. Курлин открыл пансион-приют для малолетних слепых детей. Л.С. Аржанов передал свою дачу с садом и домом под устройство школы для детей рабочих Трубочного завода [4, с. 315-318].

Супруга Г.И. Курлина, Мария Захаровна в память о рано умершем

сыне Дмитриии пожертвовала 13 тыс. руб. на стипендию в коммерческом училище [5].

Самарское коммерческое училище, открытое в 1902 г., своим появлением было обязано купечеству. Начиная с конца 1880-х гг., купцы Самары неоднократно предлагали учредить в городе коммерческое училище. Большую роль в его открытии сыграл председатель Самарского биржевого комитета А.Г. Курлин, как своими инициативами, так и денежными средствами.

14 сентября 1902 г. в Самаре по случаю открытия коммерческого училища прошли торжества. «Самарская газета» писала по этому поводу: «Создание коммерческого училища является вполне отрядным фактом, свидетельствующим, что самарское купечество не представляет, вопреки всему, неподвижного темного царства, что есть в нем сознание необходимости общественного воспитания, образования и развития вне старых изношенных рамок» [5].

Еще одним направлением в благотворительной деятельности самарского купечества являлось посещение вечеров, устраиваемых попечительскими советами гимназий с целью сбора средств на нужды малообеспеченных учениц. Как правило, организовывались музыкально-литературные вечера, на которые продавались билеты разной стоимости. Например, в 1910-х гг. билет в первый ряд стоил 5 руб., входные билеты – 1 руб. 10 коп., а ученические – 55 коп. Во время спектакля в фойе продавался чай, фрукты, холодные закуски, устраивалась лотерея-аллегри (то есть, лотерея с результатом, который становится известным сразу после приобретения лотерейного билета), продавались пожертвованные вещи. Доход от подобных мероприятий был значительным. Так, во время благотворительного вечера, проведенного в 3-й Самарской женской гимназии имени А.С. Хованской 2 февраля 1909 г., было собрано 1 561 руб. 71 коп., а расходы составили 240 руб. 56 коп. 9 февраля 1914 г. в зале Самарского Общественного собрания прошел вечер в пользу недостаточных учениц общежития при 1-й женской гимназии, где прибыль составила 1 501 руб. 48 коп.

Кто посещал благотворительные вечера? В списках лиц, купивших билеты, мы видим фамилии Шихобаловых, Неклютиных, Субботиных, Курлиных, фон Вакано, Сурошниковых, Аржановых, то есть представителей богатейших самарских купеческих семей.

Данные мероприятия любили посещать и учащиеся средних учебных заведений Самары, но организаторы вечера, выполняя правила устройства благотворительных вечеров, вводили ряд ограничений для присутствия учащихся. Гимназистам было запрещено задерживаться на вечере после 12 часов вечера. Существовал список пьес, на которых им нельзя было присутствовать (например, «Ледяной дом» И. Лажечникова, «Княжна Тараканова» Г. Данилевского, «Петербургские трущобы» В. Крестовского, «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского). Им не разрешалось надевать на вечер кулоны, браслеты,

часы, банты, делать прически в парикмахерских, танцевать танго [6, Д. 51. – Л. 1-24; Д. 212. – Л. 23; Д. 286. – Л. 11; Д. 299. – Л. 14-15].

Купцы в пореформенный период стали настоящими хозяевами экономической жизни Самарского края. Городовое Положение 1870 г. предоставило им преобладающую роль в городском самоуправлении [3, с. 206]. Но нужно помнить, что, будучи людьми, смыслом жизни которых была коммерция, они никогда не забывали о своей выгоде. Вклад купечества в развитие народного образования края, несомненно, значителен, но хотелось бы отметить, что материальная поддержка оказывалась в первую очередь тем учебным заведениям, в которых обучались дети купцов и почетных граждан.

Если оценить предпочтения самарских купцов в выборе учебных заведений для своих детей за 1895-1917 гг., то получается, что из 135 прошений в 69 случаях (45,19 %) предпочтение было отдано самарским учебным заведениям. На первом месте оказалось Самарское реальное училище (20 учащихся), на втором – коммерческое училище (18), на третьем – Самарская мужская гимназия (13) [4, с. 66-67]. Купеческие дочери, как правило, получали образование в женских гимназиях. И только дети разорившихся купцов или оставшиеся сиротами обучались в менее престижных учебных заведениях. В таких, например, как учительская семинария, Самарская земская школа по приготовлению сельских учительниц, учительский институт. И тем более ценным является благотворительный вклад самарских купцов в развитие этих учебных заведений.

Нам хотелось бы вспомнить о некоторых представителях самарского купечества рубежа XIX – XX столетия, чья финансовая помощь содействовала складыванию системы педагогического образования в Самарской губернии.

Купец Сергей Ефремович Пермяков немало сделал для города Самары. Он был гласным городской думы с 1897 по 1906 и с 1909 по 1914 гг. Состоял членом садовой, училищной, канализационной, театральной, технической и ряда других думских комиссий и комитетов. В 1912 г. его за активную деятельность отметили званием «потомственный почетный гражданин Самары». С 1914 по 1916 гг. С.Е. Пермяков занимал должность градоначальника Самары. Кроме того, он состоял попечителем 13-го смешанного городского приходского училища и членом попечительского совета 2-й женской гимназии. В Самарском коммерческом училище для особо талантливых учеников была учреждена стипендия имени почетного гражданина С.Е. Пермякова [4, с. 246-248].

В феврале 1915 г. в Педагогический Совет Самарского учительского института поступило заявление от С.Е. Пермякова с предложением учредить стипендию его имени в их учебном заведении. Для этих целей администрация института получила 1 200 руб. в облигациях 5 % займа. Эти деньги были собраны по подписке московскими и лодзинскими фабрикантами, пожелавшими отметить 30-летний юбилей коммерческой деятельности С.Е. Пермя-

кова. По условиям стипендии проценты с внесенной суммы поступали в качестве платы за обучение, составлявшей 40 руб. в год. Оставшиеся средства можно было использовать для оказания материальной помощи учащимся института. Выбор стипендиата осуществлялся С.Е. Пермяковым, независимо от национальности и общественного положения, после него распоряжение капиталом переходило в руки его супруги или старшего в роду. Затем уже Педагогический Совет мог самостоятельно распоряжаться стипендиальным фондом С.Е. Пермякова. В мае 1916 г. стипендия была назначена одному из воспитанников учительского института [7, Д. 52. – Л. 70 (об.) – 71; Д. 69. – Л. 68].

С.Е. Пермяков, выступая в заседаниях Городской Думы в сентябре 1916 г., активно поддержал идею о строительстве собственного здания для Самарского учительского института, так как с самого открытия этого учебного заведения в 1911 г. своего помещения у него не было [7, Д. 88. – Л. 5-6].

Жена С.Е. Пермякова, Ольга Александровна, также активно участвовала в общественной жизни города. Она окончила Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, служила учительницей рукоделия и классной надзирательницей во 2-й Самарской женской гимназии. С 1908 г. была постоянным членом Общества народных университетов. Являлась попечительницей 31-го смешанного городского приходского училища и членом попечительского совета Николаевского сиротского дома для девочек. В марте 1916 г. при Самарском учительском институте было создано Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам института, так как учащиеся остро нуждались в материальной поддержке. Председателем Общества была избрана О.А. Пермякова [4, с. 246-248; 7, Д. 76. – Л. 11-19]. Общество вспомоществования, имея первоначальный капитал в 121 руб., пожертвованный Ольгой Александровной и преподавателями института, устраивало для самых нуждающихся воспитанников ежедневные бесплатные горячие завтраки, а для остальных учащихся – за минимальную плату.

В начале 1917 г. было принято решение в связи с крайне тяжелым материальным положением учащихся открыть столовую для воспитанников института, где во время большой перемены (в 10 часов утра) учащиеся пили чай с хлебом, а в два часа дня ежедневно, не исключая и праздников, устраивались обеды, причем 10 человек получали их бесплатно. [7, Д. 77. – Лл. 33, 39-40 (об.)]. Для устройства обедов О.А. Пермякова собрала в качестве пожертвования 100 руб., которые внесли А.А. Аржанов, Л.С. Аржанова и С.Е. Пермяков. Ольга Александровна приобрела на свои средства посуду для столовой.

Еще одним направлением деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Самарского учительского института была выдача пособий ученикам на внесение платы за обучение. Например, в мае 1916 г. пособие получил Кореневский, а в декабре – воспитанник Тюмкин [7, Д. 84. – Л. 19-27].

В Самаре большим уважением пользовался почетный гражданин Петр

Семенович Субботин. Он состоял гласным Самарской городской думы, а в 1883 г. был избран городской головой. Значителен его вклад в развитие образования города Самары. Он состоял почетным смотрителем Самарского епархиального училища, женского городского 4-х классного училища, где оплачивал обучение сначала 25, а затем 30 малоимущих учениц. П.С. Субботин являлся членом попечительского совета Самарской женской гимназии и почетным попечителем Самарского реального училища [8].

В 1879 г. П.С. Субботин был выбран почетным попечителем Самарской учительской семинарии. Это значило, что он стал регулярно жертвовать средства на нужды учебного заведения. Например, в 1883 г. им было перечислено на счет семинарии 300 руб. и закуплена четвертая часть дров, необходимых для отопления учебного заведения в зимний период [9, Д. 15 378. – Лл. 42, 44].

Подводя итоги вышеизложенного, хотелось бы отметить активную благотворительную деятельность самарского купечества в сфере народного образования, но при этом часто сферой их финансовых интересов становились престижные городские учебные заведения, где образование получали их дети. Случаи поддержки иных учебных заведений, как правило, единичны. Самарское купечество неохотно вкладывало в их развитие свои денежные средства, считая, что это обязанности земского самоуправления.

Библиографический список

1. <http://samara-desnica.narod.ru>.
2. Салова С.В. Буржуазия России в годы первой мировой войны 1914-1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии / Под общ. ред. М.В. Астахова. – Самара, 2005.
3. Рядченко Е.А. Положение российского купечества в пореформенный период (по материалам Самарской губернии) // Тагищевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции 10-12 октября 2002 г. / Отв. ред. А.Э. Лившиц. – Тольятти, 2002.
4. Самарское купечество: вехи истории / Под ред. Е.П. Бариновой. – Самара, 2006.
5. <http://sva-slava.narod.ru>.
6. ГАСО (Государственный архив Самарской области, г. Самара). – Ф. 161. – Оп. 1.
7. ГАСО. – Ф. 106. – Оп. 1.
8. <http://news.samaratoday.ru>.
9. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан, г. Казань). – Ф. 92. – Оп. 1.

О.А. СУТЯГИНА

Томский государственный архитектурно-строительный университет

К ВОПРОСУ О МЕЦЕНАТСТВЕ СИБИРСКИХ КУПЦОВ В XIX ВЕКЕ

Благотворительность и меценатство являлись традиционными формами участия российских предпринимателей в общественной и культурной жизни страны. В исторической литературе нет однозначных определений терминов «благотворительность» и «меценатство», и некоторые авторы отождествляют эти понятия, не видя в них различий. По мнению Л.П. Рощевской, «между благотворительностью и меценатством существовала весьма тонкая грань, а в России она фактически была сведена на нет» [1, с. 140]. Видимо, поэтому к меценатству, помимо пожертвований на образование и просвещение, она относит также пожертвования на детские приюты и деятельность тюремных комитетов, которые, на наш взгляд, следует отнести к благотворительности. Н.И. Гаврилова также не разграничивает данные понятия, определяя благотворительность как «социальное явление, направленное на оказание помощи отдельным лицам и группам лиц, а также на поддержку и развитие образования, науки, культуры, здравоохранения и других сфер нематериального производства со стороны частных лиц, общественных организаций, государства» [2].

Другие авторы, не отрицая тесной взаимосвязи между благотворительностью и меценатством, выделяют последнее как вид благотворительности в сфере культуры [3]. По определению Е.П. Хорьковой, меценатство – это «покровительство искусству, наукам, собирание больших библиотек, коллекций, создание художественных галерей, театров, ... всего того, что входит в широкое понятие культуры» [4, с. 432]. На наш взгляд, это наиболее емкое определение термина «меценатство», но считаем нужным его дополнить. Меценатство – не только покровительство искусству и наукам, но и попечение о доступности культурных ценностей для самых широких слоев общества путем открытия и поддержки учебных заведений. Под благотворительностью же мы будем понимать оказание материальной помощи нуждающимся, то есть пожертвования на богадельни, больницы, приюты, ночлежные дома, тюрьмы и тому подобные заведения.

Прежде чем перейти непосредственно к истории меценатства сибирских купцов, следует затронуть вопрос о причинах меценатства, которое, как мы выяснили, было видом благотворительности. Среди главных причин, толкавших купцов на широкое участие в меценатской деятельности, можно выделить следующие: глубокая религиозность предпринимателей, жертвовавших

свои деньги на благое дело; корыстные соображения о возможности получения почетного звания или наград; демонстративное расточительство. Кроме этого, по мнению В.П. Бойко, инициатором многих благотворительных начинаний купцов служила власть, «которая хотела показать перед правительством свою общепользную деятельность и понуждала купцов делать значительные пожертвования на какие-либо проекты, обещая взамен свою поддержку при хлопотах о наградах и званиях» [5, с. 388]. Немаловажной причиной меценатства, на наш взгляд, являлись личные качества купцов: уровень их образованности, жажда знаний, страсть к коллекционированию книг и произведений искусства, любовь к музыке и театру. Впрочем, так или иначе, но в дореформенной России меценатство, как вид благотворительности, было неотъемлемой частью жизни общества, давая возможность развиваться не приносящей прибыль социально-культурной сфере. На протяжении всего рассматриваемого периода сибирские купцы делали немалые пожертвования на развитие данной сферы. Среди всех этих взносов можно выделить несколько групп: пожертвования на образование, на музеи и библиотеки.

Самым ярким примером меценатства в течение рассматриваемого периода могут служить значительные пожертвования на нужды образования. Являясь хозяевами крупных промышленных предприятий, купцы были заинтересованы в квалифицированном персонале, способном овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения хозяйства, поэтому они были заинтересованы в развитии образования, в том числе профессионального, для чего оказывали финансовую поддержку школам, институтам и университетам.

Некоторые сибирские купцы строили школы полностью на свои средства. Так, в 1883 г. было открыто начальное и ремесленное училище в с. Кекур Красноярского округа на капитал, пожертвованный потомственным почетным гражданином Аверьяном Матониным. Он пожертвовал 18 000 руб., на проценты с которых должно было содержаться училище и каменное двухэтажное здание для училища с деревянными пристройками. В училище принимались дети в возрасте от 7 до 12 лет, учились они 3 года. Учредитель выделил также еще 2 000 руб., на проценты с которых должны были выплачиваться стипендии двум мальчикам [6, л. 11, 12].

26 февраля 1883 г. в Томске была открыта первая профессиональная школа – ремесленное училище Евграфа и Евпраксии Королевых. Интересна предыстория открытия этого училища: еще в 1881 г. городская дума приняла решение открыть в Томске ремесленное училище имени убиенного царя Александра II и искала средства для этого дела. В начале 1883 г. Е.И. Королев заявил, что жертвует два дома общей стоимостью в 35 000 руб. и еще 45 000 руб. для устройства и содержания ремесленного училища с тем условием, что училище будет носить имя Евграфа и Евпраксии Королевых. Думе

пришлось согласиться, а имя Александра II решили дать другому училищу [7, л. 4, 8].

За открытие ремесленного училища Е.И. Королев был удостоен звания почетного гражданина Томска и ордена Святого Владимира 3-й степени, а в 1884 г. ему было присвоено звание коммерции советника, которое имели весьма немногие купцы. Для того чтобы удостоиться данного звания, необходимо было состоять в 1-й гильдии не менее 12 лет и иметь особые заслуги не только в области торговли и промышленности, но и в благотворительности.

Многие предприниматели жертвовали крупные суммы на постройку зданий для уже существующих школ. Так, в 1879 г. А.Ф. Кузнецова пожертвовала 12 000 руб. на постройку нового здания для женской гимназии в Красноярске. К этой сумме на ту же цель поступило еще 4 000 руб. от Т.И. Щеголевой [8, с. 27]. Бийский первой гильдии купец А.Ф. Морозов 30 июля 1890 г. пожертвовал 25 000 руб. на постройку здания для Томской губернской гимназии [9, 6 фев.]. А.М. Сибирякова в 1891 г. пожертвовала для высших женских курсов участок земли и 10 000 руб. для общежития слушательниц [9, 6 дек.].

Иногда крупные пожертвования шли на благоустройство школ, покупку учебных пособий. В частности, в 1832 г. по просьбе кяхтинского купечества в городе Кяхте была учреждена школа китайского языка, на постройку которой купец Николай Игумнов пожертвовал 5 000 руб., с тем, чтобы часть денег была выделена на приобретение необходимых китайских книг. В школу принимались дети всех состояний, но только православного вероисповедания, умеющих читать и писать по-русски и знающих первые правила арифметики [10, т. VII, № 5 762].

Для открытия даже небольшой школы требовались немалые средства, редко кто мог пожертвовать такие суммы, тем более перечислять их регулярно для поддержания школ. Поэтому наиболее популярным среди купечества становится учреждение именных стипендий. Так, в 1873 г. статский советник И.С. Хаминов на 3 стипендии им. великого князя Алексея Александровича пожертвовал 5 750 руб., из них 2 000 руб. – в ремесленную школу при Иркутском сиропитательном доме, 2 750 руб. – в Иркутскую мужскую гимназию и 1 000 руб. в Иркутскую женскую гимназию [11, с. 170, 171]. Впоследствии И.С. Хаминов еще неоднократно являлся учредителем именных стипендий. Городской голова Томска З.М. Цибульский в 1879 г. пожертвовал 6 000 руб. на учреждение стипендии им. наследного цесаревича Александра Александровича при открываемом в Томске университете [12, л. 15 об.].

Проявлением меценатства в области образования была и поддержка талантливых учеников. Здесь наиболее ярким примером является помощь, оказанная П.И. Кузнецовым своему земляку Василию Ивановичу Сурикову – выдающемуся живописцу XIX в. Кузнецов отправил одаренного земляка учиться в Санкт-Петербург в Академию художеств. Все годы учебы в Академии

Кузнецов исправно выплачивал Сурикову большую стипендию, следил за его успехами. Для дополнительной помощи молодому художнику П.И. Кузнецов приобретает для своей коллекции самую первую самостоятельную картину Сурикова – «Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Санкт-Петербурге» (1870 г.). Суриков навсегда остался благодарен П.И. Кузнецову за неоценимую помощь. Еще во время учебы в 1874 г., он подарил своему покровителю картину «Милосердный самарянин», за которую получил малую золотую медаль. Обе картины, благодаря коллекции Кузнецова сейчас находятся в Красноярском художественном музее, носящем имя В.И. Сурикова.

Немало сибирские купцы-меценаты жертвовали на первый Сибирский университет, открытый в Томске в 1888 г. Среди жертвователей на его строительство следует отметить городского голову Томска З.М. Цибульского, который внес 100 000 руб. на закладку Сибирского университета, за что был пожалован орденом св. Владимира третьей степени, а затем еще 40 000 руб. на завершение строительства [12, л. 9 об., 16 об.]. Почетный гражданин Иркутска, первой гильдии купец А.М. Сибиряков пожертвовал 167 177 руб. на учебные пособия для университета [13, с. 11].

Просвещенные купцы-меценаты имели собственные библиотеки. Так, иркутский купец Василий Николаевич Баснин собрал уникальную библиотеку, насчитывающую около 12 тыс. томов. Библиотеку свою он сделал публичной, открыв доступ в нее всем желающим. Перед своим переездом в 1858 г. в Москву, Баснин оставил библиотеку Иркутской духовной семинарии. Кроме этого, он собирал картины и был большим любителем музыки. «Все, что было в Иркутске просвещенного, собиралось в его доме, где оживленные беседы о том, что занимало умы современной интеллигентной России, сменялись чтением и музыкой», – писали в «Сибирском листке» в 1891 г. [9, 15 марта].

Известным коллекционером и библиофилом слыл красноярский купец Геннадий Васильевич Юдин. Библиотека Юдина находилась на его даче в Таракановке в четырех верстах от города и являлась «особенной достопримечательностью не только Красноярска, но и всей Сибири». Библиотека размещалась в особом двухэтажном деревянном здании рядом с домом владельца. В ней находилось более 150 шкафов с книгами, число которых насчитывало более 100 тыс. томов. Ежегодно в библиотеку выписывалось до 78 периодических изданий. Юдин не жалел денег на книги и к 1898 г. затраты на них составили 126 975 руб. 28 коп. [14, с. 311]. Как отметил А.В. Циркин, «предпринимательская деятельность была лишь средством к реализации планов Юдина в деле коллекционирования книг и исторических документов, помимо, конечно, получения средств для жизни семьи» [15, с. 17]. Но в отличие от библиотеки В.Н. Баснина, библиотека Г.В. Юдина не стала публичной, она была доступна только для ученых-исследователей.

Предприниматели помогали и общественным библиотекам. Так, Мину-

синская общественная библиотека создавалась исключительно на пожертвования. Из всей стоимости книг, полученных библиотекой за 10 лет существования, с 1878 по 1887 гг., около 82 % были пожертвованы разными лицами и учреждениями, среди них выделялись купцы-меценаты И.М. Сибиряков, В.А. Данилов, Г.П. Сафьянов [16, с. 201].

У истоков создания народной библиотеки Томска стоял Петр Иванович Макушин, который 17 августа 1884 г. обратился с ходатайством к губернатору о дозволении открыть в Томске народную бесплатную библиотеку. Ходатайство было принято, и 30 сентября библиотека была открыта, располагалась она в наемном помещении. К тому же времени архитектором П.П. Нарановичем был составлен план здания библиотеки, стоимостью в 8 000 руб. Мысль об открытии собственного здания бесплатной библиотеки многим казалась несбыточной, но архитектор верил, что найдется человек, сочувствующий делу народного просвещения. И такой человек действительно нашелся: им стал томский купец первой гильдии Семен Степанович Валгусов. В начале 1885 г. С.С. Валгусов заявил, что построит на свои средства здание библиотеки и передаст его в собственность Обществу попечения о начальном образовании в Томске. Уже в сентябре 1887 г. здание библиотеки было готово. Среди жертвователей на томскую бесплатную библиотеку были купцы И.А. Еренев, П.В. Михайлов, Ф.Х. Пушников, М.И. Некрасов, Е.М. Голованов и др. Примечательно, что среди жертвователей были не только томские купцы. Так, иркутский купец И.М. Сибиряков пожертвовал на библиотеку 4 000 руб. и в дальнейшем ежегодно присылал денежные средства на закупку книг (например, в 1884 г. он присылал для этих целей 200 руб.) [17, с. 8, 14, 15, 19-21, 32-44]. Им же, не без содействия П.В. Михайлова, было выстроено здание для Общественного музея прикладных знаний в виде пристройки к Бесплатной библиотеке, который был открыт в 1893 г.

Большую помощь меценаты оказывали сибирским краеведческим музеям. У истоков основания минусинского краеведческого музея стоял Николай Михайлович Мартьянов. Первым, кто поддержал идею Мартьянова о создании в Минусинске музея, был купец, городской голова Иван Гаврилович Гусев, в доме которого, где располагалось приходское училище, были выделены две комнаты для музея. Коллекция музея в то время была невелика и насчитывала немногим более 1 300 предметов. С первых дней открытия музея стали поступать пожертвования в виде различных экспонатов. И.М. Сибиряков специально для музея выписал из Саксонии минералогическую коллекцию. П.И. Кузнецов принес в дар большую медную вазу и другие древности, положив тем самым начало археологическому отделу музея. М.Т. Самохвалов подарил модель золотопромывальной машины и коллекцию минералов [18, с. 37, 52].

Одним из создателей Енисейского музея был Александр Игнатьевич Кытманов – сын золотопромышленника, выпускник естественного факульте-

та Петербургского университета, кандидат естественных наук, который принимал самое активное участие в городской общественной жизни. Благодаря его пожертвованиям в виде чучел млекопитающих, птиц и рыб, минералов, горных пород, гербариев, моделей и изделий промыслов и производств, костюмов, украшений и других предметов быта инородцев Туруханского края, музей был открыт 1 октября 1883 г. Енисейский музей ставил своей целью – собрание всех произведений природы и деятельности человека в Енисейском округе и Туруханском крае. Музейные экспонаты приобретались путем пожертвований, обмена, покупки. Среди жертвователей Енисейского музея были золотопромышленники, купцы Баландины, Востротины, Емельяновы, Кузнецовы, Кытмановы, И.Д. Черемных, И.М. Грехов и многие другие. Так, Н.И. Кытманов предоставил музею железные изделия, шаманские принадлежности, орудия охоты, горные породы. И.Д. Черемных пожертвовал модели золотопромывальной машины, водокачки конного привода с насосами, золотые руды, горные породы и пр. [19, с. 2]. В 1884 г., по предложению Кытманова и его товарища Скорнякова, при музее была открыта общественная публичная библиотека.

Инициаторами создания Красноярского музея, открытого в 1889 г., выступили городской голова предприниматель Иннокентий Алексеевич Матвеев и его жена Юлия Петровна Матвеева – дочь Петра Ивановича Кузнецова. Матвеевы предоставили для временного помещения музея несколько комнат в своем доме и лично несли все расходы по музею до 1895 г., когда средства на него стала отпускать городская дума. Кроме того Матвеевы пожертвовали коллекцию тропических насекомых, маски типов инородцев Минусинского округа, чучела птиц и др. Другие дети знаменитого мецената также приняли участие в открытии музея. Евдокия и Александра Кузнецовы пожертвовали на его открытие 1 000 и 500 руб. соответственно. Александр Петрович Кузнецов передал музею коллекцию уральских и нерчинских минералов, некоторые археологические предметы. Помимо этого наследники П.И. Кузнецова передали музею свою наследственную библиотеку, составляющую более 160 наименований (около 3 000 книг). Данный дар позволил открыть при музее библиотеку, на которую Евдокия Петровна пожертвовала сверх того еще 500 руб. [20, с. 299, 300].

Таким образом, меценатство как вид благотворительности было направлено на поддержку образования, науки и искусства и проявлялось в различных формах. Устройство и финансирование новых школ, институтов и университетов, учреждение именных стипендий, поддержка наиболее талантливых учеников были привычным делом сибирских меценатов. Наиболее просвещенные купцы имели свои собственные библиотеки, не забывая оказывать помощь библиотекам общественным. Среди ярких библиофилов можно выделить Г.В. Юдина и В.Н. Баснина, среди радетелей общественных библио-

тек – Кузнецовых, Сибириковых, П.И. Макушина и С.С. Валгусова. Сибирским краеведческим музеям меценаты оказывали значительную помощь, которая проявлялась в предоставлении денежных средств на строительство музеев, приобретении для них коллекций, финансировании научных экспедиций и командировок. Меценатами сибирских музеев в большей степени проявили себя предприниматели Кузнецовы, Сибириковы и А.И. Кытманов.

Деятельность сибирских предпринимателей в области меценатства можно оценивать по-разному. Каковы бы ни были мотивы сибирских меценатов, благодаря их деятельности были собраны и сохранены произведения искусства, исторические и этнографические памятники, редкие издания книг и рукописи, часть из которых и по сей день хранится в краеведческих музеях и библиотеках сибирских городов, являясь местными достопримечательностями.

Библиографический список

1. Роцевская Л.П. Вклад купцов-меценатов в развитие культурной жизни Тюмени в XIX в. // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв.: Сб. ст. – М., 1996. – С. 139-151.
2. Гаврилова Н.И. Благотворительность // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. – Т. 1. – Кн. 1 / Под ред. А.С. Зуева, Д.Я. Резуна. – Новосибирск, 1994. – С. 129.
3. Свердлова А.Л. Меценатство в России как социальное явление // Социол. исслед. – 1999. – № 7. – С. 134; Лаврененко Л.Я. Меценатство и благотворительность: история развития // Школа. – 2001. – № 2. – С. 67.
4. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. – М.: Приор, 1998.
5. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск). – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 53.
7. ГАТО (Государственный архив Томской области, г. Томск). – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 376.
8. Бакай Н.Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869-1894 гг.). – Красноярск, 1895.
9. Сибирский листок. – 1891.
10. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. первое. – СПб., 1830-1881.
11. Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в

- трансформации российского общества. – СПб.: «Лики России», 2005.
12. ГАТО. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 128.
 13. Флоринский В.М. Историческая записка о возникновении в Сибири университета. – Томск, б.г.
 14. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. – СПб., 1900.
 15. Циркин А.В. Социокультурная и предпринимательская деятельность красноярского купечества в XIX – начале XX столетия // Наука, образование в системе культуры. Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: Материалы IV Всероссийской научной конференции. – Красноярск, 2006.
 16. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год, с адрес-календарем. – Красноярск, 1891.
 17. Народная бесплатная библиотека в г. Томске. – Томск, 1887.
 18. Десятилетие Минусинского музея 1877-1887. – Томск, 1887.
 19. Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 г. по 1 октября 1908 г. и краткий перечень коллекций музея. – Красноярск, 1909.
 20. Проскуряков П. Историческая заметка о возникновении Красноярского музея и библиотеки // Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. – Красноярск, 1889.

И.А. ТАЛЫШЕВА

Елабужский государственный педагогический университет

ВЛИЯНИЕ КУПЕЧЕСТВА НА СТАНОВЛЕНИЕ
СРЕДНТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
МОДЕЛИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Во все времена образование олицетворяло и определяло вектор развития общества, уровень его культуры, нравственного и профессионального потенциала. В этом процессе выражается сущность этнокультурных отношений и взаимосвязи народов, взаимопроникновение и взаимообогащение культур, толерантность и взаимоуважение.

В XXI веке система профессионального образования поставлена перед проблемами, жестко навязываемыми постиндустриальным мировым сообществом. Это прежде всего проблема интеграции с мировой образовательной системой и принятие в процессе модернизации российского образования общих тенденций мирового развития.

Каким образом наша система будет интегрирована в это сообщество не ясно, поскольку нам обозначают стратегию, в которой не учитывается наш многовековой образовательный опыт, созданный всем историческим прошлым Российского государства. В этой ситуации встает вопрос поиска оптимальной стратегии и реализации проблем интеграции. Поэтому представляется целесообразным обратиться к историческому опыту становления системы профессионального образования, чтобы не раствориться в мировом образовательном пространстве, а сохранить свою культурную самобытность, веками складывающуюся образовательную систему, называемую на рубеже XIX – XX веков выдающимися педагогами Америки, Англии, Франции и Германии «русским лучом света в мировом техническом образовании».

Возникновение и развитие среднетехнического образования в Казанской губернии, как и в целом по России, на рубеже XIX – XX веков непосредственным образом связано с подъемом фабрично-заводской промышленности, вызванным социально-экономическими процессами формирования рынка рабочей силы.

Преобразование существующих, строительство новых предприятий, по-

явление новых фабрик и заводов имело важное последствие для интенсификации капиталистических отношений, проявившееся прежде всего в укрупнении предприятий. Этот процесс потребовал внедрения в производство современной техники. Одним их первых крупных предприятий Казанской губернии стал Кокшанский химический завод купца П.К. Ушакова. Он был основан в 1850 году в Елабужском уезде. В 90-е годы завод Крестовниковых был оснащен паровыми машинами, предприятие Алафузовых становится комбинатом, в состав которого входили льнопрядильная, суконная, кожевенная, ткацкая фабрики, химическое и красильное отделение. Расширяются химические предприятия А.Н. Свешникова, предприятие пищевой промышленности М.И. Оконишникова, укрупняются предприятия татарских купцов А.Я. Сайдашева и М.И. Утямшева. Капиталист И.А. Арсланов открывает мыловаренный и глицериновый завод. Многие предприятия татарских купцов находились за пределами губернии. Это Симбирская, Самарская, Оренбургская, Вятская губернии, Средняя Азия и Казахстан. Так, в Вятской губернии татарские капиталисты имели хлопчатобумажные, в Симбирской и Саратовской – суконные фабрики. Братьям Жакиру и Закиру Рамиевым принадлежали в Оренбургской губернии два золотых прииска. Всего в 10 губерниях европейской части России татарские капиталисты владели 76 предприятиями.

Активную роль в торговле играли татарские купцы: Азимовы, Арслановы, Аитовы, Бурнаевы, Галеевы, Галикеевы, Кушаевы, Усмановы, Утягановы, Утямшевы и другие.

Таким образом, социально-экономическая деятельность Казанской губернии на рубеже XIX – XX веков характеризуется прогрессивными тенденциями капиталистического развития промышленности, формирования внутреннего и внешнего рынка, развитием многонациональных по своему составу буржуазии и рабочих. Эти тенденции актуализировали проблемы подготовки специалистов для всех структур промышленности, торговли, сельского хозяйства. Поставили со всей остротой задачи реорганизации и расширения существовавшей сети средних технических учебных заведений.

Этому способствовало также и то, что во 2-ой половине XIX и начале XX века в русской промышленности работало значительное количество иностранных специалистов. Так, по сведениям Департамента торговли и мануфактур за 1885 год в химическом и механическом производствах 50 губерний (в том числе и Казанской) европейской части России на русских фабриках и заводах работало только заведующими производства свыше 1 330 иностранцев. Владельцы фабрик и заводов, приглашая на работу зарубежных мастеров и техников, надеялись таким путем решить свои, сугубо прагматические проблемы – быстро, без затрат, получить выгоду за счет использования профессионального мастерства иностранных специалистов. Но подчас такие мастера оказывались технически невежественными людьми.

Наличие многочисленных специалистов из иностранцев объяснялось в значительной мере также и тем, что ряд важнейших отраслей промышленности (угольная, нефтяная, металлургическая, машиностроительная, химическая, текстильная) находились в прямой зависимости от экспортируемого в Россию в виде инвестиций иностранного капитала. Банкиры и промышленники, финансировавшие отдельные крупные предприятия и целые отрасли производства, стремясь превратить Россию в свою сырьевую полуколонию, сохранить и даже усилить техническую отсталость страны, лоббировали интересы своих интересов и руководителей на фабриках, заводах, рудниках и промыслах. Русское купечество прекрасно понимало необходимость создания специальных образовательных учреждений подготовки отечественных кадров для развивающейся промышленности. Передовые русские, татарские купцы совместно с общественными деятелями активно отстаивали идею необходимости создания таких учреждений. В печати, на различных съездах промышленников и деятелей в области образования обсуждались идеи, звучали требования о расширении сети среднетехнических учебных заведений.

В 60-90-е годы XIX века в Казанской губернии возник ряд обществ, среди которых – Естествоиспытателей (1869 г.) и Казанское отделение Русского технического общества (1879 г.), ставивших первоочередной задачей распространение технического образования, с помощью которого планировалось поднятие производительных сил всего востока России и особенно Поволжья и Приуралья.

В 80-х годах XIX века в Казани успешно работали реальное, 4-х классовое городское, ремесленное Александровское и земледельческое училища, татарская учительская школа, учительский институт для подготовки учителей 4-х классов школ, три мужских и три женских гимназии. Но для интенсивно развивающейся промышленности были необходимы другие кадры – кадры недорогих по подготовке специалистов по механической, химической и строительной отраслям, могущие заполнить нишу между инженерами и рабочими, как на крупных, так и на мелких фабриках и заводах.

Казанская городская Дума под давлением местных промышленников еще в 1883 году возбудила ходатайство перед Министерством народного просвещения об открытии в Казани технического училища или хотя бы технических курсов при реальном училище с целью удовлетворения нужд края в руководителях работ и умелых мастерах для быстроразвивающейся промышленности.

В 1884 году комиссия Министерства народного просвещения под председательством Н.П. Ильина в план открытия среднетехнических училищ единогласно включила Казань.

Но лишь 14 июня 1890 года Высочайше утверждено мнение Ученого Совета Министерства народного просвещения об открытии в Казани на ка-

зенные и попечительские средства промышленного училища. Этот день считается официальным днем открытия Казанского соединенного промышленного училища. А реальное училище открылось позже, 10 сентября 1897 года. Это свидетельствует о заинтересованном отношении министерств, ведомств, представителей торгово-промышленной казанской буржуазии к согласованию взаимных интересов, обусловленных острой нехваткой государственных средств в вопросах организации этого образовательного учреждения. Для координации деятельности по строительству Казанского промышленного училища была создана комиссия, в которую вошли: попечитель учебного округа В.А. Попов, городской глава С.В. Дьяченко, представители местной промышленности и торговли П.И. Александров и И.И. Алафузов, Ф.К. Крестовников, П.В. Щетинкин, профессор Казанского императорского университета А.М. Зайцев. Среди учредителей мы видим имена казанских купцов Мухаметзяна и Шарифзяна Каримовых, Ахметгарая Азимова, Мухаммадрахима Юнусова и других.

Коллектив Казанского промышленного училища за весь период своей жизнедеятельности – 17 выпусков за 20 лет, подготовил 1 145 специалистов, а его преемник и продолжатель педагогических идей – нынешний Казанский государственный технологический университет обучает более 20 тысяч студентов по более, чем 56 специальностям. Этот феномен не случаен. Он является знаменем эпохи промышленного переворота, перехода страны на капиталистический уровень развития. Результатом заинтересованного отношения правительства, торгово-промышленной буржуазии к процессу насыщения развивающихся отраслей промышленности высококвалифицированными техниками, мастерами, руководителями подразделений.

Училище на рубеже XIX – XX веков было единственным в России образовательным учреждением, существовавшим на казенные средства, располагавшим самостоятельными корпусами учебного и производственного назначения, богатой библиотекой и музеем, созданными за счет пожертвований казанских предпринимателей. Все это создало социально-педагогический прецедент: впервые в истории Казанской губернии и в целом по России возникло и эффективно работало учебное заведение, в котором были представлены все уровни и компоненты общероссийской системы среднетехнического образования молодежи, отражающей ментальную специфику губернии и учебного округа.

Многоуровневая структура училища – это единственный образец учебного заведения подобного типа на рубеже XIX – XX веков. Подходы к его проектированию не потеряли своей значимости и в современном образовательном пространстве региона и получили свое дальнейшее воплощение в деятельности Казанского государственного технологического университета.

Библиографический список

1. История Татарстана: Учеб. пособие. – Казань: Тарих, 2001.
2. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан, г. Казань). – Ф. 121. – Оп. 1. – Д. 6а. – Л. 3.
3. Подробный сборник сведений об учебных заведениях, подготовляющих к практической (профессиональной) деятельности. Средние и низшие казенные учебные заведения; частные учебные заведения и курсы. – СПб., 1914. – 259 с.
4. Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Издание отдела промышленных училищ Министерства народного просвещения. – Вып. II. – СПб., 1895. – 249 с.

А.В. ФЕДУЛОВА

Ульяновский государственный университет

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

До середины XIX века российская действительность в сфере благотворительности характеризовалась сосредоточением всей благотворительной деятельности и разнородной социальной помощи преимущественно в руках государства и церкви. Объяснялось это следующими обстоятельствами: во-первых, централизацией власти и дальнейшим ужесточением системы крепостной зависимости, во-вторых, сложившимся к середине XIX века сословным делением, фактически уничтожившим общественную деятельность как таковую, в-третьих, практически полным контролем государства над торговлей и промышленностью. Кроме того, в России еще не было достаточного слоя зажиточных людей, способных оказать финансовую поддержку независимым благотворительным учреждениям.

В середине XIX века наметился, а после реформ 60-70-х гг. стал реальностью новый этап в развитии русского благотворения, который характеризовался общим подъемом общественной, гражданской активности, львиная доля которой находила выход именно в сфере благотворения, как наиболее доступной.

Таким образом, несмотря на то, что общественная благотворительность в России была разрешена указами Александра I еще в начале XIX века, лишь при капитализме, когда сформировалась мощная группа предпринимателей и созрели предпосылки для благоприятного реформирования законодательства в сфере социального обеспечения, началось быстрое развитие данного направления благотворительности, как в организованных, так и в частных формах. Именно в данный период благотворительность стала значительным общественным явлением [1].

Купечество, в силу объективных обстоятельств обладавшее значительными капиталами и имевшее реальные возможности к благотворению, а также духовную в нем потребность, занимало особое место в деле благотворительности, которое отражало значение данного сословия в жизни общества.

Купеческая благотворительность в меньшей степени, чем благотворительная деятельность прочих сословий укладывалась в ограниченные сословными интересами рамки, вероятно в силу разнородности купеческих корней.

Специфика ее заключалась в том, что она, в отличие от строго корпоративной дворянской взаимопомощи, охватывала широкие слои нуждающегося населения, распространяла свою деятельность на все сословия.

Во многом именно благодаря купечеству, его доброй воле и милосердию, возникшая в губернии система благотворительных учреждений обрела во второй половине XIX века твердую опору, прочно встала на ноги и значительно расширила количественный состав призываемых [2].

Значение частной благотворительной инициативы в общем развитии системы социальной опеки неимущих трудно переоценить. Не останавливаясь подробно на достаточно изученной проблеме мотивации благотворительной деятельности отдельных личностей, укажем основные побудительные мотивы благотворения, в том числе и в купеческой среде: душевная необходимость помогать нуждающимся; искупление грехов и забота о душе; увековечивание памяти о себе; увековечивание памяти рано ушедших близких; поддержка своего положения в обществе посредством благотворения; стремление улучшить свое общественное положение, получить чины и награды [3].

Движимые вышеозначенными мотивами, симбирские купцы внесли свою лепту в развитие основных направлений частной благотворительности края: призрение старости и детства; народное образование; здравоохранение; помощь в экстренных ситуациях.

Так, в январе 1869 года на основании капитала, собранного совместно дворянством и купечеством было открыто Симбирское губернское попечительство детских приютов. В состав Совета Попечительства вошли купцы Ф. И. Масленников, Н.Я. Шатров и сын купца Н.П. Пастухов [4, с. 81-82].

В дальнейшем крупные пожертвования Попечительству были сделаны симбирскими купцами Кирпичниковым А.П. (два дома со всеми надворными строениями стоимостью 2 500 руб. (причем жертвователь выразил желание, чтобы в одном из домов был помещен Николаевский дом призрения неимущих, а в другом – детский приют), спустя 2 года – 20 000 руб. на расширение помещений, а еще через 2 года – 200 000 руб. по завещанию), Конуриным А.П. (110 000 руб.) [5, с. 9, 12, 21]. В итоге, к концу XIX века богадельня с приютом представляла собой грандиозное здание, занявшее целый квартал.

Наряду с крупными благотворительными акциями люди эти постоянно оказывали возможную помощь нуждающимся [6].

Еще одним знаменитым благотворителем являлся крупнейший симбирский фабрикант и купец Н.Я. Шатров. Ему по праву принадлежит особое место в становлении и развитии народного просвещения в крае. Он обеспечил прочное существование в городе Коммерческого училища, подарив тому двухэтажный каменный дом стоимостью до 40 тысяч руб. Шатров входил в Правление общества вспомоществования нуждающимся ученикам этого училища, а также являлся членом целого ряда прочих благотворительных обществ

Симбирска, оказывал помощь Симбирским приютам и Мужской классической гимназии. Благодаря ему в городе состоялось открытие Торговых школ, для которых он пожертвовал 30 тысяч руб. В 1913 году Н.Я. Шатров выступил инициатором открытия в Симбирске санатория для туберкулезных больных, пожертвовав для этих целей 20 тысяч руб. В 1915 году предполагалось на средства Шатрова построить здание «Вдовьего дома» для предоставления бесплатных квартир преимущественно вдовам воинов, погибших на войне, а затем и остальным нуждающимся вдовам города. В пользу Чувашской учительской школы им было пожертвовано более 100 тысяч руб. Жена его, Н.Я. Шатрова, также активно занималась благотворительностью. Правительство высоко оценило заслуги Н.Я. Шатрова, пожаловав ему за помощь, оказанную Чувашской школе золотую медаль на Станиславской ленте и орден Святой Анны II степени. В 1909 году за добрые деяния в пользу народного просвещения он был награжден орденом Святого Владимира I степени [7, с. 89-91].

Своей благотворительностью в сфере развития образования и просвещения татарского и других народов России был известен род купцов Акчуриных. На свои средства они содержали немало школ, мектебов и медресе в Симбирской и других губерниях. Данные учебные заведения были ведущими и преобладающими в процессе получения образования у татар. Как известно, конфессиональные школы не финансировались официальными властями. Расходы по их содержанию несли татарские общины. На эти благородные цели татары изыскивали последние средства, но их все равно не хватало. Содержание этих учебных заведений в ряде уездов Симбирской губернии легло на плечи Акчуриных [8].

Оказывалась купцами помощь и в экстренных ситуациях. В частности, потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии Т.К. Акчурин в неурожай 1880 года для облегчения положения местных жителей, основал в д. Старо-Тимошкино в своем помещении бесплатную столовую, которая работала с 30 января по 14 августа 1881 года, снабжая горячим обедом ежедневно от 150 до 320 человек, израсходовав на это около 7 тыс. руб. Всего было прокормлено 40 714 человек. Причем посещали столовую не только татары Тимошкинской волости, но и престарелые и малолетние татары из деревень ближайших уездов [9].

Не последнюю роль сыграла династия Акчуриных и в становлении мусульманских благотворительных обществ в крае. К 1914 году в губернии насчитывалось уже три таких общества: мусульманское благотворительное общество в д. Старо-Тимошкино (Сенгилеевский уезд), общество мусульман Симбирского уезда (д. Большие Тарханы), мусульманское благотворительное общество в с. Убеи (Буинский уезд). Данные общества создавались с целью «умственного развития и ознакомления с политическими и экономическими правами, оказания помощи в несчастных обстоятельствах и случаях бедным и нуждающимся мусульманам без различия пола и возраста, звания и состоя-

ния» [10]. Ими устраивались бесплатные библиотеки-читальни, оказывалось содействие улучшению существующих мусульманских школ, организовывались собрания для популяризации юридических знаний, оказывалась материальная помощь бедным, больным и престарелым мусульманам выдачей им единовременных или периодических денежных пособий и беспроцентных ссуд.

Уездное купечество также немало сделало для развития системы призрения неимущих в крае. Так, Ф.М. Баукин – купец из Сенгилея, входивший в симбирскую купеческую гильдию, давал деньги земской больнице и детскому приюту, а талантливых ребятишек отправлял учиться за свой счет в симбирскую гимназию [11, с. 4].

Немалый вклад внесла благотворительная инициатива купечества и в развитие здравоохранения края. На учреждение именных кроватей в больницах и богадельнях города купечеством к 1906 году было пожертвовано до 54 тысяч руб. [12]. Яркий пример подобной жертвы – внесение в 1884 году купцами П.А. Пастуховым, В.А. Арацковым, Н.К. Ананьиным по 2 000 руб. каждым на учреждение трех кроватей для неизлечимо больных. Городская Дума поддержала эту идею и поручила Управе немедленно приступить к постройке дома на 19 кроватей [13, с. 25].

Всего же, по подсчетам исследователя истории купечества в Симбирской губернии Л.Н. Галимовой, за рассматриваемый период крупные пожертвования были сделаны более 20 раз 15 симбирскими купцами, что в процентном соотношении от общего числа симбирского купечества (68 человек), составляет 38 %. Общая сумма крупных пожертвований, сделанных за рассматриваемый период, составила более 400 000 руб. [14, с. 77].

Заслуги симбирского купечества в сфере благотворительности были отмечены в речи городского головы П.С. Балакирищикова, посвященной 250-летию юбилею города, где наряду с известными всей России именами государственных и общественных деятелей были названы «славные имена среди скромных деятелей на поприще торговли, выделяющихся благотворительностью, которая процветает в Симбирске» [15, с. 96].

На этом же заседании гласный Думы И.С. Покровский, выступая с отчетом о том, что сделано городом и частными лицами в деле благотворительности дал высокую оценку деятельности симбирского купечества: «...для города и его обездоленной части населения эти жертвы еще более имеют значение и потому, что сам город был бы не в состоянии в течение целых десятков лет создавать подобные учреждения, а может быть и никогда, принимая во внимание ограниченное возрастание его денежных средств и прогрессивно увеличивающиеся потребности» [16, с. 23].

Таким образом, во многом именно благодаря щедрым жертвам симбирских купцов, город и край к началу XX века имел достаточно развитую, жизнеспособную, динамичную систему призрения неимущих.

Библиографический список

1. Пореформенный период – время быстрого роста числа благотворительных обществ и заведений в стране. Из 3 700 частных благотворительных обществ, существовавших на 1901 год в России только 9 возникло до 1801 года, 101 – в период между 1801-1855 гг., и 753 – в период Великих реформ, в 1856-1880 гг. (Линденмайер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России 1856-1874 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой и др. – М., 1992. – С. 284.) С 1861 до 1899 года в России было основано 95 % всех обществ и 82 % заведений. (Исторический опыт социальной работы в России IX – XX вв. / Под ред. Л.В. Бадя и др. – М., 1994. – С. 46.)
2. До середины 60-х гг. XIX века ситуация с призрением неимущих в Симбирской губернии являлась плачевной: действовало только 4 заведения и 10 благотворительных обществ, причем, 8 из них были отделениями Попечительного общества о тюрьмах, узкоцелевой организации, вся деятельность которой в данный период сводилась к весьма посредственной заботе не столько о заключенных, сколько о тюремных замках. Благотворительные заведения края, два из которых были малокомплектны и состояли в ведомстве ВПИ, в своей совокупности имели возможность призывать не более 100 человек одновременно. В ведении губернского Приказа общественного призрения находилось 13 благотворительных учреждений – малоэффективных, во многом формальных. До 1898 г. в крае было основано 117 благотворительных учреждений; в начале XX века действовало уже более 150 учреждений разной функциональной направленности, не считая заведений больницы сети (в 1860-х гг. – 13 больниц, в 1915 г. – 59, кроме того, 5 лечебниц, 4 приемных покоя, 2 врачебных амбулатории и 88 фельдшерских пунктов), обществ трезвости (150), потребительских обществ (233), ссудо-сберегательных касс и товариществ (153). (Федулова А.В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 2006. – С. 194-195). То есть в пореформенный период наблюдался значительный количественный и качественный рост благотворительных учреждений края. Сложилась сеть общедоступных больниц, школ, приютов, столовых, мастерских. Существовали богадельни, сиротские приюты, ночлежные дома, дома трудолюбия и т.д.
3. См., например: Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России: к вопросу о мотивациях // Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 92-96; Глаголев А. Экономическая философия великих русских меценатов конца XIX – начала XX вв. // Вопросы экономики. – 1994. – № 7. – С. 109-121; Рылова Н.Е. Благотворительность на Дону во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д., 2004.
4. Благотворительные учреждения России. – СПб., 1912.
5. Исторический обзор Симбирского городского детского приюта за 25 лет его

существования. – Симбирск, 1908.

6. Показателен пример человеколюбия семьи Конуриных, сыгравшей определяющую роль в судьбе бедного симбирского мальчика Н.М. Тихонова. Мать мальчика, стиравшую у Конуриных белье, и четверых ее малолетних детей купец Конуринов пожалел и устроил в бесплатный дом, содержавшийся благотворительным обществом. Позже, по ходатайству купчихи Конуриной, в 8 лет мальчика приняли в приходскую школу, а затем по ходатайству той же Конуриной в Лебедевское ремесленное училище, где он получил профессию сапожника. (Ульяновский областной краеведческий музей И.А. Гончарова. – Ф. Р-968. – Оп. 7. – Д. 73. – Л. 25 (Материалы участников революционного движения Симбирской губернии: воспоминания, автобиографии и переписка. 1961 год). Симбирское купечество с пониманием и сочувствием относилось к проблеме бесприданниц. К 1915 г. практика раздачи пособий для составления приданого и подготовки к свадебному обряду стала уже хорошей традицией: «Симбирское купечество по примеру предшествовавших лет решило раздать ряд пособий – приданных невестам дочерям обедневших купцов и мещан...» (СГВ. – 1915. – 17 мая. – С. 4). Данные факты свидетельствуют о высокой нравственности ряда представителей купеческого сословия, считающих призрение бедствующих своим моральным долгом и обязанностью.
7. Гузенко Е.С. Российские традиции попечительства в Симбирске // Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Л.И. Петриевой. – Ульяновск, 2002. – С. 89-91.
8. Таиров Н.И. Акчурины. – Казань, 2002. – 160 с.
9. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 517. – Л. 4-5.
10. Там же. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 1.
11. Ольхова Е. Сенгилей без купцов – не Сенгилей // Народная газета. – 1996. – 4 сентября. – С. 4.
12. ГАУО. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 19 об.
13. Мартынов П.Л. Празднование 250-летнего юбилея города Симбирска. – Симбирск, 1909.
14. Галимова Л.Н. Благотворительная деятельность симбирского купечества // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья: Сб. науч. статей / Ред. А.Н. Зорин. – Ульяновск, 2002.
15. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. – Симбирск, 1898.
16. Мартынов П.Л. Празднование 250-летнего юбилея г. Симбирска. – Симбирск, 1898.

М.А. ХАЗИЕВА

Башкирский институт физической культуры

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА УРАЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В 1920-Е ГОДЫ

Новая экономическая политика, пришедшая на смену жесткой командно-административной системе, положила начало легализации частного капитала, который внес существенный вклад в преодоление хозяйственного коллапса, порожденного революцией и Гражданской войной.

Достаточно быстро сориентировался в новой экономической обстановке и в 1921 г. открыл торговлю бакалейными и галантерейными товарами в селе Верхотурье Тагильского округа Удавихин Иосиф Григорьевич. «Новому Верхотурьскому богатею», не имевшему каких-либо существенных накоплений для развития бизнеса, не удалось быстро «разжиться». Сложность получения ссуды в госбанке, других кредитных учреждениях, а также неподъемные выплаты за частные краткосрочные займы, порождая хроническое отсутствие у И.Г. Удавихина средств для закупок ходовых товаров с их последующей «выгодной реализацией» селянам, привели к банкротству. За долги оказалось описано имущество, но самое главное, пострадала деловая репутация. «Не пользовавшийся доверием ... среди коммерсантов», И.Г. Удавихин, пытаясь в октябре 1925 г. заново «открыть торговлю в Н.-Ляписком заводе», мог рассчитывать всего лишь на 250-рублевый заем Свердловского общества взаимного кредита, выдаваемого под имущество, оцененное в 1 300 рублей [1, л. 26].

Практически с нуля начал заниматься коммерцией житель села Губернское Свердловского округа Холманский Борис Романович. Тридцатипятилетний глава семейства, «не располагая никакой недвижимостью», имея «на руках ... жену и троих детей», так продуманно сумел поставить дело, что к осени 1925 г. торговля бакалейными, галантерейными товарами и анилиновыми красками по патенту третьего разряда позволяла ему стабильно «держаться ... месячный оборот в сезон» до 1-1,5 тысяч рублей. Б.Р. Холманский, зарекомендовав себя «в коммерческих кругах» рачительным хозяином сельской лавки, «аккуратно... рассчитывавшимся по долговым обязательствам», сумел завоевать доверие у ряда «свердловских кооперативных и частных фирм», безбоязненно ссужавших его кредитами до 900 рублей [2, л. 91 а].

Вполне успешным пионером бизнеса в «деревенской глуши», стал Мухин Павел Ефимович, обустроивший в 1921 г. протмтоварную лавку в селе Кайтское одноименного района Шадринского округа. Известный всем окрест-

ным селянам лавочник, надеясь на себя и избегая «кредитов в банках», сполна удовлетворяя нехитрые запросы своих покупателей, стабильно имея на складе ходовых товаров «до 4 500 рублей», упорным трудом достиг к середине 1926 г. месячного оборота в 5 тысяч рублей. П.Е. Мухин, пользовался в округе уважением, слывя крепко стоящим на ногах коммерсантом, заслуженно имевшим основательный, по деревенским меркам, «с надворными постройками дом ...за 2 тысячи рублей» [3, л. 246].

Величайшую осторожность проявлял, не рассчитывая на «кредиты в банках», исключительно «прибегая к частным займам под вольные проценты», имевший с 1910 г. опыт розничной торговли, Чашихин Руф Григорьевич, проживавший в селе Поташка Кунгурского округа. Сорокалетний Р.Г. Чашихин, обремененный семьей из шести человек, сразу же ухватился за дарованную Советской властью возможность легально заниматься коммерцией. Разоренный военно-коммунистическими реквизициями коммерсант, вернувшись осенью 1921 г. «к торговому делу», в тоже время не забросив «сельскохозяйственное производство», вплоть до весны 1927 г. специализировался по бакалейным и галантерейным товарам. Сноровистый торговец, целенаправленно поддерживая «оборот продаж ...от 3 до 4 тысяч рублей в месяц», явно не стремился выбиться в сельские богатеи и попасть на спецучет в финорганы [4, л. 57].

Не отважился после начала нэпа действовать самостоятельно успешно занимавшийся до революции «хлебопашеством и торговлей» Нафиков Минигалей Нафикович из поселка Киргиз-Мияки Белебеевского кантона Башрееспублики. Искушенный в коммерции, М.Н. Нафиков в 1923-1925 гг. состоял компаньоном в одной из торговых фирм. Лишь нажив за три года «недвижимое имущество ...на 6 тыс. рублей», предприниматель начал самостоятельно торговать мануфактурными и бакалейными товарами, для чего выбрал на свое имя патент 3-го разряда. Хорошее знание конъюнктуры рынка позволили за год «сельскому торговцу» добиться существенного коммерческого успеха. Начав с «капиталом ...до 500 рублей», к июню 1927 г. владелец сумел «договориться» с двумя госорганизациями о получении льготного товарного кредита, который составил пятнадцать тысяч рублей. Наряду с торговлей, М.Н. Нафиков не упускал своей выгоды, прежде всего, в беспроцентном получении дополнительных оборотных средств, умело «прокручивая ...по делам фирмы денежные авансы», выдаваемые ему для «заготовки яиц, масла и другой сельхозпродукции» как уполномоченному агенту Белебеевского Потребсоюза [5, л. 136].

«Не шиковал», но жил в достатке, торгуя бакалейными товарами и изделиями из кожи, Поносов Иван Федосеевич, открывший одновременно две лавки в селах Усть-Буб и Сива Сивинского района Пермского округа. И.Ф. Поносов, которого считали «выдержанным и аккуратным торговцем», достаточ-

но верно просчитал потребительский спрос, когда не очень удачная при значительном числе конкурентов торговля в Сиве компенсировалась более успешной реализацией товаров в лавке села «Усть-Буб, ввиду отсутствия там кооперативной торговли», что позволяло в целом получать небольшую, но стабильную прибыль [6, л. 93].

Широко распространенная, особенно в сельской местности, взаимовыручка, помощь советом и деньгами ближайшей или даже отдаленной родни подтолкнули заняться бизнесом в селе Ключи Арамильского района Свердловского округа Саврулина Александра Евграфовича. Шефство Романских Бориса Романовича, занимавшегося коммерцией в селе Губернском Арамильского района, над «своим сродником» А.Е. Саврулиным позволило последнему без особых трудностей получить «под гарантию родственника ...расхожие товары» на реализацию сразу в двух свердловских государственных организациях, которые крайне осторожно и придирчиво выдавали кредиты частникам, обычно требуя стопроцентную предоплату. Поддержка свояка и использование надежных связей, которые заимел Б.Р. Романских в Свердловске, оказались залогом успешной торговли А.Е. Саврулина, которую он, начав в 1925 г., продолжал вплоть до 1928 г. [7, л. 179].

Удачно занял в Артинском районе Кунгурского округа незаполненную нишу «разъездного торговца» житель села Суханка Пономарев Василий Васильевич. Двадцатидевятилетний коробейник, торгуя с 1925 г. бакалейными товарами, содержал жену, двоих детей, а также находившихся на его иждивении отца и мать. В.В. Пономарев, «извечно кочуя» по селам и очень хорошо изучив спрос сельчан на те или иные товары, довольно прибыльно торговал с лотка, что позволяло ему «не прибегать ...к кредитам в банках». Избранная сельским коммивояжером торговая тактика – адресной продажи самой разнообразной продукции – позволила В.В. Пономареву стать к лету 1927 г. достаточно обеспеченным человеком, за которым числился «дом с постройками, оцениваемыми до 3 тысяч рублей, 4 лошади, 4 коровы и несколько с/х машин» [8, л. 64].

Начавшееся в период нэпа возрождение крупной промышленности Урала подтолкнуло плененного в Первую мировую войну и затем осевшего в России, обзаведясь семьей, «сорокалетнего австрийского подданного» Милич Богдана Даниловича вместе с Хромых Иваном Петровичем возобновить в селе Шарташ Свердловского округа пошив рукавиц, мастерская по изготовлению которых существовала «около 50 лет». Открытие «предприятия по ... выделке бычьих кож ...[для] шитья рукавиц, ...употребляемых рабочими, занятыми на металлургических заводах», оказалось выгодным делом. Мастерская давала двум компаньонам, небольшой, но стабильный доход, учитывая, что оба коммерсанта имели начальный капитал в 700 рублей и «...не располагали никаким имуществом», позволявшим «фирме ...пользоваться кредитом».

Собственники предприятия, «зная свое дело и ведя его удовлетворительно», стабильно реализовывали свою продукцию трестам «Уралмету и Уралмеди за наличный расчет» [9, л. 70].

Конкуренцию в оказавшемся выгодном пошивочном бизнесе Б.Д. Милич и И.П. Хромых составил заезжий бизнесмен из Ленинграда Авербух Мейлах Абрамович, занимавшийся до осени 1926 г. «производством уксусной эссенции». М.А. Авербух, закупив необходимое оборудование, включая «машину по размягчению кожи», а также наняв 10 рабочих, открыл в селе Шарташ еще одну мастерскую по пошиву «замшевых рукавиц и перчаток». Предприниматель, имея достаточный для закупки и выделки кожаного сырья первоначальный капитал, полученный от реализации уксусной эссенции, полностью обошелся без банковских кредитов [10, л. 57].

Мало распространенным в сельской местности частно-производственным бизнесом занимались также в деревне Сысково Кунгурского округа Р.Е. Волон и Д.А. Фелелов, выбравшие осенью 1926 г. патент 6-го разряда для производства «венской мебели». Выпускаемая предпринимателями продукция почти целиком, за исключением отдельных заказов, поступавших от местных крестьян, поставлялась «государственным организациям». Владельцы товарищества, «вечно сталкиваясь» с характерной для бизнесменов той поры нехваткой денежных средств, существенно тормозившей развитие бизнеса, делали все от них зависящее, чтобы своевременно погасить задолженности и не допустить разорение фирмы [11, л. 141].

Многие предприниматели с дореволюционным стажем, наученные горьким опытом «ликвидации торговли» в военно-коммунистическую эпоху, явно присматриваясь к происходившим в стране изменениям, не спешили, особенно в первые годы нэпа, открывать фирмы. Большая часть из них, выждав время и убедившись, что с трудом, но частное предпринимательство при большевиках развивается, начали с середины 1920-х гг. активно заниматься коммерцией.

Дейков Василий Федорович, потеряв в ходе национализации «мукомольную мельницу», с осени 1925 г. организовал поставки жителям деревни Пальчик Пермского округа бакалейных товаров, закупаемых в Перми за наличный расчет и предоставляемых рядом фирм в кредит хорошо известному в округе «помольщику». Коммерческие интересы пятидесятилетнего В.Ф. Дейкова не ограничивались лишь торговлей. Сельский коммерсант получаемую от торговли прибыль последовательно вкладывал в ремонт мельницы, запуск которой сулил неплохие дивиденды. Затраты на восстановление мельницы, составив значительную сумму «в 1 500 рублей», в полтора раза превысили стоимость имеющегося в распоряжении коммерсанта имущества, «заклучавшегося в доме и надворных постройках», оцененных в тысячу рублей [12, л. 8].

В ноябре 1925 г. заново открыл лавку в селе Нижнее Свердловского

округа и сорокапятилетний Лямкин Андрей Афанасьевич. Бакалейщик, стабильно имея месячный товарооборот около 1 100 рублей, воспринимал торговлю одним из дополнительных источников формирования семейного бюджета, сосредотачивая основные усилия на ведении сельского хозяйства. А.А. Лямкин намеренно осторожничал потому, что, хорошо усвоив после 1917 г. уроки разорительных «реквизиций сельских буржуев», старательно избегал при хроническом недостатке денежных средств любых документально фиксируемых займов «нечастливого характера», имея при этом в собственности в качестве возможного залога «надворные постройки, дом, лавку, сельскохозяйственный инвентарь, оцениваемый в 2 тысячи рублей». «Обязательный ... и аккуратный Лямкин А.А.», отказываясь от кредитов, необходимых для закупки и «доходной продажи» быстро раскупаемых товаров, больше всего опасался возвращения порядков «ликвидации под корень» торговли и торговцев [13, л. 2].

Продолжил в 1926 г. семейное дело уроженец села Кленовское Свердловского округа двадцатидевятилетний Сучков Павел Сергеевич, успевший до прихода большевиков к власти поработать в лавке своего деда – Сучкова Николая Михайловича. Молодой предприниматель «заимел прочные связи ... в одной из свердловских государственных организаций», предоставившей ему кредит с «приличной отсрочкой платежа». П.С. Сучков, не полагаясь исключительно на «розничную торговлю», занимался еще «скупкой и перепродажей скота». Коммерсант, имея два направления в своем небольшом бизнесе, «крайне ... нуждался в средствах», которые без особых проблем «часто получал ... у своих знакомых». Сельский лавочник явно вызывал симпатию у кредиторов, не боявшихся одалживать ему деньги частным порядком, за свою «честность, ... уравниновенность и ... хорошую деловую репутацию» [14, л. 30].

Словно не замечая разворачивавшихся по всей стране гонений на коммерсантов, решили обмануть время три волостных предпринимателя, учредившие в далеком селе Егоршино Свердловского округа 1 июля 1928 г. фирму, которая по патенту третьего разряда обязалась торговать галантерейно-бакалейными товарами и табачными изделиями. Смельчаками оказались не зеленые дилетанты, действовавшие на авось, а опытная и несколько лет вместе с мужем занимавшаяся торговлей в деревне Попова Евгения Кузьминична и их напарник Бузунов Илья Петрович, прекративший единоличную деятельность «вследствие её высокого обложения налогами». По большому счету, когда они «вложили в дело 3 тыс. рублей, ... поровну распределенные между участниками, связанными между собой нотариально засвидетельствованным договором», компаньоны надеялись, что, не выстояв в одиночку, они коллективно сумеют выжить в коммерции, прежде всего, выплачивая большие налоги, накладываемые государством. Некоторые, наиболее осторожные ком-

мерсанты, понимая иллюзорность замыслов «сельских нэпманов» и опасаясь безвозвратно потерять деньги, крайне низко оценивали кредитоспособность отчаянной Евгении Кузьминичны и её товарищей до 200 рублей [15, л. 87].

Долгое время в немногочисленное число обеспеченных людей поселка Щучье Челябинского округа входила Морозова Фекла Степановна, являвшаяся одним из четырех компаньонов «солидного предприятия», выбиравшего с 1 апреля 1924 г. патент 4-го разряда по основному магазину и два патента 3 разряда по передвижным лавкам. О размахе торговли товарами повседневного спроса свидетельствуют и первоначальные вложения, составившие пять тысяч рублей на каждого коммерсанта. Уже наличие одной этой значительной суммы у Ф.С. Морозовой говорит о том, что женщиной она была оборотистой и дальновидной, что позволило ей совместно с Богомоловым Николаем Дмитриевичем, Шатиловым Павлом Федоровичем и Гавриловым Николаем Федоровичем сделать правильный выбор в бизнесе. Фирма, переживая разные негативные моменты, к лету 1927 г. имела значительный для располагавшегося в сельской местности предприятия оборот, достигавший 20 тысяч рублей в месяц. Налаженное дело рухнуло в феврале 1928 г., когда Богомолов Н.Д., попав под показательные репрессии, «примененные к частным фирмам за срыв хлебозаготовок», был арестован, а имущество его опечатано [16, л. 47-48].

Предпринимательская деятельность частных предпринимателей времен нэпа на уральской периферии позволяет утверждать, что несмотря на постоянно возникавшие трудности, вызванные, в первую очередь, административным ограничением развития частного капитала, среди местных коммерсантов явно прослеживалась «кровная заинтересованность» в существовании товарно-денежных отношений.

Пример деятельности частного капитала на уральской периферии в 1921-1929 гг. показал, что значительная часть коммерсантов, выбирая патенты 1-2 разряда, принадлежала к категории не использовавших наемный труд мелких собственников, уровень месячного товарооборота которых редко доходил до 5 000 рублей. Основная прибыль уральских предпринимателей складывалась благодаря выгодной реализации в глубинке быстро расхोдившихся скобяных изделий, сельскохозяйственного инвентаря, керосина, свечей, а также мобильной продажи вразнос в ближайшей округе ряда продуктовых товаров (соль, сахар, чай), кондитерских изделий, галантереи и т.д.

Таким образом, уральские лавочники, вполне довольствуясь своей не-большой по размерам коммерческой деятельностью, играли в 1920-х созида-тельную роль как по степени положительного влияния на хозяйственную жизнедеятельность страны, так и являлись одним из источников поступательной модернизации России. Кроме того, несмотря на проводимую государством политику жесткого ограничения коммерческой деятельности частных, уральские негоданты не проявляли явного стремления к быстрому и легкому обо-

гашению; не были для торговцев характерны и ментальные установки: демонстративно заявлять о себе как о «советских купцах», стоически приверженных социалистическому строю, из чувства самосохранения и страха перед режимом. Достаточно часто надеваемая предпринимателями верноподданническая маска скрывала внутреннюю неуверенность «красных бизнесменов» в сохранении укрепившегося и дававшего прибыль бизнеса, сочетавшуюся с призрачной надеждой заполучить от советской власти отсрочку в ликвидации «доходного дела» или изъятии накопленных «солидными энпманами» капиталов.

Библиографический список

1. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 911.
2. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 911.
3. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 906.
4. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 912.
5. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 907.
6. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 907.
7. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 910.
8. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 907.
9. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 906.
10. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 899.
11. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 901.
12. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 902.
13. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 905.
14. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 909.
15. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 907.
16. РГАЭ. – Ф. 7624. – Оп. 4. – Д. 900.

Т.Е. ЩЕНИНА, А.А. ГУЛЯЕВ

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко

ДЕЛА БЛАГИЕ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

История появления благотворительности в России насчитывает несколько веков. Предприниматели XXI века имеют хорошую возможность последовать примеру своих предшественников.

В России христианская заповедь «возлюби ближнего своего» нашла благодатную почву еще во времена князя Владимира, крестившего Русь. В его правление любой нищий и убогий мог прийти на княжий двор и получить «всякую потребу, питье и явствы», а тем, кто не мог самостоятельно добратся до князя, существовала «доставка продуктов на дом».

В те времена вся благотворительность была сосредоточена в руках Церкви – при церковных заведениях строились дома, в которые стекался нищий люд. Самые ушлые «нищие» неплохо зарабатывали на доброте церкви и людей.

Импульс для своего развития на государственном уровне благотворительность получила во времена Петра I. Царь, охотно впитывающий все новое европейское, был поражен тем, что зарубежные предприниматели содержат на свои деньги больницы и приюты. Петр I, в свойственной ему безоговорочной манере, обязал некоторые предприятия отчислять деньги на благотворительность.

При Петре I ввели следующий порядок: поскольку «основными поставщиками» беспризорников служили фабрики и заводы, с них стали взимать специальный налог. Полученные средства шли на нужды детей рабочих и служащих этих производств. Деньги, вырученные от продажи игральные карт, шли детям, которые нуждались в признании.

Благие дела Петра I были продолжены Екатериной II. Она правила страной в течение 35 лет и отличалась весьма продвинутыми для той эпохи взглядами, что выражалось и в проводимой ей внутренней политике. Так же, как и Петр I, Екатерина выпустила Указ, которым было «накрепко подтверждено», чтобы «нищие в Москве для прошения милостыни по миру отнюдь не ходили, а на улицах и перекрестках не сидели», а отправлялись за помощью в специальные дома помощи.

После инициатив Петра I и Екатерины II в России о благотворительности как-то подзабыли – почти на сто лет. «Всю общественную ниву заполонило хищничество, всю ее, вдоль и поперек, избороdziло оно своим проклятым плугом», – так характеризует Михаил Салтыков-Щедрин предприниматель-

ство середины и конца XIX века.

Впрочем, тут надо отдать должное бизнесу тех времен, все было не так уж и плохо. Были примеры, говорящие о том, что российские предприниматели не только гонятся за прибылью, но и не забывают о своем гражданском долге. Варвара Морозова (урожденная Хлудова) оставила след в истории России: в экономической сфере – как энергичный предприниматель и руководитель Тверской Морозовской мануфактуры, а в сфере общественного и культурного развития – как просветительница и благотворительница. Особого внимания заслуживает деятельность ее по созданию читальни имени Ивана Сергеевича Тургенева. В 1883 году Варвара Морозова вышла в Московскую городскую думу с заявлением: «Желая почтить память великого русского писателя, имею честь предложить городской думе основать в Москве бесплатную читальню имени И.С. Тургенева». Из пожертвованного капитала в 10 тысяч рублей предполагалось половину истратить на приобретение книг, а другую положить в банк под проценты для дальнейшего пополнения библиотеки. Она, как было сказано в комиссии по учреждению читальни, «принимала на себя первоначально обзаведение читальни и, первые пять лет расходы на ее содержание».

Ее современник, Савва Мамонтов, известный как покровитель художников и человек, основавший Московскую частную русскую оперу, был не только любителем прекрасного. Благодаря ему было налажено железнодорожное сообщение между Москвой и Сергиевым Посадом, кроме того, он принимал большое участие в строительстве железных дорог, позднее признанных стратегически важнейшими для России, – в Архангельск, Мурманск, от Ярославля до Костромы, Донецкую каменноугольную дорогу и другие.

На деньги братьев Бахрушиных в Москве были построены Бахрушинская больница, Дом призрения для неизлечимых больных, Дом бесплатных квартир для нуждающихся вдов и учащихся девиц, ремесленное училище для мальчиков и школа рукоделия для девочек.

Не только московские предприниматели занимались благотворительностью. В Костромском уезде в конце XIX века действовало Товарищество братьев Горбуновых. Оно объединяло несколько текстильных фабрик, и всем работающим на этих фабриках предоставлялось жилье за счет денег Товарищества. Кроме того, на средства товарищества была выстроена больница. Получить необходимую помощь здесь могли не только работники фабрик, но и жители всего уезда.

Ярославский купец Николай Пастухов открыл на свои деньги техническое училище и ремесленную школу. Кроме того, он основал первую в Ярославле народную библиотеку, был пожизненным попечителем богадельни и почетным участником Ярославского губернского Попечительства детских приютов.

В прошлом году несколько некоммерческих организаций согласованно объявили 2008 год Годом Добрых Дел – годом благотворительности. Едва ли на «безвозмездные пожертвования» в массовом порядке предпринимателей подвигла филантропия на бескорыстной основе. Скорее решающим фактором стало то, что творить добро в России не только полезно для очищения души и совести, но и в какой-то степени выгодно для финансовых показателей фирмы.

Сегодня бизнес начал осознавать, что источником делового успеха фирмы являются не только больше деньги и богатые ресурсы, но и социальные инвестиции, которые относятся к сфере нематериального. Спонсорство и благотворительность постепенно становятся одной из составляющих современного бизнеса. Статистика свидетельствует о том, что большинство предпринимателей, которые участвуют в благотворительности, воспринимают это только как акт милосердия. Они помогают, потому что считают это своим долгом, то есть осознают социальную ответственность перед обществом.

Генеральный директор одного деревоперерабатывающего предприятия нашего города, так объяснил свое стремление помогать нуждающимся: «Качество моей жизни зависит не только от моего личного благосостояния, но и от благосостояния страны в целом. Что толку, если я построю себе шикарный особняк, а его будут окружать нищенские лачуги, куплю себе дорогую иномарку, а какие-нибудь озлобленные соотечественники колеса проткнут или капот поцарапают? Все-таки хочется жить в цивилизованной благоустроенной стране».

Многие предприниматели используют благотворительность как обязательную составляющую имиджевой политики фирмы. Крупные фирмы и бизнесмены даже создают свои благотворительные фонды. Участие в таких проектах способствует формированию благоприятного мнения о компаниях-благотворителях и росту доверия граждан к их продукции.

Допустим, фирма производит глазированные сырки «Маша». Понятно, что при современном уровне развития технологий и избытии рынка они не будут принципиально отличаться от десятков других марок глазированных сырков. Но фирма, производящая «Машу», активно участвует во всякого рода благотворительных акциях, постоянно проводит конкурсы для одаренных детей из глубинки и взяла шефство над детским домом. И вот вы приходите в магазин и видите стикер «Каждый сотый рубль от продажи сырков «Маша» перечисляется Детскому дому Красногорского района». Естественно, при условии одинакового качества сырковой продукции вам захочется купить именно «Машу». Этому способствует мысль о том, что своими деньгами вы не только увеличите прибыль «буржуев»-владельцев фирмы «Маша», но и поможете нуждающимся детям.

Или другой пример: в нашем городе работает завод, который загрязняя-

ет атмосферу своими выбросами. В этом случае активное участие завода в благотворительной жизни города поможет снизить накал негативных эмоций местных жителей. С этой же целью используют благотворительность крупные нефте- или газодобывающие компании. Вкладывая большие средства в социальные программы, они как бы оправдывают свои сверхдоходы. Если простые граждане увидят, сколько денег тратят владельцы этих компаний на благие дела, то будет меньше недовольных «заевшимися олигархами».

К сожалению, государство практически не стимулирует участие в благотворительности предприятий и граждан. Льготы, которые могут получить благотворители, весьма незначительны. Так, налоговое законодательство не позволяет учитывать средства, израсходованные на благотворительность при расчете налога на прибыль. Реальную льготу по прибыли могут установить только региональные власти – на основании статьи 284 Налогового кодекса. Эта статья позволяет им уменьшить благотворителям ставку той части налога на прибыль, которая зачисляется в региональный бюджет.

НДС, уплаченный со стоимости товаров, которые переданы в благотворительных целях, принять к вычету нельзя. Ведь благотворительные пожертвования этим налогом не облагаются.

Небольшую поощражку Налоговый кодекс делает гражданам-благотворителям. Они могут получить социальный налоговый вычет в сумме оказанной помощи, но не более 20 процентов от годового дохода. Однако на деле данная льгота зачастую оказывается невостребованной, так как воспользоваться ей весьма хлопотно. Чтобы получить социальный вычет, гражданин должен обратиться в налоговую инспекцию с заявлением. К заявлению необходимо приложить налоговую декларацию и еще ряд документов, которые подтверждают перечисление пожертвований. На деле мало кто из благотворителей будет собирать все документы, заполнять декларацию и сдавать все это в налоговую инспекцию для того, чтобы ему вернули 65 рублей подоходного налога с 500 рублей, пожертвованных. Особенно если учесть, что возврат налога на практике осуществляется в течение 4-5 месяцев и для его получения надо открыть счет в Сбербанке.

Бухгалтер швейной фабрики, расположенной в г. Глазове, поделилась отличной идеей, как можно провести благотворительную акцию и не понести при этом никаких расходов: «На нашей фабрике организован постоянный сбор средств для подшефного детского дома нашего района. Сотрудники приносят вещи, из которых выросли их дети, или игрушки. А в столовой, возле кассы, мы установили ящик, в который работники могут класть деньги, например мелочь, которую получают на сдачу. Коллектив у нас небольшой, но за квартал набирается достаточно денег и вещей, и мы отвозим все детишкам. Мне даже кажется, что тот факт, что мы сообща делаем благое дело, положительно повлиял на атмосферу внутри коллектива».

Главный бухгалтер акционерного общества, владеющего хлебобулочной и сетью хлебобулочных магазинов, Ирина Поздеева поделилась своим ноу-хау: «Политика нашей фирмы заключается в том, чтобы продавать только свежее испеченную, буквально горячую продукцию. И то, что нам не удалось реализовать в день выпечки, на следующий день мы раздаем бесплатно пенсионерам и многодетным семьям. Для нас это даже выгодно. Во-первых, освобождается место на складе. Во-вторых, благодаря такому нестандартному ходу наши магазины приобрели известность в городе. А в-третьих, число наших покупателей увеличилось и за счет тех, кому мы помогаем».

В ряде случаев благотворительные акции организуют для взаимовыгодного сотрудничества с местными властями. За благотворительную помощь коммерческой фирмы в интересах города или района власти оказывают поддержку (или непротивление) какому-либо бизнес-проекту. Например, строительная фирма хочет получить подряд на реконструкцию здания местного музея. «Очень хорошо, – говорят чиновники, – по условиям тендера вы нам подходите. Нам кажется, что вы очень хорошая фирма. Проведите, пожалуйста, благотворительную раздачу продуктовых наборов ветеранам войны. У нас как раз День Победы на носу».

Или, допустим, бизнесмен задумал построить ресторан в городском парке, который является природоохранной зоной. Помимо стандартной «коррупционной надбавки», чиновники могут предложить поучаствовать будущему ресторатору в совместном благотворительном проекте по созданию сквера возле городской библиотеки или по оборудованию нового реабилитационного отделения в муниципальной детской больнице.

Законодателю в этих условиях необходимо более тщательно подходить к определению гражданско-правового положения граждан для того, чтобы создать наиболее благоприятные правовые, в том числе налоговые, условия для их деятельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....</i>	<i>3</i>
<i>Е.Е. Соловьева. Приветственное слово участникам IV Международных Стахеевских чтений.....</i>	<i>3</i>
<i>А.М. Калимуллин. Стахеевское наследие в Елабужском госпедуниверситете....</i>	<i>6</i>
<i>Г.Р. Руденко. Возрождение традиций русского предпринимательства на примере Спасской ярмарки в Елабуге.....</i>	<i>10</i>
<i>В.П. Бойко. Социально-психологический облик томских купцов из евреев и их роль в хозяйственной и общественной жизни городов Томской губернии во второй половине XIX в.....</i>	<i>16</i>
<i>Р.Р. Салихов. Особенности социального статуса татарского предпринимательства в конце XVIII – начале XIX века.....</i>	<i>24</i>
<i>И.О. Солнцева (Стахеева). Династия Стахеевых: неизвестные страницы.</i>	<i>29</i>
<i>Е.В. Третьякова. Воспоминания о русской семье.....</i>	<i>34</i>
 <i><u>ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....</u></i>	
<i>И.Н. Абатуров. Аристократизм как элемент цивилизованности российских предпринимателей.....</i>	<i>36</i>
<i>Е.В. Банникова. «Мятущееся сословие». Противоречия в купеческой среде дореформенной России.....</i>	<i>44</i>
<i>Э.Н. Болтовская, П.Г. Корнев. Эволюция предпринимательства в России.....</i>	<i>52</i>
<i>Л.Н. Галимова. Сфера сословного быта и услуг во второй половине XIX в. (на примере купечества города Симбирска).....</i>	<i>59</i>
<i>Д.А. Козлова. Формирование торговых домов г. Сарапула.....</i>	<i>69</i>
<i>Е.Н. Меньшикова. Предпринимательские проекты женщин купеческого сословия Курской и Воронежской губерний в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.).....</i>	<i>79</i>
<i>С.В. Мясников. Уездная революция. Крах купеческой Елабуги (по материалам краеведа Г.Н. Мясниковой).....</i>	<i>88</i>
<i>Д.М. Пюрияйнен. Старообрядцы как конфессиональная общность русского города в 40-50-е гг. XIX в. (на примере г. Сарапула Вятской губернии).....</i>	<i>91</i>
<i>А.М. Рафиков. Деловая активность татарской женщины рубежа XIX – XX вв.....</i>	<i>99</i>

<i>Л.А. Сабирова. Социальный облик русского предпринимателя (на материале отечественных и зарубежных источников).....</i>	<i>107</i>
<i>В.В. Суворов. Отношения между супругами в купеческих семьях как фактор успеха в предпринимательстве.....</i>	<i>113</i>
<i>Н.Ф. Тагирова. От купца до финансового магната: этапы становления крупного российского бизнеса во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере династии Стахеевых).....</i>	<i>116</i>
<i>Р.А. Хазиев. Нелегальное предпринимательство уральских коммерсантов в 1917-1921 гг.....</i>	<i>127</i>
<u>СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО.....</u>	<u>136</u>
<i>Ф.С. Ахмадеева. Научные основы и современные подходы к формированию системы управления предприятием малого бизнеса.....</i>	<i>136</i>
<i>С.В. Белякова. отдельные проблемы законодательства и правоприменения в сфере защиты и восстановления нарушенных прав предпринимателей...144</i>	
<i>И.В. Вебер. Ценностные ориентиры российских предпринимателей: исторический опыт и современное состояние.....</i>	<i>152</i>
<i>А.Р. Гапсаламов. Формирование структуры управления экономикой Республики в 1917-1920 гг. в контексте общегосударственного развития (по материалам Татарстана).....</i>	<i>155</i>
<i>Л.А. Котлова, А.Л. Демина. Социальная поддержка образования в России: формы взаимодействия в начале XXI века (на материале города Елабуги)....160</i>	
<i>А.М. Новоторцева. Методологические основы изучения институциональной роли промышленного законодательства в России в период ее модернизации (конец XIX – начало XX века).....</i>	<i>164</i>
<i>И.Т. Сабиров, Р.Ф. Бобкова. Развитие российско-германского сотрудничества в сфере предпринимательства в начале XXI века.....</i>	<i>172</i>
<i>Ч.Н. Сафиуллина. Особенности малого бизнеса в области полиграфии....182</i>	
<i>А.А. Чесноков. ОАО «НК «Роснефть»: Общая характеристика основных законодательных актов, регулирующих государственно-частное партнерство в Российской Федерации.....</i>	<i>188</i>
<i>Н.Н. Шмонов. Особые экономические зоны: история создания и функционирования.....</i>	<i>195</i>
<u>ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ.....</u>	<u>199</u>
<i>А.А. Ганин. Благотворительность в жизни симбирского купца Николая Яковлевича Шатрова.....</i>	<i>199</i>

<i>Е.Е. Дроздова. Тульские оружейники как источник формирования купечества.....</i>	<i>206</i>
<i>Н.Н. Закирова (Гуцина). Краеведческие хроники современной Вятской провинции.....</i>	<i>211</i>
<i>Л.А. Котлова. Шевская помощь школе в Советской России (1917-1941 гг.)..</i>	<i>214</i>
<i>Л.А. Котлова, А.А. Евстафьева. Союз школы и общественности в трудовом воспитании учащихся в СССР (1970-1980-е гг.).....</i>	<i>219</i>
<i>Н.П. Лигенко. Благотворительная деятельность отдельных социальных слоев населения Камско-вятского региона: мотивы и приоритеты. Вторая половина XIX – начало XX вв.....</i>	<i>225</i>
<i>Л.В. Насырова. Вклад казанского предпринимательства в развитие медицинского обслуживания во второй половине XIX – начале XX веков.....</i>	<i>235</i>
<i>А.М. Рафиков. Общественная, благотворительная и торгово-предпринимательская деятельность татарского купечества Вятской губернии.....</i>	<i>242</i>
<i>Е.А. Рядченко. Развитие специального коммерческого образования в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX вв.....</i>	<i>245</i>
<i>Е.И. Сумбурова. К вопросу о благотворительности самарского купечества в сфере народного образования.....</i>	<i>254</i>
<i>О.А. Сулягина. К вопросу о меценатстве сибирских купцов в XIX веке.....</i>	<i>259</i>
<i>И.А. Тальшева. Влияние купечества на становление среднетехнического образования Казанской губернии как экспериментальной модели общероссийской системы на рубеже XIX – XX веков.....</i>	<i>267</i>
<i>А.В. Федулова. Благотворительная деятельность купечества в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века.....</i>	<i>272</i>
<i>М.А. Хазиева. Частное предпринимательство на уральской периферии в 1920-е годы.....</i>	<i>278</i>
<i>Т.Е. Щенина, А.А. Гуляев. Дела благие в истории и современности.....</i>	<i>285</i>

IV Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. Том I.

Редакционная коллегия: Калимуллин А.М. – доктор исторических наук, профессор, ректор ЕГПУ, Разживин А.И. – кандидат филологических наук, профессор, проректор по научной работе ЕГПУ, Маслова И.В. – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и юриспруденции ЕГПУ, Крапоткина И.Е. – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических, правовых и экономических наук

Дизайн и верстка Нутфуллин Р.Р. Тираж 300 экз. Издательство Елабужского государственного педагогического университета. 423600, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89